

М 29

Ольга Мартынова

ИСТОРИЯ СЕМЬИ НА ФОНЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Ольга Мартынова

ИСТОРИЯ СЕМЬИ НА ФОНЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ

**Артемовская ЦБС¹
Свердловской обл.**

2009

43 April 1989
BMO

Это время трудновато для пера.

B. Маяковский.

Над нами шумят эпохи,

Наши сердца - арена их борьбы.

B. Кудрин.

*Посвящаю
Деду Василию Егоровичу,
Родителям: Марку Васильевичу,
Дарье Николаевне Мартыновым,
Внучке Дарине Павловне Дудиной.*

Предисловие

Когда я приступила к работе над этой книгой, думала: современный мир очень сложен, где грани между добром и злом стёрты, поэтому многим книга может не понравиться, особенно молодым.

Книга очень сложна по содержанию, в ней жизнь целого рода людей на протяжении последних полутора веков (150 лет), значит, на фоне и капитализма, и социализма, так что разобраться в содержании книги многим, думаю, будет непросто.

Поэтому я, работая над книгой, думала: если всё же книгу закончу писать, только наберу её для родственников, а издавать не буду. А вот теперь, когда книга набрана, те, кто ознакомился с её содержанием, советуют книгу издать. И я решила: напечатаю.

Киевская писательница Л. Козинец сказала: «Чтобы были киты, должны водиться планктон.» В «киты» моей книге попасть непросто, так что в качестве планктона пусть плавает в людском море - коли дитя родилось, приходится пустить в свет.

Итак, с Богом!

	Максимов Василий Павлович, 1925 г.р. Килачёвская неполная средняя школа. Курсы. Егоршинское отделение железной дороги. НГЧ. Прораб. Мастер.
	Максимов Валентин Павлович. Килачёвская неполная средняя школа. Колхозник. Артёмовская геологоразведочная партия Рабочий.
	Квашнина Любовь Павловна, 1935 г.р. Килачёвская неполн. сред. школа. Свердл. швейная фабрика мастер вязального цеха.
	Тузова Галина Павловна. Килачёвская средняя школа. Секретарь
	Артемова Нина Игнатьевна, 1938 г.р. Артёмовская ср.шк. № 2 с золотой медалью, УПИ с отличием. Инженер-химик.
	Мартынов Александр Игнатьевич 1940 г.р. Артёмовское ГПУ № 1. Шахтёро. Подземный спесарь
	Сапожников Юрий Михайлович 1944 г.р. Владимирский техн. Конструктор радиоаппаратуры.
	Пиголкина Нина Михайловна, 1946 г.р. Московский институт инженеров ж/д транспорта. Инженер – экономист.
	Скутина Мария Степановна, 1939 г.р. Егоршинское ФЗО. Маляр-штукатур.
	Степанов Василий Борисович. 1949 г.р. Камышловское проф.-тех. училище. Тракторист-механист широкого профиля.
	Якимов Владимир Владимирович, 1958 г.р. Осиновская средняя школа. Шахтёро. М.Ж. Сахалин.
	Замараева Людмила Артемьевна, 1946 г.р. Днепропетровский химико-механический техникум. Химик-технолог
	Рящикова Валентина Артемьевна, 1948 г.р. Уральский лесотехн институт. Инженер-технолог.
	Пицый Татьяна Артемьевна, 1954 г.р. Ср. школа с золотой медалью. Днепропетровский горный институт им. Артёма с отличием. Горный инженер-экономист.
	Аникин Александр Иванович. 1939 г.р. Богдановичский горно-керамический техн. Техник-технолог. химик. Свердл. горный институт. Горный инженер. Конструктор горных машин
	Лартикова Ольга Петровна, 1964 г.р. Свердловский педагогический институт. Преподаватель русского языка и литературы. Журналист.

Родовое древо «династии» Мартыновых

Мартынов Василий Егорович крестьянин
Мартынова Степанида Степановна крестьянка

Коновалов Иван Митрофанович, 1902 г.р.
Белослудская нач. школа. Курсы бухгалтеров.
Бухгалтер завода

Мартынов Игнатьй Михайлович, 1912 г.р.
Белослудская нач. школа. Участник Великой
Отечественной войны 1941-1945 гг.
Погиб в 1942 г.

Мартынова Татьяна Михайловна, 1921 г.р.
Артемовская средняя школа № 1 (первый
выпуск). Отличница. Спецкурсы. Учительница
начальных классов.

Мартынов Артемий Пантелеимонович, 1921 г.р.
Ирбитское педагогическое училище. Участник
ВОВ. Учитель начальных классов, затем средних
и старших.

Мартынова Ольга Марковна, 1923 г.р. Ирбитское
педагогическое училище. Учитель начальных
классов.

Мартынов Пётр Маркович, 1929 г.р. Петровский
сельскохозяйственный техникум. Мастер
производственного обучения по газо-
электросварке.

Максимов Александр Васильевич, 1956 г.р. Свердловский политехнический техникум с отличием.
Техник по КИП

Максимов Сергей Васильевич, 1958 г. р. Тюменское Высшее военное училище с отличием. Офицер РА.

Максимов Олег Валентинович. Погиб трагически в юношеском возрасте

Квашнин Юрий Николаевич, 1967 г.р. Свердловское жел.-дор. училище. Крановщик.

Корелина Лариса Викторовна, 1970 г.р. Свердловский лесотех. институт. Инженер-технолог.

Артёмиова Елена Николаевна, 1961 г.р. Свердловский архитектурный институт. Архитектор

Артемова Любовь Николаевна, 1968 г.р. Свердловская консерватория им. П.И.Чайковского. преподаватель Муз. школы

Домрачева Вера Александровна, 1961 г.р. Ирбитское педучилище. Воспитатель детского сада

Кобякова Анна Александровна, 1977 г.р. Свердловское профтехучилище. Закройщик.

Легких Татьяна Александровна, 1977 г.р. Артёмовский техн. точного приборостроения Бухгалтер. Заокская духовная академия. Теолог.

Сапожников Михаил Юрьевич, 1968 г.р. Муромское ПГУ Токарь. Шофер.

Сапожников Николай Юрьевич, 1977 г.р. Владимирский Гос. Политех. университет. Системотехник ЭВМ. Зам. директора по маркетингу ОАО «Муроммашзавод»

Шашкова Ирина Александровна, 1971 г.р. Московский психолого-социальный институт. Социолог Центрспецвязи ФСБ России по Владимирской области.

Пиголкин Сергей Александрович, 1978 г.р. Владимирский Гос. Политех. университет. Инженер по теплогазоснабжению. Аспирантура при Владимирском госуниверситете с отличием. Генеральный директор ООО «Владимиртеплозстрой»

Скугин Сергей Альбертович, 1959 г.р. Артёмовское ПТУ. Шахтёр Подземный слесарь

Степанова Лариса Васильевна, 1971 г.р. Арамильское ремесленное училище. ткачиха

Степанов Игорь Васильевич, 1973 г.р. Артёмовское СПТУ. Стропальщик. Высотник.

Степанова Ольга Васильевна, 1978 г.р. Булашанская ср. школа. Продавец. В н.в. работает помощником воспитателя детского сада.

Ряциков Сергей Владимирович, 1976 г.р. Днепропетровский Гос Техн. Университет ж/д трансп инженер-системщик ЭВМ

Что сохранила память

Каковы у человека цели, намерения,
убеждения, значения не имеет.
Судить его будут по его делам.

Бичер

Я, Ольга Марковна Мартынова, одна из представительниц рода Мартыновых, родилась 10 июля 1923 года по тем временам в богатом, довольно культурном селе Белослудском Ирбитского уезда (района) Екатеринбургской губернии (Свердловской области), расположенным среди живописной природы на склоне высокой горы, правом берегу реки Ирбит, в семье Марка Васильевича и Дарьи Николаевны Мартыновых первым ребенком.

Мама моя Дарья Николаевна родилась в 1898 году в деревне Лаптево Ирбитского уезда. Отца ее звали Денис, но не знаю ни отчества, ни фамилии его. Его не стало, когда маме было шесть лет. При каких обстоятельствах он скончался, я тоже не знаю. В доме нашем об этом не говорилось. Вообще о том деде упоминалось очень редко и то только его женой, моей бабушкой.

Бабушка, Ампьета Евдиновна (так ее все звали, я же думаю, что Евлампия Евгеньевна) осталась от мужа очень молодой и вышла вновь замуж в с. Килачево. От первого мужа у ней осталась, кроме мамы, дочь Варвара. Варвара была старше мамы. Ее бабушка оставила свекру со свекровью. А маму взяла с собой в новую ее семью. Моя мама очень любила бабушку сдедушкой и сестричку Варю. Когда ее отпускали в Лаптево к ним в гости, по ее словам, она бежала туда вприпрыжку, сердце «пело петухом». Варвара умерла восемнадцати лет.

Мамаросла в семье Николая Андреевича Акишева. О родном отце она, наверное, знала и помнила немного. Но что знала, рассказать мне было некогда: в двадцатые годы я еще мало что понимала, а с 1930 года

мама стала колхозницей, работала столько, что я ее видела очень мало. Она приходила с работы чаще всего тогда, когда я уже, набегавшись за день, предоставленная сама себе, спала, а если не спала еще, то глаза мои все равно уже спиливались. Да маме и не до рассказов было: дрова не напилены, если их и было из чего пилить, корова не доена. а с 1935 года, когда мне исполнилось 12 лет, я уже дома не жила.

Бабушка, Ампьята Евдиновна, осталась от своей матери двенадцати лет. А, кроме нее, осталось шестеро братьев мал мала меньше. Она, одна девочка в семье, старшая из детей. при матери исполняла роль няньки и сестры, теперь ей пришлось еще и стать братьям матерью. Уже двенадцатилетней ей пришлось «встать к печи», т.е. варить, стряпать, доить коров и обстирывать всю ребятню – братьев. Мне она запомнилась невысокой, худенькой всю жизнь, но аккуратной до предела. очень приятной, еще не старой женщиной. Я была ее единственной и любимой внучкой, гостила я у нее подолгу. Во всяком случае, по несколько дней еще в двадцатые годы. Спала с ней на кровати в углу избы, около порога. Дед, пока я гостила у них, спал на попатях.

Братья бабушку очень любили, видимо, как мать. Когда стали взрослыми и создали свои семьи, Ефим и Иван, например, построили себе дома не в родной деревне Лаптево, а в Килачево, рядом с домом бабушки, хотя пришлось их буквально «прилепить» на склоне горы.

У Николая Андреевича, второго мужа бабушки, первая жена умерла. Осталось трое детей: Петр шести лет, Клавдия семи, а Александра значительно их старше, лет двенадцати-тринадцати – вот в такую семью бабушка привела шестилетней мою маму. Николай Андреевич был жестоким человеком. Детей своих бил. Маме моей было страшно видеть такие картины. После очередного шлепка, подзатыльника или удара ложкой по лбу мама жалела своих новых брата и сестер и спрашивала: «Больно?». Когда маме исполнилось семь лет, ее вместе со всеми взяли в поле жать хлеб. Пока ехали, она приглядела, что есть один серп меньше других. Она решила им завладеть. Пока распрягали коней, она взяла серп. Оказывается серп принадлежал брату Петру, младшему в семье. Он стал серп отбирать. Она не отдавала. Петр побежал жаловаться отцу. Отец сорвал осотину и пошел сам отбирать серп у падчерицы. Она, которую никто никогда раньше не задел пальцем, испугалась, что ее будут бить, помчалась к матери со словами: «Мама родимая, спаси меня!» – и обхватила ее колени.

Когда отчим подошел к ним, мать, прикрыв руками дочь, сказала: «Мою не тронь!». Он серп выхватил из детских ручонок, но не ударил. И никогда не ударил вообще не потому, что была она послушней его детей, была, как все дети, но если что-то делала она не совсем верно или шалила вместе с другими, своим детям в таких случаях «выдавал по заслугам», а маме – нет, жене же говорил с укором: «Твою же нельзя...» А когда «загуляла» его дочь Александра, он, узнав, озверел. Бил ее так, что она «обделалась», а все другие дети разбежались из дома и укрылись, кто в погребе, кто в конюшне, всю ночь боялись войти в дом.

Дом деда был большой, добротный, на девять окон. Пять из них выходили на юг, стены в доме расписаны в русском стиле. Особенно уютной была горница, посреди которой стоял стол, покрытый филейным настольником, вышитым гарусом. За столом деревянный диван с выгнутой спинкой, покрытый черной краской и лаком, а вокруг других сторон стола – венские стулья. Рядом с диваном, справа, посудный шкаф со стеклянными створками. В шкафу красивая посуда. Особенно запомнился чайный фаянсовый сервиз: чашки и блюдца с тонкими-тонкими стеночками, покрытыми розовой краской, но не ровно, а у основания очень светлой, потом чуть темнее, еще потемней к краям, а на розовом фоне белые и голубые мелкие цветочки. Такие же тарелки и, думаю, чайник и сливочник. У попечной стены кровать с пышной периной и горкой подушек: три подушки. Нижняя – самая большая, следующие две, чем выше, тем меньше. Эта кровать была дяди Петра Николаевича и его жены Евгении. Пол застелен сплошь светлыми половицами, а по ним – узорные половицки-дорожки, которые вели от дверей к кровати, столу и окнам. В горнице – четыре окна, два на южную сторону, а два на западную, и много красивых цветов, на окнах – маленьких, а на угловом столике – огромный аспарагус, на полу, у окна, олеандр, его цветы меня особенно восхищали своей красотой.

Я очень любила гостить у бабушки. Бабушка вставала раньше всех, умывалась, аккуратно причесывалась, одевалась и долго молилась на образа святых. В доме тишина, только слышен ее шепот.

Я лежала и слушала, но слов разобрать не могла. Потом она месила квашню, растопляла печь. Поднимались дед, дядя и тетя. Молился дед, а дядя и тетя молились ли в горнице, где они спали, я не видела. Тетя шла поить коров, телят, овец, доить коров. Дед и дядя уходили на улицу, там дел было много: почистить конюшни и пригон, подмести двор, а зимой уб-

рать снег во дворе и около дома, сгонять на реку на водопой коней, задать им овса, дать сена коням, коровам, овцам, а уткам и гусям – зерна. Мама вспоминала: когда она росла, в их семье только уток держали до 90 штук ежегодно. Дед сразу высыпал им на двор, который был зимой и летом таким чистым, как я помню, наверное, иголку можно было найти, пудовку зерна (в пудовку входило зерна два ведра, весом примерно килограммов шестнадцать). В течение дня он это делал не однажды.

Сделав утренние дела – это называлось управились, садились завтракать, пить чай. В стеклянной сахарнице всегда был сахар, наколотый дедом специальными маленькими щипцами так мелко, что удержать его в щепотке можно было с трудом. Но два комочка брать не положено, приходилось довольствоваться одним. Правда, комочек был плотным, во рту таял не сразу. Чай пили с молоком, сваренным в русской печи. Наверху в сливочнике, точнее бы сказать в молочнике (хотя чай со сливками никто не пил никогда. пили чай с молоком, но молочник никто в селе его не называл, называли сливочником), толстый слой жирных пенок, даже некоторое подобие масла. Хлеб – белые калачи.

После завтрака дед и дядя уезжали на полевые работы, а зимой ездили за сеном, соломой или за дровами в лес или катали варавину. В страду, т.е. когда наступало время сенокоса или жатвы хлеба, уезжали работать с ними бабушка и тетя.

Осенью бабушка и тетя рвали коноплю, лен, убирали овощи в огороде, которых сажали немного, например, картофеля грядки по две-три, так как в основном его использовали только в суп немного да иногда в воскресенье стряпали шаньги с картошкой.

С льном и коноплей, что убрали осенью, работы хватит на два года. Из семян изготавливали льняное и конопляное масло, стебли конопли завязывали в снопы, перед самым ледоставом клади в озеро, которое располагалось за огородом усадьбы деда. придавливали бревнами или камнями, чтобы не всплыли. Мокнуть они будут до весны. Стебли льна всю зиму мочили и сушили в бане, чтобы весной, когда их будут мять, кострика хорошо отделялась от волокна. Для этого же мочили всю зиму в озере и коноплю. Весной лен и коноплю мяли на мялке – специальном приспособлении. Готовое волокно сначала трепали, чтобы выбить самые мелкие остатки кострики, потом чесали щетью, получали куделю. Теперь до самой осени куделей льна и конопли не занимались, а весной сеяли вновь и коноплю,

и лен. Только зимой, когда стебли льна и конопли нового урожая будуть мокнуть, куделю льна и конопли прошлогоднего урожая бабушка и тетя прядли и получали нитки. Весной, если необходимо, нитки красили и ткали полотно. Из волокна конопли дед и дядя катали варавину, т.е. изготавливали веревки, вожжи, продавали на Ирбитской ярмарке, выполняли и заказы односельчан. Когда моя мама подросла, помогала отчиму катать варавину, ее готовили к ярмарке много.

Вообще в доме деда к ярмарке готовились весь год. Женщины готовили куделю, пряжу, холсты, сливочное и растительное масло (льняное и конопляное); дед и дядя готовили пеньку, варавину, зерно, птицу (гусей, уток), продавали кого-то из крупного скота: лошадь, корову, жеребят или телят, овец.

Мне запомнился обед в доме деда тем, что был однообразен. Первым блюдом были горячие шти. Шти, видимо, в их обиходе слово «щи», но это простой суп, в котором много мяса, жирный наваристый бульон и чуть-чуть картофеля и капусты, а иногда только домашней лапши. Лук бросали сырьим в суп прямо на столе. Наливали суп в общее блюдо, ставили посреди стола. Сначала хлебали только бульон, а после того, как вытащят первый кусок мяса дед, начинали все есть суп с мясом. Когда суп выхлебают, перед каждым бабушка ставила крынку, в которой творог вместе с сывороткой, еще очень теплые, недавно из печи. Все едят творог, запивают сывороткой прямо из крынки. Я эту трапезу в доме деда вспоминаю, когда читаю или слышу напутствия врачей: нужно ежедневно есть свежий творог, пить сыворотку очень полезно. Думаю: вот почему люди были здоровыми – свежий творог ели ежедневно, запивали теплой сывороткой. Сметана шла на масло. Но зато в воскресенье – шаньги с налевкой. Масло течет с них. А в праздники, особенно в престольные, стол ломился от яств. В престольные праздники приезжали все дети: моя мама с мужем Марком Васильевичем, Клавдия Николаевна с Демьяном Семеновичем, Александра Николаевна с Сидором Даниловичем. Екатерина Николаевна с Николаем Афанасьевичем. Меня родители брали всегда с собой. Однажды привозила Клавдия Николаевна своих сынов, Володю и Валентина, но, по-моему, только однажды, потому что народ этот был беспокойный. Я же всегда сидела спокойно на полатях и смотрела, как взрослые празднуют.

Приходили братья бабушки Ефим и Иван со своими женами. Других гостей не было. В престольные праздники собирались только родственники.

ки. Сначала выпивали водки по рюмочке, может быть, по две, а потом пили хмельное пиво. Его изготавляли так: зерно ржи мочили, парили, когда оно даст ростки, рассыпали на печь медленно сушить. Сухое пророщенное зерно мололи на мельнице, получали солод. Солод насыпали в керамические корчаги, заливали кипятком, ставили в печь, чтобы солод разопрел. Утром следующего дня корчаги доставали из печи. На табуретки ставили кадку с краном, расположенным близко ко дну. В кадку помещали специальный хопцовый мешок из рядины, края надевали на стенки кадки и в мешок выливали содержимое корчаг. Под кран кадки ставили корчагу, открывали кран, и в нее из кадки медленно стекало сусло. Мы подставляли кружки под кран и с удовольствием пили эту сладкую густую жидкость темно-коричневого цвета. Сусло использовали для приготовления кваса, а к празднику – пива. Тогда в сусло добавляли лист смородины, еще какуюто лесную пахучую траву, получался очень приятный сладкий напиток. Называли его травяным пивом. Его давали нам, детям, пили с удовольствием женщины. Если же добавляли еще хмель, получалось хмельное пиво – это только для взрослых. К праздничному столу обязательно готовили холодец, жаркое и рыбные пироги. Стряпали несколько пирогов с изюмом, курагой, брусникой или клюквой, разное печенье, заварные калачики и вафли, которые с современными вафлями, что покупаем в магазине, не имели никакого сходства.

Итак, выпивали водочки и хмельного пива, столовались, потом ставили скамейки, табуретки и стулья кругом, садились и пели красивые проголосные песни. Под песни вроде «Ах, вы, сени, мои сени» плясали, но музыки никогда никакой не было. А вечером все на своих конях разъезжались по домам. У всех дома было много скота, надо управляться с ним.

Когда бабушка вышла замуж за Николая Адреевича, в семье было четверо детей: моя мама и трое – его, а потом еще бабушка родила двух дочерей, Екатерину и Вассу, всего детей в семье стало шестеро. Екатерина и Васса – общие, младшие, значит, более любимые. Старшие дочери рано пошли по срокам, т.е. нанимались работать в богатые семьи на какой-то срок. Моя мама рассказывала, что уже тринадцати лет служила в доме богача Сыскина в селе Белослудском, то есть в другом селе. Утром хозяйка вставала, сразу будила ее, посыпалась в амбар сеять муку. Квашни были большими, так как своя семья, и в доме держали много работников. Муки насеять надо было много. Мама сеяла муку, а глаза слипались, так как

на сон времени отводилось очень мало. Иногда стоя засыпала, сунется, бывало, носом в сельницу, поднимется и продолжает дальше сеять муку. А как принести сельницу, полную муки, из амбара через огромный двор, подняться по ступенькам крыльца и занести в комнату – представить трудно. Сельницы были большими, овальной формы, ручки на краях, руки подростка до них достают чуть-чуть. И тащит ее подросток, согнувшись «в три погибели». А потом целый день приходилось вертеться, как юла: хозяйка стряпает, варит – помогай: посуду мой, огромный двухэтажный дом убирай, детей нянчи, пеленки стирай, а порой не только пеленки, но и хозяйскую одежду. Позднее мама занималась на поденную работу: летом – косить, жать; осенью, зимой – молотить; весной – мять лен, коноплю. Когда мама стала старше, она одна из сестер стала помогать отчиму катать варавину. Но все, что дочери зарабатывали вне дома, отец не брал – это они тратили на приданое. Мама с Клавдией готовили приданое одновременно. Все в их руках спорилось: хорошо ткали – любой узор выткут, вязали, вышивали. Мало того, что им отец денег на приданое не давал, так еще не разрешал тратить время на его изготовление. Мать понимала: как они, бесприданницы, будут жить, их же тогда замуж никто не возьмет. Она разрешала шить, вязать или вышивать, пока нет отца дома. Только появлялся во дворе отец, она сообщала: «Девки, отец!». Вязание – под зад и продолжают прядь, а прядь надо было много, чтобы было, что продать на ярмарке, выручить деньги, ведь нужно было и налоги платить, и что-то в хозяйство приобретать.

Последнюю дочь Вассу работать в люди не посыпали, так как подрастала она уже в 20-е годы, работала в своем хозяйстве. Значит, денег на приданое она не зарабатывала да, может, и рукодельница была неважная. Словом, пришло время выходить замуж, а приданого мало. Видимо, дед вынужден был раскошелиться, приданое начали готовить в срочном порядке. Я в это время опять гостила у бабушки. Уж не знаю, наняты были шитницы или ее подружки целыми днями шили, вязали, вышивали. Вечером приезжал жених с друзьями; становилось шумно, весело, пели песни, потом друзья жениха провожали девушек домой. Но свадьбы я не видела, видимо, «гостью» домой свезли.

Жадность деда привела к большой беде для семьи. Самой любимой дочерью в семье была Екатерина, тетя Катя для меня. Это была первая общая дочь, высокая, стройная, очень красивая лицом и с косой ниже ко-

лен. Был у ней друг Владимир, достойный ее: высокий, статный, рабочий парень. Вырос он в большой семье, где было семеро детей – и все парни; жили бедновато, с малых лет ходили парни по срокам. Стал сватать Екатерину молодой вдовец Николай Афанасьевич, жена которого умерла от тифа; дом его – полная чаша. Екатерина идти за него отказалась, сказав, что хочет замуж только за Вовку. Дед поразмыслил: отдать дочь в огромную небогатую семью – хорошего ничего: дом свой Вовке не построить, хозяйство приличное не завести. А у Николая Афанасьевича уже все есть, тем более, что детей от первого брака не осталось. Что еще нужно для счастья дочери? Живи – радуйся: все готово.

Екатерину замуж отдали за Николая. Долго ли они прожили, не знаю, но детей у них не было. Тетя Катя прибегала к нам, забирала меня к себе, тащила меня восемь километров из Белослудски в Килачево. Она шила мне красивые платья, связала из гаруса изумрудного цвета кофточку. Кофточка долго хранилась у нас, хотя стала мне и мала, напоминала нам о тете Кате. А еще от нее на память досталась мне ее коса. Я, когда стала взрослой девушкой, иногда проплетала ее к своим волосам.

Когда начал осуществляться план Первой пятилетки, стройки социализма требовали лес. Молодых мужчин стали зимой отправлять на лесозаготовки на север нашей области. Забрали и Николая Афанасьевича. Тогда к тете Кате стал приходить Вовка, он был еще не женат. И Катя с Владимиром договорились: как только Николай вернется, она передаст ему в целиости хозяйство, и они уезжают из Килачево на производство. Под словом «производство» тогда понимались завод, фабрика, шахта, стройка и т.п.

Приблизился день возвращения Николая. Катя пришла в родительский дом, рассказала о своих планах матери и попросила у ней благословления. Бабушка выслушала ее, поплакала и сказала: «Мое благословление тебе только до Ирбитского завода». Это значило: против своего желания благословляю тебя жить с Вовкою, только дальше Ирбитского завода (теперь поселок Красногвардейский) не уезжайте. Пока плакали, закудахтала курица. Бабушка сказала, что эта курица несется где-то не в конюшне, попросила Катю сходить найти гнездо с яйцами этой курицы. Курица взлетела на конюшню – Катя залезла туда, курица слетела – Катя спрыгнула с конюшни в сено, приметанное к конюшне. Сено было прижато железными вилами, которые стояли вверх зубьями. Тетя с размаху наткнулась на вилы животом. Ее довезли только до Ирбитского завода, там в больнице,

она скончалась.

В день ее смерти с лесозаготовок возвращался Николай Афанасьевич. Только сошел с поезда на станции Талый Ключ, встретил односельчан, поинтересовался, нет ли подводы, чтобы доехать до Килачево, и получил ответ: «Сегодня приедут в больницу за твоей женой». Надо было видеть, как два молодых мужчины плакали над могилой моей любимой тети Кати. Николай приговаривал: «Все бы тебе простил, только бы ты меня дождалась».

В воскресенье к обеду бабушка успевала управлять все дела: настриять, сварить, всех накормить, посуду вымыть. После обеда она наряжалась, и мы с ней ходили в гости к ее приятельницам, где они пили чай, играли в карты, разговаривали, смеялись. Я очень любила наблюдать, как бабушка одевалась. Надевала одного цвета однотонную шерстянную юбку и шугай, т.е. недлинный жакетик того же материала, что и юбка, с рюшами и кружевами. Потом надевала шерстянную шаль с красивыми узорами, застегивала ее под подбородком большой золотой или позолоченной булавкой. Кстати, шали, которые я видела у бабушки, больше ни у кого не видела: кашемировая, шерстяная, муслениновая, гарусная, тканые узорами; кашемировый полуушалок, один угол которого вышил бисером, угол другого полуушалка – шелковыми нитками. Потом бабушка надевала туупчик из дубленых овечьих шкур (натуральная дубленка). Не могу точно сказать теперь, или туупчик был по подолу и по полам вышил, или обшил цветной тесьмой узорами, только он казался мне очень красивым. Подпоясывала бабушка туупчик вязанным пуховым кушаком. На ноги надевала маленькие казанские валеночки белого цвета с розовыми узорами. Возможно были они фетровыми, но точно, что фабричного изготовления. Такие же валенки были и в нашей семье, возможно, отца моего, потому что было видно, что большие, неженские. На руке у бабушки всегда было золотое кольцо, в ушах золотые серьги. Я любовалась бабушкой в таких нарядах, но не хватило ума спросить, кто ей купил такие красивые вещи. И только, когда стала взрослой, обдумывая все, пришла к выводу: купил ей все эти красивые вещи первый муж, т.е. мой родной дед, о котором я почти ничего не знаю. От взрослых я слышала о нем, что, как и неродной дед, он весной, летом, осенью работал в своем хозяйстве, а зимой неродной дед Николай Андреевич изготавлял себе и людям варавину, а родной, Денис, шил людям верхнюю одежду. Хозяйство его было справным. Бабушка выросла в сиротстве, но рано научилась вести хозяйство,

умела делать любую работу, красивая, певунья, и он взял ее замуж, конечно, бесприданницей. Вот он, думаю, и купил ей эти красивые и даже золотые вещи. Уж тупчик сшил точно он. После его смерти эти вещи остались на память бабушке. Она очень их берегла. В сундуке ее исключительный порядок, вещи пересыпаны нафталином. Может быть, кое-что-то купил ей и второй муж, но только кое-что – он был очень, очень скромным. А маме моей от ее родного отца Дениса досталась швейная машина «Зингер», на которой он шил верхнюю одежду семье и в люди. Эта машина служила маме и мне всю мою жизнь. Хотя ей значительно более ста лет, еще на прошлой неделе я сшила ею три хозяйственных сумки и мешок из сургового полотна – шьет она толстый материал прекрасно, хотя челнок подносился. Мама вспоминала, что в семье Николая Андреевича эта машина стояла на полке, а шить на ней, пока мама была маленькой, ей не разрешали. Она ждала, когда уйдут из дома родители, вставала на стол и стоя шила – поэтому рано она научилась шить и всю жизнь обшивала сначала себя, семью отчима и подружек, а потом свою семью, шила и в люди.

Хозяйство деда Николая Андреевича было справным, но я не слышала, чтобы его семью пытались раскулачить. думаю, потому, что сельскохозяйственных машин в его хозяйстве не было, все работы выполнялись ручным способом и со стороны рабочую силу не нанимали.

В двадцатые годы дочери все были уже замужем, семья стала маленькой: дед с бабушкой, сын Петр с женой, А у Петра детей никогда не было, так что иждивенцев нет. все работающие. А прибыток в дом приносило варавинное дело, которым дед владел в совершенстве, да и его сын тоже. К ярмарке варавины готовили много.

Когда началась колхозификация, дед в колхоз вступать не хотел. Как нарушить такое хозяйство?! Как столько скота и хлеба кому-то отдать просто так, без копейки?! Все досталось тяжелым трудом, что и породило в нем неимоверную скрупульность. Не раскулачили деда, это действительно так, но стали облагать денежными и натуральными налогами, и к 1932 году не осталось на дворе ничего, кроме коровенки: ни хлеба, ни скота. Ели траву. Бабушка в 1932 году с кем-то из односельчан уехала в Кировскую область, где в начале тридцатых был обильный урожай. Прожила год в няньках, домработницей за кусок хлеба. Но терпение кончилось жить на чужбине. вдали от родных, убирать за этими охрядями – так она называла всех непрях, а неряшлисть она не выносила. Ей казалось, что она уже так дав-

но там живет, дома уж, наверное, все изменилось к лучшему. Хозяева ее очень уговаривали остаться, не уезжать. Но чем больше просили остаться, тем больше ей хотелось домой, именно в свой дом, где все чисто и уютно.

Вернувшись домой, бабушка увидела все ту же картину голодной жизни, а сноха, жена Петра, взяв в доме бразды правления уже в свои руки, домой ее вообще не пустила, заявив: «Ты всю жизнь не работывала, только ряд умазывала, твоего в доме ничего нет, иди жить к дочерям». Таким образом, аккуратность бабушки была поставлена ей в вину. Забыли, что бабушка весь день работала. Вставала она в доме раньше всех и последней ложилась. А дед, думаю, он и постарше бабушки был, от голода стал таким беспомощным, что своего слова уже сказать не мог, хотя ему без бабушки было очень плохо, его уже в доме никто не слушал. В 1934 году Петр с Евгенией были вынуждены вступить в колхоз. Бабушка пришла жить к нам. Жила, голодала вместе с нами, но тут младшая ее дочь, Васса Николаевна, родила после десяти лет замужества первого ребенка – сына, и бабушку взяла к себе в няньки. Васса с мужем жили на производстве, не голодали, имели в самые трудные годы паек, но бабушку к себе не брали, хотя на нее как на иждивенца паек был бы тоже; а взяли только по нужде в 1938 году, когда в колхозе был хороший урожай, мама получила хлеб на трудодни, и бабушке бы и у нас было неплохо. Маме Вассе была единственной родной сестрой, но мама ее не очень любила, считала скучой и жадной, как и ее отец, Николай Андреевич. Действительно, в годы, когда ее мать и отец голодали, она не взяла к себе жить ни мать, ни отца, хотя получала бы на них паек. Когда бабушка жила у нас, дед первое время приходил к ней, жил по три дня, она стирала ему бельишко, штопала, а потом он приходить не мог и вскоре умер.

Я уже сказала, что мама рано начала шить, а когда начала зарабатывать, захотелось красиво одеваться. На дорогие ткани, конечно, ее заработка не хватало, но и из недорогих она шила себе красивые платья. Законодательницами моды в селе были дочери попа, они блистали своими нарядами перед односельчанами в церкви. Мама тщательно их оглядывала в церкви, а потом себе и подруге шила подобные платья. Таким образом, среди сельских девушек она и ее подруга считались самыми модными. Я помню много красивых вещей из ее приданого: тканых вышитых скатертей и полотенец, вышитых подвесов; вязанных и филейных настольников, вышитых красным гарусом; многие из которых осели в свер-

дловском торгсине, в том числе и золотое обручальное кольцо, и сережки пуховая шаль, и пальто, и высокие ботинки.

Когда я закончила педучилище началась война, и надежда на лучшую жизнь рухнула. Мама мне сказала: «Не расстраивайся Кончится война – я все тебе сделаю, я все умею».

Я много видела вязаных, тканых, вышитых вещей, особенно, когда работала в музее. Делала там выставки декоративно-прикладного творчества: были работы умельцев по ткачеству, вязанию и вышивке. Всегда сравнивала их по качеству с маминими (у меня хранятся ее филейные настольники, вышитые гарусом, вышивки подвесов), про себя отмечала, что мамини вещи отличаются высоким художественным вкусом аккуратностью исполнения.

Маме, видно, не давало покоя, что я становлюсь взрослой, а приданого у меня никакого нет. И решила она выткать мне ковер, но нигде ничего купить было нельзя, например цветных шерстяных ниток. Она напряяла черной и белой шерсти высокого качества. Белые шерстяные нитки красила корой каких-то деревьев. Шерсть стала темно-золотистистого цвета. Из этих ниток выткала фон, а на этом фоне красовался огромный вороной конь из черной шерсти. Я восхищалась ее работой и удивлялась, как она могла выткать такого красавца, не имея перед глазами никакого рисунка. Я, например, никогда нарисовать его бы не сумела, хотя меня учили рисовать в пятом классе, пока не арестовали учителя рисования, и в педучилище, а мама никогда в руки карандаш не брала, чтобы что-то нарисовать – она никогда и в школе-то не училась, и читать-то училась взрослой на пикбезе, а вот конь на ковре получился, как настоящий.

Мама была одного года рождения со своей сводной сестрой Клавдией когда они стали встречаться с парнями, т.е. достигли того возраста, когда девушки выходят замуж, дед им сказал: «Замуж выходите, но убегом. Добром отдавать не буду». Отдавать добром – большие расходы: приданое свадьба. А убегом – значит, ты идешь замуж против воли родителей, без благословления их. Значит, ни приданого тебе, ни расходов на свадьбу. Он знал, что парни, которые крутятся около его дочерей, богатых семей хорошей породы, значит, все будет хорошо – расходы ни к чему. Клавдия Николаевна вышла замуж за Демьяна Семеновича Пушкарева, их в 1930 году раскулачили.

Мама со своей подружкой встречались с братьями из богатой семьи.

Подружка вышла за своего парня замуж. их тоже раскулачили. А мама не вышла за этого парня. Она была высокая, стройная, красивая, только волосы (краса девушки) ее подводили, коса не была роскошной, как у сестры Кати. Волосы ее были светлые, тонкие, но в них всегда вплетена алая лента. Любая работа кипела в руках мамы, словом, первая невеста на селе, и парень ее очень волновался: не умыкнули бы невесту прямо из-под носа. Но свадьбы праздновали глубокой осенью -- приходилось ждать. Может, предчувствия его мучили. Он стал просить задаток: если обещаешь, что выйдешь за него замуж, дай что-нибудь самое лучшее из своего приданого заранее своему будущему жениху. Эта вещь должна быть сделана самой невестой, по ней судят в семье жениха, какая умелица его избранница. Мама отдала ему лучший свой настольник. Парень и тут не уверился, что не потеряет невесту, и стал настаивать обменяться крестами, что более надежно: побоится Бога изменить ему. Обменялись крестами. Но все сложилось так, что и обдумательное положение свое мама не успела.

Раньше было заведено: поздней осенью, когда полевые работы закончены, хлеб прибран в амбары, в семьях главной женской работой было прядь нитки для холста, из которого шили одежду. Девушки ездили по гостить на недельку, а то и на две к родственникам в соседние деревни, обязательно брали с собой работу. Например, куделю – прядь нитки, а девушки готовили приданое: вязали кружева, настольники или что-то вышивали. Во-первых, повидаются с родственниками, во-вторых, на домашнюю работу гостьюшек, как дома, в своей семье, не отвлекали; они делали обычно только свою работу с утра до вечера – успевали сделать многое. А девушки на выданье успевали показаться местным женихам. Да и сами к ним приглядывались.

Старшая сводная сестра моей мамы Александра Николаевна была замужем в селе Белоспудском. Она любила свою младшую сестру, мою будущую маму, и часто приглашала к себе в гости. Приглядел ее тут соседский парень Алексей.

Однажды, когда маме было еще 14 лет, она гостила у Александры. Дружкам, Алексею и Афанасию, деверю Александры, предстояло идти в солдаты. Значит, им было примерно лет по девятнадцать. Перед солдатчиной рекрутцы гуляли. Было заведено: парни сбрасывались и откупали у какой-нибудь вдовы избу, где и собирались на гульбище с подружками и друзьями, веселились, пели, танцевали. В последние дни перед отправкой

в армию собирались в домах рекрутов: сегодня у одного, завтра у другого. Тут уж хозяева выставляли и выпивку, и закуску. На такие вечеринки приходили и члены семьи рекрутов.

Не знаю, как там было, но на вечеринку, где гуляли рекруты, в этот раз пошли и Александра с мужем. Гостьюшку взяли с собой. Мама вспоминала: «Александра сказала: «Пойдем с нами, посмотришь, как веселятся рекруты, они гуляют последние дни». Пошли Александра, ее муж, деверь Афанасий и я. С нами шел и друг Афанасия, Алексей. Среди дороги Алексей вдруг прикрыл меня полой своего полуշубка и сказал: «Я ухожу в солдаты, а ты жди меня, замуж не выходи. Приду – поженимся». А на их вечеринке после первого же танца сел ко мне на колени – это означало, что я – его девушка. Только он вышел в круг снова, я тут же, как ошпаренная, «вылетела» из избы и убежала к дому сестры. Дом на замке, ключа у меня нет. Мороз крепчает. Несколько часовостояла на морозе, пока пришли Александра с мужем, а утром чуть свет убежала к себе в Килачево. Больше его не видела. Периодически он присыпал мне письма. Присил ждать его из армии. Однажды прислал браслет с камнями, другой раз – газовый шарф. Но я была неграмотной, письма мне читала сестра Катя, ни на одно письмо я не написала ответ. Приятно было знать, что где-то такой красивый парень помнит обо мне, но рядом было много других хороших парней, моей ровни, а Алексею я никаких обещаний не давала и ждать не собиралась».

Праздник Первый Спас (кажется, конец августа). В этот праздник девушки надевали калоши – босовики без чулок. Босовики – глубокие калоши, а босовиками их называли за то, что их надевали не на другую обувь, а сразу на ноги, часто на босые, когда надо выбежать наскоро во двор за чем-то, или добежать до соседки, сходить в погреб за квасом или в конюшню напоить, например, тепенка.

Почему в этот праздник девушки надевали калоши-босовики без чулок? В народе родилась пословица: «Прошел Первый Спас – бери рукавицы про запас». Приближалась осень, полевые работы почти закончены, когда все работали от зари до зари. Теперь у молодежи будет время вечерами погулять. Но ведь не у всех юношей есть подружки, а у девушек – дружки. Но на примете есть и дружки, и подружки. Вот кто-то умный и придумал способ образования новых пар. Он прост: девушки в этот вечер надевают калоши без чулок, а юноши приходят в их компанию, срывают веточки кра-

пивы, делают вид, что голые ноги девушек пытаются пожалить крапивой, девчата же, смеясь, отбегают от них – так каждый парень отгоняет от компании ту девушку, с которой хочет гулять. У многих дружба завязывается, даже у тех, у кого раньше не хватало смелости подойти к девушке.

Однажды мама мне рассказала: «Вечером в праздник Первый Спас мы с подружками тоже вышли гулять в таких калошах без чулок. Собрались у нашего дома, потому что он стоял на пригорке, мимо проходила дорога, спуск к реке. Если кто-то из центра по этой дороге шел в эту часть села, было далеко видно. Сидели, грызли семечки, болтали и, конечно, поджидали тех, кто сегодня придет с крапивой жалить наши ноги.

Вот на горизонте появилась ватага парней. Ближе. Ближе. Еще ближе . каково же было удивление что это не наши парни, т.е. не те, что приходили раньше, хотя свои, деревенские, незнакомый только один, но в эту часть села эти парни раньше не приходили. Парни сорвали крапиву и стали пытаться будто бы пожалить наши голые ноги; девушки, смеясь, отбегали. Незнакомый парень ринулся в атаку сразу на меня, а когда отогнал от других, спросил: «Узнаешь?». Я его не узнала, тогда он объяснил, что он – тот Алексей, который писал мне письма без ответа. Я его, конечно, не признала, так как с той памятной встречи прошло почти шесть лет. Когда он еще служил срочную службу, началась мировая война, пришлось воевать, даже получил ранение, но выжил и вернулся. Он объяснил, что будет готовиться к свадьбе. В этот вечер мой жених напрасно меня искал, этот высокий, красивый парень меня от себя не отпускал до утра. А ласкать он умел не в пример моему жениху, чувствовались сила, мужественность и опыт. На утро он ушел в свою Белослудску, но он унес и мое сердце с собой. Хотя мысли были заняты другим, но я продолжала встречаться со своим женихом, ведь я с ним обменялась крестом – изменять нельзя – грешно значит, замуж надо идти за него.

Выпал первый снег. Однажды вечером я сидела у подружки. К дому кто-то подъехал. В дом ввалились трое парней. Один из них был Алексей, парень из Белослудски. Он стал меня просить выйти на улицу. Я отказывалась. Тогда ко мне подошел другой парень, набросил тулуп, вдвоем они вмиг подхватили меня и понесли на улицу. Я просила их отпустить меня пинала ногами, но они не слушали меня, положили в розвальни и увезли в Белослудску.

Прожила я в плена три дня, а душа рвалась на части тому жениху

грех изменять, ведь слово дала, что пойду замуж только за него, крестами обмениялись Господь не простит за измену. Но и вернуться теперь уже нельзя – будет смеяться вся деревня, мол, обесчестил и выгнал; и жених может не простить, мол, зачем мне тебя обесчестенную и осмеянную. Да этот парень и нравится больше. За две бессонные ночи в плена сколько всего передумала, например, думала и о том, что тот жених богат, вышла бы замуж в большой дом – скоро и нам свой дом построили бы. А сейчас привезли меня в избу – может быть, в этой избе и придется мне жить всю свою жизнь.

Вечером на третий день я дала согласие выйти замуж за Алексея. На четвертый день поехали к моим родителям – жених извиняться и просить прощение, что увез их дочь без согласия и благословления. А когда жених получил их прощение, мы оба стали просить благословление родительское. Дед, наверное, был рад, что ушла неродная дочь как бы убегом: подразумевается, что сама этого желала, как бы убежала без согласия родителей, значит, не надо свадьбу делать. Не надо давать приданое – пусть свадьбу жених делает. Но в приданое все же дал два теленка».

Мама вышла замуж на двадцать первом году. По тем временам вроде бы поздновато, но времена были непростыми, военными, так что в основном парни были на фронтах.

Венчалась она в гарусном платье изумрудного цвета и в красивейших восковых цветах, которые ее мужем были вставлены за стекло в икону Пресвятой Богородицы и всю жизнь простояли в этой иконе на божнице в переднем углу горницы. В икону вставляли только венчальные цветы той невесты, которая до венчания сохранила свою девственность и жениху досталась девушкой. А вот платье венчальное потом мама перешла мне в 1938 году, когда я заканчивала седьмой класс, так как материю нигде нельзя было купить и полметра.

Алексей был покорменком у Агафона Алексеевича и Ферлины Степановны. У них своих детей не было – вот они и взяли покорменка из бедной семьи, где было много детей. Эти добрые люди Алешеньку очень любили, да он того и стоил: умный, серьезный, зря слова не скажет, работящий да удалой гармонист – словом, первый парень на деревне. Девчата заждались парней с фронта, а вернулось их, ох, как немного, многие вернулись калеками. А тут первый парень на деревне, которая считалась богаче и знатней Килачевы, в то время не мог выбрать невесту себе в своем селе,

привез из другого села. Невест белоспудских это повергло в шок.

У родителей жениха только изба просторная, все в ней чисто и уютно, но изба. Надо строить дом. Начали собирать средства. Молодые работать умели, могли и на стороне приработать. Видимо, и дед Агафон что-то пропас, ожидая сына с фронта. Мама вспоминала: «Прожили три года и три месяца – ни разу не поссорились, напротив друг другу слова не сказали. А как старшие любовались нами, радовались: подстать себе Алешенька жену выбрал: хоть сварить, хоть состряпать, скотину управить, сшить, выткать – любой узор, с любым делом справится и в поле, и на покосе. Когда мы с мужем в престольные праздники приезжали в гости к моим родителям, жених, которому я изменила, на выездных конях с друзьями гонял и им дома моих родителей и пел частушки о том, как ему обидно и больно. Мама и частушки сказала, но я их не запомнила. Мама, помолчав, добавила: »Я видела его ещё один раз в Ирбите на вокзале, где он наводил порядок. Я сидела, наклонив голову, он меня не узнал».

Дом построили, не успели только крышей закрыть – случилось то, что исправить нельзя. В 1921 году свирепствовал тиф по всей стране, унес он у мамы мужа, свекра и свекровь. Мама всех схоронила, а сама даже не заболела тифом. И осталась сиротой, дите родить не смогла. Было три беременности – все выкидыши, не могла выносить. Думаю, сказалось на здоровье, что выполнять тяжелую работу ей пришлось с детства.

Погоревала год молодая вдова, да и вышла замуж. А как без мужика вести хозяйство? Надо пахать, боронить, сеять, жать, молотить, косить сено, заготовлять дрова. Да и новый дом стоит без крыши. А женихов немного: прошли мировая, гражданская, да и тиф унес многих, так что выбирать не из кого. Надежды, что выйдет замуж, не было. И надо же!.. Положил на нее глаз парень, да, Марк Васильевич Мартынов, мой будущий отец.

Что знаю я о нем? Очень немного. Родился он в семье Василия Егоровича и Степаниды Степановны Мартыновых. В семье было две дочери: старшая Ульяна Васильевна, младшая Лидия Васильевна и два сына – старший Михаил Васильевич и самый младший в семье Марк Васильевич. 1902 года рождения.

От мамы я слышала, что дед Василий Егорович был очень серьезным, говорил очень мало, а если что скажет – кратко, четко. Бабушка Степанида Степановна была очень простой, доброй старушкой – так же отзывалась

о ней моя двоюродная сестра Татьяна Михайловна. Когда я стала что-то понимать, деда и бабушки в живых уже не было. Жили старики со старшим сыном Михаилом Васильевичем.

Но что характерно было для этой семьи, так то, что хозяйство было справным. Дом большой, дедом построенный еще в девятнадцатом веке, на четыре комнаты. Все его дети закончили сельскую школу, хотя старшие, кроме Марка, Ульяна Васильевна, Михаил Васильевич да, пожалуй, и Лидия Васильевна учились еще в девятнадцатом веке. Все дети учились очень хорошо, для того времени были достаточно грамотными людьми, и все до конца жизни дружили с книгой и газетой.

Мой отец Марк Васильевич закончил школу в 1914 году. За отличную учебу был награжден Похвальным листом, на котором была изображена вся династия Романовых. Лист был размером, думаю, 40x30 см., а, может быть, чуть поменьше, и в рамочке висел на стене в горнице. Отец без книги или газеты не садился есть, не ложился спать. После окончания школы работал в семье отца, хозяйство было крепким, работы хватало. Но ежедневно читал. Под впечатлением прочитанного уже в 1918 году вступил в комсомол, а вскоре шестнадцатилетним ушел добровольцем на гражданскую войну. Его сестра Лидия Васильевна рассказала мне: «Марк был последним ребенком в семье, значительно всех нас младше, мы его очень любили. Я была замужем в другой деревне, когда услышала, что он уходит добровольцем в Красную армию. Стало страшно за него: молодой еще, да и Советская власть может ненадолго, что будет потом с ним?! Бросила на соседку ребятишек и побежала в Белосудскую уговаривать его не вступать в Красную Армию. Со слезами умоляла, что еще молод, а война – дело серьезное, да и хозяйство нельзя бросать, ведь старший брат Михаил тоже воюет. Кто хозяйство будет вести? Но мои уверения ни к чему не привели. Он ушел на фронт.

Часть, в которой служил отец, вынуждена была отступать, а под Нижним Тагилом попала в окружение к белым, бойцы были вынуждены сдаваться в плен. Держали пленных в холодных вагонах для перевозки скота. Набито их было, как сельдей в бочке. Стоял уже октябрь – ночи холодные, отец простудился, заболели почки. Очень страдал. Раз в день им приносили хлеб и воду. Однажды хлеб и воду принес в их вагон земляк отца. Отец узнал его и окликнул. Старший брат моего отца, Михаил Васильевич, был мобилизован белыми, на их стороне и воевал первое время гражданской

войны. Земляк ему рассказал, что видел Марка. Тогда Михаил под каким-то предлогом ночью пробрался к вагону, открыл, вызвал отца, отругал хорошо: «Я тебя оставил хозяйство вести, надеялся на тебя, а ты воевать отправился. Срый комсомолец!». Пнул под зад и приказал: «Дуй домой! Чтоб больше тебя тут не было!»

Чем закончилась эта история, я не знаю. Мама ничего больше не рассказывала. А я по своей детской наивности так и представила, что он ушел домой. Но теперь понимаю, что тут много «НО». Во-первых, как выбраться домой из окружения белых? Думаю, даже очень непросто. Да, допустим, он бы и выбрался. А как вернуться домой без документов о демобилизации? Беженцем с фронта? Едва ли. Думаю, его не только засмеяли бы на селе, но и презирали. если бы хоть какая-нибудь нечеткость была в его воинской биографии, ведь, в конце концов, на фронт из села он уходил не один, а с друзьями – такими же комсомольцами, уж им-то была известна его воинская биография.

А, во-вторых, он ведь на фронте вступил в партию коммунистов и в село вернулся членом ВКП(б), с партийным билетом, отсюда вывод: после плена он не вернулся домой в село, а пробрался к своим и продолжал воевать в Красной Армии..

В другой раз, когда мама рассказывала, как они с моим отцом поженились, между прочим сказала: «За время войны их хозяйство подзахирело, а его старший брат Михаил Васильевич пришел с фронта раньше Марка, и бразды правления хозяйством взял в свои руки. И мой отец, мол, вернувшись с фронта, понял, что надо заводить свою семью, т.е. надо жениться, а куда вести жену? Надо строить свой дом».

Эти слова мамы вновь подтверждают, что с фронта мой отец вернулся не юношей, как шестнадцатилетним уходил на фронт, а взрослым человеком. Вопрос где был несколько лет? Ответ понятен: воевал! Это еще раз подтверждает мой вывод: из плена отец вернулся не домой, а в Красную Армию и воевал, очевидно, до конца гражданской войны. В противном случае не имел бы он огромного авторитета среди односельчан.

А, между прочим, и Михаил Васильевич еще долго воевал после своего рода «исторической встречи» с братом в момент, когда старший брат – белогвардеец, а младший хотя и в плена у белых, но красноармеец.

Да, много воды утекло из родной Ирбитки, пока Михаил Васильевич перешел от белых в Красную Армию и участвовал в освобождении Урала и Сибири

от колчаковцев, т.е. пока окончательно у Советской власти не получила преабилитацию, и вернулся домой с гражданской войны из Красной Армии – иначе домой и возвращаться-то нельзя было – в селе уже была Советская власть.

А, коли, по словам моей мамы, мой отец вернулся с гражданской войны позднее старшего брата, значит, воевал до тех пор, пока

«Разгромили атаманов.

Разогнали всех господ.

И на Тихом океане

Свой закончили поход» – это, примерно, года до 1921. И, значит, мой отец после момента «исторической встречи» двух братьев (белогвардейца и красногвардейца) в Нижнем Тагиле вернулся не домой, а в Красную Армию, воевал до конца гражданской войны, где и «уснул» измотать свое здоровье, если не окончательно, то все-таки очень.

Итак, надо строить дом. А с его ли здоровьем строить дом и начинать семейную жизнь с ложки? Стал приглядываться к девушкам, многие из которых ждали его предложения: грамотный, веселый, остроумный, обладал чувством юмора. Где он – вся молодежь около него, сердце любой компании. А как играл на сцене, особенно командиров Красной Армии!.. Авторитет среди молодежи остался у него еще со школьной скамьи. Надежда Афанасьевна Железницкая, учительница, которая учила его в школе, мне рассказывала: «Марк был очень остроумным, находчивым, прекрасно учился, обладал организаторскими способностями. Однажды приходил на урок – в классе ни души. Где ученики? Оказалось: на улице всем классом разыгрывают свадьбу. Марк режиссирует – все выполняют. Он был прирожденным артистом.

В другой раз Надежда Афанасьевна рассказывала об отце вот что: «А как твой отец играл на сцене! А пьесы, которые разыгрывались на сцене, были продолжением того, что страна только что пережила – гражданская война, где красные воюют с белыми и побеждают. И когда он облачался в военную форму и играл красного командира или интеллигентного белого офицера, которых видел на войне воочию, зал замирал. А если этого белого офицера по ходу пьесы убивали, без слез у женского пола не обходилось. Они забывали, что он, белый офицер, враг; их волновало: такой красивый и погиб. А я в тот момент думала: «Будь я моложе, никому бы его не уступила» – это говорила женщина, которая никогда замужем не была.

Итак, когда некоторые девушки с нетерпением ждали его предложе-

ния, он положил глаз на вдову, Дарью Николаевну. Думаю, рассудил: не уступит она ни одной девушке ни в красоте, ни в работе, да и новый дом строить не нужно, где можно и потерять последнее здоровье. В хозяйстве у нее **есть все**, есть и новый дом, который нужно только покрыть крышей.

Мама рассказывала потом: «Отец пришел ко мне с одной только ложкой в кармане». Я помню эту ложку, глубокую, тяжелую, носок у неё уже чуть стерся. Из-под светлого металла виден был другой, желтого цвета. Отец ел только этой ложкой.

Насколько счастливым был этот брак, мне судить трудно, но несчастливым, как часто бывают браки, которые заключаются по расчету, он не был. Возможно, сошлись не по любви, а по нужде эти два родных мне человека. Но уважение было – это точно могу сказать. И после смерти отца мама никогда неуважительно не отзывалась об отце.

Обвенчались. И включились в работу, которой у молодой вдовы накопилось много. Первым долгом надо было достроить дом. Отец купил железо, покрыл крышу и покрасил красной краской. Под той крышей дом стоит с 1922 года по сей день; крыша, ни разу не ремонтированная, не протекает; только цвет ее чуть потускнел.

Как велико было хозяйство мамы, когда отец на ней женился, не знаю, а вот, когда мама после смерти отца вступала в колхоз, то было в нем три лошади, две коровы. Только одной пшеницы зернышко к зернышку сдала она в колхоз 200 пудовок, если считать в пудовке 16 килограммов, это около трех тонн.

В начале двадцатых годов в селе было организовано товарищество по строительству водяной мельницы, в него вошло несколько зажиточных крестьян, которые на паях эту мельницу и построили, а потом и эксплуатировали. Моеего отца пригласили в товарищество в качестве счетовода. Сразу ли его отправили на курсы учиться счетному делу, позднее ли, но знаю, что закончил он курсы счетных работников.

В второй половине двадцатых годов он уже работал бухгалтером сельпо. Коли отец стал служащим, да и его здоровье ухудшилось, вести свое хозяйство был нанят работник – украинец Григорий Зазуля. Он приехал в наши места на заработки. Во времена НЭП(а) разрешалось брать в свое частное хозяйство наемных работников (они назывались официально работниками, а не батраками), заключался договор в сельсовете, где указывалось все: какую работу работник будет выполнять, где жить и что

получать за свой труд. И сельсовет проверял, как выполняются условия договора работником и работодателем. Если которым-то условия договора не выполняются, договор между ними и сельсоветом расторгался.

Этот Г. Зазуля жил в нашей семье пять лет как свой член семьи. Когда отец взял его на работу, ему не было полных 19 лет. от нас он ушел настоящим мужчиной.

Родители учили его, как выполнять ту или иную работу, он был способным учеником; когда посевная, сенокос или уборочная, отец сам в поле, все делают вместе, в остальное время Григорий вывозит дрова, сено, кормит скот, убирает конюшни, двор – один. Но, кроме того, как вести хозяйство. Гришка научился хорошо говорить по-русски. вступил в комсомол. Участвовал в общественной жизни села, стал читать книги и газеты.

В нашем доме вечерами собирались мужики послушать отца, о чем пишут в газетах, журналах. Отец рассказывал, что знал и как понимал жизнь.

Все, о чем отец разговаривал с мужиками, Григорий слушал и сам почитывал газеты. Словом, прошел он хорошую политшколу. Я не знаю, как дальше сложилась его судьба, но однажды, примерно году в 1936 он к нам заезжал, сказал, что работает председателем райисполкома в городе Тавде или Тавдинском районе. Красивый, солидный Гришка Зазуля приехал посмотреть, как мы живем, а у нас нечем было даже накормить его: в доме нечего перекусить. Ушел он от нас очень расстроенным и огорченным, так как знал, как хорошо мы жили раньше, до колхозной жизни.

В это же время, когда жил у нас Зазуля, жила няня. Первой была глухонемая девушка, а второй Шура (Александра Евстафьевна). Шура тоже многому научилась у нас в доме. Мама учила ее шить, стряпать, готовить, а потом, когда образовался в деревне колхоз, эта бывшая баграчка работала первой воспитательницей колхозной детплощадки. Уже взрослой мне она рассказывала, как хорошо ей у нас жилось – не так, как в других семьях: хозяева хорошо кормили, были добрыми, разговаривали, как с родной. шутили. Вспоминала такие факты из жизни нашего дома: «Если дети не спали, Дарья Николаевна не будила меня а сама ими занималась, не так, как другие хозяйки, в чьих домах я жила раньше. А когда она утром отстряпается, я мыла посуду и всегда смотрела в тесте или нет сегодня полка, так как, когда Дарья Николаевна тащила лопаткой тесто из квашни, оно не отрывалось сразу, а тянулось. Она тащит его вверх с силой, тесто все же оторвется, рука ее, видимо, по инер-

ции ещё продолжает с силой тянуться вверх, и Дарья ударит лопаткой в полку. Я больше нигде не ела такого вкусного хлеба, как ее калачи.

А мама вспоминала о том времени так: «Отец (это мой отец Марк Васильевич) сеял пшеницу – белоколоску, зерно было крупное. Он смелет его на крупчатку (значит, сначала с зерна сдирет оболочку, а потом мелет), я стряпала из этой муки белые пышные калачи. Больше такого хлеба не видать, не только едать».

Вот в таком окружении я росла. Была первым ребенком, доброй девочкой, все меня любили, ласкали, особенно любил отец. Но как только я стала что-то понимать, он сказал маме: «Требования у нас должны быть одни. Если один из нас сказал, скажем, «нельзя», другой ни в коем случае не должен говорить «можно», он должен повторить то, что сказал первый, так что любовь и ласка меня не испортили, я всегда знала, что можно, а что нельзя делать.

Почему держали няньку? Так после меня рождались Гоша, Нина, они маленькими умерли. А маме надо вести хозяйство: стряпать, варить, стирать, шить, коров доить и много другой работы выполнять, часто помогать Гришке. Держали ведь и свиней, кур, овец – всех надо было накормить.

Летом 1928 года у нас няни не было. Родители поехали хоронить мою сестричку Нину, меня оставили на детской площадке. Там я увидела очень много игрушек, и каких игрушек! У меня «разбежались» глаза. Я эту картину помню до сих пор. Какие чувства меня обуревали в тот момент, мне не описать. Наверное, все-таки удивление большому количеству игрушек и восхищение красивыми, яркими, разнообразными игрушками. Когда родители, возвращаясь с кладбища, хотели меня забрать домой, я наотрез отказалась. А дома стала просить родителей водить меня на детскую площадку. Помню: нравилось мне там все, особенно игрушки и игры в саду.

Детская площадка располагалась в доме бывшего богача, вокруг дома большой сквер обнесенный высокой изгородью, перед изгородью в два ряда росли акации, которые составляли аллею; думаю, хозяева совершили по этой аллее мюцион утренний и вечерний. Но хозяев давно не было, акации не подстригались, и теперь они были высокими, как деревья. В центре большая площадка окаймлена кустами белой сирени. Кое-где между аллей и площадкой были какие-то деревья и кусты. Под кустами – скамейки. В центре площадки – аттракционы и песочница. Каждый день после завтрака нас выводили в сад играть. А в воспитательниц я

была влюблена, особенно в Нину Гавриловну: невысокая, плотненькая, с белыми кудрявыми волосами, она и сейчас стоит перед моим взором как живая, кажется, и сейчас бы я ее узнала среди сотни других девушек. А Елена Тимофеевна высокая худенькая, смуглая. Эти молодые красивые девушки-ленинградки, конечно, они покоряли нас своей интеллигентностью. Разве до этого могли мы увидеть подобных девушек в деревне?! Но прожили в нашем селе они только одно лето, тут же укатили обратно в Ленинград. Каким ветром их занесло в наши края? Видимо, политика партии была такой: сильчка города с деревней, или продвижение культуры на село, или еще что-то в этом роде.

Россия была страной аграрной. На ее просторах производилось огромное количество хлеба, которым кормилась не только Россия, но и вся Европа.

Сталин и его окружение, придя к власти, хорошо понимали, что России в дальнейшем в капиталистической окружении аграрной страной оставаться нельзя. Нужно срочно Россию из страны аграрной превращать в страну индустриальную – был составлен Первый Пятилетний план страны. Чтобы добиться успехов в индустриализации страны, построить ДнепроГЭС, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, гиганты автомобильной промышленности в Горьком и Москве, тракторные заводы в Сталинграде, Харькове и Челябинске и десятки других фабрик, заводов и электростанций, шахт и железных дорог. Продавалось все, что нация копила столетиями. Обобрали церкви, монастыри и музеи. На экспорт шли лес, хлеб, марганец, никель, золото, хлопок, шерсть.

Начали большими налогами облагать нэпманов, а затем и душить налогами. А когда им налоги платить становилось нечем, их арестовывали, имущество конфисковывали.

«С началом политики ускоренной индустриализации непосильное налоговое бремя легло и на крестьян. Уже в 1927 году власти ввели новый сельхозналог и финансовые кары за его невыполнение, что привело к недорыкам. Поэтому 28 декабря 1927 года вышел совместный циркуляр Уральского областного суда и областной прокуратуры, которым подчеркивалось взыскание налога с налогоплательщиков обязательно, вплоть до применения статей 60, 62 УК РСФСР, которые предусматривалось длительное лишение свободы с конфискацией имущества. Нашла широкое применение и ст 61: репрессии за отказ от выполнения повинности или

производства работ, имеющих общегосударственное значение». («Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг.» М. 1953. с.296)

7 января 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли Постановление о налоге-самообложении, который вначале составлял 35% от суммы сельхозналога, а затем был повсеместно увеличен местными властями. По подсчетам курганского исследователя-экономиста А.Базарова, в течение 1927-1928 сельскохозяйственного года из крестьянства Уральской области было выкачано по различным видам финансовых платежей без товарного эквивалента 56,7 млн.рублей» (А Базаров. Кулак и агрокулак. Челябинск. 1991. с. 21).

«В 1929 году сельхозналог увеличился в два раза и введено дополнительное самообложение в размере 25% от основной суммы налога. За сопротивление властям во время хлебозаготовок по ст. 61 УК предусматривался срок два года лишения свободы с конфискацией имущества. Штраф за невыполнение в срок государственных платежей к 1930 году составлял 300 рублей при максимуме 1600 рублей, что в переводе на сельскохозяйственные продукты означало сдачу 32 тонн хлеба или 6,5 тонн мяса. Ясно, что это обрекало наказуемых на осуждение с конфискацией имущества и высылку». (Книга памяти. Ек. УИФ. Наука. 1997. с 34.)

Обо всем этом не мог не знать мой отец, во-первых, из газет, а, во-вторых, на сельских сходах (собраниях) крестьян знакомили с Постановлениями правительства. Такой политикой советского правительства все возмущались. На одном из партийных собраний мой отец положил на стол партийный билет и заявил: «Такой политикой Коммунистической партии и Советского правительства, когда у крестьянина отбирают последний хлеб, обрекая его детей на голод; если нет хлеба, конфискуют имущество, а крестьянина арестуют, отправляют на общественные работы, я возмущен. Не за это мы в гражданскую войну воевали, проливали кровь, теряли здоровье».

Здоровье отца ухудшалось и ухудшалось. Обращался ли он в больницу, пытался ли как-то лечиться, я ничего об этом не слышала. Но к концу двадцатых почки уж не давали ему покоя. Он приходил с работы, наскоро поев, лез на печь, ложился на спину и грел их. Это давало некоторый покой. Мама стала нервничать, уговаривала его обратиться в районную больницу, и в ноябре 1929 года отец лег в ирбитскую больницу. Полечили медикаментами, его самочувствие значительно улучшилось, он был очень

рад сообщил домой, чтобы приехали за ним. Мама с его братом Михаилом Васильевичем поехали. А перед выпиской врач ему сказал: «Мы болезнь только полечили, но не вылечили. Если бы сделать операцию, вы бы выздоровели совсем». Он поверил словам врача: коли люди в белых халатах сияли адские боли, значит, дело знают. Тут же дал согласие на операцию. Когда дядя с мамой приехали, операция была уже сделана. Отец просил привезти сутки. Трубочка, что была вставлена в ранку выпала. Но сколько мама ни просила, чтобы кто-нибудь из врачей подошел и вставил трубочку, никто не подошел. И другие больные стенали и кричали, призывали на помощь — никто к ним не подходил. Отец сказал маме: «Я свое отжил: твоя дорога, Дашка, в колхоз. Хорошего там не будет ничего, но миновать его будет нельзя — в деревне будет сплошная коллективизация». Умер отец 17 декабря 1929 года.

Хоронили этого 19 декабря в зимний праздник Николы, Святителя и Чудотворца Архиепископа Николая. Стояли лютые морозы. Раньше вообще зимы были очень морозными, а в те дни было особенно холодно. Когда мама с дядей уезжали за отцом, меня оставили у дяди Миши. Я спала на полуатташе. Когда приехал дядя среди ночи, я не слышала. Утром подскочила и спросила: дядя говорят кому-то шепотом: Марк умер!. Мне было шесть лет и меня как кипятком ошпарило. Я лежала и плакала, пока меня не позвали одеваться. Дядя еще затемно повез меня домой, думая, что я ничего не знаю о смерти отца. Когда подъезжали к дому, начало брезжить. У дома стояли толпы людей. Этот момент в моей памяти запечатился навсегда: как и другие картины похорон отца. Лошадь остановилась, мама подошла и взяла меня на руки. Я припала к ней и заплакала. Она спросила: «Оля, что ты? Почему плачешь?» — я ответила: «Я ведь знаю, что папа умер». Сутки он лежал дома, а на следующий день его перевезли в клуб. Меня тоже днем привезли в клуб. Гроб с его телом в клубе установлен был так, что половина выше, чем ноги — как только откроешь двери клуба, его тело было видно полностью. У гроба стоял почетный караул — мужчины с красными повязками на рукавах. Из Ирбита был привезен духовой оркестр, хотя на улице был такой морозище, говорили, что губы музыкантов промерзали к инструментам. В такой мороз в сопровождении духового оркестра гроб с телом отца пронесли на руках от клуба, который находился в начале Старой улицы до конца улицы. Около нашего дома трагическая процессия остановилась: гроб был установлен на табуретки, произнисались речи...

Обратно гроб с его телом несли по Новой улице и так, на руках, пронесли до кладбища, которое находится далеко за селом, в лесу.

Из всего, что я видела во время похорон моего отца, например, с духовником оркестром, с почетным караулом не хоронили в селе ни до, ни после, ни одного человека. Я сделала вывод: смерть моего отца была большой утратой для сельчан – велико былоуважение и любовь к нему. А для кого-то, видимо, смерть его, человека чужого по крови, была и горем – внезапная потеря человека, с которым можно было поговорить, посоветоваться в судьбоносное для села время (в селе начиналась коллективизация); некоторые, например, еще терялись, вступать ли в колхоз; еще считали, что, поди, можно будет и не вступать – не знали, что она, коллективизация, будет на селе всеобщей; волновалось, что ждет их, если вступят в колхоз или если не вступят – человека, который всегда знал, как поступать в данном случае, (как считали односельчане) и мог им объяснить, не стало.

Теперь, с высоты своих лет, тем более, что я с материалами о репрессиях в стране довольно хорошо ознакомилась, считаю: вернее всего, операция моему отцу сделана была по заданию «определенных органов», впервые, все, кто во время гражданской войны побывал хоть какое-то время у белых (одни были мобилизованы белыми, а потом перешли в Красную Армию, другие сразу вступали в белую армию по велению ума и сердца; третьи попали к белым в плен); во-вторых, если кто-то во второй половине двадцатых годов разочаровался в политике Советской власти и сдал партийный билет, заявив, что не за это проливал кровь в гражданскую войну, чтобы отбирали у крестьянина все до последнего куска хлеба; даже те, кто потом был восстановлен в партии ВКП(б), почти все были в тридцатые годы расстреляны.

А мой отец в гражданскую войну был у белых в плену и, как по щучьему велению, был однажды ночью из плена освобожден братом без ведома властей. А когда у крестьян стали выгребать последний хлеб, сдал партийный билет, заявив, что не согласен с политикой Коммунистической партии и Советского правительства.

Да и теперь, когда коллективизация в стране шла полным ходом, думают, из газет он уже знал об ошибках, о «перегибах» в ее проведении, о недовольстве крестьян, о их бунтах в некоторых областях страны. Сам понимал, чувствовал, что такой коллектив (колхоз), когда самых работающих крестьян из села вывезут, деревня останется без рабочей силы, существование

вать нормаль но не сиажет. Думаю, кое-что из того, что он знал из газет, что думал, и как понимал, если и не высказывал на сходах, которые в преддверии коллективизации проводились часто (а, может быть, и говорил на сходах), то дома, когда вечером приходили в наш дом мужики узнать, что пишут в газетах, он, конечно, им рассказывал.

Однажды, вспоминая отца, мама сказала: «В нашем доме вечерами собирались мужики послушать отца, что пишут в газетах, обсудить это. Отец рассказывал, что знал и как это понимал. Обычно я не слушала, что они говорили. Накурят – не прдохнешь, так я с тобой-то в горнице сидела, а то к соседям уйдём или на улице сидим».

А тут на кухне посуду после ужина мыла, слышу, отец говорит: «Все мужики прошло время, когда вы самостоятельно вели хозяйство. Скоро будет в деревне колхоз. Председателем изберут меня, а я сам свое хозяйство не веду. А вот на горе живёт Марк Андреевич – идеальный хозяин: агротехнику соблюдает, севооборот ввел на своей земле, так ему не доверят быть председателем. Его скорей всего раскупачат да из деревни выселят – вот и судите, что вас ждет».

Думаю, в деревне скостью в горле» он кое-кому уже был. Поэтому не мог не быть на учете в «определенных органах» власти, так что вполне возможно, что врачи получили «задание» тихонько сделать «чернное дело», так как арестовать такого уважаемого в селе человека было не время – ведь его арестом крестьян села только восстановишь против себя и Советской власти, а в селе надо начинать коллективизацию – дело архиответственное – бунт крестьян ни к чему. Лучше поступить наоборот: втихаря лишить крестьян опоры, советчика, создать условия, чтобы растерялись крестьяне – их, растерявшихся, «обуздить» будет легче.

Теперь мне стало понятно и то, почему никто из врачей, вообще из медперсонала по просьбе матери не подошел к отцу помочь: во-первых знали, что ничто ему уже не поможет – все сделано «профессионально», а, во-вторых, учиньшигь ему предсмертные страдания – значило жалеть его, сочувствовать ему, «врагу советской власти», а это уже было небезопасно, так как все знали, что в больнице, как и везде в то время, есть «зоркий глаз», который все видит, фиксирует и сообщает «куда надю»..

Давнопече возможн о, что не зря такие пышные похороны устроили духовныи оркестром и почетным караулом, а чтобы «усыпить» бдительность людей, не забрело бы в чью голову каких-либо сомнительных мыслей по

поводу его внезапной смерти...

Я точно о смерти отца не знаю ничего; знаю только то, что знали все – умер через сутки после операции. Что отца уморили в больнице – это только мое предположение и ничего больше. А делаю я такое заключение по пышным похоронам и потому, что после операции ему никакой помощи оказано не было. Но это может быть и неправдой, а пышные похороны могли устроить ему ввиду любви и уважения к нему всех сельчан. А что народ его любил и уважал, это абсолютно точно. Я это слышала не только от мамы, но и от многих, многих сельчан, когда стала уже взрослой.

1930 год. Коллективизация в деревне идет полным ходом. Мама вступила в колхоз. Пришли в дом комсомольцы, запрягли её же лошадей, выгребли и погрузили на них весь хлеб. Я уже говорила: только пшеницы зернышко к зернышку 200 пудовок. Если считать, что в пудовку входит 16 кг зерна, значит, 3200 кг, т.е. более трех тонн. Забрали все: рожь, овес, ячмень, даже охвостье замели. Увели двух лошадей, взрослого жеребенка, корову, двух свиней. Во дворе осталась одна корова.

Сколько переживаний в раз выпало на маму! Смерть мужа, и все ни за грош, ни за копейку отдать в колхоз, остаться с пустыми сусеками в амбаре, пустым подворьем.

Но и не вступать в колхоз ведь было нельзя. Во-первых, это завещание мужа – он-то знал, как ей дальше жить. А, во-вторых, тут же началось раскулачивание, причем одну из первых причин раскулачивания семьи называли «держание батраков – наемную рабочую силу», значит, имущество нажито не своим трудом, а благодаря эксплуатации людей. А в ее-то хозяйстве работал парень-украинец Григорий Зазуля, и держали в семье девушку-няньку, так что тут бегом побежишь в колхоз и все без копейки отдашь, лишь бы не вывели из родного дома, не отправили бы куда-нибудь к черту на кулички. Работала мама в колхозе, конечно, хорошо с первого дня, бывало день и ночь – ни от какой работы не отказывалась и не только поэтому – просто плохо, как-нибудь работать она не умела. Если бралась за дело – все в ее руках кипело, как принято говорить. Все время считалась ударницей, а, когда началось в стране стахановское движение, и стахановкой, всю ее колхозную жизнь была членом правления колхоза – так что до конца жизни в селе была уважаемым человеком.

Но как ни «гасила» мама свою горе работой, весной уже 1930 года у мамы отнялись ноги. Мама лежала пластом, не могла на них встать – по-

нятию: результат всех переживаний, свалившихся на неё одновременно. На время ее болезни к нам пришла жить Авдотья Ксенофонтовна, бездетная вдова. Она заваривала в кастрюле сенную труху, садила туда маму Наверное, лечила и какие-то препаратами. Мама начала вставать сначала на одну ногу, стала по комнате передвигаться с помощью табуретки.

Потом мама стала ходить на ногах и даже работала в колхозе, но оно-ж здорово ухудшилось. Мама поехала в больницу в село Скородум, это от нас километрах в двадцати. Сидит, ждет приема врача. Вдруг врач выходит из кабинета, всех огляделя и говорит: «Мартынова, зайдите!». И стала предлагать маме горячую путевку на курорт в город Старая Русса, что под Ленинградом. Выезжать надо сегодня же.

Мама испугалась: «Что вы? Какая путевка? Денег ни копейки. На кого оставлю дом, корову, ребят?» Но врач настаивала, объяснила маме, что этот курорт ей очень поможет. Видимо, позвонила председателю колхоза, просила содействовать. Словом, деньги на дорогу колхоз дал, и ночью маму отвезли на вокзал.

Дом и корову мама оставила на одинокую гулящую Соньку. Моего брата Петю, которого мама родила уже после смерти отца и который дома был очень мало, больше находился в круглосуточных яслях, она, когда поехала на курорт, его в яслях и оставила. К слову сказать, он почти в яслях и рос, так как дальше начались голодные годы, а в яслях детей колхоз все-таки кормил. А меня оставила у моей двоюродной сестры Анны Митрофановны. Хлеба нет. Нет его и у сестры. Днем сестра с мужем уходили куда-то видимо, на работу, а я, голодная, оставалась дома. Голод, видимо, меня и заставил «пошариться» по дому. В чулане в кастрюле, я нашла конопляное семя, но не вяжное. Я дожидалась, когда сестра с мужем уйдут из дома, бежала в чулан, брала семя в руки, потру в ладонях, чтобы шелуха от семени отстала, и подую на семя — шелуха отлетит, и я ем семя. Так прожила несколько дней.

Потом сестра отвезла меня в Кипачево к бабушке. Три дня я там прожила, и дед отвез меня домой вместе с бабушкой. Председатель колхоза дал нам муки, и мы с бабушкой зажили очень хорошо. Она стряпала хлеб, варила суп с картофелем и домашней лапшой, молоко свое.

Путевку маме продлили на несколько дней видимо, для того, чтобы мама смогла получить лечение полностью. Курорт ей очень помог — большие ноги ее так не мучили, не отнимались.

Вернулась мама с курорта поздней осенью — та же бесхлебица. И она решила съездить в Свердловск, сдать свои золотые вещи в тorgsin. Привезла муки. Позднее мне сказала, мол, там нас, деревенских, обманывают очень хорошо.

Осенью 1931 года я пошла учиться. Мама на работе не только с утра до вечера, а осенью часто и ночью. День с женщинами рвут коноплю, а она значительно выше роста человека. Надо ее горсть вытащить из земли, потом землю с ее корней отряхнуть о ногу и положить на землю. Когда наберется несколько горстей, завязать коноплю в сноп.

А все тяжелющие снопы, завязанные за день, надо снести в кучки, а потом составить в суслоны, чтобы ветром снопы продувало, сушило. Конопли колхоз сеял много, сдавал государству, из конопли изготавливали веревки, необходимые в народном хозяйстве и в колхозе тоже.

К вечеру руки и ноги дрожат от такого непосильного труда, но отдохнуть женщинам некогда — заставляют их вести хлеб в заготзерно на станцию Худяково — это примерно за пятнадцать километров в оба конца — все тридцать. Везти на клячах, которые овса не видели, как перешли от хозяев в колхоз — живут летом на подножном корме (на траве), а зимой на соломе.

Дороги тоже невозможные — рытвины, ухабы, и никто их не ремонтирует. Ночь. Темно. Заедешь в такую рытвину — лошадь воз вывезти не может. Женщины останавливают своих лошадей, собираются вместе, лошадь понукает хозяйка лошади, а остальные женщины толкают телегу. Вытащили телегу и едут дальше. Бывало, что и колесо сломается или телега с курка слетит — слез, нервов истрачено — не рассказать сколько. А в заготзерно надо еще и очередь выстоять — все колхозы везут зерно — осень, уборка урожая. Пока стоят в очереди, женщины на возах успеют поспать, вот и весь отдых за сутки.

Петя в яслях, я его дома, пока он был в ясельном возрасте, почти не помню. Уж не помню, как часто, мама принесет его домой, вымоет, он начнет дома, утром мама его опять несет в ясли. Рос болезненным — никому до этого дела не было. Умер бы — склонили, как со многими детьми случалось. В селе никакого медработника. Хоть кто умрет — склонят и все тут.

Итак, осень. Я — первоклассница. Мама на работе день, вечером прибежит домой, подоит корову, покормит меня и убежит опять везти колхозный хлеб государству. Я сама ложусь спать и всю ночь дома одна.

Одну ночь маму не послали везти хлеб в заготзерно — позволили вы-

стирать белье. Я так соскучилась по маме, что спать не могу от радости, что мама дома. Мама стирает около порога, а я к столу постелила какую-то пальтишку, положила подушку и лежу, гляжу на маму, разговариваю с ней.

Утром мама зная, что я ночь не спала, ушла на работу, не разбудив меня в школу, решила: пусть несчастный ребенок поспит. Ребенок спал вволю, встал и покатил в школу – прибыл, наверное, к концу уроков. Сверстники надо мной посмеялись от души, а учительница наказала и оставила после уроков. Сама, конечно, ушла обедать. В школе – ни одного человека, одна я сижу наказанная. Сидела, я сидела, слышу, что по лестнице кто-то на второй этаж поднимается. Думаю: учительница идет меня отпустить. Но она, думаю, обо мне забыла. Вижу: по лестнице поднимается мама. Я вся скакала в комочек: стыдно – наказана. Вижу, что в маме все клокочет от злости. Не знаю, что бы за сцена произошла, будь тут учительница, но ее, слава Богу, не было. Мама, не спросив, где учительница, сказала: «Пойдем!» И мы ушли. Видимо, подружки прибежали к матери в поле и со злорадством сообщили, что я наказана. Вот мама и отправилась «дать урок» учительнице. Хорошо, что ее не оказалось.

Другой случай был таким.

Еще в первые дни сентября первого моего учебного года нас после уроков повели в лес собирать грибы для горячих завтраков в школе (кстати сказать: горячие завтраки в школе были только в сентябре и октябре, пока еще не весь хлеб и овощи свозил колхоз государству). А мне к началу учебного года мама купила новые ботинки. Как же можно по лесу ходить в новых ботинках – испортишь их! Я почти за два года после смерти отца за время вольной, безнадзорной жизни, предоставленная сама себе, привыкла бегать босой. Я ботиночки сняла, шнурками их связала и перекинула через плечо. Босой гуляла в лесу, босой и домой пошла. Шли подружкой Верой Узенковой, зашла к ней – все равно меня дома никто не ждет. Ее мама с сыном и бабушка копали картошку. Мы стали играть в амбаре. Когда стало темнеть, я пошла домой, дождалась маму. Она сказала: «Я скажу за водой, а ты пособирай щепок, я сделаю глазунью». Ее готовили так: на печной шесток клади два кирпича, между ними – щепки, их поджигали, на них на кирпичи ставили сковороду, яйца запекались.

Мама ушла за водой, а я вспомнила, что ботиночки оставила у Верки. В чем утром пойду в школу? Вода далеко – мама проходит долго. А я бегом сбегаю за ботинками. Подружка с сестрой уже играла в комнате, пока

старшие таскали картошку в амбар. Я тут же включилась в игру, забыв, что хотела быстро вернуться домой. Мама пришла домой – ребенка нет. Куда ночью мог деться ребенок? Решила: видимо, я что-то набедокурила и спряталась. Обыскала весь дом, чулан, амбар, конюшни, баню, умоляла откликнуться – ребенка нет. Начала по второму разу обыскивать весь дом и усадьбу – безрезультатно. Тогда мелькнула страшная мысль: упала в колодец! На дворе был колодец очень глубокий, дна в солнечный день не увидишь. Видимо, когда-то в колодце была вода, так как был над колодцем журавель. Но в это время колодец уже был сухим – дом стоял на высокой горе. Возможно, воды не стало, когда построили мельницу, сделали плотину, а дом наш стоял ниже плотины по отношению к реке.

Короче, воду все брали в реке. В других усадьбах вообще колодцев не было, думаю: мой начитанный отец решил, что он покорит природу, должна же где-то быть водяная жила. Но я не помню, чтобы воду брали из колодца, хотя журавель и ведро на цепи над колодцем были – это я помню.

Итак, новая версия у мамы: я собирала во дворе щепки в темноте и упала в колодец. Стала мама кричать над колодцем: «Доченька, отклиknись!» – молчание. Кроме страха за потерю ребенка, возник страх другой: скажут, что сама бросила ребенка в колодец, чтобы избавиться – захотела легкой жизни. Тюрьмы не миновать: кому докажешь, что ребенок сам упал. И мама среди ночи пошла в сельсовет: заявлять, что пропала дочка. Начальства, конечно, нет. Она сама позвонила в районный отдел милиции, сказала, что пропала дочь.

Мать подружки, прибрав картошку, пришла в комнату, тут я и вспомнила, зачем пришла. Подхватила свои ботиночки – и домой. Прихожу – мамы нет. В доме темно, жутко. Куда могла уйти мама? Села на оконечко, открыла створку – нигде ни огонька, деревня спит после трудового дня. Мама идет из сельсовета, соседка окликнула ее:

– Что, Дарья, заявила?

– Так заявлять-то некому, никого в сельсовете нет. В милицию позвонила. Ума не приложу, Лизавета, куда она могла деться?

Тогда я поняла, что «она» – это «я» куда-то делась, и крикнула:

– Мама, а я дома.

В эту ночь мама не ездила с хлебом в заготзерно, была дома, но спала ли она после такого стресса? Едва ли!

Когда я стала старше и, вспоминая свое детство, думала о том, как

иамиа, глядя на меня, оставляя одну в доме на ночь, или, положив меня голодной спать, все это переживала. Ведь еще недавно, в конце двадцатых, все в доме вертелось вокруг меня, я была «гвоздем программы» в нашей семье: первым ребенком, здоровым, веселым, добрым, довольно умным и любящим, расшившим окружение любящих родителей, няни, единственной любимой внучкой бабушки, тоже любимой и единственной племянницей тети Кати, единственным ребенком хороших соседей, семей Спиридона Мефодиевича и Андрея Никандровича, с которыми мои родители дружили, детьми которых уже успели вырасти (младшим мальчикам было лет по 14-15, а девочкам лет по 18), все меня в их семьях любили, ласкали, баловали: мальчики качали на качелях, катали на санках. Я любилаходить в гости в их семьи, где меня угождали.

Был у меня крестный отец Павел Иннокентьевич, парикмахер, друг отца. У него был красивый, богатый дом, но детей не было. В его семье я всегда была первой гостью, всегда получала гостинцы и подарки. Была первой гостью и в доме другого друга отца, Петра Григорьевича Зайцева, по-нашему он был сыном Зайцевых, занимавшихся скорняжным ремеслом, но жил отдельно от родителей в большом красивом доме.

Помню отец меня научил петь «Рождество». Утром рано, еще до рассвета, посадил меня в санки и повез по этим друзьям, чтобы я спела им «Рождество», хотя это делать уже было нельзя, поэтому и до рассвета повез, пока людей на улицах еще нет. Но и не спознить нельзя, во-первых, надо показать, что дочка уже умеет кое-что, а главное, решить, у кого скроется отыгнить Рождество – у всех угостить есть чем, но празднующих Пасху, Рождество и другие православные праздники уже презирали, так что сдеять этого придется глубокой ночью, когда все будут сидеть по своим домам и, конечно, отмечать Рождество.

В общем, я купалась в счастье. Уже в конце двадцатых вряд ли моя мама могла представить, что через каких-то 2-3 месяца она станет вдовой, а ее ненаглядное дитя – сиротой, которой вскоре придется иногда одной спать в доме, а часто и голодной ложиться спать. Думаю, уже тогда, когда в последние числа декабря 1929 года умер мой отец, мама не очень испугалась, ведь дяде ее был, по ее разумению, – полная чаша: полный амбар хлеба, полный двор скота, а работать она умела, думаю, была уверена, что дочь дородную уж, конечно, никому в обиду не даст.

Но 19 декабря 1929 года не стало отца, надежды и опоры свивы, а

в начале 1930 года в селе началась сплошная колхозификация, и мама вынуждена была вступить в колхоз. и бывшие батраки, первые члены колхоза (я уже говорила) увезли со двора. кроме одной коровы, весь скот, выграбили и увезли весь хлеб даже охвостье замели

Мама, уже склонив мужа, родила сыночка Петеньку, которого почти сразу сдала в круглосуточные ясли, а сама вынуждена была работать в колхозе, а Петя болел и болел...

Почему маме приходилось так много работать? Во-первых, надо было трудодни зарабатывать может быть, какой лишний килограмм муки дают ведь больше в семье зарабатывать хлеб у родного колхоза, которому все отдала, было некому, надеяться не на кого. А, во-вторых, и это одна из главных причин – работать в колхозе было некому – не было рабочей силы. Почему?

С Западной Сибирью Русь имела связь еще со времен Киевского государства. В 13-14 веках вырос город Чинги – Тур (Тюмень). Первый путь, которым пробирались русские в Сибирь, был морским: г. Архангельск, по Канин (округ), Чешская губа, мыс Русский. Печорская губа, Югорский шар п Ямал (средний залив), Обская губа, Тазовская губа. Второй путь – по рекам: Пезе Цильме, Усть-Цильме, Печоре, Усе, г. Обдорск. Часто от реки до реки суда тащили волоком. К 1598 году была открыта и приспособлена к переправе через Уральские горы Бабиновская дорога: от Москвы через Переславль – Залесский, Ярославль, Шуйский Ям. Потому, Устюг, Кайгородск, Солькамскую, село Ростес, г. Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск (2388 км).

Этот путь считался официальным до 1763 года, а город Верхотурье, обогнать который было невозможно – таможенным городом, здесь велись таможенные сборы, и город быстро рос и богател.

С открытием этого пути из центра России в Западную Сибирь ринулся простой люд. Многих заставило бежать крепостное право (тяжелая работа на барщине, сбор натурального и денежного оброков и полное отсутствие гражданских прав). От тех людей, что уже ездили в Сибирь (например, с купеческими обозами), крестьяне слышали, что за камнем (Уральскими горами) нет крепостного права: люди селятся, где хотят а условия для жизни хорошие – земли не меряны, в густых лесах, где не ступала нога человека, несметное количество зверя, птицы, ягод, меда, орехов, а в реках – рыбы.

От таких вестей многим не было покоя, и крепостные стали сбегать. Конечно, далеко не всем удавалось достичь цели: одних повили и возвращали помешану, который их примерно наказывал. Другие гибли на длинном пути или «стеряли» детей, родственников. Но кое-кому удавалось инновать Уральские горы, например, предкам Анны Дмитриевны Евдокимовой (поселок Красногвардейский), саратовским крепостным крестьянам, которых, испытав огромные трудности, сумели добраться до наших мест. История переделения их семьи передавалась из поколения в поколение, дошла она и до Анны Дмитриевны, которая, поэт по натуре, зарифмовала эту историю в стихотворение:

Во центральной Руси, близь Саратова
Под названье деревни Укос
У помешанца небогатого
Сад большой был, в саду много роз.
С утра до ночи там трудились
Евдокимовы много лет.
Но однажды они подружились
С человеком, по прозвищу Дед.
Дед был далеко за Уралом – рекой
И за каменным поясом был.
И заявлял он тогда всех их правдой своей,
Вот примерно он так говорил:

За Уралом земля плодородная,
Лес растет там сплошною стеной.
Жизнь прекрасная, жизнь свободная,
Щедро льется богатой рекой.
И решили тогда Евдокимовы
Сад оставить и двинуться в путь.
Взяли тряпки необходимые
До Урала дойти как-нибудь.
Ночью темной ушли из поместья;
Опасались от гонилихой.
Все боялись лиxого известия
Днем спасалися в роще глухой.
Шли полгода, а может быть, больше,

Хоронили в дороге детей.
Ночевали у тех, кто попроще,
Все искали хороших людей.
А хороших людей было много,
Накормить, приютить каждый мог.
Хоть неблизкой была та дорога,
Но удачливым был этот год.
Добрались в этот год до Урала,
Поселились у рощи лесной.
Щедрым даром земля их встречала
И родимою стала с тех пор.

Предки Анны Дмитриевны, очевидно, были крепостными крестьянами помещика Саратовской губернии, основали ли они сами село Якшино или поселились в селе, основанном кем-то уже, а мое родное село Белослудское, видимо, основали поморские крестьяне в 1644 году. Почему я так считаю? Мой брат Петр много читал; однажды, когда я к нему приехала, сказал: «Я читал в журнале о переселениях поморских крестьян с реки Припяти из большого поселения Белослудского в Западную Сибирь. Там сказано было, что, когда переселенцы основывали новое село в Сибири, ~~ему~~ давали название своего родного села, значит, наше село Белослудское основали поморские крестьяне – переселенцы с реки Припяти». Я тогда краеведением еще не занималась и не попыталась вникнуть в суть сказанного им, не расспросила его подробнее об этом, в памяти отложилось только, что люди, основавшие мое родное село Белослудское, были родиной с севера Европейской части СССР.

Чтобы увеличить пашню под зерновые в Сибири, власти принудительно переселяли туда поморских крепостных крестьян, набирали и вольных. Многие давали согласие на переселение, так как к концу 16 столетия эксплуатация помещиков усиливалась, земельные площади резко сокращались, крестьянские хозяйства становились немощными. Крестьяне были согласны перебраться туда, где природа была помилостивей, а правительственный контроль менее обременителен.

Но, думаю, поморским крестьянам переселяться было полегче, чем саратовским предкам А.Д. Евдокимовой, в том плане, что их никто не преследовал, переселение наоборот поощрялось, значит, они преодолевали

огромный путь до Западной Сибири не пешком, а на лошадях, значит, могли забрать с собой какой-то скарб, орудия труда, а, если был, то и другой скот. Значит, им полегче было и преодолевать огромный путь и осваивать новые земли и корчевать лес, строить жилье на новом месте.

Но скоро переселенцы поняли, что и здесь проблем хватает. Они узнали, что народы Сибири живут племенами, родами, большими и малыми семьями. Враждуют между собой из-за промысловых угодий. Менее слабые платят ясак более сильным соседям. Обычное течение жизни обитателей Сибири постоянно нарушали межродовые и межплеменные раздоры и войны, грабежи, набеги соседних племен. Пленников превращали в рабов, а слабые племена – в кыштымов (данников).

Поэтому первые русские обосновывались вблизи официальной дороги, старались себя обезопасить от набегов соседних племен, укрепляли свои поселения. Небольшие укрепленные поселения назывались слободами, а люди, которые в них жили, беломестными казаками, так как наряду с сельским хозяйством, охотой и рыбной ловлей мужчины защищали свое селение от врагов, нести караульную службу и становились казаками.

В нашей местности первыми поселениями были Белослудская, Ирбитская (Ирбит), Арамашевская слободы. Первые поселенцы Белослудской слободы выбрали местом жительства высокую гору; с юго-западной стороны, откуда можно было ожидать врага, окрестности просматривались на 8-10 километров. На краю горы где находился почти отвесный обрыв к реке, они соорудили часовню. Часовня была сооружена из красного кирпича, который переселенцы изготовляли сами, четырехстенная: одна стена на юг, другие – на запад, север и восток, очень высокая; окна же в ней маленькие-маленькие, по одному в каждой стене и под самым потолком. Часовня служила церковью, сторожевой вышкой (из окон под потолком высокой часовни можно было лучше и значительно дальше, чем с самой горы, обнаружить врага) и крепостью, в которой можно было укрыться от врага или укрыть женщин, детей и стариков, пока мужчины бьются скочевниками. А из часовни был прорыт подземный ход к самой реке, который был необходим на случай, если осаду придется пережидать долго: во-первых, ночью можно было спуститься к реке и набрать воды. а. во-вторых, если с врагами справиться быстро не удастся, можно было ночью всем спуститься к реке и скрыться в лесу.

Думаю, следуя вековым традициям вражды между племенами, жив-

шими в Сибири, «соседи» к русским наведывались нередко, чтобы их обобрать или обложить данью. Но отряды мятежников были не такими многочисленными, как в 1662 или в 1663 годах; бои имели лишь местное значение и в летописях не фиксировались, так как резонанс от них не был очень широким. Наконец, мятежники собрали большие силы и ринулись показать русским, кто на этой земле хозяин.

«1663 год. Толпа бунтовщиков более тысячи человек начала опустошать слободы Невьянскую, Ирбитскую. В селе Покровском она побила всех крестьян, сожгла церковь и дворы, разорила слободы Ирбитскую, Белослудскую – потом двинулась на Арамашевскую слободу по реке Реж, на Невьянский острог и т.д. Только подошедшие из Тобольска свежие войска под начальством полковника Дмитрия Полузкотова заставили мятежную толпу прекратить разбой, а самого царевича Кучука бежать». (В. Шишонко «Русская летопись»).

После этого мятежники больше не появлялись, а вокруг стали основываться уже не слободы, а русские села.

Жители села Белослудского тоже помнили и из поколения в поколение передавали как первые русские поселенцы слободы страдали от набегов «соседей» (татар и башкир) с Южного Урала. Была и борьба, так как было в селе татарское кладбище, заросшее лесом, находилось оно тоже на горе, только за деревней. Я, например, пока ничего об этом не знала, иногда в мои детские годы задумывалась, почему в селе два кладбища: одно русское, а другое татарское, хотя в селе нет ни одной татарской семьи. А, посетив часовню году, видимо, в 1931 с воспитательницей детского сада и увидев в часовне много церковных вещей: иконы, поповские ризы, кресты, кадилы – меня заинтересовало, зачем в селе часовня, когда есть церковь.

В истории борьбы с кочевниками был и такой случай. Однажды, когда появились на горизонте мятежники, жители слободы взяли еду и воду, укрылись в часовне. А татары не уходят, ломятся в двери часовни, кричат. Татарам-то хорошо: в домах еда во дворе скот, коли и ешь, в реке вода. У хозяев что находились в часовне, еда и вода закончились, а татары не уходят. Тогда они, хозяева села, ночью подземным ходом спустились к реке и ушли в Скородум. А татары все дома сожгли и уехали дальше.

Я знала, где заканчивался подземный ход около реки: когда мы, детсадовцы купались на мелководье в реке, мальчики бегали смотреть отверстие в горе, заползали в него, говорили, что это пещера.

В историю борьбы первых русских поселенцев села Белослудского с кочевниками меня посвятила моя двоюродная сестра Анна Митрофановна, 1906 года рождения. Она слышала от деда Панфилы, который жил от нас через два дома, но в мои детские годы он уже был очень стар, седой, жил один, на улицу выходил редко. Если выходил, с нами шугал. Бывало, закусит свою седую бороду и стучит тросточкой о землю, будто бежит за нами, а мы с хохотом бежим от него врасыпную. Нам, соседским ребятишкам, он ничего не рассказывал, думаю потому, что мы еще не готовы были что-то понять да и время стало «таким», что все старались многое не говорить а «держать язык за зубами». А потом и деда не стало – дети увезли.

Итак, во второй половине 17 века в нашей местности стали основываться русские села. К селу Белослудскому «приткнулись» две деревни: выше по течению реки Ирбитки – Притыка (именно от слова приткнуться), а ниже по течению реки – Фоча (Фочина) – так село Белослудское стало волостным селом. Все люди много трудились в основном занимались земледелием. Как только немножко обустроились и жизнь стала налаживаться, появилась власть, начались поборы, налоги, конечно, в пользу государства и чиновников, от которых теперь укрыться, как бывало от кочевников в часовне или в лесу, стало невозможно.

Легче стало жить крестьянам нашей местности, в частности нашего села, с открытием Ирбитской ярмарки. Крестьяне, имея хороших лошадей,анимались к купцам перевозить товар от железнодорожных станций городов Камышлова и Екатеринбурга к Ирбитской ярмарке, а товар приобретенный купцами на ярмарке – к железнодорожным станциям Камышлова и Екатеринбурга. Иногда приходилось отвозить товар в северные районы или в Казахстан, например. Так зимой, когда крестьяне, свободные от сельскохозяйственных работ, зарабатывали деньги на уплату налогов, коеччто удавалось и в хозяйство приобрести. А позднее и сами стали производить то, что можно было продать на ярмарке: выращивали коней другой скот, домашнюю птицу, зерно, масло сливочное и растительное, варени, сбрую для лошадей, пеньку, пряжу, ткацкие изделия и т.п. – все копейка и рубль в дом.

В нашем селе осенью и весной (два раза в год) устраивалась еще и своя ярмарка, где главным образом крестьяне всей округи могли продать излишки сельскохозяйственной продукции. Приезжали и купцы со своими товарами. Однажды я с отцом ходила на эту ярмарку. Она располагалась

на Вознесенском, так называлась часть села, которая отделялась от села небольшим сосновым перелеском. Чаще эту часть села называли Зabor, так как расположена она была за сосновым бором. Это огромная поляна, среди которой в два ряда деревянные строения магазинов и киосков, а поодаль амбары. Мы ходили на весеннюю ярмарку, поляна была покрыта молодою травой, а лицевая часть строений украшена чем-то ярким, очевидно гирляндами, может, шарами; мне запомнилось, что было много красивого, яркого, много игрушек. Отец купил мне игрушечную швейную машинку, она даже два дня шила.

Но главное значение ярмарки для села состояло в том, что все, кто привозил на продажу товары, устраивались к местным крестьянам на постой, т.е. на квартиру. Хозяева обслуживали квартирантов: готовили обед, убирали за ними, давали корм коням; за это, конечно, постояльцы рассчитывались денежками – все прибыль в крестьянскую семью. Крестьяне, жившие близко от ярмарочной площади, имели хорошие дома.

Село Белослудское в округе, думаю, было самым богатым селом. Не могло не оказаться, очевидно, на богатстве села и то, что появилось оно раньше других сел – крестьяне успели приспособиться к жизни: под зерновые приспособили ближние к селу участки земли, также заняли ближние луга, на которых можно было выращивать скот, заготовлять на зиму сено. Кто селился позднее, вынужден был занимать участки земли, расположенные далеко от деревни, что затрудняло вовремя обработку земли, заготовку сена, уборку урожая.

Я помню родное село таким, каким оно было в конце двадцатых годов двадцатого столетия, т.е. при Советской власти, во времена НЭП(а). Работящий народ от Советской власти получил землю «по едокам», а земля, пастбища и сенокосные угодия были хорошими, благодатными, земля давала хорошие урожаи. Государство давало ссуды на приобретение сельскохозяйственного инвентаря, так что во многих семьях появились сельскохозяйственные машины: сеялки, веялки, молотилки, сенокосилки и, конечно, во всех хозяйствах соху заменил плуг. Некоторые крестьянские семьи приобрели такие машины на паях, т.е. вскладчину.

В двадцатые годы многие из тех, кто жил раньше в избах или домах, но большими семьями, построили себе новые просторные дома. Я мысленно прошла по селу и нашла только три семьи, которые остались жить в избах: две вдовы и семья стариков. Хозяйство моего отца, где три лошади, две

коровы, считалось бедняцким – я сама видела документы, а многие крестьяне держали табуны коней, даже некоторые по тридцать-сорок лошадей вместе с молодняком, выращивали специально на продажу на ярмарке.

В селе было два просторных кирпичных магазина купцов Антропова и Уфимцева. Купцов, конечно в селе уже не было, но их дома и магазины украшали село. Виноградовы держали пимокатную мастерскую, а Зайцевы – скорняжную. И Виноградовы, и Зайцевы держали большой штаг и мастеров, и подмастерьев, которые выполняли заказы не только жителей нашего села, но и окрестных сел и деревень. Была швейная мастерская по пошиву одежды Ушакова, мастерская по пошиву кожаной обуви, две парикмахерские. Несколько крестьян держали маслобойни – они выполняли заказы на изготовление растительного масла из конопляного и льняного семени. В селе была водяная мельница которая располагалась на реке за нашим огородом. В дворе мельницы всегда стояло много подвод с мешками зерна – очередь на помол. Сыскин и Русаков держали постоянные дворы. В селе была школа, заведовала ею Надежда Афанасьевна Железницкая, позднее ей было присвоено звание «Заслуженная учительница РСФСР» награждена двумя орденами Ленина – высшей правительской наградой. Только в нашем селе она проработала 42 года, а общий стаж её педагогической работы – 61 год. В 1910-1914 годах она учила моего отца, а в сороковые – я уже как учительница работала с ней в этой школе.

Была в селе и больница, врач Курепин пользовался огромным уважением авторитет его был очень высок. Я его помню таким: мужчина лет сорока, среднего роста в светлом костюме и шляпе. Он со своей семьёй жил при больнице, которая располагалась в большом красивом доме на краю села. Снаружи дом, видимо, был оштукатурен и украшен лепниной и выкрашен в спокойный светло-фиолетовый цвет. За домом был огромный сквер который занимал конечно, несколько гектаров земли. В сквере росли рядами деревья, цветы, были скамейки и беседка. Завершал сквер родничок, ручей от которого убегал в Ирбитку.

Крестьянские дома по тем временам были большими, добрыми окон на восемь – десять. Комнаты на три – четыре: некоторые из них, видимо, в двадцатые годы, во времена НЭП(а) и были построены. Около каждого дома паписадник в нем росли кусты сирени, рябины, калины, чёремухи, нечасто тополь, в некоторых – цветы.

Дом, в котором родилась я, против соседних домов был небольшим.

Ведь строили его мама с первым мужем, когда он вернулся с мировой войны, видимо, где-то в 1919-1920 годах, т.е. во времена гражданской войны. Алексей Агафонович пришел раненым в ногу, его на гражданскую, видимо, не призывали ни белые, ни красные. Но время было трудным, и на большой дом средств не хватило.

Но дом был светлым и очень уютным. В нем было восемь больших окон: первая комната называлась избой, в ней было три окна: одно окно выходило во двор, на западную сторону, а два – на южную. Вторая комната – кухня, тогда называлась середой, так как располагалась в середине, между избой и горницей. В ней было одно окно на южную сторону. Между избой и середой стена была некапитальной, а разделялись они дощатой заборкой, выкрашенной в светло-коричневый цвет и украшенной рисунком в русском стиле. Третья комната называлась горницей, в ней четыре окна. Из них два окна на южную сторону и два – на восточную. Из восьми окон дома пять выходили на юг – солнце в доме полный день.

Я запомнила наш дом таким: окна большие – на всех много цветов. Мама любила сажать герани. Сажала их все ранней весной отводками. Они, молодые, на солнце росли быстро и в мае уже зацветали разным цветом: белые, алые, розовые, красные, бордовые. В середине лета каждая герань – уже куст, покрытый десятком и даже более крупных цветов. Все, кто проходил или проезжал мимо, любовались ее цветами. Из мелких цветов еще сажала невестины цветы – некрупные белые цветочки покрывали сплошь все растение.

Были цветы, которые достигали больших размеров: аспарагус, фикус, олеандр. Аспарагус стоял на угловом столике в огромной зеленой ладке, его пушистые стебли достигали потолка, а потом склонялись вниз. Фикус стоял на стуле, ветвями почти упирался в потолок. Олеандр – на полу, тянулся к свету. Его цветы красовались в окне выше гераней.

Шторы были тюлевыми до половины окна и строченые занавески. На столах белые скатерти, покрытые филейными настольниками – два настольника маминой работы я берегу до сих пор: филейка связана из черных бумажных ниток, а вышиты красным гарусом.

Всех мебели в горнице было: два стола – большой и маленький угловой т.е. стопешница формы треугольника, четыре венских стула, кровать игорка сундуков. На полу красивейшие половики и дорожки – все маминой работы. В простенках – глухие полотенца, вышитые, с кружевами. Мама

умела все: шить, вышивать, вязать, ткать – любой рисунок выведет, все было выполнено с большим умением и вкусом.

Из избы в горницу можно было пройти через кухню или сразу от входных дверей в дом, мимо печи, там был второй вход в горницу – так было задумано: русская печь и камин – одно целое посреди дома, тоились из кухни и обогревали печь – избу, а камин – горницу. Гости в горницу через кухню не входили, только по второму входу.

Дом был покрыт жепезнной крышей выкрашенной красной краской. Три куста сирени росли перед окнами в паписаднике и один куст в огороде перед окнами с восточной стороны дома. Повторю: таким был наш дом, построенный, видимо, в 1920 году. Он, построенный в труднейшие годы, сразу после стольких войн, был небольшим против домов, построенных в середине и даже во второй половине двадцатых годов, когда многие наши сельчане уже стали жить зажиточно. Но, что был наш дом уютным, это точно.

Были и двухэтажные дома. Первый этаж этих домов был кирпичным, а второй – деревянным. такими были здания волости, школы. Особенно красивыми и просторными были больница, школа (бывшая волость), магазины, дома купцов, духовенства, чиновников волости, хозяев постоянных дворов; пимокатной, сконяжной, швейной мастерских; паикмахера – почти все эти дома находились на главной улице, которая тянулась вдоль тракта Камышлов – Ирбит.

А на макушке горы возвышалась красивейшая белокаменная церковь с ярко-зеленой крышей и золочеными маковками которая видна была с любой точки села.

А какая была гора!.. Окрестности села с горы были видны на несколько километров в южную и западную стороны: река, за ней необъятные луга отороченные лесами – можно часами созерцать все это, испытывая эстетическое наслаждение.

Вот в таком селе, по тем временам богатом, красивом сравнительно культурном, так как в селе было много интеллигентии (духовенство, учителья, медработники, чиновники, купцы!), прошло мое раннее детство. Интеллигентия задавала тон, подавала пример, и крестьяне стремились учить своих детей. Например, у моего деда крестьянина, Василия Егоровича Мартынова, было четверо детей. Только последний сын, мой отец, Марк Васильевич, родился в 1902 году, все другие дети рождения девятнадцатого столетия, трое из них в девятнадцатом столетии и сельскую школу

закончили, все книгу любили страстно.

Мой отец имел свою библиотеку, выписывал газеты, журналы. А его сестра Ульяна Васильевна, крестьянка, имела большое хозяйство, дружила с матушкой, имела возможность пользоваться библиотекой попа: она ежедневно хоть на полчаса отрывалась от домашних дел, чтобы почитать книгу.

А учителя-то какие у них были. Я уже писала о Н.А. Железницкой. А Фекла Васильевна (фамилию ее не помню) работала в нашей школе до 1932 года, когда я училась в первом классе, она еще учila второй класс. Это была высокая, стройная, строго одетая, интеллигентная женщина лет пятидесяти (возможно, и чуть постарше), степенная – зря ни одного слова. Ее видеть и слушать – одно удовольствие. Я у нее начинала учиться в первый год в первом классе. Муж ее работал в сельсовете, скорей всего, писарем. Но в 1932 году их не стало – учительница с дореволюционным стажем, разве можно ей доверять обучение и воспитание детей?! Какова их дальнейшая судьба, я не знаю, но вполне возможен и этот вариант – не избежали репрессий. На смену ей пришли в нашу школу пятнадцатилетняя Поля Упорова и Семен Михайлович Рудаков, учителя без образования, но «надежные» люди, «научат» и «воспитают» в нужном духе...

А Иван Васильевич Воробьев (1862-1937 гг.)! Народный учитель, краевед, общественный деятель. Автор многих стихов и статей на педагогическую и краеведческую темы. По его инициативе был открыт ряд школ в Ирбитском уезде, в том числе построена в 1898 году и Покровская школа, теперь нашего Артемовского округа, которая работает и сейчас. (А.П. Брылин, Б.Т. Коверда. Артемовский краеведческий словарь. Артемовский. 1998г. с. 42-43.)

Когда семью батюшки белослудской церкви раскулачили, увезли куда-то, вещи прибрали определенные люди из новой интеллигенции, а библиотека или часть ее их не заинтересовала, книги остались на чердаке Поповского дома, и позднее многие из сельчан, кто книгами интересовался, лазили на чердак, выбирали книги, им нужные, и тащили домой. Так кой-кто сколотил свою библиотечку. Мне попадал в руки уже в сороковые годы один французский роман – такие интересные рассуждения, я сделала выписки для себя, хранила некоторое время даже, одну из них запомнила: «деги – это цепи из роз, что признаются крепче чугунных».

В новогоднюю ночь 1930 года я с тетей Ульяной Васильевной и ее сыночком Сашей ходила на новогоднюю елку в Поповский дом. Здесь я

впервые увидела новогоднюю елку. К слову думаю у тети с матушкой это была последняя встреча, так как вскоре семья попа была раскулачена, а в конце января 1930 года арестована и увезена из села. Семью моей тети Ульяны Васильевны тоже раскулачили. Ее с шестилетним Сашей увезли на поезде до Тавды, потом в феврале 1930 года этапом угнали на север валить лес, строить леспромхоз, а ее мужа Митрофана Алексеевича еще раньше угнали строить целлюлозно-бумажный комбинат в Пермской области – больше она с мужем никогда не виделась, там и погиб ее муж.

К чему я это написала? А чтобы на примере моего отца и его сестры показать, что школа в Белослудском селе очень хорошо выполняла свое назначение и до революции дети этого села учились. И многие сельские мужики, еще мальчишками освоив азы грамоты, читали газеты, журналы по сельскому хозяйству и вели свое хозяйство по последнему слову науки – поэтому неудивительно, что в селе было много зажиточных крестьянских хозяйств.

Под солнцем Сталинской Конституции

*Величие империи иногда
обратно пропорционально
счастью его подданных.*
Великий

В 1929 году Сталин провозгласил лозунг сплошной коллективизации на селе и ликвидации кулачества как класса. В селе Белослудском было кого раскулачивать. Конечно, самые богатые, поняв, что «пахнет жареным», заранее распродали подешевке, что сумели, а что не сумели продать, бросили и уехали туда, где их не знают, значит, не знают, что они бывшие богачи. А большая половина крестьянских семей уже в начале 1930 года была раскулачена а в феврале выселена на север валить лес или на стройки социализма.

А многие из середняцких хозяйств, понимая, что на селе от колхоза не «котвертишься», добровольно вступали в колхоз, сдавали хлеб, скот, сельхозинвентарь и добросовестно трудились в колхозе. Но стройки социализма требовали рабочую силу, и их, многих уже ставших колхозниками, раскулачивали и под видом кулаков увозили на стройки. Тогда многие из таких колхозников все бросали и, заколотив окна и двери своего дома, noctuно, крадучись, как преступники, уезжали куда-нибудь, так как понимали, что очередь за ними; будут и они раскулачены, и все равно все, что нажито тяжким трудом за жизнь, будет конфисковано, а сами высланы куда-нибудь на каторжный труд, убегали из деревни семьями, не дожидаясь, когда их будут раскулачивать.

А дома и имущество всех раскулаченных и сбежавших из села крестьян

власти продавали – таким образом, в каждом селе до Ирбита, в самом Ирбите, в Зайково в Ирбитском заводе (пос. Красногвардейский) ставились их дома, а в родном селе, поди, из каждой тройки домов оставался один. понятно, худший. и село стало выглядеть как после бомбежки.

В соседних деревнях, даже нашего сельсовета (Притыка, теперь Первомайска, Фоча) народ жил значительно беднее. там мало крестьян было раскулачено, люди не были так напуганы, не спешили бросать свои хозяйства и убегать из деревни, хотя такие тоже были. А когда организовались колхозы, в них все-таки было кому работать. и колхозы в тех деревнях были чуть покрепче.

В Белослудске же остались только «шой, обой да колупай с братом», т.е. те, кто и убежать-то были не способны: инвалиды мировой и гражданской войн, вдовы с детьми, больные, сироты, старики и лентяи, которые и жили неважко, потому что работать или не умели, или не хотели – понятно: рабочей силы в деревне почти не осталось, а пахотной земли было очень много. ведь раскулаченные и беженцы ее с собой не увезли, только обрабатывать ее стало некому. А попробуй-ка оставить поле незасеянным – спишут в тюрьму, на ГУЛАГ(е) или председатель колхоза, или бригадир да и рядовых колхозников эта участь может не обойти.

Так вот главной-то рабочей силой в колхозе стали вдовы, особенно такого возраста, как моя мама, которой в 1930 году исполнилось 32 года. Им-то и приходилось работать часто и день, и ночь – не откажешься ни от какой работы, если не хочешь загреметь на принудиловку (принудительную работу). На принудиловку колхозников отправляли часто. Можно было услышать: «Николай вернулся с принудиловки». Или «Пашку отправили на принудиловку», а то и на ГУЛАГ. Многие из тех, кто, как моя мама, остался в колхозе, работали очень много, но это колхоз не спасало: все, что вырастало на колхозных полях, до зернышка сдавалось государству. народ ел траву голодаł, умирал.

Голодал и умирал колхозный скот. конфискованный у кулаков, оставленный беженцами, сданный крестьянами, вступившими в колхоз. Скота первоначально было много – для него надо было много и корма заготовить. А кто его, кори-то, заготовит? Некому.

Если зимой 1930 – 1931 годов скот в колхозе еще сумели прокормить так как у раскулаченных вместе со скотом конфисковывали и фураж для скота: тоже и крестьяне, вступая в колхоз, вместе со скотом сдавали и корма им. А вот летом 1931 года колхозники корм для скота заготовить в необхо-

димом количестве уже не смогли, и зимой 1931 – 1932 годов в колхозе скот кормить было нечем. Часть скота сдали государству, часть «пустили под нож». т.е. забили, а большая часть его погибла от голода, так что весной 1932 года, когда я закончила первый класс, мы с мамой боронили колхозное поле на своей корове, сна в бороне идти не хотела, упиралась. Мама тянула её за повод, а я сзади хлестала вицей. Мне было её жаль, я сильно её хлестать не могла, корова упиралась, не шла, мама сквозь слёзы зло кричала: «Бей пуще!»

Я понимала, что маме тоже Зорыку жаль, но другого выхода не было: ведь мама за день норму по бороньбе не выполнит, а это было уже своего рода преступлением: чем занималась день? Корову свою жалела? Не хотела помочь колхозу в трудный момент? Не знала ещё я тогда, что перечень этих вопросов в то время можно было и продолжить: например, кому на руку невыполнение норм выработки? А не имеешь ли цели сорвать в колхозе посевную кампанию? А «свой» ты человек или «чужой»?!

Подобные вопросы тогда задавались многим, за кем была хоть какая-нибудь «заметка», так что на принудиловку, а то и на ГУЛАГ попасть было легко в то время.

Думаю, мама понимала это хорошо и отдавала все силы тому, чтобы таких «заметок» не было, а сама лила слёзы (ведь кричала же она сквозь слёзы: «Бей пуще!») и проклинала эту Советскую власть, за которую отдал здоровье муж, которая не многим больше года назад забрала с её двора не за грош, не за копейку весь хлеб, трёх лошадей, корову, а на оставшейся корове она из последних сил со своим ребёнком весь день «бороздит» это колхозное поле, с которого ничего не получит, и накормить этого малыша, который вместе с ней «ползает» по этому полю весь день, будет нечем.

Но... ведь такое положение в колхозах в тот год сложилось по всей стране: скота в колхозах оказалось много, а трудоспособного населения в колхозах осталось мало, поэтому зимой 1931 – 1932 годов повсеместно скот или забивали, или он погибал от голода – весной 1932 года страна не досчиталась шесть миллионов шестьсот тысяч лошадей – четверть всей тягловой силы страны. Да и на тех лошадях, что все – таки сумели сохранить, порой работать было некому.

В статье Сергея Осипова «Голодание по – сталински» об этом сказано так: «К посевной (1932 года) советская деревня подошла с подорванным животноводством и голодным сельским населением. Из-за этого сроки ве-

сенних посевных работ сильно затянулись. Например, на Украине к 15 мая была засеяна лишь половина площадей». В общем, 1932 год начался в стране в условиях сельскохозяйственного кризиса. «Но даже тот скучный урожай, который был выращен не смогли толком собрать. В целом по стране на полях осталось до половины зерна! Крестьяне не желали добросовестно убирать хлеб для товарища Сталина в страхе перед голодом, который усиливался по мере развертывания «битвы за урожай», – продолжал С. Осипов в статье «Голодание по – сталински». Массовый размер принял хищения после чего появилось печально известное Постановление об охране общественной собственности, прозванное в народе «Закон о пяти колосках». На территории Украины, Поволжья, Казахстана доходило до конфискации всего продовольствия за невыполнение плана хлебозаготовок. Похоже, власть делала все для того, чтобы в стране случился рукотворный голод».

Вот в этой последней выдержке в статье Осипова я не согласна вот с чем: у нас, точнее, в селе Белогорском, о Сталине никто не упоминал – я работала в колхозе и после первого, и после второго классов учёбы ни ничего подобного не слышала. Слышала бы – запомнила. Колхозники работали с раннего утра до позднего вечера на колхозном поле, не возмущались. А что не весь урожай сумели убрать, так ведь, во-первых, крестьян в деревне осталось мало, а во-вторых, они работали действительно голодными – какая уж тут производительность труда! А в-третьих, с каким настроением колхозники могли работать, понимая, что близится настоящий голод?!

А вот в отношении того, как в статье «Голодание по – сталински» Осипов пишет: «На территории Украины, Поволжья, Казахстана доходило до конфискации всего продовольствия за невыполнение колхозами плана хлебозаготовок». Тут ничего толком сказать не могу, так как не знаю: уже в 1932 – 1933 годах, то есть сразу после коллективизации, обязаны были колхозники сдавать мясо, молоко, яйца, масло, коли в семье оставалась корова и, возможно, куры, в качестве налога, т.е. облагалась ли таким налогом каждая колхозная семья, как было это чуть попозже, не знаю, вернее, не помню. Только помню такой случай.

После того, как весь скот, кроме одной коровы, мама сдала государству, видимо, от бескорыстии свиней стали отдавать колхозникам обратно. Когда одна женщина манила хлебом к себе домой нашу Дочку вместо своей свиньи. Дочка побежала к воротам нашего дома – ворота закрыты, а женщина манит её, дает хлеб, свинья вновь побежала за хлебом – голод делал

своё дело. Мама увидала, выбежала за ворота, закричала: «Дочка! Дочка!» и свинья прибежала домой к нам. Мама тут же отправилась за второй свиньёй, так как в колхоз сдала двух свиней. Я их запомнила: тело их было длинным, холёным, розовым под щетиной. Но второй Дочки в стаде уже не было – кто-то уже успел увести её к себе домой. И мама, вместо своей Дочки, привела худую, тощую маленькую синюю свиньюшку. Но нашей Дочки вскоре не стало у нас – мама сдала государству, а синяя свиньюшка еще оставалась на некоторое время и успела нам родить сколько-то поросенок. Мама одного поросёнка тайком закопала и изжарила, как в былые времена, до коллективизации. Я ясно помню, когда мы это жаркое ели, мама наказывала нам никому не говорить, что ели жаркое из поросёнка, так как, если скажем, маму заберут в тюрьму. Я в это время была уже школьницей. А Петя начал ходить на детскую площадку (детсад)

Во время завтрака на детплощадке Петя есть отказался, заявив, что он съят дома ел жареного поросёнка. У нас, мол, свинья родила маленьких поросят мама одного зажарила. И мы ели. Хорошо, что воспитательницей детплощадки была Шура, которая до коллективизации жила у нас в семье в нянках, маму мою и нас любила, живо Петю удалила в другую комнату, сказав: «Не ешь – иди, играй». А там, в другой комнате, наказала: «Не рассказывай никому, что ел». А вечером прибежала к нам домой и рассказала об этом «болтуне». Помню, что мама Петю бранила, мол, наказывала ведь никому не говорить, что ели поросёнка. Тогда я спросила: «Почему нельзя никому говорить?» Мама ответила: «Всех поросят надо было сдать (государству или в колхоз – не помню), а я одного решила оставить и покормить вас» а Петя рассказал, и теперь меня могут забрать в тюрьму. И я долго боялась: придут и уведут маму в тюрьму.

Думаю: это тот случай, что описывает С.Осипов в статье «Голодание по – сталински»: мол, на территории Украины, в Казахстане, в Поволжье доходило до конфискации всего продовольствия. Конфискация всего продовольствия у колхозника проходила не только на Украине, в Казахстане, в Поволжье а по всей стране ведь и этой синей свиньи у нас тоже не стало видимо, и её мама сдала или в колхоз, или государству, да и кормить её всё равно было нечем, так как нечего и самим стало есть – всё до единого зёрнышка, что собирали с колхозных полей было сдано государству – это сущая правда на трудодни колхозники не получали ни грамма, во всяком случае. в нашем колхозе до 1937 года. На зиму старались запастись побольше су-

хой травы, например, лебеды и берегли до единой картофельной ботвины Траву и картофельную ботву толкли в ступе и стряпали лепёшки – их ели.

Ну, а на счёт того, что воровали колхозную собственность, думаю, воровать могло только колхозное начальство и, может быть, те, у кого лошади «в руках» были. А остальные колхозники, может и собирал кто-то перед снегом, после уборки урожая, колоски с колхозного поля, но я не помню об этом ничего. Единственный случай помню, что Коновалов Евгений, шестнадцатилетний юноша, худенький, маленький, сирота, накопал карман колхозной картошки и был осуждён на десять лет. Он отбыл их полностью, вернулся в село, только не молодым человеком, а больным, похожим на старичка.

Да и кто решится воровать, если в 1932 году только созрел хлеб, как всегда, с первого августа начали его убирать, о голодае ещё серьёзно не думали, а 7 августа 1932 года уже ЦИК (Центральный Исполнительный Комитет) и СНК (Совет Народных Комиссаров) приняли Закон (не Постановление, как назвал его в статье С. Осипов, а именно, Закон) «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной социалистической собственности». Этот закон требовал даже за незначительные хищения расстрелять, в крайнем случае – десять лет. Закон был сформулирован Сталиным лично. По замыслу Сталина, расстрелять – правило, а 10 лет – исключение.

Журнал «Урал» в 1989 году в номере 12 на странице 123 писал: «Особенно тяжело этот Закон отразился на крестьянах. Официально колхоз считался колективным хозяйством а всё его имущество – коллективной собственностью. Это на словах, а практически отчуждение колхозника от колхозной собственности и плодов труда было полным. Голод толкал крестьянство на воровство. Брат крестьянин по праву своё собственное (произведено своим трудом), однако, за горсть ржи с тока, гнезда картошки или клюк сена неогранично следовала уголовная ответственность». Закон «О пяти колосках» осуждался народом.

После своих комментариев статьи С. Осипова «Голодание по-сталински» в газете «Аргументы и факты» №47 за 2006 год, я решила ещё некоторые отрывки этой статьи использовать в своей книге, так как эта статья рассказывает, что голод в тридцатые годы «царил» не только в селе Белослудском, где жила я и в какой-то мере этот голод переживала этот голод особенно в первой половине тридцатых годов окатил сельскую местность всей страны, и С. Осипов в статье «Голодание по-сталински» написал об

этом много любопытного не для одной меня.

Итак, продолжаю цитировать: «... И голод пришёл. Сильнее всего он ударил по основным житницам страны, по регионам сплошной коллективизации – Поволжью, Северному Кавказу, части Сибири, Украине. Украинские крестьяне пробовали бежать из поражённых голodom деревень, но на дорогах их ждали патрули ОГПУ, милиции армии. Беглецов возвращали назад почти на верную смерть силой оружия. Впрочем, то же самое происходило и в России и в Казахстане. Поволжье умирало целыми деревнями. Органы ОГПУ выявляли многочисленные случаи людоедства и трупоедства.

Умерших хоронили в общих ямах, конечно, без гробов в сёлах нынешних Саратовской, Пензенской, Самарской, Волгоградской областей. То же самое происходило на Дону, на Кубани. От голода в равной степени страдали украинцы, русские, татары, мордва и представители других народов».

Здесь привожу воспоминания Ивана Ефимовича Сероштана, 1924 года рождения, уроженца села Великая Михайловка Курской области, начальника участка шахты «Буланаш-4». «В 1930 году наша семья вступила в колхоз. В 1932 году начался страшный голод. Отец сумел увезти семью в Донбасс а семья его брата не сумела выехать из села. Семья его была 13 человек: он, жена, тёща и десять детей. От голода умерли жена, тёща и восемь детей; в живых остался дядя и две дочери».

А украинец Василий Фёдорович Лисивненко, 1914 года рождения, мне рассказывал: «На Украине в первой половине тридцатых годов был страшный голод. Мне удалось устроиться ремонтным рабочим на железную дорогу. С нашего вокзала каждый день увозили десять – двенадцать человек мертвыми, бросали в ямы. Над станцией стоял смрад от их гниющих тел».

Продолжаю цитировать содержание статьи «Голодание по-сталински»: «Ситуацию ухудшило и то, что советское правительство отказалось от международной помощи. При этом из резервного фонда (почти два миллиона тонн зерна) голодающим не выделили ни грамма. Голод 1932 – 1933 годов был организован (прошу обратить внимание на слово «организован» крестьянам по худшему сценарию экономического абсурда, который в те годы был стилем аграрной политики в СССР. Режим решил костлявой рукой голода наказать крестьян за их искреннее нежелание работать в колхозах. Это наказание стоило стране миллионов жизней. а кризис в сельском хозяйстве затянулся на десятилетия. Поголовье скота в сельском хозяйстве удалось восстановить только в пятидесятых годах XX столетия.»

Голодомор был страшной трагедией для всего народа СССР. Например, некоторые украинские политики сравнивают голодомор тридцатых годов двадцатого века в СССР с холокостом еврейского народа в нацистской Германии. По их подсчётам в результате рукотворного голода погибло семь миллионов украинских крестьян. Верно это утверждение или нет, сказать трудно, ибо настоящих документов нет, которые бы этот факт подтвердили или отвергли.

Виктор Кондрашин, заведующий кафедрой Отечественной истории Пензенского государственного педагогического университета, много лет изучающий голод 1932 -1933 годов в СССР, считает: «Цифра гибели украинских крестьян во время этого голодомора сильно преувеличена. По подтверждённым данным всего в стране умерли от голода и его последствий от трёх до пяти миллионов человек. От полутора до двух миллионов из них умерли на Украине, двести-триста тысяч – в Поволжье, триста тысяч – на Северном Кавказе, полумиллиона – в Казахстане».

Я уже сказала, что этот голодомор я переживала вместе со всем советским народом. И, на мой взгляд, во-первых, им. В. Кондрашиным названо примерное число погибших только четырёх регионов нашей в то время огромной страны. Причём по его подсчётом, только в этих четырёх регионах погибли от голода 1932-1933 годов уже более трёх миллионов крестьян. А в стране регионов больше и не очень было ещё, кроме этих четырёх, многие десятки, но в них крестьян ведь тоже никто не кормил, а забирало государство у них тоже всё продовольствие – поблажек не было никому. Если какие-то гранимы муки давали на трудодни, то только во время уборки урожая, например, в нашей местности, с половины, может быть, августа и до конца октября, т.е. два с половиной месяца, а остальные девять с половиной месяцев жили, как хочешь. Девять месяцев – это не девять дней... А за эти два с половиной месяца моя мама получала на трудодни полтора – два килограмма муки на неделю, так что на неделю этой муки едва хватало, чтобы состряпать какой-то хлеб в виде пирожков то с морковкой, то со свеклой, или с капустой, или с творогом.

Картошки, как в Отечественную войну, не было, так как до коллективизации крестьяне сажали её мало. она не была вторым хлебом, её использовали только для супа и разве иногда для разнообразия состряпывают картофельные шанежки. Пища крестьян состояла из хлеба, мяса, яиц, молочных продуктов и других, кроме картофеля, овощей. Поэтому в пер-

вую же голодную зиму картофель колхозники вынуждены были съесть. На семена, если кто-то и оставлял, то самую малость. Это в войну научились сажать картофель глазками, росточками и срезками.

Во-вторых, кто это считает, что этот голодомор продолжался только в течение 1932-1933 годов?!

У нас он продолжался до 1937 года. Только в 1937 году колхозники нашего колхоза «Землероб» впервые, закончив уборочную и рассчитавшись с государством по госпоставкам, получили хлеб на трудодни. Не думаю, что на Украине, в Казахстане или в Поволжье уже в 1934 году положение в этом плане улучшилось. Так вот сразу крестьяне справились с сельскохозяйственным кризисом, начали пахать, сеять, убирать хлеб, есть и весело жить. Интересно знать, кому было в деревне пахать и сеять, если в одних сёлах люди полностью вымирали, а в других зиму, весну, лето голодали?! По Осипову, зиму голодали, а весной уже здоровые, весёлые жизнерадостные пахали и сеяли?!

А где взять лошадей, чтобы пахать и сеять столько, чтобы хватило хлеба с нового урожая с государством рассчитаться, да и самим его хватило?! Думаю, кони во многих колхозах погибли раньше колхозников. Кстати, в нашем колхозе каждую такую конягу, которая «приготовилась к смерти» докалывали. А пока её обдирали, колхозницы стояли уже в очереди около неё. Потом конягу делили на кусочки, и женщины хватали эти кусочки и таскали домой, чтобы хоть сегодня покормить детей.

А чем засевать пашню?! Ответ на этот вопрос дан в статье «Голодание по-сталински»: «... При этом из резервов фонда (почти два миллиона тонн зерна) голодющим не выделили ни грамма. Голод 1932 – 1933 годов был организован по худшему сценарию экономического абсурда, который в те годы был стилем аграрной политики СССР». Из этих слов, думаю, понятно, что деревня самостоятельноправлялась со своей бедой и ещё в течение многих лет после 1933 года продолжала голодать и хоронить своих колхозников – ясно, чтобы справиться с такой вселенской бедой, были нужны многие годы.

Я, конечно, не изучала по документам, сколько лет продолжался этот голодомор в разных регионах нашего государства и сколько человек погибло от этого голода. Да и где они, эти документы?! Кто вёл их с точностью, если люди гибли не только дома, но и в поле, на дорогах, на вокзалах, в вагонах, на улицах городов и т.д. ?!

Я – живой свидетель этого ада и считаю, что этот голодомор во многих регионах страны продолжался не менее пяти лет, и погибли многие миллионы крестьян, и гибли они не только в годы голода, но и в последующие годы, так как пусть кто-то голод сумел пережить, но здоровье осталось подорванным.

За примерами мне далеко ходить не нужно – я сама лично осталась жива во время голода, но остался нарушенным обмен веществ моего организма, и всю жизнь лечила и лечу печень. Начиная с 1956 года, почти каждый год, по путёвке ли, или по курсовке, иногда просто «дикарем» ездила на минеральные воды. А чтобы ехать, нужны были деньги. Люди, получив отпускные, покупали себе обновку, а я, получив отпускные, заказывала билет на минводы. География моих курортов такова: чаще Железноводск, Трускавец, позднее Обухово по два раза лечилась в Нижник Сергах, в Солнечном Закарпатье, один раз в Усть – Качке. Если бы не лечила себя, давно бы «сыграла в ящик» как моя мама, как мои подруги детства и юности – они очень рано ушли из жизни. Главная причина – последствия этого голодаания

Если я эту свою книгу всё же успею дописать да ещё сумею издать, и, возможно, кто-то когда то захочет её прочитать, то, дочитав до главы «Голодомор», удивится, зачем среди воспоминаний о своей жизни я начала вдруг писать о голодоморе в стране; отвечаю: дальше в моей книге будут воспоминания о том, как я жила в условиях этого голодомора и даже училась.

А так как об этом голодоморе люди давно забыли или молчат, помолчим, в истории нашей Родины о нём не упоминается; прочитавшие мою книгу скажут: придумала сказочку, оклеветала вождя, великого Сталина, а в эти годы не только не было никакого, идол, голода, а даже с великим успехом выполнялись планы первых пятилеток.

Отвечаю: «Да, в эти годы первой половины тридцатых годов двадцатого века успешно выполнялись планы первых пятилеток, но и страшный голодомор был».

Почему о нём молчит история? Я думаю: молчит история потому, что когда он, голодомор, душил крестьян великой страны, о нём, например, в средствах массовой информации нельзя было даже упомянуть; и уж, конечно, никто в то время нигде о нём не писали и не говорил. – Боже, упаси! Поэтому в истории нашей Родины того времени, когда миллионы крестьян огромной страны умирали от голода, запечатлены только успехи, достиже-

ния нашего государства в построении социализма, в выполнении планов первых пятилеток. А успехи действительно были грандиозными. Люди работали с энтузиазмом, шла борьба за металл, за машины, за оснащение Красной Армии военной техникой!

Партия и правительство всё делали, чтобы страну из аграрной, «клапотной» превратить в индустриальную. Страна была превращена в гигантскую стройку. Газеты, как военные сводки, публиковали вести со строек ДнепроГЭСа, Горьковского и Московского автомобильных заводов, Туркестано-Сибирской железной дороги, Урало-Кузнецкого комбината, Челябинского и Харьковского тракторных заводов, Первой линии Московского метрополитена и очень-очень многих других строек.

Например, «Урало-Кузнецкий комбинат был подшефной стройкой комсомола. Комсомольцы решили работать посменно круглые сутки. Земляные работы не прекращались даже в те дни, когда сильные морозы сковывали вязкую глинистую почву строительной площадки. В густом морозном тумане комсомольцы кололи землю кирками, потому что экскаваторы не могли работать на таком холода. Коченели ноги, замерзали пальцы рук, но ни один боец не покинул трудового фронта. Когда на дне котлована появилась вода, работали стоя по пояс в ледяной жиже. И строители победили – Урало-Кузнецкий комбинат дал первую плавку».

«В 1932 году первые отряды комсомольцев – посланцев партии – поехали на строительство Комсомольска-на-Амуре.

Жить приходилось в землянках и палатах. У костра, под открытым небом, строители города проводили комсомольские собрания. Не в землянки, не в палатки, а на штурм непокорной реки шли комсомольцы с собраний. Корчевали вековые деревья, осушали болота, рыли котлованы. Коварная река заливала не раз грузы и постройки. Комсомольцы отважно боролись с бушующей стихией, жертвовали здоровьем и жизнью, спасая ценности.

.. И тайга отступила. Город вырос.

(Т. Голубева Л. Голлерман. Рассказы по истории СССР. Учебная книга. Просвещение. М. 1965. с. 124,126.)

Вот подобные материалы в то время не только сообщались средствами массовой информации, а с восхищением в газетах и по радио рассказывались о героизме комсомольцев, работающих по пояс в ледяной жиже, жертвовавших здоровьем и жизнью. Эти материалы остались в истории, а не голodomор. Повторяю: о голодоморе молчали, никто не смел «рот открыть».

Голодомор в деревне и интенсивное строительство в городе возможны были одновременно потому, что все, что производилось все-таки селом, т.е. если не на 100 %, то на 50 %, а, может быть, и значительно меньше отдельными колхозами пашня засевалась и давала сколько-то хлеба, то весь этот хлеб до зёрнышка осенью сдавался государству. Колхозник с семьёй оставался голодать и умирать, а государство этим хлебом кормило армию и тех, кто возводил стройки социализма, и умудрялось ещё прода-вать хлеб Европе, так как на стройки социализма нужны были деньги.

В городах и рабочих посёлках, например, в 1932 – 1933 годах, хлеб распределялся по карточкам, а с 1934 года – где-то по спискам, а где-то может быть, была и свободная торговля хлебом, но тогда очередь за хле-бом часто занимали с вечера, и люди всю ночь стояли в очереди, так что не всегда хлеб был в достатке и в городе. Часто строителям не хватало одежды, обуви, но люди работали с энтузиазмом, понимали, что их труд праведный, то, что они делают, необходимо Родине. Да и каждый пони-мал: только такой труд даст тебе возможность иметь кусок хлеба и как-то кормить семью в это страшное для государства время. Из репродукторов лилась музыка и поднимала настроение, вызывала чувство радости и гор-дости, желание работать ещё лучше, не жалея своей жизни.

Нам солнца не надо –

Нам партия светит.

Нам хлеба не надо –

Работы давай!

А. Твардовский

Широка страна моя родная,

Много в ней лесов, полей и рек.

Я другой такой страны не знаю.

Где так вольно дышит человек.

В. Лебедев – Кумач

Смело мы в бой пойдём

За власть Советов.

И как один умрем

В борьбе за это!

Председатели сельсовета и колхоза в первое время у нас были «запётными», потому что из тех, кто остался в деревне, избирать было действительно некого. Им, «запётным», ничего не было дорого здесь, поэтому дома раскулаченных и беженцев были быстро распроданы, а деньги положены в карман, который ближе к телу председателя. Дома увозили в Ирбит, Зайково, Ирбитский завод (пос. Красногвардейский) и даже в соседние сёла. Церковь разобрали по кирпичику уже в 1930 году и кирпич увезли в Ирбит. Из каждой тройки домов в селе остался, наверное, один. Возами увозили вещи раскулаченных, библиотеки, скот – не брезговали ничем.

Из процветающего села слобода Белослудская превратилась в умирающее село, будто Мамай прошёл или фашисты разбомбили. Усиливала эту картину ещё и то, что невозможно было допроситься в колхозе лошадь, чтобы съездить в лес за дровами. Люди стали пилить на дрова дворовые постройки. Да они и не нужны стали. Например, у нас, кроме двора, в котором амбар с погребом и баня, был огромный пригон, в котором помещался весь скот; конюшни для коней, коров, свиней, овец; огромная сенница, в которую складывали сено, заготовленное на зиму для коров, овец и лошадей. Зачем они, эти постройки, теперь, когда во дворе одна корова?

Так что заплаты, многие дворовые постройки пилили на дрова, а место, что было занято ими раньше, к Отечественной войне превратили в огороды и стали выращивать картошку, которая во время Отечественной войны стала хлебом и спасала колхозников от голодной смерти. Вот так багатейшее село превратилось в самый бедный в округе колхоз «Землероб».

Ведь придумал же кто-то такое название колхозу, думаю, счёл: село богатое, культурное, крестьяне работать умеют, колхоз будет передовым, примером для других, уж, конечно, будет достоин такого названия. А вышло всё наоборот: по району колхоз всегда числился в отстающих. На воротах правления колхоза, вместо переходящего Красного Знамени, развевалось рогоженное знамя – показатель плохой работы колхоза по выполнению социалистических обязательств за определённый отрезок времени или за какую-нибудь кампанию: посевную или уборочную, а, может, по сдаче хлеба государству.

В школу меня мама отдала еще в 1930 году, когда мне исполнилось семь лет, но я проходила буквально несколько дней и заболела корью; после болезни мама меня в школу не отпустила. А зря. Фёкла Васильевна, которая учila меня первый раз в первом классе, пожилая интеллигентная

женщина спокойная, по профессии учительница с дореволюционным стажем, с огромным опытом работы, говорила тихо. Я ее запомнила хорошо, как сейчас вижу, а Поля, которая меня учила в первом классе в следующем году, не запомнила никакой. Но хорошо помню, что я ее не любила, и она меня, видимо, взаимно. Наверное, мне все не нравилось в этом классе, думаю, еще и потому что я успела узнать другую учительницу, и понимала: все должно быть в классе не так.

Поля – девочка лет пятнадцати из поселка Красногвардейского. Думаю, закончила классов пять, так что Советская власть решила, что она уже может преподавать, т.e. учить уму разуму других детей. Если кухарка могла управлять государством почему Поля не могла учить первоклассников?

Чему и как она нас учила, мне не запомнилось абсолютно ничего. Читать, думаю, если и не с ее помощью, то с помощью родителей мы все-таки должны были научиться, а писать? Ой, ой, ой! Я лично не научилась – всю жизнь пишу плохо.

Правда одна картина из жизни первого класса мне запомнилась: Поля сидилась на первую парту (думаю, из-за стола учительского ей трудно было нас всех увидеть), ноги ставила на сидение парты и что-то нам говорила или читала.

Еще помню, что детей в классе было немногого, и из них большую часть составляли переростки. Запомнились две ученицы: Кланя и Маня Никифоровы, думаю, они были одинак лет с учительницей, если не постарше – эти девочки уже в то время оформились в девушек. Они вели себя с учительницей просто, как подружки. Угощали ее пирожками и шанежками. Она охотно принимала, а в перерыв ела. Кланя училась неплохо, а Маня научилась ли читать, не знаю. Летом Кланя умерла скоропостижно, а Маня учиться во второй класс уже не пришла.

А вот после уроков иногда я заходила на детскую площадку, где воспитательницей была Шура (Александра Евстафьевна), которая жила в нашей семье при живом отце в нянках и нянчила меня еще маленькую, а теперь, когда в селе был организован колхоз, работала воспитательницей на детской площадке. А я ходила на площадку в последнее лето перед школой. Она меня любила, теперь знала, что мама моя на работе дома никого нет; меня кормили, и я играла с детьми. заменяя уже воспитательницу – это я тоже помню хорошо. Но детская площадка работала только весной, когда в колхозе начинались посевные работы, летом осенью до

праздника Октября. Заканчивалась уборка урожая – заканчивалась и работа площадки.

А еще помню: надо идти в школу, а у меня нет сумки, и Ивойл Михайлович подарил мне рогоженную сумку. Она была примерно 60x50 см, с ручками, и, когда я ее несла, часто ею задевала землю. У всех школьников сумки были сшиты из холста, на одной лямке. Их надевали через голову, в итоге получалось, что лямка на левом плече, а сумка под правой рукой. Но мне мама такую сумку не сшила, видимо, считала, что рогоженная сумка фабричной работы приличнее холщевой сумки.

Чернила носили из дома, их мама делала мне из химического карандаша. Чернильниц – непроливашек не было. Я чернильницу поставлю на парту, а ученик, что сидел передо мной, крутится, столкнет чернильницу, и она летит ко мне в колени: и писать мне нечем, и фартук опять в чернилах – жаль чернила, жаль фартук – горько, обидно.

Во втором классе учить нас стал Семен Михайлович Рудаков, молодой мужчина. Его жена, Серафима Ильинична, тоже немного учила, но ее быстро освободили, ее образование, видимо, было еще ниже, чем его. Каким было образование Семена Михайловича, я не знаю, но педучилище я закончила, возможно, раньше его – когда я училась в педучилище, он тоже учился, только заочно. Уже, сдавая государственные экзамены, я его видела среди заочников, но никогда к нему не подходила, казалось: если подойду и скажусь, кто я, этим унижу его, поставлю в неудобное положение. А как же? Ученица заканчивала педагогическое училище раньше своего учителя!..

На уроках он нам ничего не объяснял, а только задавал, что выучить на уроке, и уходил в другой класс, так как учил его одновременно с нашим. В четвертом классе уже были уроки географии, естествознания, обществоведения и, конечно, чтение. Помню: учу стихотворение, кажется, Д. Бедного, начинается оно так «Заткало пряжко туманной весь левый склон береговой». Совершенно не могу осмысльть выражение: «Заткало пряжко туманной», и сидит оно в голове как заноза. Что же значит слово «заткало»?

Труднее всего было заучивать материал по естествознанию. Описаны опыты – все только механически запоминаешь, что во что положили или налили и что получилось. Таким образом, механическая память развивалась, а что-то представить, вообразить, понять я не могла.

Когда мы закончили четвертый класс, должно быть что-то вроде экзаменов, называлось испытаниями. По русскому языку диктант, который мы должны будем писать на испытаниях, написали под диктовку учителя заранее, дня за три до испытаний в рабочих тетрадях. Семен Михайлович проверил работы, ошибки исправил и велел нам выучить написание всех слов и знаки препинания. На испытаниях в присутствии заведующей школой Н.А. Железницкой и председателя сельского совета мы писали этот текст под диктовку учителя на листочках. Я помню, засомневалась надо ли в конце предложения восклицательный знак, достала тетрадочку из парты и подглядела. По математике задачи и примеры решали заранее коллективно, т.е. один ученик решал на классной доске, а все остальные списывали в ученические тетради. Через день писали решение этих задач и примеров по вариантам на листочках в присутствии тех же лиц.

Еще были испытания по географии, их я тоже хорошо запомнила. Вопросы каждому, кто и на какой вопрос будет отвечать на испытаниях, раздали заранее, чтобы этот материал по учебнику выучили. А накануне экзаменов учитель повесил на доску географическую карту чтобы каждый нашел город, реку или океан, про который должен будет рассказать на испытаниях. Учитель повесил карту и ушел из класса. Думаю, он ее также как и мы, раньше никогда не видел и очень опасался, что мы, не сумев найти «свою» реку или озеро, можем обратиться за помощью к нему, а он уж точно быстро не сможет подсказать и «сидеть в калошу», т.е. окажется в некрасивом положении – вот и ушел. И мы все мигом ринулись к карте, толпой стали биться у доски – каждому хотелось встать поближе к ней, чтобы хоть что-то можно было прочитать на карте с целью суметь найти на ней «свой объект», абсолютно не представляя, в которой стороне карты его искать. Я помню, что меня обуревало в первые минуты у карты чувство страха, сумею ли я найти нужный мне «объект», а потом, когда с этой задачей коллективно, помогая друг другу, все же справились, страх сменился удивлением и даже восторгом от того, как велика наша страна, если в ней столько морей, рек, городов. Картину, которую мы представляли у карты, особенно в первые минуты надо было видеть, описать мне не дано. На следующий день мы четко рассказывали материал из книги и показывали уверенно «свои объекты» на карте перед той же комиссией, заведующая школой и председатель сельсовета.

Может быть, были испытания и по обществоведению, но там было все

проще – выучить и рассказать, поэтому не было так страшно – могло не запомниться.

Испытания прошли успешно, все довольны, в том числе учитель, а главное, заведующая школой увидела, что у учащихся прочные знания, значит, молодой учитель, хотя и не имеет образования, а так хорошо справляется с работой.

Не знаю, как другим ученикам класса, а одному из них, а именно Оле Мартыновой, покоя не было. Я никому не рассказывала, как проходили экзамены, ни от кого не слышала, правильно это или неправильно, я понимала сама, что учитель наш поступал непорядочно, давая заранее выучить нам то, что будет спрошено с нас на испытаниях – этого делать нельзя. Это меня волновало: я чувствовала себя соучастницей непристойного дела – и я поделилась своими мыслями с подружками; хотелось узнать, как они оценивают такие поступки учителя. Они тут же рассказали все учителю. Как он на меня посмотрел – пригвоздил меня к месту – взгляд тот до смерти не забыть!

На этом наши пути «великого учителя» и «недалекой», точнее «глупой», неблагодарной ученицы разошлись навсегда. Помня этот взгляд, которым он наградил меня при расставании, не могла я и в педучилище подойти к Семену Михайловичу и поделиться радостью, что заканчиваю педучилище – одна из учеников того, его первого выпуска – остальные все мои соученики, его ученики, стали колхозниками колхоза «Землероб», никто учиться дальше не смог, а одна из причин и та, что закончили мы начальную школу без знаний и необходимых навыков и умения учиться.

Вот такие учителя: Поля и Семен Михайлович Рудаков – учили меня в начальной школе. Не было библиотеки, чтобы почитать что-то, а читать страстно хотелось, не было радио. Но зато Семен Михайлович пиликал на гармошке, и мы под его аккомпанемент в четвертом классе танцевали «четверу» «шестеру» и «восьмеру».

Заведующая школой Н.А. Железницкая один раз в месяц ездила в Ирбит за зарплатой. Обычно гостила там дня три, общалась с родственниками, приятельницами – учительницами, а может быть, и семинары какие-то проходили в те дни. Всегда из Ирбита привозила что-то новенькое: хорошую книгу, новую песню или танец новый. Если танец, тут же разучивала с нами под тра-ля-ля.

Если Надежда Афанасьевна привозила новую книгу, после уроков всех

учеников школы собирала в одну классную комнату и перед нами стоя читала ее вслух. Так продолжалось дня 2-3, прочитанное комментировалася вдалбливала в наши головы, чтобы мы поняли. А потом книга передавалась в 4 класс и ученица, которая обладает хорошей техникой чтения, продолжала читать эту книгу нам вслух во время большого перерыва или после уроков. Все собирались около нее и слушали. Я помню одну из этих книг, прочитанных вслух, «Пятачок». Содержание книги таково: мальчик иногда у родителей брал без спроса пятачок денег, родители не замечали пропажу: пятачок – небольшие деньги, и, даже заметив, не обращали внимания на такую малость. Со временем мальчик стал брать монетку достоинством побольше, брать деньги без разрешения – стало его привычкой. Наконец, это превратилось как бы в болезнь своего рода – мальчик уже не мог не взять деньги или вещи чужих людей – так постепенно превратился в профессионального вора и попал в тюрьму. Родители очень сокрушились и не могли понять, почему он ворует, т.е. берет чужое, когда дома есть все.

Прочитав книгу, обсудили содержание и сделали вывод: что сын стал вором, виноват в этом не только он сам, но и родители, так как не пресекли тогда желание мальчика брать деньги, когда он был еще ребенком и брал пятачки.

Книга, конечно, имела огромное воспитательное значение особенно для тех, кто был уже грешен этии. Пришлось задуматься...

Таким же способом читали «Принц и Ницци», а названия других книг не помню.

Если Надежда Афанасьевна в Ирбите узнала новую песню, мы тут же ее разучивали с ее голоса и пели – таким образом мы знакомились с новыми песнями и знали все песни, которые появлялись в стране, особенно революционные. Знали и песню про Петрушу-тракториста.

Я уже говорила, что в селе не было ни библиотеки ни радио, ни кино в те годы. Газету получала очень редкая семья. Самая действенная форма культурно-массовой работы была живгазета а форма живгазетчиков – красная или синяя блузка. Участников живгазеты называли живгазетчиками. Обычно такие живгазеты в селах создавались из комсомольцев. Была ли комсомольская организация в нашем селе, не знаю, но если и была, работы ее нечувствовалось нам, а уж живгазетчиков из комсомольцев не могло и быть, так как грамотная молодежь «улизнула» из села или была

выслана вместе с родителями – кулаками, остались бывшие сироты, батраки, они в силу своей неграмотности для живгазеты явно не годились. Живгазета была создана из школьников Н.А. Железницкой.

Живгазетчики часто в стихотворной форме рассказывали населению о том, чем жила страна; о политике, проводимой партией и Советским правительством в двадцатые годы конечно, о всех тех, кто саботировал сдачу хлеба государству, а в тридцатые – о том, как работал колхоз, какие проблемы стояли перед селом. Пропевали в частушках недостатки в работе колхоза прогульщиков, лодырей, пьяниц, подкулачников – всех тех, кто безответственно относился к работе в колхозе. Рассказывали и о хороших тружениках – ударниках колхозных полей.

Я впервые принимала участие в живгазете будучи первоклассницей. Мне запомнился из всего только момент, когда на сцене стояла группа старшеклассников (учеников 3-4 классов, ведь школа в селе была только начальная), я выбежала на сцену и произнесла: «Ребята, кто знает, кто такой Паункаре?» Ребята хором мне отвечали: «Паункаре – это война. Капиталисты всех стран готовят на нас нападение, так и рвутся от нетерпения. Правые, левые уклонисты помогают капиталистам. Они хотят Пятилетку сорвать. Но не разрушить им ленинской стройки: мы идем по пути Ленина, стоим стоико!» Уже по этим нескольким словам видно влияние на сознание людей: мы действительно жили в капиталистическом окружении, нас запугивали что капиталисты всех стран готовятся задушить Советскую власть, значит, готовят войну против нас, нам надо иметь боеспособную армию, готовую дать отпор, а для этого нужно, не жалея своих сил, много работать, а понадобится – отдать жизнь. Есть и много внутренних врагов, уклонистов от Генеральной линии партии, их надо своевременно выявлять и «устранять с нашего пути».

Когда я стала учиться в 3-4 классах, мы очень часто выступали в сельском клубе. Смотреть наши выступления собирались много колхозников, клуб всегда был, как говорят, битком набит. А сколько потом было разговоров о положении в стране, о делах в селе!

Живгазетчиков готовила Железница, она и сочиняла частушки на темы колхозной жизни, а распевали мы их под гармошку (думаю, не баян) С.М. Рудакова. Летом выступали на полевых станах, вернее, не летом, а весной и осенью во времена посевной и уборочной кампаний, т.е. пока мы учились в школе.

Когда я учились в четвертом классе, в школе создали впервые пионерскую организацию. Никакого торжественного приема в пионеры не было, просто записали желающих. Меня избрали председателем пионерской организации. Не помню, чтобы кто-то мне сказал, какую работу вести с пионерами, видимо, сама проявляла инициативу, но никто и отчета о работе не потребовал, никто не поинтересовался моей работой и жизнью пионеров. Как только я научилась читать, мама мне выписывала газету «Всходы коммуны». из нее я узнавала, как живут пионеры страны (а, возможно, только нашей области – не помню: центральная или областная была эта газета), чем занимаются. Я иногда просила пионеров остаться после уроков и рассказывала им то, что узнала из газеты. Однажды как-то мне попала в руки пьеса в пять действий. Я подобрала «артистов» и после уроков стали репетировать. У меня роли никакой нет, я – режиссер, супер, так как моим артистам не под силу выучить всю роль, да и условий к этому не было: пьеса в брошюре только у меня. С этой пьесой без помощи взрослых и учителей мы выступили в белослудском клубе, а потом и в фочинском и в притыкском. Выпрошу у председателя колхоза две лошади с розвальнями, посажу всех артистов, да и других пионеров и уже темно поедем в другую деревню, ведь колхозники придут смотреть только после работы и управы в своем хозяйстве. Обратно поздней ночью возвращаемся с песнями. Больше пьес не попало в мои руки. Однажды разыгрывали басни Крылова из учебников 3-4 классов.

Зимой каждое воскресенье просила у председателя колхоза лошадь, и пионеры объезжали село, забегая в каждый дом, собирали золу и куриный помет для удобрения колхозного огорода, чтобы овощи выросли хорошими. Однажды в августе, когда в школе еще не учились все, кто в то время в колхозе уже не работал, ездили в поле собирать колоски после уборки хлеба комбайном.

Вот так я учились. А вот как жили в это время?

Хлеб в колхозе на трудодни давали только со свежего урожая с середины августа до праздника Октября. К октябрьским праздникам уборочная заканчивалась, хлеб весь сдавали государству, жизнь в колхозе замирала. Работали только доярки, свинарки, телятницы, конюхи да трактористы ремонтировали свои тракторы. Трактористам что-то давали на трудодни, возможно, что-то немного давали и тем, кто работал на фермах, а остальным колхозникам – ничего. Для многих наступал страшный голод. Топкли

сухую картофельную ботву, лебеду, высушеннюю с лета, клеверную мякину из муки этих растений стряпали лепешки, которые очень трудно было проглотить даже с молоком. Картошки не было. Дело в том, что до колхозов когда люди жили своим хозяйством, сеяли хлеб, хлеба и мяса было вдоволь, картофеля сажали мало, грядки по 2-3 только для супа; иногда для разнообразия варили картофельную кашу, не помню, чтобы жарили. А после коллективизации, когда хлеб сдали в колхоз, картошку в первую же зиму съели, если кто-то и оставил на посадку, то чуть-чуть, самую малость. Так что весной сажать было почти нечего. И так из года в год все тридцатые годы. Это в войну узнали, что можно оставлять на посадку часть клубня картофеля, срезая его с «глазками», или даже одни картофельные ростки можно положить в лунку, забросить землей, и ростки дадут всходы. Урожай не будет обильным, но каким-то все же будет. Люди ели раков, моллюсков, вылавливая в реке. Коров держали в большинстве семей, но молока от них получали мало, так как сено ставить не разрешали, потому что покосы не отводили, так как колхозник обязан, пока идут полевые и уборочные работы, с раннего утра и до поздней ночи без выходных работать на колхозной работе, значит, для заготовки сена своей корове у колхозника времени просто не было. Только поздней осенью когда трава уже засохнет, разрешали покосить где-нибудь болотины или второго укоса. В семьях, где мужики, парни, которые работали на конях, как-нибудь ухитряются, вывезут сено сразу, как накосят, а вдовам, как моя мама, даже лошадь допроситься не всегда удавалось, чтобы сено вывезти вовремя. А замешкаешься вывезти сено домой – там его и «след простила». Слез, горя – не описать. Старинная пословица гласит: «У коровушки молочко на язычке», то есть: как покормишь, столько и молочка получишь. Да и от кормления коровы сеном, накошенным осенью, когда в траве никакого сока нет, не жди молока много и хорошего качества, т.е. высокой жирности.

За дровами съездить тоже лошадь еле допросишься, а привезешь один сырник – только что срубленные деревья, так как весной времени на заготовку дров не давали. Чтобы хоть как-то дрова горели, мама пилила заплоты (стены вокруг подворья из бревен), благо заплоты были высокими. Конюшни, пригоны сеновал, баня, крыша над этими постройками – все было израсходовано на дрова. Так были вынуждены поступать многие колхозники. В итоге осталась одна конюшня и амбар – все равно скота нет, одна корова. А с нее надо сдать государству 360 литров молока, 46

кг мяса, так что, если корова и рождала теленочка, его кормили до осени, а осенью сдавали на мясо государству. Мы хоть молоко досыта пили, а в больших семьях и молока всем не доставалось. Люди, взрослые и дети, пухли от голода и умирали.

Мама никогда не работала на фермах, всегда на полевых работах с ранней весны до поздней осени. Зимой, может быть, учитывая, что она – ударница труда в колхозе, а, может быть, то, что вдова, значит, дома ее ничто не держит, а нужда из родного дома даже гонит, ей иногда на зиму давали какую-нибудь работу. Так зиму, когда я училась в первом классе, с декабря по апрель мы жили в доме Сыскина, бывшего богача, где на втором этаже находились круглогодичные детские ясли для детей, чьих родителей отправляли на всю зиму на лесозаготовки в северные районы Зауралья. Внизу была кухня, прачечная и т.п. и маленькая комната, где спали мы. Мама стряпала хлеб, варила еду детям, стирала белье и пепенки, мыла полы. Конечно, эти четыре месяца, самые трудные, мы не голодали, какие-то крохи хлеба доставались и нам с Петей, тем более, что молоко было свое. В апреле перебрались в свой дом – стало голодно. В мае началась посевная, женщин заставляли боронить пашню на своих коровах, так как кони кулацкие и колхозников одни погибли от недостатка корма, на других пахали пашню. Я уже говорила, что боронили и мы с мамой колхозное поле на своей корове. Наша корова Зорька не хотела тащить борону. Мама тащила Зорьку за собой веревочкой, наброшенной на шею Зорьке, а я день ходила за ними по полю, подгоняя корову хворостинкой, но корова все равно идти не хотела, упиралась, ложилась или рвалась убежать в сторону. Мама порой кричала на меня: «Пуще хлеци!» А мне было жаль Зорьку быть. Мама вся в слезах не только от тяжкого труда, но и от обиды на всю жизнь, измучивалась к концу дня до предела, а я, еле добравшись до дома, падала и засыпала. Но завтра начиналось все сначала, голодные мы и наша корова с раннего утра шли трудиться на благо социализма.

Когда я училась во 2 классе, т.е. зиму 1932-1933 годов, мы жили в клубе. Мама была уборщицей, сторожем, истопником. Дрова привозили сырье, деревья рубили сразу с корня, и мы с мамой их пилили. Дерево лежало на снегу, козел не было, наклоняться приходилось низко. Пила тупая, у меня силы нет тащить пилу. Мама ворчит: «Что ты легла на пилу?! Тяни а не лежи на ней!» Я старалась, но получалось плохо. Мама нервничала.

Бывало скажет: «Уходи!» И станет пилить одна. Ей тяжело, мне ее жаль. Я себя чувствую виноватой, что маме плохо, помочь от меня неважная. Тяжко было маме. Но нам давали какой-то паек или от сельпо, или сколько-то муки от колхоза.

Летом работала вместе с мамой на прополке хлеба. Целый день ходишь по полю под палящими лучами солнца с палкой в руках, в которую вставлена заточенная железка, и тычешь железкой в корень сорняков, подрезая траву. В предыдущее лето на этих полях рос картофель. Картофелины, оставшиеся осенью в земле, весной при вспашке оказывались на поверхности земли. Зимой они замерзали. весной оттаивали, а летом высыхали, превращались в крахмал. Ты траву полешь и зорко смотришь, не валяется ли где такая сухая картофелина. Поднимешь и положишь в платок, завязанный как фартук, или в подол платьшка. Вечером мама сварит густой кисель на молоке. Вкус этого киселя специфический, так как крахмал из мороженого картофеля. Конечно, к нему бы хоть маленький кусочек хлеба, но хлеба нет. И кисель есть не можешь: поешь – вырвет. А днем во время отдыха рвем кислицу, которая растет кустом на поле (своего рода щавель, такие же листья, такие же вкус и кислота. только растет кустом), или пучки дидильки, растущие на покосах, по краям поля, так что обедаем подножным кормом.

Когда появились ягоды, мама стала работать на покосе. Мне было приказано возить копны и волокуши. Но я верхом на лошади ездить не могла – кружилась голова, я очень боялась упасть, да и лошади меня не слушались – от меня все же отстали, тогда я стала вместе с женщинами гребти сено граблями или, вороша, досушивать его.

Однажды мама поругалась с бригадиром из-за того, что я работаю полный день, а трудодней мне записывают мало, и сказала мне: «Иди в лес, ешь ягоды». Я ушла в лес, собрала немножко ягод. Больше мама меня в поле не стала брать. Я стала с подружками ходить в лес за ягодами: за черемухой, малиной. Черемуху стали сушить, толочь в ступе, сеять и стряпать лепешки из черемуховой муки. Иногда делали помакушку: черемуховую муку заливали кипятком, получалась густая кашица – хлебали ложкой. Но от такой еды «стул» становился таким твердым, что ...

Скота в пригоне не стало навоз перегорел, на нем летом грядами стали расти шампиньоны. Их рвали, склили в корытце и варили густой суп, заправив молоком. Сметаны не было, так как молоко сдавали государству.

Меня с такого супа без хлеба сильно рвало. Такая еда: саранки, кислица, пучки, дидильки, грибы, ягоды – каждое лето. Хлеба нигде ни крошки не продавалось в деревне. За отца давали пенсию – пятнадцать рублей. Если б можно было купить хлеб, мама бы хоть когда-нибудь купила, но его не было, и деньги шли на налоги.

В общем-то, только начинала таять снеги с гор сбегали ручьи, из земли показывалась первая травка, учебный год еще не закончен, с утра идем в школу, а после уроков не уроки учим, а идем в лес копать саранки, есть пестушки сосны, сосать пуховки вербы, они, между прочим, спадковаты. Брали с собой в лес топоры, пили березовый сок. Гнал нас в лес голод – дома перекусить было нечего. Помогали жить в какой-то мере молоко, творожок, сметанка.

Когда заканчивался учебный год, и мы шли работать на колхозное поле, сок с берез уже не бежал, становился плотным. Только начинался отдых, передышка в работе, бежали стопорами или ножами снимать кору с берез и плотный сок уже снимали с берез щепками или ножом – это тогда, когда березовый лес близко от нашего рабочего места. Теперь в лесу, на покосах рвали и ели пучки, дидильки, а на поле – кислицу. В первой половине лета, пока кислица не переросла, стволики веточек плотные, мясистые, приятны для еды, конечно, в небольшом количестве. А если другого нет ничего поесть – приятность быстро проходит. Так на подножном корму мы жили все лето. Щавеля, пучек или дидилек рвали много, чтобы унести домой – поесть вечером и покормить других членов семьи – голодны были все.

А когда начинались ягоды, мы часто гурьбой ходили в лес. Земляника и черника росли далеко в бору, туда одни не ходили – нам не разрешали, мол, заблудитесь. Сначала ходили на бугры за клубникой, позднее – за малиной и черемухой. Лазили по черемухам, как обезьянки, каждый на своей черемухе. Едим, берем ягоды и переговариваемся, смеемся или рассказываем выдуманные услышанные от взрослых истории или вычитанные из книг и газет.

А если с нами в лес идет моя бабушка, то на обратном пути остановимся, сядем где-нибудь на пригорке, наблюдаем красоту окрестностей нашего села, рвем цветы, плетем венки и слушаем бабушкины сказки. Домой вместе с ягодами несем букетики или венки из цветов. Ромашки в те времена были очень белыми и крупными.

Когда я учились в третьем классе, на зиму мы переехали на квартиру

к Агния Алексеевне. В ее доме была сделана столовая для трактористов. Агния считалась поваром, а мама – заведующей столовой. Варили трактористам конину мясо дорезанных лошадей, которые скоро должны были «пастись». Когда Агния варила это мясо, в доме стоял очень неприятный запах и пар. А еще для трактористов стояла бочка соленых мелких зеленых помидоров. Помидоры мы ели, а конину нет. Хлеб какой-то для трактористов стряпала Параксовоя Алексеевна. Видимо, какие-то крохи хлеба перепадали и нам. Но к весне уже и для трактористов хлеба не было. Она толкала льняное или конопляное семя и стряпала лепешки из него. Из льняного семени лепешки были горькими, а из конопляного – вкусными, но жирными; с них очень тошило и рвало.

Весной мама опять работала на полевых работах, и мы жили дома. Когда я закончила учиться, ездила с ней на покос, гребла сено. Если взрослые косили, мы ворошили сено, т.е. сушили. Оставалось время сходить в кусты за пучками, дидильками или ягодами. Колхоз сеял горох, он поспевал раньше хлеба. Его охранял взрослый колхозник верхом на лошади. Если не охранять, все колхозники семьями будут на нем «пастись» – все есть хотят. Воровать колхозный горох ходили дети. Идем кромкой леса и наблюдаем в каком краю огромного поля находится охрана. Когда сторож уезжал подальше от нас, мы выползали из леса и начинали рвать горох. Только сторож приближался к нам, мы уползали в лес и хоронились, ожидая, когда он уедет. А он не спешит уезжать, знает, что воришек следуэт ожидать со стороны леса, да и горох здесь вытоптан, вырван – ясно, что тут ежедневно «страдают». т.е. горох рвут. Поговаривали, что сторож с ружьем может застрелить. Но мы думали: нас не увидит. Словом, голод толкал вновь идти воровать, раздумывать было некогда.

Когда я училась в четвертом классе, мама на зиму устроилась продавцом в винную лавку и на всех нас получала паек: маме – пуд – шестнадцать килограммов муки, а нам с Петей по полгуда – по восемь килограммов на месяц. Это была лучшая зима в нашей жизни, голода мы не испытывали, хотя на бабушку пайка не было. Еда в основном из домашних продуктов – хлеба и молока. Но часто был суп из воблы. Бабушка ее вымочит, сварит и бросит домашней лапши, да дадут к этому кусочек хлеба – счастье. Кажется, я и сейчас чувствую во рту вкус этого супа, он запомнился мне навсегда после стольких лет голода – такое счастье. Мне, кажется, такого вкусного супа я больше никогда не ела.

Летом после четвертого класса я вроде бы в колхозе не работала, ходила с бабушкой в лес за грибами и ягодами. Мама, думаю, зная, что я пойду учиться в пятый класс в Зайково, значит, жить буду где-то одна, не дома, следовательно, мне надо отдохнуть, набраться сил, по всей вероятности, в правлении колхоза сказала свое веское слово, и меня на работу не вызывали. Я часто в лес за ягодами ходила одна, так как другие ребята работали. Однажды несколько дней шел сильный дождь. Наконец, выдалось утро хотя и пасмурное, но без дождя. За дождливые дни наспела малина. На улице довольно прохладно, сырно, грязно. Я встала пораньше и, как всегда, босая отправилась за малиной в лес. Я знала куст малины километрах, пожалуй, в трех от деревни, с которого, если прийти пораньше, можно набрать ведро ягод. Бегу, потоптавшись. День пасмурный, и пахнет дождичком. Ягод — красно, видно, что дня два точно никто в кусте не был. Только начала брать ягоды, спышу: кто-то есть в другом краю куста и периодически передвигается — страх обуял: а вдруг медведь. Страшно, но и от ягод уходить не хочется. Беру ягоды, но каких картин только не нарисовало мое воображение — и все с медведем. Людей не боялась, не принято было бояться людей. И только на средине куста встретила женщину из нашего села.

Ягод корзину набрала и отправилась в обратный путь. Слева поле спелого гороха. Руки и ноги замерзли, но не проходить же нужно. Сняла платок с головы, привязала, как фартук, и рву горох. Рядом кто-то зашевелился. Оглянулась — молодой зайчишка. Тоже пришел поесть горох, да запутался в горохе — не может выбраться. Взяла и зайчишку — дрожит, видимо, всю ночь пережидал грозу в горохе. Несу его, а он и не порывается освободиться от моих объятий — согрелся, бедолага. Еле добралась до дома с такими трофеями: горох привязан в платке вроде бы надежно, но в одной руке приличная корзина ягод, в другой зайчишка — руки устали до предела. Зайчишку напоили молоком, он три дня прожил, оклемался и ушел; не заметили, когда и исчез, не попрощался с нами. спасибо не сказал.

Осенью 1935 года я поступила учиться в пятый класс Зайковской ШКИ (школа колхозной молодежи). Все, кто закончил четвертый класс сочиной, тоже поступили в ШКИ, но уже после праздника Октября все учебу бросили, так как наступил год хлеба, как и в предыдущие годы, колхозникам давать не стали. Я продолжала учиться одна из села Белоспудского, так как мама моя в эту зиму устроилась работать санитаркой во вновь открыт-

том медицинском пункте в нашем селе. Давали какой-то паек, муку, и я могла сколько-то хлеба унести; конечно, больше унести из дома было нечего. Осенью набирала из огорода моркови, репы, подсолнечного семени.

Поселили девочек – пятиклассек в бывшем поповском доме. В нем две огромные комнаты, в каждой по 20 человек. Значит, стояло сорок топчанов на них матрасы, набитые соломой. Мой матрас сшил из половика, подушка, лоскутное одеяло, стеганое куделей – больше никаких постельных принадлежностей. Взрослого с нами не было никого. Утром, когда мы уходили в школу, приходила женщина, делала уборку, приносила воду, топила голландскую печку, единственную на такую огромную комнату. Зимой вечером в комнате было уже прохладно, а ночью выстыпало так, что вода замерзала. Когда мы утром вставали, умыться было нечем, в такие дни ходили в школу неумытыми.

Посреди комнаты стоял стол со столешницей сантиметров 80x120 не больше. После уроков бежали в общежитие бегом, и каждый, забегая в комнату, клал на стол свои тетради – это значило – занять место за столом, чтобы было где, пока светло на улице, выполнить письменные домашние задания. Всем одновременно места за столом не хватало. Учебники продаивались перед началом учебного года, в последние дни августа. Мама дала мне денег на учебники, но я сумела купить только два – по русскому языку и литературе. Учебников по другим предметам мне не досталось. Думаю, из других деревень ученики знали, что надо приезжать раньше, т.е. за несколько дней до начала учебного года, чтобы купить учебники, а из нашей деревни раньше меня никто не учился, поэтому подсказать мне никто не мог. Из каждой деревни девочки держались своей кучкой, так что и учебниками делились только со своими деревенскими. Выпросить учебник у кого-то было сложно. По русскому языку и литературе я всегда была готова к урокам. По математике я училась хорошо, поэтому мне охотно предлагали задачник, чтобы я решила, а они списали. Часто можно было наблюдать такую картину: я решаю, а девочки стоят вокруг, ждут, когда можно будет списать. По остальным предметам учебников у меня не было, к урокам я часто была не готова, потому что учебник надо было у кого-то просить, девочки давали неохотно, а унижаться ежедневно было противно, ведь взамен я ничего им предложить не могла. Да и одета была значительно хуже других – от этого чувствовала себя неуверенно, ущербно. Многие девочки из других деревень были переростками, поэтому держались более уверен-

но. Почти у всех, кто учился до конца учебного года, папы были то председателем колхоза, то бригадиром или кладовщиком. значит их подвозили. они привозили съестное на неделю, да и среди недели им что-то съестное подбрасывали. А моя мама – колхозница самого бедного колхоза в районе. так что мне приходилось держаться в сторонке, подружек у меня не было.

Но с наступлением зимы девочки из комнаты стали убывать, их топчаны (своего рода кровати, сколоченные из неструганных досок; вместо ножек у топчана две доски, сколоченные крестом) оставались незастенными. Те девочки, что бросали учебу, были такими же бедолагами, как и я. т.е. их родители были рядовыми колхозниками таких же бедных колхозов, как наш «Землероб».

Уроки учить можно было, пока светло на улице. Каждый день было шесть уроков, заканчивались они в два часа дня. Зимой, пока выполняли письменное задание, уже темно. В комнате горит на столе одна семипинейная керосиновая лампа. часто со сломанным стеклом или вообще без стекла – в центре комнаты полумрак, а по углам – темнота. Мы не играли никогда. Приходили из школы, выполняли письменные задания и лежали под одеяла на кровати. Если есть что, пожуешь, а нет – лежишь и мечтаешь, что бы погрел. В комнате тишина – ни шума, ни смеха. Словно живут тут не дети, а старые бабушки. Мы не знали как зовут девочек соседней комнаты, проходной, по которой мы пробегали ежедневно в свою комнату. Пробегая или проходя, не задерживались ни на секунду, они учились не в нашем классе, и мы с ними никак не общались. Ни одна из них ни разу не была в нашей комнате. В нашей комнате жили девочек пять или шесть из села Кочевки. Они иногда собирались на две соседних кровати, обсуждали что-то из деревенской жизни, разговаривали тихо, спышно, что разговаривают, а что говорят, не понятно, а в остальное время – тишина: ни кино, ни радио, ни газеты, ни книги ни учебника – с тобой только мечты и воспоминания былой сырой жизни.

Как я училась по устным предметам, не знаю; знаю, что зубрить – учебников не было, а слушать объяснение учителя и понимать, что он говорит я не могла: внимание совершенно не было развито. Я уже выше писала, какие учителя меня учили в начальной школе – никому нам ничего не рассказывалось, не объяснялось. Думают, поэтому я слушать и представлять что рассказывает учитель, не могла; в моей памяти ничего не оставалось, и, когда на следующем уроке шел спрос этого материала, я дрожала, как

осиновый лист от страха, что могут спросить. Опрос заканчивался, начиналось объяснение учителем нового материала, часто монотонное, я успокаивалась, отключалась, полностью погружалась в свои мечты о еде.

Но плохих отметок у меня не было. Только однажды я получила по географии подряд две оценки «плохо». Я возненавидела учительницу и больше никогда, ни на одном уроке до седьмого класса не взглянула на нее. Думаю, я эти «плохо» не исправляла, так как учебника географии за пятый, а потом и за шестой классы никогда в руках не держала. Видимо, «автоматом» мне поставили оценку «посредственно» так как по русскому языку и литературе, по которым учебники у меня были, и по математике у меня были оценки только «хорошо» и «отлично». А разве таких учеников можно оставлять на второй год, у которых по главным предметам хорошие оценки?! Вам что, дорогая Софья Васильевна, хочется «загреметь» в места «не столь отдаленные» за плохую успеваемость, например, по своей географии, вслед за некоторыми коллегами, например, за преподавателями истории, немецкого языка?! Да и кого переводить-то Вы собрались в шестой класс, если отсев учащихся из школы идет почти ежедневно?! Радуйтесь, хоть такие, как Мартынова, еще в школу приходят... – вот так и учились.

В конце учебного года были опять испытания, а по русскому языку и математике устно и письменно. Тут впервые я взяла в руки учебник по математике, не задачник, а учебник, в котором есть правила. Я отлично умножала или делила дроби, но самих правил не знала. И вот с девочкой, у которой учебник был, мы взяли пальтишки, ушли на берег реки Ирбитки, и я читала эти все правила вслух для нее. Я учебник такой держала в руках впервые, а там правила – тьма-тьмущая. Разве могла я их выучить все сразу?! И мной овладел страх, что не смогу сдать экзамены по любимому предмету. Но и тут пронесло как-то, ибо я совершенно не помню, как сдавала этот экзамен.

Отправляя меня в пятый класс, мама сшила мне пальтишко из хлопчатобумажной черной материи, простежила его тоненько куделей, думаю, и кудели-то своей уже не было – так выпросила помаленьку у старушек, подруг или у тети Лидии Васильевны. Ясно, что тепла от такого пальто было немного. Это пальто на осень, зиму и весну одно, т.е. от тепла до тепла, а под ним ни кофточки, ни жакетика, только какое-нибудь ситцевое платьишко. На осень и весну – обутки, на зиму – валенки, которые носишь не одну зиму. Они со временем становятся дырявыми на подошве или на запястни-

ке. В них положишь сенную или соломенную стельку, чтобы не очень много в валенок попадало снега. Стелька торчит в дырявом запятнике – так ходишь. Валенки никогда никто не сушил, так как в комнате была одна печка – круглая голландка, а как к ней положишь валенки, если в комнате нет ни стула, ни табуретки. На весь год одни хлопчатобумажные чулки. След их изорвётся до предела, но их надеваешь, выше колена подвязываешь вязками, скрученными из старых тряпок, которые быстро рвутся, а если произойдет это не дома – вязку не найти – ходи без чулок совсем, так как подвязывать чулки нечем. Штанишek – никаких. Зимы были тогда холодными, с лютыми морозами, бывало, морозы доходили до 50 градусов.

Зимой в субботу просидишь шесть уроков (сбежать с уроков – Боже, упаси! – такого ни с кем не было), которые заканчивались в два часа дня. зайдешь в общежитие за мешком, в третьем часу в такой одежонке по морозу пойдешь домой. Дорога в пятнадцать километров. Да в пятнадцать ли? Ее никто никогда не измерял, предположительно так говорили, а только по одной Зайковой еле дойдешь до школы.

Итак, мой путь село Зайково, деревня Худяково, УЖД, деревня Васино, село Мельниково, пенько завод да еще шесть километров песком – по обе стороны дороги стоит стеной вековой дремучий бор. Зимой дни короткие, понятно, что идешь по этому лесу уже в полной темноте, в жуткой тишине, голодный, механически переставляешь ноги, боясь взглянуть в сторону. Бывало, доберешься до дому с озабленными лицом, и ногами выше колен.

Вечером мама помоет меня в железном корыте на печи, а иногда только в тазу вымоет мне голову, баня стала стареть да и топить её было нечем – дров нет – хоть бы в доме печь потопить; выстирает платьишко и чулки, а за ночь это не высокнет. Утром мама уйдет на работу, а я, пока высплюсь в тепле, на полатях, начинаю сушить свои шмутки у железной печки. Идти на холод не хочется часов нет. Не знаешь, который час, но чувствуешь, что день клонится к вечеру, нехотя поплетеешься в обратный путь. Чуть от деревни отойдешь, уже темнеть начинает. А дальше опять идешь в полной темноте. Удивительно, но факт: ни конные, ни пешие люди не попадали мне на волоку навстречу и не объезжали меня. Даже волки ни разу не встретились за шесть лет моих хождений по этому лесному тракту. Например однажды мы с мамой зимой ехали по этой дороге, так нам среди белого дня волк пересек дорогу. А было так: лошадь вдруг остановилась, зафыр-

кала и стала сучить ногами. Мама поняла, в чем дело, вскочила на ноги и натянула вожжи. Справа от дороги из леса вышел материный волк. Огляделся (до нас было метров пятнадцать-двадцать) и неспешно пошел через дорогу. Когда волк скрылся в лесу, мы еще постояли минут пять. Тишина. Больше из леса никто не выходил, и мы поехали дальше. Я все оглядывалась, но мама сказала: «Лошадь не волнуется, значит, опасности нет».

А меня и в темноте никто не побеспокоил, как будто я одна в то время жила на белом свете: голодный народ сидел по своим избам, а часто не сидел, а лежал, не имея сил двигаться. Одну меня гнала нужда из дома.

Гнала – сказано совершенно точно. Я не помню, чтобы мне страстно хотелось учиться, но и мысли в голове не было, чтобы бросить учебу, как все дети нашего села: все, кроме меня и Парасковы Друговой, отец которой был кладовщиком колхоза. Колхозный хлеб весь шёл через его руки, а у хлеба, понятно, не без хлеба. Ученики заканчивали начальную школу и ставили точку в получении образования – бедность в семьях была вопиющей: ни одежды, ни еды. Когда я поступила учиться в пятый класс Зайковской школы, Панька Другова училась в шестом классе, была она толстой, как и её отец, и больше походила на девушку, чем на девочку – наши пути с ней никогда не пересеклись; её, конечно, возили в Зайково на лошади, пешком ей, такой толстой, было бы не дойти. О моём существовании в то время она вряд ли знала.

Дом Друговых стоял на горе, первый с края села. Я её в середине села никогда и не видела – ей, думаю, не было причины спускаться в центр села, где жила беднота. Папочка пошадку к дому подгонит и отвезёт дочку в Зайково – никто в селе и не увидит. В общем, жила она, как панночка.

Мне же, думаю, сам Господь-Бог помог, чтобы я не прервала учебу. В тот год, когда я закончила начальную школу и должна была пойти учиться в пятый класс, в селе открыли медицинский пункт, прислали фельдшера, а маму на зиму отпустили из колхоза работать в медпункт санитаркой, так что она получала паек; думаю, паек был и на нас с Петей – сколько-то муки, поэтому хоть немного, но мама стряпала хлеба, из этого пайка две булки выдавалось мне на неделю. Я их клала в мешок, который приспособливала на какие-то вязки на спину, как рюкзак, и плелась в Зайково. Это все продукты питания на неделю: кусочек хлеба и кружка холодной воды на завтрак, обед и на ужин. В комнате, где мы жили, было всегда холодно. Дрова были сырьими, гореть не хотели, так что этой печкой нагреть

огромную комнату, в которой помещается двадцать деревянных топчанов, вряд ли было возможно. Вода часто замерзала, так что в такие дни нечем было умыться. На ходу руки снегом потрёшь и бежишь на урок, а хлеб в такие дни приходилось есть без воды.

Но этот мамин паек дал мне возможность сразу после четвертого класса пойти учиться в пятый класс Зайковской ШКМ – так (Слава Всея выше нему!) моя учеба и не прервалась после начальной школы, как у других ребятишек нашего села.

Так почему же я сказала: «Нужда гнала меня из дома?» Все просто: я хорошо понимала уже ребенком: не поучусь – буду, как говорила мама, чертомелить бесплатно, голодом в колхозе всю жизнь. Дети колхозников автоматически становились колхозниками, их еще с малых лет втягивали в колхозную работу, освободиться от колхоза, уйти работать на производство было невозможно. Единственной возможностью освободиться от колхоза было – получить образование и специальность. Какую специальность, в тот момент я не думала, но знала точно: надо учиться, как бы ни было трудно, если даже придется карабкаться на «отвесную гору». Так и карабкалась...

Летом, после окончания пятого класса, меня в колхозе определили в помощь Наталье Коловой пасти свиней. Свинарник был рядом с ее домом, который находился на краю села за бором, свиней выпускали рано. Мама будила меня с восходом солнца, и я шла на край села, в Зabor. Наталья выпускала свиней на пастище, а сама оставалась дома делать домашние дела. Свиней пастила я одна. Утром холодно, на траве обильная роса – босые ноги невыносимо мерзли. Я брала какую-то пальтишко с собой. Похожу за свиньями, склоню их в кучу, расстилаю пальтишко на траву, сажусь и завертываю ноги. Ноги не успеют согреться, а свиньи уже расположились в разные стороны. Я, так и не согрев ноги, лечу собирать свиней. И так весь день одна. Наталья выйдет в огород, посмотрит, что стадо свиней не разбежалось, держится кучей, уходит снова домой. А я, голодная, дома еды нет – взять с собой нечего. днем под пальящими лучами солнца бегаю за свиньями по лесогорке. Открытое место – нигде ни кустика, так что от солнца негде укрыться. Река рядом почти, но я не могу отойти от стада, чтобы попить не только искупаться. Когда мама проверила, оказалось, что мне отметили всего пять трудодней, а все трудодни отняли Нагалье, видимо, она сказала, что одна пастила свиней, а, может быть, вообще забы-

ли, что меня отправляли в помошь ей, думали, что одна она справлялась со стадом, ведь никто ни разу не появился проверить, а на работе меня не видели на лугу, за деревней. Так чуть не все лето и проработала за пять трудодней

Самым тяжелым учебным годом для меня был не первый на чужой стороне а второй, когда я училась в шестом классе, 1936-1937 учебный год. Мама в ту зиму никуда на работу не устроилась, и мы голодали, как все колхозники. Как жили мама с Петей и бабушкой, я не знаю, но когда я приходила домой на выходной день, перекусить было нечего. Если доит корова, попьешь молока. Не было мыла – в голове появились вши, на руках – чесотка. Мы получали пенсию пятнадцать рублей, на нее надо заплатить налоги и учить меня. Мама давала мне на неделю рубля три, но чаще 3 рубля 50 копеек. На них нигде ничего купить было нельзя, в магазине из съестного – ржаные пряники и макароны. Иногда денег в доме не было занять было негде, ведь никто в деревне ничего не получал. Тогда мама несла к учительнице Железницкой в залог скатерти или полотенца чтобы та дала взаймы тройку денег.

Зимой дни короткие, пока выспись, высушу тряпки, да мама пока сходит на работу да денег проворит, я отправляюсь в обратный путь Выйду за деревню – солнце садится. Пока бреду между двумя стенами векового леса шесть километров, стемнеет. Я сейчас не могу вспомнить эту картину без слез: зима лютый мороз, темно, по лесу тащится голодный ребенок, вглядываясь в даль, когда же, наконец, появятся огни пеньковавода, с одной мыслью в голове: хоть бы успеть до закрытия магазина, хоть бы были в нем эти ржаные пряники, чтобы купить их 200 граммов. Было только два случая, что я до шести часов, до закрытия магазина, не успела зайти в магазин и купить пряники. Останется в темноте идти еще километров девять-десять ли: волок, село Мельниково, волок, деревня Васино, УЖД, деревня Худяково, которая сплилась с селом Зайково, и тянутся эти две деревни, Худяково и Зайково, кажется, бесконечно. Если успел до закрытия магазина на пеньковаводе купить пряники, уже веселее на душе: их целых три, бывает три с половиной, идешь и сосешь их. Хотя сказать, что идёшь не совсем верно: точнее – бредешь. Зимой хоть от снега светленько а осенью – темень, грязь, а ты ползешь и ползешь, как улитка, медленно (откуда сила?). Остановишься, покрутишь головой по сторонам – людей нет, никого не встретишь: голодные люди лежат в своих «куглах» – в общем,

никто не поинтересуется, куда плетется этот ребенок. Доплетусь. В общежитии, где спят почти сорок девочек, двери никогда не закрывались. Не раздеваясь, опущусь на кровать и сразу засну мертвейским сном.

Итак, получила я от мамы свои 3 рубля, или 3 руб. 50 копеек на всю неделю. Что на них можно купить? Килограмм ржаных пряников стоил 3 рубля 70 копеек. Столько же стоил килограмм макарон, так моих денег хватало на один килограмм этих продуктов. И то не всегда – это мой паек на неделю. Сразу килограмм не покупала, а только после уроков ежедневно покупала по 150 граммов пряников, ложилась на кровать и сосала их. Если пряников не было в магазине, покупала 150 граммов макарон, лежала в кровати и гладила их, так как сварить их негде. Кроме этого целые сутки во рту ни крошки: утром голодная шла на уроки, ежедневно просиживала шесть уроков в живоге урчало иногда – конечно, стеснялась, но надо было учиться. К пятнице, как правило, оставалось копеек 25-30. Я шла в магазин, покупала карамельные подушечки. Их давали на пять копеек две конфетки, получалось 10-12 конфеток и сосала их. В субботу – ни росинки во рту, отсижу шесть уроков, зайду в общежитие, положу тетради и побреду домой за очередной трёшкой.

Зимние дни короткие. Пока пройду Зайково, Худяково, УЖД, Васино, Мельниково, пенько завод, становилось совершенно темно, а мне еще пройти оставалось шесть километров дороги, по обе стороны которой стоит стеной сосновый лес, а в нем бродят голодные волки. Бреду в путьках, боюсь в сторону взглянуть. На мое счастье волки мне ни разу не встретились. Они, думаю, обычно в эту пору года держались поближе к селениям в надежде поживиться до машней живностью. Почему я так думаю? Зимой у нас в селе за рекой, в Ольховнике, они вышли очень часто всю ночь. Забегали и в село иногда осенью и удавалось кой-чем и поживиться.

В сильные морозы, в самые короткие дни бывало, не хватало смелости идти в субботу после уроков домой – ночевала одна в нетопленом общежитии. Холодно. Голодно. Страшно. Двери общежития вообще никакого запора не имели. Тогда утром в воскресенье чуть свет брела домой. На рассвете мороз еще лютее, а на мне пальтишко из хлопчатобумажной ткани, стеганное куделей, на ситцевом платышике; ни штанишки, ни кофточки какой-нибудь – ветер гуляет вокруг моего тела под пальтишком. Чулки без спедов подвязаны чуть повыше колен вязками из старых тряпец, а выше подвязать нельзя – не держатся, скатываются.

Иногда нет сил терпеть мороз и голод, но постою, посмотрю на солнце – и дальше механически переставляю ноги. Ознооблю, конечно, не только лицо, но и ноги выше колен. Мама помажет мне лицо и ноги гусиным салом (кусочек гусиного сала к зиме на такой случай она всегда припасала).

Дома часто в такие дни есть нечего – трава, что заготавливали на зиму, быта к этому времени съедена. Попью молока, если корова доит, а часто именно в эту пору она и не доила, отдыхает перед отелом. Посижу часа три, отогреюсь, получу свои заветные три рубля, бывало, конечно, очень редко и четыре рубля денег, и опять спешу в обратный путь – надо успеть до шести часов вечера купить в магазине пенькозавода 200 граммов ржаных пряников, подкрепиться хоть немного – иначе не хватит сил добрести до общежития, ведь я фактически голодала уже третий день – пятницу, субботу, воскресенье.

В такой выходной день я совершенно не мылась, оставались не стиранными мои тряпки. Но никогда не было мысли не идти, остаться дома, ведь дома перекусить нечего, а у меня есть возможность купить в магазине пенькозавода целых 200 граммов ржаных пряников. Я не пропустила ни одного учебного дня, ни разу не опоздала на уроки – это не делал никто. Были страшные 1935-1938 годы, видимо, все, даже дети, чувствовали это – дисциплина была во всем.

Вспоминая годы своего детства, голодные и полугододные годы учебы, думаю: какой же запас жизненных сил был вложен в меня, что я, голодная, где-нибудь на волоку между селами, среди снежной пустыни или на шестикилометровой лесной дороге в темноте, ни разу не потеряла совершенство силы или сознание, не присела, не прилегла где-нибудь отдохнуть, что непременно привело бы к гибели. Может быть, меня спасло то, что я жила не реальностью, а ежеминутно думала о еде, как только наступала вокруг меня тишина. На уроке ли, в общежитии ли на кровати, или в пути домой я сразу задавала себе вопрос: «Что бы я поела?» И начинала в мыслях рисовать картины блюд, которые хорошо запомнились из раннего детства. Но чаще всего перед моим взором являлась большая керамическая ладка для приготовления жаркого в русской печи, а в ней зажаренный полностью поросеночек – ососок, т.е. поросеночек, который ничего еще другого не успел поесть, только сосал мамочкину титю. Мясо такого поросеночка буквально таяло во рту. И вот я вижу такую ладку, в ней поросеночек или гуся золотистого цвета лежит среди крупы. С подобными картинами перед

глазами я засыпала каждый вечер в общежитии или шагала домой.

Когда вспоминаю эти годы учебы, все время думаю: как мама меня, почти ребенка, могла отпустить к ночи на такой волок, где бродят голубые волки да и злого человека могла встретить? Чего же ей это стоило? Спала ли она в эту да и в следующие ночи? Да, знаю: ныла ее душа обо мне, не зря же она так рано ушла из жизни. Но выхода не было – надо было учиться. Мама понимала: если не поучусь, не получу хоть какую-то специальность, погибну на колхозной работе, как она, как гибли потом мои подружки, и отпускала меня на милость Всевышнего.

Мои подружки с двенадцати лет стали работать в колхозе наравне со взрослыми: таскали мешки, в четырнадцать лет поехали на лесозаготовки в северные районы Урала, а в шестнадцать уже работали трактористами, комбайнерами. Осенью, во время уборки урожая, в дождливую погоду заберутся на поле с колесным трактором, он буксует, а то и заглохнет – спесь горя – море. Смотришь: то одна, то другая с перелоиненной рукой – заводила трактор, а дождь льет, рукоятка мокрая – рука сорвалась, бах – рукояткой по руке. Рано состарились, рано ушли из жизни.

Я не мыслила жизнь без учебы – вот и «ползла» в школу, а мама, думая, могла плакала и отпускала меня на Божью волю.

Но учиться в шестом классе мне стало трудней по предмету, по которому я раньше училась легко и хорошо, – по математике. Одиннадцатого сентября я, качаясь на круглой качели во дворе общежития, упала с высоты, сломала ногу. Ходила на костылях, стала жить дома. Но учебников – ни одного. Пропустила уроки больше двух месяцев. Пришла учиться только во второй учебной четверти. А начались в шестом классе новые предметы – алгебра, геометрия, физика. Азов-то их на уроках я не слышала да и учебников по этим предметам я никогда и погон, когда пришла учиться, не держала в руках.

Тут я виню раньше любимого преподавателя математики, Серафиму Ильиничну. Ведь она знала, что в пятом классе я училась по арифметике очень хорошо, стоило бы уделить мне час и объяснить азы алгебры. Думая, понявших, начала бы я учиться также хорошо, как и по арифметике. Но этого не случилось. Так постепенно интерес к математике у меня пропал.

Да и по русскому языку без меня прошли темы «Причастие», «Деепричастие», «Наречие», о которых у меня не было четкого понятия до тех пор, пока я сама не стала учить детей русскому языку в шестом классе. Механи-

чески позднее я правила выучила, например, отлично знала: «Частица «не» сдеепричастиями пишется раздельно, а однажды в диктанте уже в педучилище приняла деепричастие за наречие и частицу «не» написала слитно.

В общем, с горем пополам я закончила шестой класс, но даже судя по оценкам в табеле успеваемости, лучше многих других учеников. Думаю, преподаватели отлично понимали, как нам трудно было учиться голодным, без учебников, а условия жизни были значительно хуже тех, в которых учились в пятом классе.

Когда училась в шестом классе, жили мы в столярной мастерской, одна половина которой была отгорожена тоненькой заборкой. Холодно. Темно. Сыро. И, конечно, хотелось есть. Все лежали на своих топчанах молча. Убирал ли кто эту комнату, стапливал ли хоть в какой-то мере, не помню. За заборкой проводились уроки труда, был урок труда и у нас – мы делали одну табуретку целой бригадой человек из 3-4 – был бригадный метод обучения. Уж не помню весь ли год у нас был урок труда, но сделали мы своей бригадой только одну табуретку.

Помню экзамены по ботанике – учебник в руках не бывал. Пришла. Сижу в коридоре. Оказывается, мне сдавать экзамен после обеда. Одна девочка, счастливая, вышла с экзаменом. в руках новейший учебник по ботанике. Я такого не видела. Я у неё попросила посмотреть учебник, он открылся на статье «Сосна». И я стала читать эту статью – и так мне стало интересно! Я вычитала что-то вроде того, что одна сосна как бы мужчина, на ней цветы, которые мы, ребятня, называли «пестики» и если их всю весну пока не станут они твердыми. Другая сосна, мол, как бы женщина, цветы на ней мы называли «пуховки» и сосали всю весну – они сладковатые. Я раньше, конечно, не знала ничего подобного, а думала: две сосны рядом, а цветы разные. Почему? Я, конечно, сейчас это не утрирую, а что-то подобное отложилось тогда в моей голове после чтения этой статьи.

Из того, как проходили экзамены, я не помню ничего, кроме того, что рассказывала я именно про сосну. Преподавала нам ботанику Ольга Ивановна Добрынина очень умная, добрая, интеллигентная женщина – наш классный руководитель. Она знала о нашем «счастливом» детстве. Знала и главное, что учились мы без учебников. Может быть, она меня сразу спросила вроде, что бы я хотела рассказать, а, может быть, я не ответила на вопрос билета, она тогда спросила, что я знаю, но узнала я только одну статью учебника про сосну – ее и рассказывала. Так вот учились.

Наконец, закончился мой труднейший шестой учебный год. мама была рада не меньше меня, что мы все выдержали. Где-то раздобыла она метра два белой с мелкими цветочками ткани, конечно, что-то вроде ситца и сшила мне платье. Осталось сходить еще раз в школу за табелем успеваемости. Мама взялась, вместо молоковозки, свезти колхозное молоко в Худяково на молочный завод, и мы с мамой поехали из дома абсолютно голодными. Пока мама сдавала молоко, я пошла в Зайково, в школу – это еще 3 километра. После торжественной части нам устроили (один раз за все три года учебы) обед: суп и по кусочку белого домашнего хлеба, думаю, граммов по 150, а, вернее, по 100 – кусочек был маленьким. Я все съела и пошла к маме, и тут до меня дошло: ведь мы обе сегодня голодны, не ели, как я могла весь кусочек съесть и ей не оставить?! Меня всю дорогу грызла совесть – я маме хлеба не оставила. Маме сказала: «Нам дали суп и кусочек хлеба, а я забыла тебе оставить. Мама, прости меня». Она сказала: «А я купила пряников», и дала мне два пряника, а два оставила Пете. Я до сих пор без слез не могу вспомнить этот случай; не могу понять, как я могла забыть о голодной маме, съела кусочек одна?!

Конечно, мне учиться помогла пенсия, а не будь ее, мне бы, как и всем моим сверстникам по колхозу «Землероб», пришлось бы учебу бросить. Интересен такой факт: когда я начинала учиться в пятом классе Зайковской ЦКМ, было пятьти классов пять: 5а, 5б, 5в, 5г, 5д; а седьмой класс заканчивало два небольших класса, да и в них было больше переростков, отставших от своих классов в страшные годы голodomора. Со мной за одной партой сидел Ушаков Анфим, так он был старше меня на три года. А кто начинал учиться в пятом классе со мной из них дошли до седьмого класса одновременно со мной единицы – буквально несколько человек.

Летом в колхозе меня определили работать на детскую площадку воспитательницей. Во-первых, я уже высвобождала взрослую женщину для полевых работ, а, во-вторых, чтобы меня подкорректировать немножко – своеобразная награда за стойкость, ведь на площадке летом детей все-таки корчили, значит, что-то будет перепадать и мне.

Почему правление колхоза решило хоть так, но поощрить меня? Ответ прост: колхозу нужны специалисты. А коли я стремлюсь упорно учиться значит сеять классов уж точно постараюсь закончить, т.е. получить хоть неполное среднее образование, и меня можно будет послать от колхоза на любые курсы: например, агронома, бухгалтера, ветеринарного работника.

весь я стану первой колхозницей в нашем селе с семилетним образованием! А что сама куда-то после семилетки поеду учиться, никому и в голову не могло прийти: с чем и в чем это она, разутая, раздетая, поедет?! – думают так рассуждали члены правления во главе с председателем колхоза.

В седьмом классе учиться было значительно легче по многим причинам. Во-первых, к началу учебного 1937-1938 года в Зайково было закончено строительство типового школьного здания, и стала наша школа называться «Зайковская средняя школа», хотя еще самыми старшими классами были наши два седьмых. Здание, в котором школа ютилась раньше, отдали под общежитие девочек. Нам, семиклассницам, отдали самую лучшую комнату где раньше была учительская, где жило нас 10 девочек. Тепло, светло, чисто, тишина. В общежитии жила сторожиха – уборщица, поэтому всегда была теплая кипяченая вода.

Во-вторых, в колхозе «Землероб» в тот год впервые с начала колхозизации был собран приличный урожай, колхозники получили хлеб на трудодни. Я могла из дома брать хлеба на всю неделю, но, кроме хлеба, ничего, т.е. никакой еды, так как условий готовить пищу не было. Моя еда была такой: в эмалированную кружку, которую мне купил отец еще в раннем детстве, я крошила черствый хлеб, солила и заливала горячей водой – получалась тюря. Эту тюрю я имела возможность есть утром, после уроков и вечером. В этот год мы оттаивали душой, в комнате иногда раздавались смех, шутки. Иногда к нам приходил молодой преподаватель истории Степан Афанасьевич, рассказывал содержание какого-нибудь фильма, и даже под его аккомпанемент мы иногда пели песни.

В третьих, более свободно можно было приобрести учебники. Конечно, были они у меня не по всем предметам, но по многим. Учиться мне трудно было по физике и химии, так как воображение мое не было развито, я представить ничего не могла – все зубрила. Да уже научилась объяснять материал учителем конспектировать – что очень помогало. Других многих учеников я учились значительно лучше, закончила учебный год ударницей, в награду получила книгу – том Решетникова.

Хотя в следующем учебном году в школе открывался восьмой класс, но нас гнала нужда приобретать специальность. О специальностях мы не слыхали ни о каких, кроме тех, которые можно было получить в нашем районном центре, городе Иrbите, а там только школьное, дошкольное да медицинское училища готовили учителей начальных классов, воспитате-

лей детских садов, фельдшеров и акушеров.

Да если бы и слышали о других специальностях и захотели получить какую-то другую, учиться пришлось бы в другом каком-то городе, не ближе, чем в Свердловске. А на какие «шиши» учиться? Так что слава Богу, что была возможность получить хоть эту специальность!

Да, выбор был невелик, раздумывать было не над чем: в медицинское училище идти не могу – боюсь крови, да видеть чьи-то страдания ежедневно – не вынесу; а из двух педучилищ, конечно, школьное: учитель на селе (а о жизни в городе я не имела никакого представления, даже в мыслях не держала, что когда-то буду жить в городе) был самым уважаемым человеком в то время, да и детей я очень любила, возилась со всеми соседскими ребятишками. Когда учились уже в седьмом классе, разговоров не было, будем ли учиться дальше и где, даже в общежитии никогда не заходил об этом разговор, как и вообще ни о чем. Знал каждый свою кровать, хлеб в мешке под кроватью, а ты на ней (кровати) то сидишь, то лежишь читая. Но по-прежнему в общежитии, кроме учебников, ничего: ни газеты, ни радио, ни художественной литературы и никаких мероприятий. За все три года учебы в Зайковской семилетке было только одно мероприятие, посвященное, видимо, юбилею А.С. Пушкина. Я учились в этот год в шестом классе. Мое участие заключалось в том, что рассказывала на сцене стихотворение А.С. Пушкина «Няне». Это теперь я понимаю, что были в то время самые страшные годы в истории советского государства – пик политического террора, взрослые думали, как выжить, не «загреметь» в ГУЛАГ, молчали, молчать приучили и детей. Самым светлым пятном в нашей жизни был учитель истории Степан Афанасьевич. Он или только что закончил педучилище, или не закончил еще – тогда многих хороших учеников третьего курса направляли преподавать, так как учителей не хватало. Но о нем позже.

Истории в пятом классе пришла нас учить красивая, умная, интеллигентная женщина, но успела ознакомить нас только с мифами древней Греции – и ее не стало. Позднее краем уха слышала: о ней «плакал» ГУЛАГ. Больше уроков истории не было ни в пятом, ни в шестом классах, да и в седьмом классе началась история только со второй учебной четверти, когда ввели новый предмет – история СССР.

Пришел преподавать нам этот предмет Гелий, кажется, Степанович, но учебника не было ни у одного ученика; думаю, не было его и у преподава-

теля. Он нам абсолютно ничего не рассказывал и нас не спрашивал, а что-то нам диктовал. Мы записывали от слова до слова его диктант, но потом, читая записанное с его слов, совершенно ничего понять не могли, какая-то бессмыслица – просто набор слов. По-моему, он сам не знал, чему нас учил, так же, как в свое время учили меня малограмотные в первом классе – Поля Упорова, а во втором, третьем, четвертом – Семен Михайлович Рудаков. Думаю, в свое время (в детстве) закончил Гелий Степанович класса три-четыре, был активным комсомольцем, потом и коммунистом. Его и выдвинули (а это был 1937-1938 учебный год, когда учителей многих «посадили», а некоторых, и расстреляли) на педагогическую работу как достойного патриота своей Родины, верного делу Ленина – Сталина. Коммунистической партии вести этот новый в школах предмет – история СССР. А прежде, думаю, послали на курсы по подготовке преподавания этого нового предмета в школах. Учебников еще не было; конечно, они уже были изданы, но до нас еще не дошли. На курсах, конечно, настоящий профессионал читал лекции, а слушатели, зная, что учебников нет, преподавать придется без учебников и каких-то других учебных пособий, за лектором стремились конспектировать. Это же делал и Гелий Степанович. Но раньше ему это никогда и нигде делать не приходилось – опыта не было, думаю, не было и образования соответствующего, он успевал из десяти слов, сказанных лектором, записать три-четыре. Теперь же, имея только свой «конспект», без знаний соответствующих, конечно, разобраться, что к чему в конспекте написано, не мог и вынужден был диктовать нам то, что успел на курсах записать за лектором, т.е. полнейшую бессмыслицу, по которой вообще никакой сути угадать было невозможно.

Предполагаю, если бы хоть один здравомыслящий человек – учитель, завуч, директор школы или инспектор горено, а тем более представитель горкома партии (а это могло случиться – могли прийти поинтересоваться, как преподается новый предмет, который призван у учащихся формировать любовь к Коммунистической партии, к Родине) поприсутствовал на уроке этого новоиспеченного преподавателя, думаю, к работе бы он, не только не был допущен, но и «загремел» бы в психиатрическую больницу или даже в «места не столь отдаленные».

Как там было, я не знаю, «загремел» ли куда-то Гелий Степанович или был просто «отстранен от занимаемой должности», только во втором полугодии мы получили учебники и преподавать этот предмет пришел моло-

дой красивый парень, эталон красоты юноши: высокий, стройный, смуглый, с родинкой на щеке, с пышными темными волосами, в костюмчике, из которого он немного вырос: рукава были чуть коротковаты. Было ему лет двадцать. Это и был Степан Афанасьевич.

Думаю: тайно многие девочки были в него влюблены – в такого красивого парня нельзя было не влюбиться. Не знаю почему, но меня он явно выделял среди других, я это чувствовала потому, что, когда, войдя в класс, он проходил к учительскому столу и садил нас, то сразу бросал взгляд в мою сторону и какое-то время задерживал его на мне. Мы встречались глазами, и он, как бы удостоверившись, что я здесь, отводил взгляд и начинал урок. Почему мне такое внимание: я не пыснимала – были девочки и постарше, и одеты хорошо, и, конечно, покрасивее меня. Я добросовестнейшим образом вызубривала весь заданный материал, но спрашивал он меня один раз в четверть и то в конце, когда уж мне было ясно понятно, что меня спросят, так как конец учебной четверти, а у меня оценок никаких нет, значит, я должна быть готова к уроку. Так было в конце третьей четверти. Я уже говорила, что он приходил в нашу комнату в общежитии, рассказывал содержание фильма, какой-нибудь книги или играл на гармошке или баяне, а мы пели. Уже в конце четвертой учебной четверти в общежитии как бы мимоходом он меня спросил, готовы ли я к следующему уроку, я ответила: «Да», и на следующем уроке он меня спросил, поставил «отлично» оценка «отлично» была за год.

А когда я начала учиться в педучилище еще на первом курсе и жила в общежитии, однажды вечером он вдруг появился у меня в комнате. Я, конечно, очень удивилась, но тут же начала рассказывать, что со мной в комнате живет еще одна девочка, Дуся Коморникова, с которой мы вместе закончили Зайковскую школу, а потом повела в другую комнату, где живут девочки из нашей Зайковской школы. Ему ничего другого не оставалось, как сделать вид, что пришел всех нас навестить. В свое время, когда он учился в педучилище, видимо жил в этом общежитии и знал, что у сына уборщицы есть баян. Пошел взял этот баян, начал играть, а мы все стали танцевать и петь.

Когда это действие закончилось, он мне сказал: «Может, меня проводишь?» Я тут же позвала Дусю: «Пойдем, проводим Степана Афанасьевича». И вдвоем мы пошли провожать его. Он явно приходил в общежитие, чтобы встретиться со мной. Я это понимала, но переступить расстояние:

учитель – ученица – в тот момент у меня бы никогда не хватило смелости, да и не только смелости – просто я хорошо знала что можно, а что нельзя, хотя со иной никто никогда об этом не говорил. И Степан Афанасьевич понял, что для любви я еще «не созрела» – это, во-первых, а, во-вторых, думаю, смелее он и сам поступить не решился, ведь вместе со мной в общежитии жили еще три девочки, бывшие ученицы Зайковской школы – это значило, что «закрути» он любовь со мной слух явно дойдет до школы, что он, преподаватель, «обхаживает» пятнадцатилетнюю девочку, а это всегда считалось аморально, тем более тогда, в «сталинские времена».

Но примерно через месяц он еще раз приходил в общежитие, спросил меня, но меня не было – мы убегали в кино. Когда возвращались. он как будто нечаянно попал нам навстречу. Я приостановилась с ним. но вскоре успела догонять девочек, мол, надо уроки учить – продолжать стоять с ним мне казалось неприлично даже. А он окончательно понял, что для любви я «не созрела».

Видела я его еще один раз, 31 августа 1940 года, – в последний день каникул перед последним учебным годом моей учебы в Ирбитском педучилище. Был ясный, теплый день. Он шел с женщиной по тротуару навстречу мне. Я их заметила далеко и перешла на проезжую часть дороги. Он уже возмужал, был в прекрасном костюме тёмнобежевого цвета – словом эталон мужской красоты. Он меня заметил и посмотрел вслед мне. Я не оглянулась, видела это только краем глаза. Но картину эту запомнила навсегда.

Я его жизнью никогда не интересовалась и абсолютно ничего не знала о нем. Узнала совершенно случайно, в январе 1943 года, когда привезла учеников на смотр художественной самодеятельности в Зайково наш районный центр и увидела там Тамару М. Когда я училась в Зайковской школе, она была у нас пионервожатой. Хорошенькая, всегда хорошо одетая – я любовалась ею. Я поинтересовалась ее жизнью, и мне сказали, что она была женой Степана Афанасьевича. Он учился в каком-то военном заведении она жила там с ним. Он погиб будто бы в чине подполковника. Когда началась война. Тамара вернулась в Зайково. Живет, мол, не скучает. И я подумала: «Если бы я хоть несколько месяцев прожила с ним рядом в качестве жены, такому мужу я верность бы хранила всю жизнь».

Даже сейчас, когда прошло с тех дней более шести десятилетий я отлично помню его лицо и каждый миг встреч с ним – это оставило что-то

светлое, чистое, доброе в моей душе. И очень жалею, что встретился он на моем жизненном пути очень рано, когда я к такой встрече была совершенно не готова – еще очень «зеленой» была в то время.

Итак, седьмой класс закончил в 1938 году соценками «хорошо» и «отлично». Правда, оценок «отлично» было значительно меньше, чем «хорошо», но была даже премирована сборником произведений Решетникова. И повезла я свои документы в Ирбитское педучилище, где недали брошюрку с экзаменационными вопросами, и я начала готовиться к вступительным экзаменам.

Но... тут же, как только закончился учебный год, меня пригласили вправление колхоза «Землероб», предложили работать уборщицей вправлении колхоза, мол, все женщины заняты на полевых работах, а тут работы немногого и у тебя будет время для подготовки к экзаменам.

Правление колхоза – это огромный дом бывшего владельца скорняжной мастерской, где жили не только хозяева, но и мастера, и подмастерья. В доме было пять комнат. Я считала, что должна была делать ежедневную уборку. Если нужно было председателю кого-то из колхозников вызвать вправление, я ходила и приглашала. Полы в доме были некрашеными, в субботу я их мыла. Во дворе был конный двор, грязи – по колено, никто ног не вытирал, всю грязь таскали в дом. Я терла эти некрашеные полы голиком с речным песком; одной воды приходилось перетаскать не менее десятка ведер – с меня сходил не один десяток потов, пока вымою все полы. Как только я освобождалась, бежала домой, забирала учебники, уходила в чулан и готовилась к экзаменам.

В доме у нас в это время жил Иван Иванович Аникин – директор крахмально-паточного завода, очень красивый, хорошо одетый мужчина. Отношения мамы и его были как мужа и жены, конечно, мама ему уделяла много внимания, а нам значительно меньше, чем раньше. Меня это раздражало, я злилась на маму, зачем она его приняла – нам без него жилось лучше, мы понимали друг друга с полуслова. В доме хоть было бедно, но я себя чувствовала хорошо. Теперь мне стало казаться, что дом не мой, я тут чужая, все в нем стало немило. Иван Иванович, прийдя с работы, сразу уходил в горницу, мы же туда не заходили, вот я в чулане и готовилась к вступительным экзаменам. И, когда я сдала вступительные экзамены и в педучилище была принята, вздохнула радостно: уеду, буду получать стипендию, домой буду приезжать как можно реже, чтобы не видеть новой маминой жизни. У Ивана Ивановича жена умерла, осталось трое детей:

две дочки и сын. Дети, пока он жил с мамой, жили у его родителей, так что я детей его не видела, бывали ли они в нашем доме или нет, не знаю. А однажды, уже ближе к весне, я приехала домой, Ивана Ивановича уже не было. Мама объяснила мне, что его перевели работать директором завода лакокрасок в город Свердловск. Мама будто бы ехать с ним отказалась, так как всю жизнь жила в деревне, не могла решиться бросить дом, лишиться коровы. мол, она, малограмотная женщина, что будет делать там, в большом городе. Так было или как-то иначе, я не знаю. Но только, когда я приехала на весенние каникулы, мама родила сыночка Сашу. Меня это событие очень огорчило тем, что нужды в доме прибавилось, но обрадовало, что Ивана Ивановича не стало, и я вновь обрела родной дом.

Я уже писала, что с 1932 года наше село жило трудно, зимой люди очень голодали, опухали и умирали, весной кормились тем, что подрастало в лесу, летом уже кое-что вырастало в огороде, а вот в августе все в селе ожидало: колхозники понемножку уже получали муки нового урожая. Мама за неделю зарабатывала килограмма два. Что-то добавлялось за мой труд. Тогда мама каждое утро что-то стряпала: то шанежки с наливкой (со сметаной), то пирожки с творогом, луком, морковкой или свеклой, конечно, с тем, что росло в огороде и что получали от коровы. Бывали и пироги с рыбой, чаще с пескарями, которых мама выменивала на молоко у местных рыбаков. Рыбу они ловили в Ирбитке, на берегу которой расположено наше село. В колодцах воды не было, ее приносили с реки и пили некипяченой. Речной водой поливали в огороде огурцы, помидоры и капусту. Другие овощи не поливали. Лета были жаркими, земля жгла подошвы ног, хотя подошвы ног и были грубыми, ведь мы с ранней весны до поздней осени ходили босыми, но среди дня возможно было ходить только по траве – по земле босой не походишь. Полив овощей – стало моим делом лет с восьми. Были куплены мне ведра литров на 5-6, ими я обязана была приносить воду. У мамы были большие ведра, литров на 12 – назывались бадьями. Уже лет с одиннадцати я стала хватать ее ведра, правда, набирала сначала не очень полными, а потом и полными стала приносить воду – мама на работе, не видит, что я себе позволяю. Когда соседки мне говорили, что такими ведрами мне нельзя носить воду, рано, надорвусь, я отвечала: «Ничего». Иногда они жаловались маме, и она меня журтила. Я несколько дней тогда носила воду своими ведрами, а потом вновь большими. Путь за водой длинен: надо пройти мимо трех соседских

домов, пройти переулок вдоль огородов, спуститься с высокой горы пологим подъемом и метров 50 идти по лугу. Наберешь воды – такой же путь назад. Такой длинный путь, а воды маленькими ведрами принесешь всего одно ведро, а большими – два. Чтоб быстрей освободиться, вот и идешь за водой с большими ведрами. Куда спешить? На речку купаться.

На реке Ирбитке была построена водяная мельница, около нее – плотина, которая преграждала путь воде. Выше плотины – пруд, широкий, глубокий. Вот на берегу этого пруда, если мы не уходили на полевые работы, обитали весь день. Купаться начинали с 8 июня. Только нынче я узнала: 8 июня – праздник Ивана Купалы. Нам было сказано: раньше начинать купаться нельзя, вода еще очень холодная. Но терпения уже не хватало – солнце палило, иногда начинали раньше. Бывало, купались в день раз по 10-12, купались всегда до покраснения кожи. Тело покрывается мурашками, тогда вылезишь из воды, плечи закрываешь своим платьем, согреваешься – и опять в воду, тем более, что подошла новая партия девочек – надо составить компанию. Домой до вечера, до полива или прополки овощей. Идти не зачем: еды все равно там нет – так и бываешься на реке весь день, если не работаешь в поле или на покосе.

Купались голыми так как трусиков ни у кого не было. Когда стали постарше, купались в рубашках, отдельно мальчики и девочки. Мы – на правом берегу, а мальчики уходили на другой берег реки, каждое лето строили там трамплин: в дно реки вбивали столбы, над водой его высота была метра полтора, с берега клали плаху, прибивали ее к столбу гвоздями, и с этого трамплина прыгали в воду вниз головой. Однажды Павлик Поганин, сын местного фельдшера, прыгнул с трамплина и обо что-то ударился головой. Что повредил, не знаю, но долго ходил в бинтах и не купался.

Мы, когда стали постарше, улучали момент, когда мальчиков нет на реке, переходили плотину и купались на их месте, но прыгали с трамплина не головой вниз, а ногами (солдатиком). Иногда во время купания на своем берегу переплывали пруд и бежали попрыгать с трамплина. Однажды мальчишки подошли незаметно (левый берег реки крутой, зарос ольхой) и наши платьишки развесили по кустам и деревьям, а сами уселись на берегу и наблюдали, как мы купаемся. Мы же в рубашках из реки выйти не могли. Они сидели, не раздеваясь, и отпускали шуточки в наш адрес. Мы в то время уже были в возрасте 11-13 лет. Замерзли, им самим стало невыгодно сидеть на берегу одетыми под пальцами солнца, встали и отошли.

Мы скорей выбрались из реки, разыскали платьишкы, оделись и убежали, больше на их пляж не приходили. Начинали купаться в конце первой декады июня, а заканчивали в последних числах августа. Я помню, что всегда уезжала в педучилище вечером 30 августа, а днем еще ходила купаться и с болью в сердце прощалась с родной рекой до следующего лета.

На первом курсе педучилища мы жили в общежитии в здании, которое теперь занимает Ирбитский городской музей. Посчастливилось жить в комнате, где нас было всего шесть человек. Остальные комнаты были большими, в них жило помногу девочек. Мы из Зайковской школы вдвоем с Дусей Коморниковой, из Егоршино – Надя Степанова (Абросова) и Шура Гашкова (Горовая), Аня Удинцева из с. Ницинское Ирбитского района и Маша Буторина из Лягушино, (теперь Родники). Жили дружно, скор никаких не было, как и никаких развлечений по-прежнему ни радио, ни газет, ни художественной литературы, ни политинформации, а между тем шел 1938 год – пик политического террора, но мы ничего не знали. Историю вел директор педучилища по фамилии Пилипенко. а, может, и не такая его фамилия, но украинская – это точно. У него на щеке была бородавка приличных размеров. Когда он вел опрос, кто-то ему отвечал, он механически теребил бородавку, было видно, что он не слушает отвечающего, и мысли его где-то далеко. Вскоре его не стало, пополз слух: арестован – враг народа. Поудивлялись мы несколько дней и забыли. История опять не преподавалась вплоть до третьего курса.

С уроков первого курса еще помню, что русский язык и литературу преподавал Иван Георгиевич Соболев, умный, добрый, спокойный человек; очень хорошо знал литературу, старался на уроке дать материала как можно больше. понимая, что, кроме урока, мы нигде ничего не «почерпнём», так как «черпать» – то было не из чего.

Учебников, в которых были краткие биографии писателей и анализ некоторых произведений, было мало, а библиотеки в педучилище не было, так что произведений мы не читали.

Я с первого дня первого курса вела конспекты по всем предметам, но конспектировала материал не из учебников, а на уроке записывала всё, что успевала за учителем, когда он объяснял новый материал. Это имело свои плюсы: во-первых, чтобы записать, внимательно слушаешь новый материал, значит, понимаешь уже на уроке, во-вторых, при подготовке к уроку получить учебник было непросто, а у меня есть конспект, в кото-

ром главное, что надо было уяснить, у меня есть, а, прочитав конспект, вспомнишь и то, что не успел записать. Если даже выучишь только то, что успела записать, неудовлетворительной оценки уже не получишь, а если вспомнишь что-то дополнительно к конспекту, оценка будет хорошей. Но здесь была своя трудность – не было в свободной продаже тетрадей. Я покупала обои, кроила и шила тетради из них.

Итак, произведений писателей, с которыми по программе мы были должны ознакомиться, никто не читал. Я три года жила в общежитии, когда училась в педучилище, ни разу не видела, чтобы хоть один из нас держал в руках книгу художественной литературы, и, думаю, почитали бы с удовольствием, но читать было нечего.

Однажды наш глубокоуважаемый Иван Георгиевич решил проверить, что же мы в итоге, «изучив» творчество какого-то (не помню) писателя, усвоили. А проверить-то решил путём сочинения, т.е. увидеть не только наши знания, но и умение излагать мысли на бумаге. Думаю, предупредил нас, чтобы мы готовились. Но о том, что контроль будет осуществлён путём написания сочинения, это не было сказано. Не знаю, как другие, но лично я, получив среднее образование, кроме этого, ни до, ни после не писала сочинений, так что понятия не имела, как их пишут. Самое интересное было, когда Иван Георгиевич проводил анализ наших сочинений. Шок, думаю, он получил ещё тогда, когда проверял их.

Почему я так думаю? Да потому, что самым лучшим сочинением он объявил моё. До этих его слов я сидела и тряслась, ждала разноса, а, услышав такое, ушам своим не поверила. Тогда я, пятнадцатая, сидела и думала: «Я ни текста произведения, ни учебника в руках не держала – ничего, кроме своих конспектов, и, если все же моё сочинение лучше других, что же тогда писали другие?» А по многим сочинениям других он, помню, «прокатился» так, что посмешил нас от души. Но больше такой формой проверки наших знаний не пользовался – сразу всех нас «прощупал» на одном уроке, увидел все наши знания и умения. Ну, а меня, видимо, спас только конспект, ведь я писала в сочинении то, что слышала на уроке из его уст, и, возможно, до некоторой степени логичность в изложении материала – так сказал он во время анализа. В то время, надо сказать, слово «логично» для меня было непонятным, но запомнила я это слово навсегда.

На втором курсе нас, девочек 2»г», поселили в две смежные комнаты.

одна из них проходная, другая угловая. Я жила в угловой комнате, большой, чистой, светлой, тёплой. Жило в этой комнате нас человек двенадцать – четырнадцать. Посредине один небольшой стол, между кроватей тумбочки – одна тумбочка на двух человек. Других изменений в нашей жизни – никаких: по-прежнему ни радио, ни газеты, ни художественной литературы. Но один случай нашу жизнь немного изменил.

Однажды, ещё осенью, я уехала на воскресенье домой. А в воскресенье утром кто-то из администрации пришёл в общежитие и всем приказал ехать на уборку картофеля. Девочки наши уехали, а там на них обратили внимание мальчики с третьего курса. Познакомились, и мальчики стали приходить к нам в гости. Приходили только после академчаса, задерживались у нас часа на полтора – дольше нельзя: полдесятого каждый студент должен быть в своей комнате. Мы не слышали, чтобы это правило кто-то нарушал. Мальчишки, бывало, расскажут что-нибудь смешное, но (Боже, упаси!) не анекдоты, мы такого слова не слыхали даже. Девочки сидят на своих кроватях, мальчишки – вокруг стола, и поём песни. Мы одни никогда не пели, а с мальчишками каждый раз только пели, а не разговаривали ни о чём: сейчас думаю, песнями и изъяснялись, скорей всего:

«Летят утки, летят утки
И два гуся.
Ой, кого люблю, кого люблю –
Не дождуся.»

Или:

«А вчера приспал по почте
Два загадочных письма.
В каждой строчке только точки –
Догадайся, мол, сама» .

Песни-то ведь какие были душевые, напоёшься – душу изольёшь! Образовались пары. Но никакая пара дальше коридора никогда не уходила ни разу. Постоишь в коридоре минут пять, так о чём-нибудь несущественном поболтаешь, о серьёзном не принято было говорить – «проблем не было» ни у кого. Мальчики – третьекурсники уже юношами были поцелуют, конечно – свиданье окончено

Я выходила проводить Мишу Шаврина. Он мне нравился. Симпатичный на лицо; правда, ростом немного меня выше, ещё не вытянулся – потом война их всех вытянула. Отец его (или другой какой-то родственник)

был учителем, и Миша, видимо, кое-что прочитать успел. Обязательно расскажет что-то интересное или стихи почитает. Иногда просила: «Почтий стихи». Но только уходила в комнату — напрочь забывала, что существует Миша Шаврин. Забота была — хорошо к урокам подготовиться. Я была старостой группы — плохо учиться нельзя было, да я и без этого учиться любила и старалась.

Утром я просыпалась раньше всех в комнате. Лежа на кровати повторяла уроки, пока все спят. Многие девочки вечером просили меня разбудить их завтра пораньше. Я, когда повторю всё, что не обходило уроками сегодня, тогда будила их, а сама успевала ещё покинуть. Будить их сразу, как проснусь я, бесполезно — уснут тут же, а если и не уснут, начнутся разговоры, смех, не дадут мне сосредоточиться.

Нотакая жизнь продолжалась недолго, ~~вокруг из меня ила фи и скажи вини~~ педучилище заняли под госпиталь, учиться стали в школах в третью смену. Из комнаты выселили в какую-то другую на первом этаже другого здания, где было сыро, грязно, темно. по нам ночью бегали крысы, которых мы страшно боялись, визжали — в общем, стали жить в нечеловеческих условиях.

Хлеба тоже нельзя стало купить. Горожане занимали около магазина очередь с вечера. Ночь простоят — утром купят: давали или по два килограмма в руки, или по две буханки — я точно не помню, так как сапоги в очередь не ходила. В моей одежде невозможно простоять на улице ночь. Замёрзнешь. А я теперь один раз в день ходила в городскую столовую. Там всегда была огромная очередь. Приходилось выстаивать по часу, а то и больше. Давали с первым и вторым блюдами хлеба по сто граммов, а с третьим (чаем) — пятьдесят граммов. Полный обед позволить себе я не могла. Покупала только второе и третье блюдо — получалось: ложка поре или лапши, очень маленький кусочек свиного мяса с жиром, а чаще, только кусочек одного жира, без мяса и стакан чаю, а с ними сто пятьдесят граммов хлеба. Это съешь, а с жира тошнит — больше ни завтрака, ни ужина.

А Мишу Шаврина и некоторых других хороших учеников третьего курса направили работать учителями в сельские школы, видимо, учителей забрали на фронт.

Приходило мне от Миши Шаврина одно письмо, написанное красными чернилами (Как же! Учитель — знайте наших!). объянялся в любви. Собствил, что работает преподавателем истории в семилетней школе. Но я ему не ответила — больше писем не приходило. А когда в его школе закончился

учебный год, он приехал в Ирбит, в педучилище. Пришёл в общежитие, зажегел встретиться со мной. Но меня в тот момент в общежитии не оказалось.

Девочки мне передали, что возмужал, хорошо одет, пообещал зайти во второй половине дня, я сразу стала соображать, как с ним не встретиться: во-первых, страшно стало представать перед ним, красивым, бедной студенточкой в своих тряпицах, а, во-вторых, мне нечего ему было сказать – у меня уже завязывалась дружба с Гришей Ерёминым, своим однокурсником. Я ушла на весь день к Шуре Шушариной домой. Ему сказали, что мне передали его желание со мной встретиться, а я ушла куда-то. Больше мы с ним не виделись.

Летом работала воспитательницей в детском саду родного колхоза «Земпероб». На третьем курсе учились в здании педучилища, а с общежитием получилось так: сначала жили в очень большой комнате, она была на втором этаже, чистая, тёплая. Потом перешли в здание музыкальной школы, видимо, после зимних каникул. Комната, в которой жила я, была небольшая, светлая, теплая, но проходная. Я в ней находилась мало, только приходила спать.

Осенью, придя с уроков, брала учебники и уходила или в городскую библиотеку, или в педучилище, где находила уголок, чтобы позаниматься. В магазинах появился хлеб; один килограмм белого хлеба стоил один рубль десять копеек, серого – один рубль, а ржаного – девяносто пять копеек.

Стипендия тридцать рублей, на день – один рубль. В столовую не ходила. Со стипендией покупала сахарного песку, еда – опять тюрь: крошила хлеб, сыпала ложечку сахарного песку и заливала кипячёной водой.

Надо было выкроить денег на билет, чтобы съездить домой, на билет в кино, а иногда и в театр. Был у меня уже друг Гриша Ерёмин. Иногда с ним ходила в кино и в театр – тогда уже на его деньги.

Но в театр идти с ним иногда я отказывалась. Во-первых, я не знала, что он работал, а он не говорил мне; считала, что он – такой же студент, а билеты в театр дорогие. А, во-вторых, в театр стеснялась ходить с ним погорю, что там надо было снять пальто, народ туда ходил, как на праздник, нарядно одет. а у меня нарядов не было; надеть что-то другое, кроме того, в чём ходила в класс, ничего не было. Гриша одет был хорошо, и рядом с ним я выглядела очень бледно.

Другое дело – сходить в кино: и билет недорогой, и раздеваться не надо. А пальто у меня было приличное: мама вырастила тёлку до коровы и отда-

ла сестре, а та дала мне своё пальто новое из коричневого сукна с кроличьим воротником хороший выделки.

Гриша из семьи раскулаченных – это я потом узнала. Семья была выселена в Ирбит на строительство диатомиткобината, так и жила в бараке комбината. Сначала школы для детей раскулаченных в посёлке не было. Значит, учиться он пошёл поздно. Закончив семью классов, работал. Учиться в педучилище поступил, когда ему доходило двадцать лет. А мы в группе поступили все пятнадцатилетними. Понятно, они выделялись своей взрослостью, степенностью. Всегда аккуратно одет в повседневный черный костюм на вечера или в театр приходил в коричневом коверковом костюме, а к выпускному вечеру ему сшили геммо-синий бостонский костюм, только в этом костюме я его видела один раз, когда мы с ними ходили фотографироваться перед уходом его в армию.

Кего внешнему виду можно добавить, что он был при часах – один гакой в классе, туфли носил с калошами. А весной осенью в училище приезжал на велосипеде.

Хороший костюм, часы, велосипед да калоши на туфлях для меня в то время казались пределом мечтаний для мужчины. Я не представляла, что у молодого человека ещё могут быть какие-то желания. Он выделялся из всех нас, салаг, его нельзя было не заметить. Я обратила на него внимание ещё на вступительных экзаменах но никогда и не мечтала, что он обратит внимание на меня деревенскую девчушку. Живёт в городе, а там красивых девушек – пруд пруди. Встречаться начали в конце второго курса.

Однажды поздно вечером я занималась в училище, в здании было уже пусто, только истопник топил печи. Я сидела около одной печки учила уроки. Вдруг заходит он, поговорил между прочим со мной, даже пошутил и подал мне письмо сказав: «Почитай и подумай!» Я до сих пор удивлена, как он меня нашёл в такой поздний час. Я подумала, что оказался он тут случайно, а, когда прочитала письмо, не поверила, что такие нежные слова написаны им для меня. Особенно удивили несколько перифразированные Н. Островского, что прожить он хочет так, чтобы не было погони мучительно больно за бессмысленно прожитые годы. Я в ответ ничего не написала, просто не способна была написать ответ на такое содержательное объяснение в любви. Хотя чувства меня захлестывали, но изложить на бумаге их мне и до сих пор не дано. Моим ответом были только мои приветливые улыбки.

Вскоре он пригласил меня в кино, и началась дружба. Однажды, когда я ехала на поезде домой и оказалась в одном купе с девочками с третьего курса, юни поинтересовались только им одним, с кем дружит у вас этот парень, я ответила: «Не знаю». Мне было боязно сказать, что дружит он со мной – не поведят, да ещё и засмеют, мол, желаемое выдаёшь за действительное. Дружили мы весь третий курс, но не так, как дружат многие, что встречаются каждый вечер. Ежедневно мы виделись в училище на занятиях, а вечером встречались в выходные дни, если я не уезжала домой, и на вечерах, которые иногда были в педучилище. Во-первых, он жил далеко за городом, в посёлке диатомиткомбината, а, во-вторых, вечерами или ночами он, как я узнала позже, работал – меня это очень устраивало: надо заниматься, серьёзно готовиться к урокам. Теперь даже смешно над собой: вечерами встречались редко, а мне даже ни разу в голову не пришло, мол, в своем посёлке он, взрослый парень, может встречаться ещё с кем-нибудь. Нет, я не думала об этом, была уверена: он любит меня. Не возникало ни ревности, ни страха потерять его.

Где-то в марте или в апреле должно быть распределение по районам. Я не представляла, как это происходит, предполагала, что мне просто объявят, куда меня направляют – и всё, песенка спета. Поэтому я над этой проблемой не задумалась ни разу.

Однажды Гриша мне говорит: «Давай попросим, чтобы нас оставили в Ирбитском районе». Я, не задумываясь, ответила, что согласна. Да и куда мне ехать? Что искать? Ирбитский район – моя родина. И только после этого разговора я подумала: «Почему ему так важно, куда распределюсь я? Ага! Значит, он подумывает на мне жениться. Ну, нет, я – не невеста: мне не исполнилось ещё восемнадцать лет, замуж выходить рано, тем более, что и выходить-то не с чем и не в чем. Надо поработать, приобрести кое-что хотя бы из необходимого, а потом думать о замужестве. Да и маме надо помочь растиль моих братьев. Нет, замуж я не хочу. Он, конечно, хороший парень другого я себе в мужья не хотела бы, но я ещё не невеста. Значит, записаться надо в другой какой-то район, подальше от него. Если запишусь в Ирбитский район, значит, буду жить близко от него – всё кончится замужеством.»

Стала думать, куда же записаться. Директор педучилища П. И. Набокик в составе комиссии Свердловского облоно ездила по каким-то районам с инспекторской проверкой, а, вернувшись, ознакомила нас с итогами

проверки. Я запомнила, как она сказала, что понравилось отношение к учителям в Слободо-Туринском районе, там власти о них заботятся, учителей снабжают промтоварами. Я тогда подумала: «Вот это мне и надо: ведь у нас в магазинах полметра ситца нигде не купишь. Буду работать, зарабатывать деньги, а купить ведь ничего нельзя. Вот в Слободо-Туринский район я и запишуся.»

В распределительную комиссию его пригласили раньше. Он спросил, будет ли в Ирбитском районе место нам обоим, и получил: «Да». Он, видимо, знал, что при распределении получить место в Ирбитский район, тем более в город Ирбит, непросто. Дело в том, что в городе да и в районе многие бы хотели остаться, но мест было мало, так как педучилище ежегодно обеспечивает город учителями. Но мы оба хорошо учились, считались хорошими студентами, думаю, нам пошли навстречу. Но, когда я, зайдя в распределительную комиссию, на вопрос директора педучилища, куда хотела бы поехать работать, ответила: «В Слободо-Туринский район», все члены комиссии удивлённо запереглядывались. Я это замечала, но не поняла, почему они так удивились. Я подумала: «Наверное, я записываюсь к чёрту на кулички, и там мне будет очень плохо. Туда ехать никто не хочет – одна я». Настроение испортилось. Но никто из членов комиссии не произнёс ни слова, моё желание удовлетворили, и я вышла из кабинета. Гриша стоял у самых дверей кабинета директора и всё слышал. Я ему на ходу сказала, что я записалась в Слободо-Туринский район, и ушла в общежитие. Он ни слова не сказал, не упрекнул меня ни в этот момент, ни после, почему я так поступила: ему дала согласие в один район, а записалась в другой. Продолжали учиться, как ничего не произошло, встречаться ещё чаще.

Тридцатое мая – последний день учёбы: с первого июня – государственные экзамены. Гриши в этот день в классе не было, его вызвали в военкомат. Уроки закончились, ждём классного руководителя. Вдруг кто-то забегает в класс и говорит: «Кто записался в Слободо-Туринский район, идите в кабинет директора, вам сообщат распределение по школам». Я поняла, что касается меня, но зачем идти и слушать, ведь мне всё равно, какую школу назовут, я там не была и ничего не знаю. Решила, что не пойду, тем более, что раскаивалась в глубине души в своём выборе. Но это же приглашение директора – надо идти. В кабинет зашла последней. Девочки раздвинулись, и я села посреди дивана, как раз напротив директора.

Пелагея Ивановна начала читать, и я слышу: «Ерёмин – заведующий Андроновской школы, Мартынова – учительница этой школы». Я обезумела, сразу хлынули слёзы: записалась, куда «Макар телят не гонял», чтобы подальше от него, а в результате – одна школа. Конца слов Пелагеи Ивановны не слышала – душили слёзы. В класс не вернулась. Прибежала в общежитие, пала на кровать и реветь: окрутит он меня, а я ведь не хочу замуж. Вдруг кто-то прибегает в комнату и говорит: «Мартынову вызывает Пелагея Ивановна». Я вся зарёванная, но приказ директора – надо идти. Почему у-то мне на улице девочки лили воду на руки, а я умывалась.

Пелагея Ивановна долго молчала, курила, потом тихо, как всегда, чётко выговаривая каждое слово, спросила: «Так что же Вы расплакались?» Вновь слёзы хлынули рекой: «Не хочу с ним вместе, не невеста я ему». Пелагея Ивановна стала говорить: «Вы знаете, куда записались? Район сельскохозяйственный. Интеллигенции – одни трактористы. Придёт время выходить замуж – за кого пойдёте? Надо радоваться, что такой парень замуж берет». Я сказала: «Сегодня он в военкомате, его, может, в армию возьмут». – «Пока вы будете работать заведующей школой, а он вернётся из армии – поженитесь. Ждите его – он очень хороший парень».

Я поняла, что изменить ничего не удастся. Приходится жизнь принимать такой, какая она есть. Стрепой вылетела из кабинета и у дверей столкнулась с ним, услышала на ходу, что его берут в армию. Обрадовалась. «Вот и хорошо, что берут в армию: пока три года он служит, мне можно будет и замуж выходить.» Прибежала в общежитие, схватила конспекты, побежала в библиотеку готовиться к экзаменам.

Четвёртого июня тысяча девятьсот сорок первого года я его проводила в армию. Его прямиком увезли в Ленинград. Я уже в июне, пока шли экзамены, получила от него несколько писем из Ленинграда. Там он встретил войну. Письма ходили до зимы. В последнем письме было написано: «Лежу в стационаре.» Больше писем не было. Началась блокада. Его мама писала мне письма, указывала воинские части, в которых служили его друзья, с которыми его взяли одновременно, просила написать в те воинские части. В общем, я писала, куда только возможно, – ответ один: никто о нём ничего не знает. Когда блокада с Ленинграда была снята, пришла покоронка о его гибели.

Этот холодный зимний день я запомнила навсегда. Рано утром я по каким-то делам ушла в районный центр, в Зайково. Домой вернулась уже

темно. Замёрзла и устала до предела. Мамы с нами уже не было. Дом выстыл, так как железная печка была не топлена, корова не дёна. Саша сидел на печи. А на столе письмо с военным штейпелем.

Вскрыла письмо — похоронка на Гришу: «Погиб смертью храбрых.» Даже не удивилась, так как давно была готова к этому: войну встретил в Ленинграде, блокада, стационар, и годы — нет вестей. В длинные ночи все передумала, в разное время представлено много картин, в том числе его возвращение и наша встреча — они ещё некоторое время питали надежду на его возвращение. Но чём дальше продолжалась война, надежды одна за другой таяли и таяли. И вот финал ... — рухнула последняя надежда.

Слёзы капали и капали. Затопила печку, вымыла руки и пошла доить корову. Собрала немудрёный ужин и села готовиться к завтрашним урокам — два класса: второй и четвёртый. Голова вроде бы занята другими, а слёзы катились и катились, думаю, выпливались обиды на всю проkjатую жизнь ведь если оглянуться назад, после смерти отца, те с 1929 г. светлых пятен в жизни, кроме дружбы с Гришой, и не было, можно сказать.

Далеко за полночь легла спать и стала вспоминать все, связанное с Гришой. Как он меня любил! Как он умел любить! Ведь если мы шли по улице и было темно, он, наверное, через каждые десять шагов останавливался и целовал меня. И ни однажды не обидел ни словом, ни взглядом, ни даже интонацией голоса. Да и слово-то «любовь» мы понимали не так, как современная молодёжь понимает. Для нас слово «любовь» — самые чистейшие отношения между девушкой и юношей.

А проводы в армию. Первого июня у меня первый экзамен. Следующий экзамен четвёртого июня — день отправки его в армию. Второго июня мы целый день просидели в сквере — я готовилась к экзаменам, он сидел рядом. Третьего опять пришёл, я сказала: «Иди домой, заниматься буду одна». Четвёртого июня я сдала экзамен. Часов в шесть вечера пришли за иной Гриша и ещё два его друга, тоже студенты нашей группы: Чернов Костя и Шмаков Костя. Мы с Дусей Коморниковой пошли с ними к Грише домой. И так влятером, пока не идти на вокзал к поезду, сидели, разговаривали смеялись, танцевали под патефон, при этом ели, но ни капельки никто даже из ребят не выпил спиртного.

На вокзал пришли к часу ночи. Привокзальная площадь была полна народа, видимо, отправляли в эту ночь большую партию ирбитских юношей. Мы с Гришой оглоши в сторонку, он обнял меня и целовал. Мы не

разговаривали. О чём он думал? Он даже не спросил меня, буду ли я его ждать был уверен во мне, не допускал мысли, что могу изменить. А вот сейчас, с высоты своих прожитых лет, я думаю: ему было уже 22 года, жил он в семье с родителями и семьёй старшего брата, конечно, читал газеты слушал радио и вполне понимал, должен был понимать, что войны не миновать, и идет он, скорей всего не просто в армию, а на войну, и мысленно прощался со мной, но не говорил об этом потому, что говорить об этом и многом другом было нельзя. Теперь-то я понимаю, как ему было тяжело.

А мы с Дусей вернулись в общежитие, конечно, усталыми. рухнули в кровать, и я заснула крепким сном. Забота в голове была одна: встать завтра пораньше, готовиться к следующим экзаменам. А что Гриша ушел в армию, это даже хорошо, не надо выходить замуж. А все остальное на сегодняшний день – не проблемы. Я даже не подумала о том, что он может не вернуться мы можем никогда больше не встретиться, так как войны не избежать. Все уходят, все возвращаются. О чём думать?..

А ведь в общем-то я понимала. Радио и газет у нас не было; от событий в стране, от политики мы были полностью изолированы – никаких политинформаций и бесед на эти темы. Но я часто ходила заниматься в городскую библиотеку, в читальный зал. Всегда брала газеты и краем глаза в них заглядывала. Однажды прочитала: гитлеровская Германия готовится напасть на Советский Союз. В следующем номере газеты было опровержение: эти слухи распускают и хотят посеять панику наши недоброжелатели; этого быть не может – у нас с Германией заключён пакт о ненападении. В другой раз было сообщение: Германия подтянула танки к нашей западной границе. Следом сообщение: да, немецкие танки находятся у нашей западной государственной границы. Это на территории Польши немецкие танки поставлены на отдых. Так что, если одно сообщение обеспокоит, то другое – успокоит тут же

Да страха и не было: нам с детских лет внушали, что наши границы надёжно охраняются, кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет. Распевали песни: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», «Всё выше, всё выше и выше стремим мы полёт наших «птиц» и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ» и т.п.

Мне даже в голову не приходило соединить эти два события. Начнётся война, и Гриша может не вернуться из армии. А вообще-то и думать было некогда: шли госэкзамены, их надо было во что бы то ни стало сдать

хорошо. Уже во время экзаменов получила три письма: служит в Ленинграде. Что еще желать? Лучшего места службы трудно придумать.

А потом пошли письма, в каждом объяснение в любви, даже тогда, когда война уже попыхала, а он находился в эпицентре её, этой проклятой войны, — никакого намёка на опасность его положения. А из газет мы узнавали, что война будет кратковременной, скоро закончится, как только наши союзники, США и Англия откроют второй фронт. А они его вот-вот откроют. Но это были только мечты.

Его гибель, я считаю, мне — наказание Божье за радость в тысяча девятьсот сорок первом году, что его взяли в армию: это меня избавило от необходимости выходить замуж.

Три недели июня тысяча девятьсот сорок первого года сдавали госэкзамены — огромное умственное и физическое напряжение. Наконец, всему конец. Расслабились, сходили погулять в сквер, обменялись адресами. Такая радость — всё позади: цель достигнута, специальность получена, теперь только работать. И, думаю, каждый лелеял мечту: зарабатывать деньги, приобрести приличную одежду, свои тряпки всем надоели, одеты все были неважко.

Двадцать первого июня тысяча девятьсот сорок первого года выпускной вечер. Торжественная часть, концерт, танцы. Никакого застолья ни капли спиртного. Через дорогу от общежития городской сквер, в нём апелей сирени. Когда она зацветала, красота неописуемая, а аромат разливался на полгорода, кажется. В сквере всегда много гуляющих. В двадцать три часа сквер закрывали на замок.

И вот с танцев мы решили совершить «набег» на сквер. «Мы» — это сказано не точно. Чья голова додумалась до этого, я понятия не имела. Но когда меня пригласили принять участие в этом «мероприятии», я не могла отказаться, чтобы не предать подруг. Да думать было некогда — как все. Тем более, что настроение было отличное. Чувство такое, будто находимся где-то в засбачной выси, витаем над землёй — кажется, всё нам можно, так что совершить что-то невозможное страстно хотелось. И вот ... Глубокая ночь, а будущим учителям «море по колен». Они лезут через высокий забор воровать цветы сирени. Мне было страшно, но я не подавала вида. Сторожа, видимо, не было, и будущие учителя милиции (слава Господу!) избежали. Принесли охапки цветущей сирени. Правда, сейчас мне кажется невероятным, что в тот год сирень к этому времени ещё не

отцвела, видимо, год был поздним. Преподнесли преподавателям; они, конечно, поняли, откуда цветы, и пошутили, но цветы приняли.

Сейчас думаю: если бы на следующее утро, т.е. двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года, увидел бы тот, кому следовало увидеть, что ночью совершён набег на сквер, началось бы расследование, чьих это рук дело, кто покусился на достояние всех граждан города. А найти воров было бы нетрудно, так как педучилище у сквера почти под боком, а ночью в нём был выпускной вечер; а на вечере все видели, кто одаривал преподавателей цветами – понятно: не сами же они вырастили эти цветы.

Думаю, ответ пришлось бы держать не только участникам этого «мероприятия», но и преподавателям, принявшим цветы. Да! И ещё раз – Да! Ведь тогда мы не знали, что действовал закон ЦИК и СНК от седьмого августа тысяча девятьсот тридцать второго года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций», который в народе был назван «закон о пяти колосках». Я уже писала ранее, что этот закон требовал расстрела даже за незначительные хищения, в крайнем случае – десять лет тюрьмы. Например, за взятие колхозником кармана картофеля или горсти колосков с колхозного поля, хотя сам он сажал и растил этот картофель или сеял зерно, колхозник получал за это десять лет тюрьмы или ГУЛАГ (а).

В данном бы случае преподавателей (многие из которых, конечно, были членами Коммунистической партии), принявших ворованные цветы от будущих учителей, совершивших аморальный поступок, на ГУЛАГ, может, и не сослали бы, но звания «педагог» лишить могли определённо, так как не достойны учить и воспитывать будущих учителей, не научили их правилам социалистического общежития, не внущили им, что учить и воспитывать будущих строителей социализма и коммунизма должны люди только кристальной чистоты. А будущие учителя, только сегодня получившие дипломы, а с ними и право учить и воспитывать детей – самое святое, что есть в жизни. В первые же часы после получения дипломов, совершившие аморальный поступок, показали, что ни о каких правилах социалистического общежития не имеют понятия; не знают, что такое хорошо, а что такое плохо. В их душах нет ничего святого, если покусились на общественное достояние (и всё в этом роде), воспитывать людей нового общества совершенно не достойны. А по сему: дипломы изъять и права

работать учителями их лишить.

И отправилась бы, например, Ольга Мартынова работать в свой родной колхоз «Землероб», а осенью уже поехала бы вместе со своими подругами на всю зиму в какой-нибудь дальний район Урала на лесоповал, а могло быть и того хуже.... Но мы в ту историческую ночь ни о чём таком не думали, потому что никто нас не познакомил с «Законом о пяти колосках». Мы очень о многих ужасах окружающей жизни не знали в то время.

Сейчас, возможно, покажется смешно, мол Мартынова пишет страшилки, а тогда могло быть не смешно, а очень – очень грустно.

Возбуждённые после выпускного бала, мы долго не могли заснуть. Ещё пели, смеялись. Спать легли, когда было уже очень светло. А проснувшись от громкого крика: «Война!»

Не было бы счастья, да несчастье, думаю, нам помогло. Вот это слово «Война!» смешало всё в городе – людям стало не до сирени, и будущие учителя и их преподаватели остались без наказания.

Настроение у всех, конечно, испортилось. печальные разъехались по домам. Мечты о безбедной жизни сразу улетучились из моей головы. В деревне мужчин забирали в армию, женщины работали в поле, и будущую новоиспеченную учительницу определили варить обеды трактористам и привозить им в поле.

Трактористы поваром были довольны, но пришла пора повару собирать монатки и ехать на жительство в Слободо-Туринский район, село Андроново. Бедная мама! Как она переживала несправедливость судьбы: её дочь отправляют работать куда-то, а в Белогорскую школу приехала работать выпускница Камышловского педучилища; в родной школе могла бы работать её дочь! Не знала бедная мама, что её дочь сама выбрала дальнюю дорогу и новое место жительства, по своему желанию оказалась в «ловушке» – за свою глупость дорого приходится платить, и я заплатила сполна ...

Село Андроново большое, расположено на берегу реки Туры, по которой ходили катера и небольшие пароходы. Дома в селе добрые, но школа только начальная, видимо, потому, что соседнее село Сладково имело среднюю школу, а село Храмцово – семилетнюю. Ученики Андроново, закончив начальную школу, должны были учиться в школах этих сёл. Заведующим Андроновской школы, вместо Гриши, был назначен Вячеслав Иосифович, эвакуированный еврей лет тридцати пяти. Он бежал из

Белоруссии, в дороге потерял семью. На родине будто он был директором семилетней школы, а здесь стал учить второй класс. Мне дали третий. Кто его учил до меня, я не интересовалась, да и интересоваться было не у кого. Две учительницы: Мария Ивановна и Елизавета Ивановна – учили соответственно первый и четвёртый классы, проводили мужей на фронт, у них были свои общие интересы, они давно работали вместе, дружили и продолжали дружить, до нас им не было никакого дела. Они проходили сразу в свои классы, там были весь день, в учительскую не заходили, а после уроков уходили к своим детям, коровам, огородам. Они нас как бы не замечали, не виделись мы с ними неделами. Я тоже заходила сразу в свой класс, у меня и вход в класс был со двора, весь день в нём работала и, закончив все дела, уходила домой. В учительскую заходил только заведующий, да там он был и после уроков, читал газеты, наверное, готовился к урокам, ночевать уходил на квартиру.

Подготовлен мой класс к восприятию материала программы третьего класса был очень слабо: дети плохо читали, грамотность низкая каллиграфия ужасная, пересказать прочитанное могли несколько человек из класса. Не думаю, что я им много дала, хотя к урокам готовилась очень добросовестно, старалась объяснить всё очень доходчиво, проверяла все письменные работы, проводила работу над ошибками после уроков занималась со слабыми учениками, посетила всех учеников на дому. Это был первый год войны, и отцы почти всех моих учеников были на фронте. Отцы некоторых учеников ещё до войны были взяты в летние лагеря на переподготовку как бы, а в начале войны были сразу отправлены на фронт, не простившись с семьёй. Некоторые семьи ещё летом перестали получать письма с фронта, а осенью пришли и первые похоронки. Если раньше все заботы в семье лежали на мужчинах, теперь женщинам надо стало работать столько, чтобы прокормить детей (а в некоторых семьях их осталось по двое – четверо), поставить и вывезти сено для коровы, заготовить дрова – все эти заботы свалились на хрупкие плечи молодых женщин так неожиданно, что некоторые растерялись. Уже потом, в течение войны, они многому научились, а это было начало войны. Некоторые, слыша сообщения по радио, что война будет молниеносной, приняли решение: до возвращения мужа с фронта, пусть сынок или дочка не учатся, помогают матери, нянят младших в семье; учиться будут тогда, когда война закончится, возможно, и муж вернётся домой. Приходилось идти в семью

убеждать матерей, чтобы изменили своё решение и нашли другой выход из трудного положения, а их ребёнок должен учиться. Такое решение приняла мама Гены Потапова. Я приду к ним домой, говорю с ней, она молчит, а слёзы текут и текут из её глаз. Писем от мужа нет, надеяться не на кого. Мне её очень жаль, но повторяю вновь свои доводы, что Гена должен учиться. Но ведь и младшенькую сестричку Гены оставить не скем, чтобы идти на работу его маме. Походит Гена в школу несколько дней – и опять нет его в классе, пока не схожу в семью вновь. О каких знаниях разговор?

К празднику Октября колхоз выделил несколько килограммов крольчатины, уборщица потушила мясо с картошкой, разрешили детям хлеба досытая есть, а вот к Новому году сколько ни добивался Вячеслав Иосифович, колхоз ничего не дал – уже всё было сдано в фонд обороны. Но праздник, хотя и без подарков, был: посреди зала – великолепная ёлка, украшенная игрушками, вокруг стоят дети всех четырёх классов.

Мои многие ученики в карнавальных костюмах. Разыгрывают сценки, поют песни, танцуют под песни или под моё «тра-ля-ля» – никакого музыкального оформления. Другие учителя ни одного номера художественной самодеятельности не подготовили, их детиостояли на празднике гостями. Своих учеников я очень любила, они мне платили тем же. Хотя с того 1941 – 1942 учебного года прошло шестьдесят с лишним лет, а я многих учеников помню: Галия Кайгородова, Галия Потапова, Галия Отрадных Тоня Сабурова, Ваня Барковский – из эвакуированных, Поля Ильиных и Филия, сирота, жил в семье Поли. Поля – избалованный мальчик, единственный в очень обеспеченной семье, а Филия, наверное, из детдома, степенный, серьёзный, но со слабыми знаниями. Я его любила, мне его очень было жаль, я с ним много занималась.

Жила через дорогу от школы на квартире. У моих хозяев была одна дочь Зоя, она окончила медучилище и уехала работать по направлению далеко от этого района, при мне не приезжала. Я хозяев о прошлой жизни не спрашивала, но они были немолодыми: дети бы их должны быть значительно старше, но Зоя была только моих лет. Жила я в горнице. Там стояла деревянная кровать, на которой я спала, стол с клеёнкой и много цветов, на полу половики. Когда начались холода, горницу отапливать не стали, я стала спать на попатях.

Приняли они меня сначала «на хлебы», то есть жила полностью на их питании, конечно, за питание и квартиру платила. А потом месяца через

три, видя, что война затягивается, хлеб и продукты надо экономить, от питания отказали и для меня начались чёрные дни: 400 граммов сырого хлеба и больше ничего. Картофеля ещё колхозники много не сажали, так что никто его не продавал; у кого картофель был, берегли его на посадку.

В зимние каникулы съездила домой, привезла гороховой муки и немногого конопляного масла – варила гороховый кисель. Больше мама тоже дать ничего не могла – на трудодни хлеба не дали. Покупала иногда молоко, но больше купить было нечего, да и зарплата моя – гроши – 225 рублей. Что оставалось от того, чтобы купить 400 граммов хлеба и молоко, посыпала маме, хотя это ей едва ли было помостью.

Дружила с Натальей Ивановной Голяковой, акушеркой, она была постарше меня, уже несколько лет работала, чувствовалось, что материально жила лучше меня, думаю, потому, что людям она была более нужным человеком, чем я, учитель. Мы потом с ней долго переписывались. Познакомилась с еврейкой Лизой, она закончила среднюю школу и курсы стенографисток. Девушка из Киева, большого города, очень развитая, мы с ней иногда гуляли по берегу реки. Читать по-прежнему было нечего, а времени много. Любила ходить в эвакуированную семью Борковских, я учила их младшего сына Ваню. Жили они плохо, глава семьи болел, всегда лежал, а, кроме Вани, было ещё две дочки старше его, меня моложе, очень общительные девушки. Одна на следующий год приехала поступать в Ирбитское педучилище, и я в Ирбите её встречала.

Весной за селом вспахали большое поле, всем, у кого нет огорода, предложили посадить картофель. На деньги его никто не продавал. У меня были новенькие белые босоножки, которые мама у эвакуированных выменяла на картошку. В зимние каникулы она мне их отдала. Теперь я их променяла на картофель и его посадила. Думала: хоть сколько-то вырастет, будет своя картошка. Летом сумела рассчитаться, уехала жить домой, посаженную картошку подарила Борковским.

В июне тысяча девятьсот сорок второго года, когда учебный год закончился, при горено открыли курсы повышения квалификации учителей начальных классов. Чтобы их посещать, жить надо было в Слободе Туринской, так как наше село Андроново было от Слободы километрах, может, в десяти – двенадцати.

Я расстроилась: где жить. Наталья Ивановна посоветовала мне попроситься на квартиру к снохе хозяев её квартиры в Андроново, добавив:

добрая женщина, не откажет, и указала адрес. Я так и сделала. Муж этой женщины был на фронте, а у неё трое или четверо детей и мать. Работала она учительницей и неосвобождённым председателем РК профсоюза учителей. Но у неё, вроде, была корова. Помню, что бабушка варила суп из крапивы, из листьев овощей и заправляла суп молоком. Поглядела эта добрая женщина на моё житьё-бытьё, расспросила меня обо всём, и, видимо, жаль ей стало меня, в конце курсов сказала: «Я поговорю с заведующим районом, может быть он тебя уволит с работы и разрешит уехать жить домой.» Был последний день курсов, я вечером собиралась уйти в Андроново, а тут она пришла домой и мне говорит: «Сегодня ещё ночью, а завтра идиувольняться» Трудно мне описать мою радость. Я помню следующий день до мелочей, как увольнялась, а особенно, как «легела» в Андроново: радости не было предела. Эта добрая женщина просто осчастливила меня; конечно, я сама никогда бы не решилась обратиться к завраиону с просьбой уволить меня с работы. Я считала: куда послали, там и должна работать. Да и обратись я, он бы спросил причину. А что могла сказать я? Трудно? Голодно? Ответил бы: «Война – всем трудно и голодно». А как была рада моя мама: ждала дочь в отпуск, а я заявляюсь навсегда.

Работа мне нашлась в моей родной школе: молодая учительница из Камышлова с радостью уступила мне место и уехала домой, в родной Камышлов, к своей маме. У неё проблем было больше моего – кроме полу-голодной жизни, ещё не нашла контакта со своим третьим классом. Она ещё с неделю жила в Белослудске при мне. пока, видимо, сумела уволиться. Мы с ней подружились: она мне жаловалась на нескольких учеников, сказала, что главным заводилой всего плохого был Анпилогов Альберт, эвакуированный с матерью и сестричкой из Брянска. Видимо, там ещё в Брянске, слышал, как отъявленные хулиганишки поступают с неподобными учителями, и теперь использовал кое-что в своей практике.

Однажды вбил гвоздь в стул учительницы, а когда она села и, как ужаленная, вскочила, дети злорадно хохотали: в другой раз, когда она садилась, отдернул стул, и она упала, а дети опять посмеялись. Мне от её рассказа становилось страшновато: сумею ли я найти подход к этим ученикам, тем более, что я местная. Многие меня знают с детских лет.

В село приехали с концертом ленинградские артисты. Народу – полный клуб. Пришли и мы с этой учительницей. Концерт в разгаре. Вдруг заходит рослый мальчуган, кажется, лет пятнадцать, плотный, босой, в каком-то

грязном длинном пальтишке, уверенно проходит к самой сцене и становится впереди всех сидящих. Учительница мне прошептала: «Это он, Альберт Анпилогов». С этой минуты я смотрела не на артистов, а наблюдала за этим мальчиком, пришла к выводу: «Ну, Мустафа из кинофильма о беспризорниках, да и только.» Как встал в одну позу, так, не шевельнувшись, и простоял до конца концерта. После концерта попыталась разглядеть его получше: лицо одутловатое, взгляд угрюмый, нагловатый. На концерт пришёл с опозданием с работы, я узнала, что он всё лето без выходных работал на лошади на покосе, в поле.

Лето промелькнуло. Жду со страхом встречи с неуправляемым классом, а главное — с Альбертом.

Первый учебный день прошёл как по маслу: на уроках полная тишина, все всё выполняют, но ... Альberta нет в классе. Сделала перекличку, спросила класс, где Анпилогов, сказали: «Работает.» На второй учебный день прибыл. Первый урок чтение. Анпилогов первый в классном журнале по списку, прошу его прочитать текст. Он не встал, смотрит на меня исподлобья затравленным взглядом. Я спокойно прошу его встать и прочитать текст; наконец, он, по-прежнему сидя, произнёс: «Я читать не умею.» Я тем же тоном, как бы передразнив его, но добрым голосом сказала: «Почему ты пришёл в четвёртый класс, а не в первый, ведь там учат читать?» Его это рассмешило, он хоть исподлобья глядел, но улыбнулся. А я сказала: «Ладно. Подождём, когда Альберт научится читать, а кто умеет уже читать, поднимите руки». Ученики один за другим несмело потянули руки. Я сказала: «Вот и хорошо: оказывается, в четвёртом классе есть ученики, умеющие читать.» Инцидент невелик, но результат, думаю, «один-ноль» в мою пользу.

Уже работаем несколько дней. На уроках тишина. Все все выполняют. После уроков девочки крутятся возле меня, особенно эвакуированные, они бойчей наших, дети домой не спешат. Вдруг на уроке русского языка, когда все работали самостоятельно, среди тишины раздалась песня. Это тихонько запел Киря Максимов. Как тут молодой учительнице, у которой и так каждый нерв на пределе, не возмутиться? Я в тот момент приняла это как вызов. Это сейчас, с высоты своих лет, меня удивляет, как я не могла ребёнка понять, скорей всего, он всё лето работал в колхозе на лошади, естественно, пока ехал, пел песни. Во время тишины отключился, забылся, где он и по привычке запел. В тот момент раздумывать мне было

некогда, я тут же предложила ему выйти из класса. Он ушёл. Знаний у него не было, переведён он был условно в четвёртый класс, чтобы не портить показателей школы – стопроцентной успеваемости. Я заявила завшколой: «Его я в свой класс больше не пущу, пусть учится в третьем классе. Знаний у него всё равно нет. Повторение курса третьего класса пойдёт ему на пользу.» Железницкая согласилась вернуть его в третий класс, так как знала, что знаний у него действительно нет. Кирия в классе не появился. Его отправили в третий класс. Ученики присмирили, видимо, сделали вывод: шутки с этой учительницей не пройдут. Но теперь я себя очень осуждаю за то что меры приняла скоропалительно, не поговорила с учеником: думаю, надо было понять, что ребенок забылся и запел; но была настроена предыдущей их учительницей, что от них нужно ждать только лакостей, и решила, что началось... Конечно, Кирие необходимо было было ещё год поучиться в третьем классе, чтобы усвоить программный материал хотя бы удовлетворительно. Но себя я всё равно за этот поступок осуждаю: слабых учеников и без него в классе было достаточно, так что тянула бы и его. Результат этого инцидента – «один – ноль» не в мою пользу.

Прошло ещё немного времени. Яркий солнечный день. Уроки закончились. Дети отпустили домой. В классе несколько человек оставлены для дополнительных занятий. Вдруг кто-то из девочек забегает в класс и говорит: «Ольга Марковна, мальчики белослудские и притыкские дерутся цепями». Я обомлела, не могу с места сдвинуться; обуял страх: сейчас выйду, вмешаюсь, а они не послушают меня. Как я буду выглядеть в глазах учеников всей школы как учитель? Я выйти не решилась, сказав: «Я занята.» А сама думаю: «Что же с ними делать?»

В общем струсила я не вышла – в мою пользу опять ноль. Весь вечер я размышляла «Или что-то они делят, натура ли их драчливая?» Но скончай всё мои ученики продолжают традиции старших.

Я и раньше знала о таких драках между парнями соседних деревень: решила, что и мои ученики продолжали эти традиции: мальчики одной деревни показывали мальчикам другой деревни свою удаль, умение драться. Раньше вообще «ходили стенка на стенку.»

Шла война. Школьники собирали лекарственные растения. Уже в середине сентября нам предложили собрать плоды шиповника. Я со своими учениками после уроков отправилась в лес. Собирали мало: шиповник был уже обобран. Возвращаемся домой. Иду с девочками, разговарива-

ем, мальчики сзади идут. Вдруг кто-то закричал: «Ольга Марковна, ребята дерутся!» Оглянулась и вижу, как один ученик бежит за притыскими ребятами с нетолстой лесиной метра в два, а, может, три длиной. Я, обезумев, закричала что-то, думаю: ударит по голове, убьёт. Притыкские ребята врассыпную – и домой, за сумками в школу не пришли. Выяснилось, что задрали они, а приди в класс – будет разборка – удрали. «Знает кошка, чьё мясо съела», лучше от греха подальше. Остальных повела в класс. Держала голодных ещё часа два, ругала, как умела, объясняла, чем может однажды такая драка закончиться. У драчунов забрала сумки и сказала: «Завтра без матерей в класс не приходить». Расстроенная пришла домой, зашла в горницу, упала головой на сундуки и засилась горячими спезами. В сумерки пошла по домам драчунов – раньше идти бессмысленно – матери все на работе, а отцы на фронте.

К первому пришла к Коле Юртаеву. Родной матери нет, неродная – на работе, отец воюет. Коля лежит на кровати среди каких-то старых грязных фуфаек вптымах. Наверное, голодный. Жаль мне его стало. Поговорила с ним, пожурила, пошла дальше. У Миши Кондратьева мать дома, рассказывает: «Пришёл из школы, заполз на полати, лежит, говорит, что голова заболела.» А всё дело в том, что нет ни учебников, ни тетрадей, чтобы выполнять задание, да и как матери сказать, чтобы шла в школу завтра, иначе до уроков не допустят, а домой пойдёшь опять без сумки – тут заболеешь.. Мать, узнав причину «болезни», встала на лавку и, выговаривая обиды, ухватом через брусья стала «воспитывать» сына, лежащего на полатях. Поглядела я на эту картину и пошла дальше.

Анпилогов жил с матерью и маленькой сестричкой на квартире, не имея даже отдельной комнаты, жили вместе с хозяевами, спали, наверное, на печи и на полатях. Мать ещё на работе, Алик трёт картошку, чтобы из жмыжков мать завтра утром могла состряпать лепёшки. Чем заедать или запивать эти лепёшки, чтобы как-то катились в желудок? Если нет коровы, значит, нет и молока: да ничего в то время у сельских жителей и не было, кроме молока не досыта. Это у тех, у кого есть корова в семье, а у эвакуированных Анпилоговых коровы нет, так что ... так мне жаль стало эту семью, как представила полуголодную жизнь Алика, что хотела уйти, не сказав, зачем пришла. Но уйти не успела – пришла мать. Зашла в избу злая, ни на кого не глядит, то выйдет в сени, то опять зайдёт в комнату – всё молчком. видимо, кто-то поставил её в известность, что пришла

учительница. Тут и дураку понятно, что пришла учительница не от добра, думаю, бывали такие встречи и с бывшей учительницей. Видно, что всё в ней кипит. Я поняла сразу, что зла она на весь белый свет: войне конца не видно, на мужа – похоронка, работы до исступления, а поесть нечего, нечем накормить детей, нет места, чтобы отдохнуть, а тут ещё я пришла со своими жалобами. Я молчала, не зная, как начать разговор. Тогда хозяйка сказала: «Вот учительница пришла, видно, жаловаться на сына.» Мать спросила: «Что он сделал?» – «Ученики дерутся, а он – зачинщик», – ответила я. Мать начала его бить, стала на него изливать всю свою злость. Меня взял страх – я выбежала из избы, так и ушла, не произнеся больше ни слова.

На утро все, к кому я сходила вечером, пришли в школу. Я вела уроки, будто ничего не произошло, только Подоплелову в класс зайти не разрешила, так как он, конечно, свою маму не пригласил в класс, а я сходить в тот вечер в его семью не смогла, так как наступила ночь, а жили они далеко, на горе, в последнем доме, у самого векового бора. Драчуны, побитые своими мамами, не могли поднять на меня глаза, наверное, у каждого дрожала душонка, что расскажу в классе, как его вчера «воспитывала» мама.

Вечером, в сумерках, пошла к Подоплелову. Дождь лил, как из ведра. Дорога в гору. Пришла. Он лежит на печи с младшим братом. Их семья – переселенцы из Кировской области, приехали перед войной, когда неурожай погнал их искать хлебные места. Теперь живут в огромном кулацком доме. Такой дом обогреть – надо много дров – женщине не под силу даже в доброе время, а в войну – тем более. Словом в доме холодаще. Залезла я к детям, сижу, воспитываю, а матери всё нет и нет. Она работала на молочной ферме конечно, долго управлялась с коровами, да и ферма от их дома далеко, в другом конце села. Пришла она часов в десять, а может, и поздней, ждали мы её долго, но часов не было ни у них, ни у меня. Картина – та же, что и в других семьях, тот же воспитательный процесс: начала она сына хлестать исступлённо, выливать свои обиды на всю жизнь, но я остановила её, и она заплакала громко, навзрыд. Я её понимала и заранее ожидала эту картину: от мужа писем нет, старший сын в тюрьме; она пришла ночью домой, надо чем-то ребятишек покормить, свою корову подоить, к утру дров приготовить, утром надо до света печь истопить опять корову подоить, что-то детям сварить, и до рассвета опять прийти на ферму, до которой только идти больше трёх километров. А сходить туда

надо в день два раза, на две дойки, утреннюю и вечернюю. Жаль мне её, но всё зависит не от меня. Вот даже лишний раз приходится расстраивать ее из-за её непутёвого сыночка, который дал нам с ней слово: вести себя хорошо, не драться. После такого воспитания, можно сказать, среди ночи, в полной темноте под дождём, поплелась я с горы домой. Жутко, так как на горе домов всего три: Друговых, тёти Сони и Подопледовых, остальные дома богачей вывезены после раскулачивания, а за домами стеной сосновый бор

На следующий вечер пошла на Притыку в семью Копи Громазина и Сережи Мухаметзянова. Мать Громазина так и не дождалась с работы – ночь, страшно идти домой будет; а у Мухаметзяновых дома был отец, больной человек, уже «прикованный» к постели. В этой семье десять детей, старшие многие давно женаты или замужем, некоторые воюют, а Серёжа – последний ребёнок, влияния уже на него родители старые, больные оказать не могут. Нищета, как и в других семьях. Сережа – мальчик очень «колючий», грубый, в глазах злость, недоверие к людям. Учился неплохо, но ни с кем, кроме Громазина, в классе так и не подружился, держался сторонки. Отношения наши больше ни разу не испортились, но по-настоящему расположить его к себе я так и не смогла; он каждое мое слово воспринимал как бы с недоверием, насторожённо, хотя я старалась к нему хорошо относиться, разговаривала с ним всегда спокойно. Несладко ему жилось – это очевидно, и он уже привык с обидой глядеть на жизнь. Чтобы повлиять на него, думаю, опыта у меня ещё было мало, да и в то время я очень чётко не ставила такой цели, не мешал мне, тогда казалось – и ладно. Это теперь я понимаю, что это был последний момент в его жизни, когда можно было ещё что-то сделать, чтобы душонка его оттаяла, потеплела, появился другой взгляд на жизнь, ведь после четвёртого класса, второго года войны, их ожидала работа в колхозе, где такому «колючему», думаю, легко не было, а, значит, и всю последующую жизнь.

Так каков же итог моего рейда по квартирам маленьких драчунов? Все они присмирили, драк больше не было, ссор тоже на уроках тишина, все взялись за учёбу. Думаю: главным воспитательным моментом было то, что этих вояк отодрали матери на глазах учительницы, и теперь каждый страшно боялся, что учительница не рассказала бы классу в картинках, как матери «угощали» их кулаками или ухватами. Но учительница не только молчала, а стала к каждому более внимательна, чем прежде, ибо ви-

дела теперь в них не безобразников, а несчастных детей, которым очень нужны её ласка, внимание, и я не жалела этого для них, оказывала им внимания больше, чем другим ученикам – значит, рейтинг мой в глазах учеников значительно вырос. Словом, это был поворотный рубеж, с этого момента напряжение в отношении учеников ко мне улетучилось, мы друг к другу как бы приблизились и стали единым целым.

Приближался праздник Октября, я им предложила подготовиться к празднику – разыграть пьесу «Иван Никулин – русский матрос». Распределили роли, задействовано было много учеников – пьеса большая, несколько действий. После уроков начинались репетиции. Не уходили домой и те, кто не был задействован – всем было интересно. А 7-ого Ноября в сельском клубе, который не работал, сами истопили печи, но всё равно было холодно. Клуб был буквально набит взрослыми и ребятишками. Не было никакого торжества, ничего, кроме нашей пьесы, не было никаких объявлений, но люди узнали и пришли. А как играли дети! В классе было несколько детей, развитых, эвакуированных из больших городов. Например, Майя Гунилова – ленинградка, с ней можно было разговаривать, как со взрослой: красивая, умная, интеллигентная. Я уже на Бурзунке жила, она из Ленинграда разыскала мой адрес и писала письма, присыпала открытки с видами Ленинграда, свою фотографию. Роль Ивана Никулина выполнял Коля Казанцев. У него не было родной матери, и, уходя на фронт, отец привёз Колю из Перми бабушке. Мальчик воспитанный, очень добрый, ласковый, выполнял свою роль прекрасно. С этой пьесой выступили в Белослудске. в Притыке.

Стали готовиться к Новому году. У меня уже был опыт прошлого года, придумали кое-что новое, разучила танцы с учениками, кое-что подсказали эвакуированные дети. Музыки никакой, но праздник прошёл прекрасно около хорошо украшенной ёлки. Вскоре Зайковский район решил проводить смотр художественной самодеятельности. В колхозах взяла трёх лошадей и на розвальных поехали почти все ученики класса в район. Узнав, что у нас нет музыки, комиссия моих учеников до выступления не допустила. только отдельные номера прошли, к которым музыканты районного отдела культуры подобрали музыку. Троє получили Грамоты и награды: мальчик – ботинки две девочки – отрезы шёлковой ткани на платья. Но хорошо уже то, что мои ученики посмотрели выступления учащихся других школ.

Как я любила этот класс! Мне всегда кажется, что больше всех классов

с которыми я работала, хотя любила всегда все классы, всех своих учеников. Но этот мне стоил значительно больших моральных усилий, чем другие, во-первых, в своём родном селе я боялась, что меня ученики и их родители воспримут не как учительницу, а как соседку, односельчанку; во – вторых, прежняя их учительница настроила меня уже против класса, не сказав ничего хорошего о нём, значит, мы, я и класс, встретили друг друга очень насторожённо. Этот барьер я не сразу смогла сломать, на это понадобилось месяца полтора – два тряты огромного количества душевных сил. Коли победа досталась дорогой ценой, тем больше радости от успеха. У многих учащихся были большие пробелы в знаниях, я много с ними занималась после уроков.

В конце учебного года должны были проводиться контрольные работы по русскому языку и математике в той же классной комнате, в которой я, в свое время, когда сама была ученицей четвёртого класса, сдавала испытания за начальную школу, только с той разницей, что готовила я своих учеников весь год и не знакомила с контрольными работами заранее, а принесла контрольные работы в школу учительница Килачёвской школы, в пятом классе которой, предполагалось, будут продолжать образование мои ученики. Сразу в классе были разорваны конверты с контрольными работами, и ученики приступили к их выполнению.

Мои ученики меня не подвели: все с работами справились, много работ было выполнено на хорошо и отлично. Это было огромной радостью для меня, я считаю, победой своего рода.

В следующем учебном году я набрала первый класс. При свете коптилки чертила косую линию в их тетрадях и красными чернилами прописывала буквы, стоги и слова, учила красиво писать и хорошо читать и считать. Когда в конце учебного года в школу приехала инспектор, видимо, обложно, была удивлена тем, как красиво пишут мои ученики. Рабочие тетради моих учеников забрала с собой, сказала, что в область, передаст тетради в институт усовершенствования учителей, а на августовской педагогической конференции, когда перед новым учебным годом, подводились итоги за прошлый учебный год, меня хвалили за хорошую работу. Мне, конечно, было лестно, но я не очень понимала, за что меня хвалят. Мне казалось, что я делаю то, что обязана делать, это делают все.

И только теперь я поняла, за что меня хвалили: ведь условий к работе не было ни учителя, ни у учеников – война. А я всё-таки могла научить

учащихся хорошо писать и дать им знания.

Да, условий не было совершенно. Во-первых, дети в нашей школе учились из трёх селений: село Белослудское, деревни Притыка и Фоча. Мои первоклассники, эти семилетние малыши, должны были зимой, например, затемно, полуоголодные, полураздетые прийти в другое селение в школу. А зимы были многоснежными, холодными. Если выпал свежий снег или прошла метель, дорогу засыпало снегом или перемело, так эти малыши не шли в школу, а брали, ведь снег никто не разгребал, дорогу не чистил.

Хорошо, если матерь могла что-то положить в сумку ребёнку поесть в школе. А если нечего положить. Ведь хлеба в колхозах не давали, ел народ только почти одну картошку. Голодный или полуоголодный ребёнок должен на уроке непросто отсидеть, а выполнить все требования учителя. После уроков этому малышу надо ещё добредти до дома, да выполнить домашние задания.

А осенью? Осеню хлеба немножко колхозникам, пока идёт уборка урожая, давали. Овощи ещё есть – ребёнок, может, исыйый бежит в школу. Но ... После уроков шли школьники со своими учительями копать колхозную картошку, тогда домой возвращались только вечером, часто темно. Да и ёс ребёнок с собой в школу кроме ученической сумки, лопату, которой будет копать картошку.

Я никогда не забуду такой случай. Учила вот этот как раз первый класс Юра Баженов, притыкский семилетний ребёнок, ученик, значит, в школу пришёл из соседней деревни, с собой принёс, кроме сумки с учебниками, железную лопату. Проучились четыре урока и пошли копать турнепс в другую деревню Фочу. Турнепс – не картошка. Он растёт очень крупным, корень уходит глубоко в землю. Взрослому человеку бывает трудно выкопать. А каково голодному семилетнему ребёнку?

Выкопали колхозное поле турнепса. Домой пошли по сумеркам почти. Юре, чтобы добраться до дома, надо сначала дойти от Фочи до Белослудски, пройти всю Белослудску от первого дома до последнего. В школе взята сумка с книгами и пройти дорогу от Белослудски до Притыки.

Уже не идём, а ползём, разговариваем:

– Юра, ты вчера не научился писать новую букву, так как не выполнил домашнее задание.

– Научился. Научился – я шёл домой и на дороге в пыли писал эту букву лопатой. А по математике мама не дала мне написать, сказала: «Ложись спать, а то угром тебя не разбудишь.»

Да, этот семилетний ребёнок уж не первый день ходил в школу с железной лопатой...

А вот учителю никто не сказал даже, что ложись спать. Кроме своих домашних дел, ночью надо начертить в каждую ученическую тетрадку ещё наклонные линии и прописать буквы, слоги, слова.

Бывали для работы и такие условия. Инспектор облоно, умная женщина, не зря удивилась, что дети пишут хорошо! Понимала: нелегко было ребёнку учиться в страшные годы войны. Нелегко было и учителю учить этих голодных и полуголодных, полураздетых и полуразутых малышей.

Было. Всё это было.

На следующий год мне дали два класса: мой второй и четвёртый, и потом я так всё время работала с двумя классами: второй и четвёртый или первый и третий, потому что на четыре класса в школе три учителя. Нашей заведующей школой Н.А. Железницкой уже было далеко за семьдесят лет. Она на уроки к нам не ходила. Мы с ней работали вверху. Двери моей классной комнаты часто среди урока были открытыми. Она бывало, среди урока зайдёт тихонько, постоит, послушает объяснение нового материала мною и скажет детям. «Вам надо всем хорошо учиться – она лучше меня объясняет материал». И уйдёт тут же.

За пять лет моей работы в Белослудской начальной школе проверять нашу работу приезжал инспектор Зайковского района два раза. Однажды произошло вот что.

Вторая молодая учительница по дороге на работу зашла ко мне и говорит: «Возьми карты техничка мне погадает будет ли письмо от друга с фронта.» Письма долго не было – волновалась.

У меня сумки для учебников и тетрадей не было – я их носила на руке большой стопой через всё село. Карты взяла и положила их сверху тетрадей, ни во что не завернув даже – учителя бумажки лишней не было, так как тетрадей ему давали точно по количеству учеников в классе, а больше тетрадь нигде не купишь. Дошли до школы и сели на перила крыльца ещё поболтать, в общем, договорить, что не успели.

Вдруг выбегает Толя Рякин и говорит: «Ольга Марковна, в школе инспектор.» Дети видели в окно, что их учительница шла в школу, а в класс не зашла, значит, не знает, что в школе инспектор – значит, надо сообщить ей, чтобы не попало ей на «орехи».

Я, «полетела» в класс. Забегаю, быстро кладу тетради и учебники на

стол, а карты атласные, лежавшие на стопе тетрадей, соскользнули с тетрадей и разлетелись во все стороны не только по столу, но и по полу. Дети, как воробы на зерно, налетели. в миг их собрали, суют в шкаф, а инспектор – в класс, конечно, ничего не поняла, так как карты уже были в руках у детей, на полу их уже не было. Думаю, этот поступок их говорит не только о их сообразительности, но и о большой любви к своей учительнице, о желании выручить её – всё это произошло в какой-то миг.

Я, не теряя ни минуты, начала урок: в четвёртом классе математику, а во втором – чтение. Второму классу сказала, чтобы ещё раз прочитали статью, что задана на дом; тщательно продумали ответы на вопросы которые есть в конце статьи, а в четвёртом классе начала объяснение нового материала.

Инспектор все четыре урока просидела в моём классе, не выйдя ни на минуту. После уроков не стала даже разбирать мои уроки, сказала: «Уроки ведёте прекрасно, дети организованы, дисциплинированы, тетради регулярно и тщательно проверяются но одно замечание имею: на работу надо приходить вовремя».

Я, конечно, объяснила, что часов нет, как среди зимней ночи узнать, когда вставать, когда на работу идти – идём, когда забрезжит рассвет.

Мама умерла, осталась хозяйничать я. Зимние ночи длинные; как узнать, когда вставать, а до работы надо ещё успеть печь истопить, состряпать что-то из картошки, а, может, и сварить, корову управить: напоить, подоить, сена бросить.

Проснусь и выглядываю в окно, есть ли свет в доме соседа Ипполита Мефодьевича. Против нашего дома никто не жил – надо выйти на улицу, чтобы увидеть свет в окнах соседей. Иную ночь выйдешь не один раз если у Ипполита Мефодьевича в окне, которое выходит в огород, нет света. Есть свет у соседей – начинаю печь топить, а нет – жду, когда соседи встанут. Пока управляюсь с делами, уже начнёт в окнах брезжить свет – иду на работу. Бывали часто проблемы и такого порядка: нет спичек, чтобы печь затопить. Ищешь в загнетке печи уголёк чтобы раздуть огонь. Но угольки в моей печи залёживались до другого утра не каждый раз; тогда шла за угольками к соседям. Вот и ждёшь, когда соседи проснутся чтобы взять угольков. У них-то угольки в загнетке залеживались горячими всегда, они топили печь не по-моему. У них мужик был в доме да хозяйственный, член правления, заместитель председателя колхоза – всё в его руках, а,

главное. кони. А у меня с дровами всегда проблема, топила чуть-чуть. А слички можно было только выменять на продукты, но меновщики из города ходили только днём, а я была днём на работе.

В школе часов тоже не было. Когда учитель приходил в школу, тогда и уроки начинал. Но зато всё, что я запланировала провести сегодня на уроках, пока не проведу, детей домой не отпущу. Домой уходила с полным удовлетворением, что сделала всё, доучила всех. Зимой приходила домой темно. У нас и перерывы у каждого учителя были в своё время, тогда, когда он всё сделал на уроке, т.е. в разное время. Дети сходят на перерыв, другим классам не помешают. У меня два класса: один учу – другие на перерыве Тихонько сходят, куда надо, и заходят в класс. Я вела уроки без перерыва для себя, никогда не уставала, энергия «била ключом».

Во время войны меня обязали вести военное дело в третьем и четвёртом классах – вела. Летом на месяц, а в зимние каникулы на 10 дней уезжала на военные сборы, где обучали военному делу и методике проведения уроков по военному делу; мы сдавали нормы на значок ГТО. Я добросовестно вела эти уроки. Маршировала с учениками под песню, бегала на лыжах, ползала по-пластунски. Ученикам эти уроки очень нравились. Проверял работу военруков инструктор военкомата, появлялся он в школе чаще других инспекторов. И вот перед ним я показывала умение моих учеников. На педагогической конференции он отмечал меня как лучшего военрука района. Поздней узнала, что не во всех начальных школах военное дело велось.

Но Зайковский район мою работу за пять лет, в том числе три военных года, не оценил по заслугам: в 1946 году меня медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» не наградил. Дело думаю, получилось так: в 1945 году зимой сгорело здание Зайковского райисполкома, значит, сгорели все документы Зайковского горено, даже все трудовые книжки, а работники горено были все из эвакуированных, так как район образовался только во время войны. Когда надо стало в 1946 году учителей награждать медалью за доблестный труд в военные годы, работники горено, эвакуированные, уже уехали. Новые работники горено работу учителей не знали. Наградили только заведующую Железницкую. Она же знала мою работу, могла написать хорошую характеристику, ведь я не только хорошо работала как учитель, но и много общественной работы вела: зимой в клубе художественной самодеятельностью руководила. С

це или заснула в эту пору, или лежала без сна, но молчала – не произнесла ни звука. Потом пришла Анна Яковлевна, её приятельница. Я сказала: «Мама. Анна Яковлевна пришла, поговори с ней». Она как лежала лицом к стене, так и не попросила повернуть её, только ответила: «Нечего говорить. У нас с ней всё переговорено». Больше вообще ни слова не сказала. Анна Яковлевна ушла. Мама молчала. А я все плакала и плакала, как и всю ночь.

Мама, умная, мудрая женщина, видимо, поняла, что умирает, но ничего не говорила о смерти, о том, как нам жить без неё, а только однажды за ночь сказала: «Шурку отдашь отцу – подушку дай, а то будет там спать без подушки».

Этим одним предложением было сказано всё: она умирает; за меня не беспокоится, так как я получила специальность, по деревне – неплохую, работаю, значит, «стою на своих ногах»; Петра держать в родном доме, значит, при мне – нам с ним остаётся дом и корова, что во время войны не мало важно, но больше мама для Петра сделать ничего не может. А пока я создам свою семью, то есть, когда кончится война, Пётр к тому времени повзрослеет. Сашу отдать отцу, ведь я создам свою семью, будут свои дети – Саша будет обузой. Да и не справедливо, чтобы и Петю, и Сашу оставить мне – ведь у Саши есть отец – так, надо понимать, рассуждала, умирая, мама.

Но в то же время мама понимала, что в семье отца Саше никто рад не будет: ни сам отец, который его не знает, ни трое его детей, оставшихся после смерти его первой жены, ни молодая жена, ни их общая дочь, так что жизнь Саши в этой семье она хорошо представляла – вот и сказала: «Дай ему подушку, а то будет там спать без подушки», а сама, наверное, думала: «Дай ему подушку, чтобы было, куда выплакать ночью слезы последнего, полного обид».

Мама Сашу очень любила. Во-первых, родила поздно, зная своё здоровье, наверное, всегда боялась, что не успеет вырастить; во-вторых, родила его, конечно, от любимого человека, так как Ивана Ивановича, красивого, умного мужчину нельзя было не любить, в-третьих, Саша был очень красивым, очень добрым, спокойным ребёнком, никто не слышал от него крика или какого-нибудь каприза. Когда ему исполнилось три месяца, я приехала на каникулы и в то лето в колхозе не работала, нянчилась с Сашей. Мама уйдёт на работу, положит его рядом со мной, он спит или ле-

жит. Я проснусь – он молча рядом лежит. Лето было тёплое. Положу его в горнице на пол на одеяло, он лежит, воркует, а я все дела сделаю по дому. Или выйду на улицу, положу его на одеяло на травку, в тени огромного старого тополя, и он лежит, воркует, ничем не надоест. Даже потом, когда стали жить одни, без мамы, с хлебом тugo, скажу, бывало: «Саша, хлеба мало, тебе сразу всё отдать или оставить немного на потом?» – «Хоть как, дак ладно», – спышу в ответ. Любили его все: и мама, и мы с Петром.

Итак: после Анны Яковлевны мама не произнесла ни слова, лежала на правом боку, лицом к стене. Я думала, что она забылась, сама села на стул к столу. Когда вновь подошла к ней, задела её, почувствовала, что тепло её стало холодноватым, заплакала и пошла к столу. Что было потом, я не знаю. Видимо, потеряла сознание. Когда очнулась и подняла голову, в комнате стоят, пожалуй, человек восемь женщин, а то и все десять и созерцают такую картину: одна на кровати лежит уже мёртвая, а вторая – сидит, распластавшись над столом, очевидно, без сознания.

Я и сейчас удивляюсь, как, например, моя тётя Лидия Васильевна из другого селения уже на следующее утро чуть свет, до работы, прибежала к нам узнать, что с моей мамой, ведь между сёлами не было никакой связи, а с мамой стало плохо только во второй половине предыдущего дня, а в тот вечер к нам никто не заходил. Да и сейчас, только я потеряла сознание, как в комнате оказалось столько женщин, хотя всем надо было быть на работе. Когда я думаю об этом, мне вспоминается другая картина: ночью привезли тело отца из Ирбита, а утром все сельчане уже знали о его смерти и до рассвета уже собрались и стояли вокруг нашего дома. Тяжёлой утратой была для сельчан смерть отца и, видимо, не менее тяжёлой для них стала смерть моей матери, умной, светлой женщины, к которой женщины села приходили за советом, для всех она находила нужные слова: словом, да и шуткой, бывало, успокоит, а то и развеселит всех.

Я до сих пор ёщё, если заходит разговор о маме, говорю: «Была она и малограмотной женщиной, читать и писать научилась на ликбезе, а я получила хотя и среднее, но образование, прочитала много книг, посмотрела кино, общалась с умными людьми, прожила длинную, нелёгкую жизнь, но считаю, что разумом до неё так и не доросла. Вот такой факт: бывало, волнуюсь по какому-нибудь поводу, стараюсь ей вида не подавать, но она чувствует и скажет мне что-нибудь подобное: «Олютка (так мама меня звала с детства), ты не вздыхай глубоко – это вредно для сердца, а когда тебе

трудно, тяжело кажется что-то пережить, ты оглянись кругом и подумай: сколько людей живут хуже тебя. У них ещё больше бед, и тебе твоя беда тогда может быть, и бедой-то не покажется; и ты поймёшь, что тебе ещё жить можно: во всяком случае, ты проще посмотришь на это и успокоишься, не будешь зря убиваться».

С мамой в доме у нас всегда было весело, она подняла настроение умела всегда, словом, даже тогда, когда и есть в доме нечего. Я думаю, что я не очень ей досаждала, но Пётр был не очень спокойным ребёнком, порой досаждал, но ни разу ни меня, ни его не только не задела пальцем но и не повысила на нас голос. Если который-то из нас что-то сделал не совсем так, как положено, она строго на виновника посмотрит и всё станет делать молча; веселье в доме прекратилось – это знак того, что мы провинились и она расстроилась. Это значило для нас – надо стараться изо всех силёнок исправить ошибку и впредь её не повторять, то есть всё делать так, чтобы мама увидела, что ты понял свою вину, стараешься исправить её, и успокоилась бы. а главное, вновь бы стала весёлой и заговорила с нами.

В нашем бедном доме не было никогда ни ссоры, ни выяснения отношений. Я никогда не слыхала от мамы, например мне как девочке каких-то низданий или указаний, скажем, как себя вести при определённых обстоятельствах, т.е. что можно, а что нельзя себе позволять.

А однажды, незадолго до её смерти, произошёл такой случай: **нико** нашего дома шли женщины, среди них была моя мама. У ворот нашего дома остановились и стали заканчивать разговор. Хотя говорили негромко, но я сумела расслышать, как мама сказала: «Моя после четвёртого класса со мной не жила но я ей никогда не сказала, как себя вести. Считаю есть ум – всё будет хорошо; нет ума – не научишь свинья грязи найдёт».

После смерти отца в нашем доме не было ни праздников, ни одном выпивки не видела. Были у мамы приятельницы, такие же одинокие женщины довольно умные. Я не видела ни одного случая, чтобы они собирались и выпивали. Придут женщины (одна или две) сидят в избе, видимо, обсуждают свои колхозные дела или деревенские новости. Нам присутствовать при их разговоре мама не позволяет, тут же удалит в горницу и выйти не смей – это закон.

Я не слышала от мамы ни одного нецензурного слова; в нашем доме при мне никогда никто их не произнёс, хотя несколько женщин в селе, бы-

вало, грешили этим – я слышала от них, работая вместе с ними в поле, на покосе, но у моей мамы в лексике подобного слова не было ни одного.»

Умерла Дарья Николаевна.

Вся деревня всполошилась. Началась подготовка к похоронам. Я ничего не делала, всё сделали добрые люди, главным образом тётя Лидия Васильевна хлопотала. Только помню, что люди в дом заходили, выходили, а я лежала на кровати лицом к стене, на людей не глядела, а всё думала: «Мама умерла быстро. Я даже не успела за ней поухаживать, вообще ничего не успела для неё сделать. Оставила мне двух братиков, которым мне придётся заменить её. И всё плакала и плакала». Помню, что вышла из дома, в палисаднике нарвала цветов сирени и села на телегу – больше не помню ничего. Схоронили. Сделали обед. Знаю, что колхоз выделял муку и мясо, а как это происходило, не знаю. Я из этого не помню ничего, как это происходило. Даже совершенно не помню ничего из того, как проходили похороны – ну, ни одной картинки из похорон не запечатлелось в моей голове, даже думаю, была ли я на похоронах?!

Когда Иван Иванович узнал, что мама умерла, приехал, чтобы забрать Сашу. Я попросила Ивана Ивановича оставить Сашу месяца на два – три, пока я обживусь. Оставил без единого слова возражения. Больше он ни разу к нам не приезжал, вестей о себе не подавал. Ему было, думаю, не до Саши: было трое детей от первого брака, да дочь от молодой жены, по слухам, очень капризной, очень требовательной, так что он, думаю, был очень рад, что Сашу ему не навязывают. Я же была очень рада, что Сашу от меня не отнимают, потому что только представить, как он будет жить вдали от меня, среди людей, которым он вовсе не нужен – сердце, наверное, в комочек скималось: ведь мало того, что не нужен, время – то какое! Война – всем голодно, хлебные пайки крохотные, а о других продуктах разговаривать-то не приходилось – мизер. И что из этого мизера будет доходить до Саши, когда этот мизер между столькими членами семьи будет делить женщина, которой этот ребёнок не только не нужен – лишняя обуз?

Если бы Иван Иванович забрал Сашу, я бы потеряла покой и радость жизни: мне всегда казалось бы, что он голоден, обижен не только этой женщиной, которую, видимо, был бы вынужден называть мамой, но и другими детьми, старшими его в семье.

И слава Господу – Богу, что он распорядился так, что Саша остался

живь со мной. Конечно, со мной он жил тоже в нужде, ведь мы жили только на мою учительскую зарплату, но не в обиде. И я, видя его ежедневно была за него спокойна.

И мы продолжали жить. Когда дома оставалась одна, уйду в чулан и во весь голос накричусь – на сердце становилось легче. О чём плакала? Было очень горько на душе, больно, что судьба была так несправедлива к нам и к нашей маме – нас рано осиротила, да и мама так рано ушла из жизни. Казалось, что скоро закончится война, и мы бы хорошо стали жить, а без мамы – хорошо никогда уже не будет.

Часто ходила на кладбище – ходила одна. Лягу на мамину могилку головой ко кресту и кричу во весь голос. Часто ли я теряла сознание, не знаю, но однажды тоже кричала, кричала и, видимо, потеряла сознание, а когда очнулась, подняла голову – передо мной стоит взрослый парень, наш деревенский Василий Русаков. Он плохо говорил, видимо, поэтому был не на фронте.

Кладбище в глухом песу, далеко от села. Я зашла со стороны села, а он выполнял какую-то работу на поле с другой стороны кладбища. Услышал мой, даже не плачь, а крик, долго не прекращающийся, и пошел посмотреть, кто так убивается. Когда я подняла голову, и мы встретились глазами, он повернулся и ушёл, хотя парень и знакомый, но мне стало жутко – больше я на кладбище одна не ходила.

После похорон мамы с первой ночи спали одни в доме. Мы с Сашей сразу стали спать на той кровати, на которой умерла мама. До её смерти на этой кровати спала я. Мамина кровать стояла в избе, но когда ей, видимо, стало плохо, она ушла в горницу подальше от шума Саши и легла на мою кровать, да на неё и умерла.

Говорят, что покойники после смерти ещё кажутся родственникам, как бы приходят к ним. Мне мама ни разу не показалась, ни днём, ни ночью. Даже во сне я её ни разу не видела несколько лет после того, как она ушла из жизни.

А мне хотелось маму увидеть. Я сказала об этом соседкам. Они ответили: «Это очень хорошо, что мама тебе не кажется и не приходит к тебе. Кажутся покойники тому, на кого ушли в иной мир обиженными, должникам всевозможным. А коли к тебе мать не приходит, значит, у неё обиды на тебя никакой нет.» Я успокоилась и маму ждать перестала.

Саша с первого дня, как остались мы без мамы, стал меня называть

мамой. Я задумалась, как поступить: разрешить ему звать меня мамой или нет. С одной стороны, мне было его жаль: ведь он – ребёнок, будет жить и некого назвать мамой. А с другой стороны, как-то нелогично, ведь всё-таки я ему сестра. Когда он вырастет, меня же и обвинит, зачем, мол, меня приучила звать себя мамой, ты ведь мне не мама. И я ему объяснила: «Саша, я тебе только сестра и зови меня Олей.»

И стали мы привыкать жить одни, без мамы. Есть пословица: «Привыкнешь – и в аду хорошо». Нам хорошо не было, но жить надо было. И мы продолжали жить.

Закончился, видимо, 1944 год, наступил 1945. В школе зимние каникулы. В селе Зайково прошла зимняя районная учительская конференция.

Единственный раз за всю мою учительскую жизнь был устроен для нас бесплатный ужин, и даже дали какие-то граммы вина. Всё проходило в средней школе. Когда всё было выпито и съедено, объявили танцы. Мужчин, может, до пятка каких-то маячило, а так только женский пол.

Мы со своей коллегой Параксовой Семёновной потанцевали. Когда закончился очередной танец, мест свободных, чтобы сесть, не оказалось. Свободным было только одно место рядом с мужчиной интеллигентного вида, хорошо одетым; было видно, что «ягода не нашего поля». Учителяницы, возможно, знали, кто он, садиться с ним рядом не смели. А я не знала. Я села на это свободное место. Мужчина сразу начал со мной разговаривать, спросил, в какой школе я работаю, как меня звать. Я припомнила, что сидел он в президиуме конференции, поэтому решила, что с ним вести себя абы как нельзя, на все вопросы отвечала серьёзно. Когда танцы закончились, он сказал: «Вы одевайтесь, я Вас встречу». Он, видимо, рассчитал: пока я в раздевалке получу пальто, он оденется в учительской и встретит меня. А мы с Параксовой Семёновной пальто оставили не в раздевалке, а в комнате уборщицы, поэтому оделись быстро и выскочили в двери, ведущие во двор школы, и спокойно ушли.

Прошло недели две. Однажды уроки закончились, я отпустила учеников. Вдруг один мальчик вернулся в класс и говорит: «Ольга Марковна, Вас дяденька спрашивает, он хдёт Вас во дворе школы». Я иду – в сенях представительный мужчина в кожаном пальто, тот самый, от которого я убежала с вечера в Зайково. Пытается поцеловать – я остановила: «Вы что? Ученики могут появиться». Он объяснил, что поехал в командировку в Килачево не мог проехать, не повидав меня. Я так и не знала, кто он, но

меня возмутило, что пристаёт мужчина, ясно, что женатый, значит, решил: пока наши парни воюют, в селе их нет, он может успеть «снять сливки». Я сказала, что разговаривать мне некогда — меня ждут ученики, чтобы в школу он больше не заходил, меня не вызывал, и ушла.

Уже стало солнышко припекать, дело к весне идет. Воскресенье — выходной день. Сижу на кухне спиной к окну. Вдруг меня будто ужалило обернулась, поглядела в окно. Напротив окна, на дороге, стоит этот мужчина и смотрит ко мне в окно. Я в ту зиму жила не одна. У меня жили квартиранты. Я говорю: «Тётя Нюра, если меня спросят, скажите, что меня дома нет». Сама убежала в горницу, спряталась. Квартирантка так ему и сказала: «Её дома нет».

Вечером в клубе лекция о международном положении. Я и поняла: видимо, он — лектор — то. Пришла, села в заднем ряду и раньше всех убежала домой. Лектором был он, тут и объявили его фамилию, имя, отчество и должность — заведующий отделом пропаганды и агитации РК КПСС. А весной Андрей Иванович Чесноков прибыл в Белослудский сельсовет уполномоченным РК партии и райисполкома, да так два года (1945 — 1946 годы) и был уполномоченным. Когда он, бывало, шел навстречу, я не останавливалась, пролетала, как пуля, мимо него. Но однажды он пришёл ко мне с предложением выйти за него замуж, сказал, что он — москвич работал преподавателем в университете, кандидат исторических наук. В Москве у него квартира. Его планы: увезти меня в Москву, там я окончу этот университет, и будем жить — поживать. Я слушала, тупо молчала, а в конце ответила: «Я деревенская, и в Москве мне делать нечего. Я не одна, у меня братья. Моя судьба — село Белослудское. Да Вы ведь конечно, женатый человек». Я уже знала, что секретарь РК ВЛКСМ Чеснокова, по-видимому его жена. Он ответил, что они с женой уже не живут развелись, и она уже уехала.

В общем, я даже однажды не задумалась над тем, что он говорил, меня злило, что он тут в селе метлешит, при встрече старается заговорить. Как человек он мне, конечно, нравился: симпатичный, русское приятное лицо, спокойный, выдержаный, красивая речь, хорошо одет, но я твёрдо знала, что «гусь свинье — не товарищ».

Затем появился на моем пути Александр Юшков, тот, которого в своё время наши белослудские парни побили и выгнали из нашего села с на-казом: «Не появляться». Я знала, что он учился в Ирбитском медицин-

ком училище. Летом, после окончания педучилища, мы с ним встречались несколько раз, но я серьёзно на эти встречи не смотрела – у меня был Гриша в армии, на фронте, и я уехала работать, даже не попрощавшись с Александром.

Видимо, не закончив медучилище, он ушёл на фронт. Был ранен в правую руку выше кисти. Когда лечился в госпитале, приспал мне письмо, но я ему ответила с прохладцей, больше от него писем не было. Но интересно, что его мать меня встречала всегда очень ласково, как самого дорогого человека, а где-то в начале 1945 года я шла утром на работу, уже подходила к школе, мне навстречу шла его сестра Екатерина, секретарь сельсовета. Она ёщё не дошла до меня и закричала: «Ольга Марковна, Саша идёт домой, сейчас попадёт мне навстречу, идёт с вокзала». Эта новость для меня не стала безразличной. Я вспомнила наши немногие встречи. А на следующий день Саша с младшей сестрой Анной пришли ко мне домой и пригласили меня к себе в гости, мол, будет праздник в честь его возвращения с фронта.

Начали встречаться. Мне на Гришу уже пришла похоронка – его я уже оплакала и считала себя человеком свободным. Саша отдыхал месяц и, хотя жил в другой деревне, встречи наши были частыми. Потом ему предложили работу председателя Белослудского сельсовета, да другой работы для него никакой подходящей и не было, и для него началась беспроблемная жизнь: в его ведении стало три колхоза: «Первый Октябрь» (деревня Притыка), «Красная полоса» (деревня Фоча) и «Землероб» (село Белослудское). А каждому колхозу свыше даны грандиозные планы, выполнить которые было просто невозможно: не хватало техники, мало лошадей, а, главное, рабочей силы: только женщины и подростки – мужья на фронте.

А за невыполнение планов колхозами, отставание ли от графика – за все вместе с председателями колхозов отвечал он – председатель совета этих колхозов.

Посевная, заготовка ли кормов, уборочная – Саша «метался» по полям, присутствовал на заседаниях правления колхозов, заседаниях исполнительного сельсовета, райсовета, бюро РК КПСС с их отчетами и постоянными взбучками. За что? Было за что. Например, колхоз «Землероб» никогда ни одного плана не выполнил. Всё это привело к тому, что встречи наши стали значительно реже. Мне стало казаться, что Саша любить меня стал меньше.

Однажды соседка Фёкла Спиридовна, очень добрая, умная женщина, которая меня любила, помогала мне, сказала: «Стою у ворот, мимо идёт Сашина тётя с корзиной. В ней несколько бутылок. Поздоровались. Спрашиваю, куда она идёт с бутылками. Она ответила, что идёт на Притыку, к сестре (матери Саши) Александра поить – надо ведь его «отворачивать» от Ольги Марковны. Зачем она ему с братьями-то».

Почти это же мне сказала Софья Арсентьевна, приятельница моей мамы.. у которой на квартире стояла К.Б., бухгалтер сельпо, подруга старшей сестры Саши, мол, мать Саши и старшая его сестра не хотят видеть Ольгу Марковну женой Саши, так как у неё братья. Я сказала об этом Саше, он ответил, что это враньё, так как мать ничего подобного ему никогда не скажет. Я же подумала: «Может, и не скажет. а дело со своей сестрой делают».

Тут появился Владимир Коновалов в соседней деревне Фоче. Он до войны здесь не жил. жил с родителями в Сибири. Сюда приехал из армии в отпуск к дяде. А женой его дяди была моя тётя Лидия Васильевна. Значит, он гостили у моей тёти. До войны часто сюда приезжал в гости, но я его никогда раньше не видела. С моим двоюродным братом они приехали в сельсовет, зашли в школу, и он увидел меня. Вечером того же дня пришёл ко мне домой. Фронтовик, красивый, уверенный в себе, пошёл, что называется, напролом. Хотя я запретила ему приходить ко мне. он приходил вновь и вновь. Тогда я стала думать (эти мысли мне и раньше приходили в голову): Саша красивый, умный, вырос в Свердловске, который оставил отпечаток на его воспитании, член КПСС. пойдёт на повышение, а я деревенская, у меня братья. Действительно, кому они нужны, мои братья? Мне место только в Белослудске. Тем более, что Саша сказал, что осенью мы поженимся. Наступила осень, а он, как говорят, «ни шьёт, ни порет», то есть молчит о женитьбе. Не понимала я, что для него в то время проблемой номер один было – не лишиться бы партбилета, не угадать бы в «места не столь отдалённые»: как-то провести и закончить уборку урожая в своих трёх колхозах, добиться, чтобы каждый из его колхозов выполнил план по сдаче зерна государству, (что было не реально, особенно для колхоза «Землероб»).

Только позднее я узнала, вернее, услышала, что Первый секретарь Зайковского райкома КПСС Верилов в то время, т.е. во время Отечественной войны да некоторое время и после её окончания, с председате-

лями колхозов и сельсоветов, разговаривая даже на заседаниях бюро РК, стучал в стол пистолетом, а это, значило: любым путём, любой ценой, но ты обязан эту обсуждаемую проблему решить, и решить точно, а главное – вовремя.

Зайковский район был образован, по-моему, в начале Отечественной войны из части смежных земель, а, значит, входили в него колхозы Ирбитского, Егоршинского, Алапаевского районов. На территории этого нового района не было ни одного хоть сколько-нибудь серьёзного предприятия. В основном были только колхозы. Цель создания этого небольшого района – производство хлеба и другой сельскохозяйственной продукции. И производили бы – была бы сельскохозяйственная техника и рабочая сила. Да только не было достаточно ни того, ни другого – война. Поэтому всё, что производилось, производилось благодаря невероятным человеческим усилиям колхозников, то есть стариков, женщин, подростков и даже детей.

В 1985 году, т.е. через сорок лет после окончания войны, через тридцать восемь лет, как я уехала из Зайковского района, мне пришлось встретиться с товарищем Вериловым, в мою бытность секретарём Зайковского райкома КПСС. Я уже работала в это время директором Артёмовского городского исторического музея.

К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне зайковляне во главе опять же с товарищем Вериловым решили сделать в Зайково музей боевой славы бывшего Зайковского района. Собрали материал, экспонаты, и Верилов, и Мария Пономарёва (во время войны учительница Зайковской средней школы) поехали в областной музей за консультацией, как составить экспозицию, как оформить музей. Там им сказали: «Как оформить музей, словами объяснить можно, но лучше посмотреть у своих соседей оформление Артёмовского городского исторического музея». И товарищ Верилов вместе с М. Пономарёвой по дороге домой решили сразу заехать посмотреть наш городской музей.

Мы с Марией узнали друг друга, она представила и Верилова. Я провела для них экскурсию по музею, ответила на все вопросы, завязалась беседа, и я спросила Верилова: «Во время войны говорили, что Вы как секретарь РК КПСС разговаривали с председателями колхозов и сельсоветов, стучали револьвером в стол. Это правда?» Он посмотрел внимательно на меня, помолчал, возможно, подумал, стоит ли говорить правду, и сказал: «А Вы думаете в Свердловском обкоме КПСС с нами, тогда сек-

ретарями горкомов и райкомов, разговаривали иначе? Едешь, бывало, в обком и не знаешь, вернёшься ли ты домой в этой должности. Такое вот время было». И, помолчав, добавил: «А нам, секретарям сельскохозяйственных районов, было потруднее даже, чем секретарям горкомов. Да, они в невероятно трудных условиях строили военные заводы, шахты и т.п., производили военную продукцию, но им ведь на это государство и деньги выделяло и рабочей силой помогало. Порой у нас же забирали последнюю рабочую силу, например, подростков — имели право на это. А каково было нам — это знаем только мы. Рассказывать об этом невозможно — слёзы будут душить». Тогда я подумала: «Да, время было действительно такое». А вечером, дома, вспомнив разговор с Вериловым, горько посмеялась над собой: в это время, можно сказать, страшное, я решала свою проблему: если любимый парень «ни шёт, ни порёт», то есть о женитьбе не говорит, значит, не любит. Конечно, я и дальше жила бы, возможно, без особой заботы потерять парня, если бы не «подлили масла в огонь» бабки — они тоже в это время решали важный для себя вопрос: как добиться, чтобы их племянник не женился на Ольге Марковне. А невесту ему они уже подыскали — К.Б. — бухгалтер сельпо. Думаю, рассуждали: «Что за жизнь у него будет с этой учительницей, никаких доходов, кроме нищенской зарплаты, да и приданое «богатое» — братья. То ли дело К. — бухгалтер сельпо, всё в её руках: будет не только сытая жизнь для Саши, но и для всей его семьи, да и родственничкам «перепадёт» кое-что. Уже сейчас, пока К.Б. ещё ему и не жена, кое-что «перепадает».

Я хорошо понимала, что я в этом плане проигрываю. Пожалуй, пока Саша решит жениться, его тётки и бабки и добьются своего. А за кого потом в деревне замуж идти? Не за кого. А в деревне без мужика в доме жить нельзя. Нужны дрова, сено корове и т.п. Да в простонародье есть пословица «Бабы каются, а девки замуж собираются». Я тоже не мыслила жить одна. Хотя мама мне говорила: «Не ходи замуж — ничего хорошего замужем нет». Но в то время я была в том возрасте, когда хотелось любви и быть любимой; иметь любимого человека всегда — значит, надо выйти замуж, и мамин совет на это время я забыла.

Междупрочим, можно сказать, что семья Александра Юшкова да и родственники его действительно в это время стали жить значительно лучше материально: его старшая сестра, что до его возвращения из армии работала секретарём сельсовета, а теперь стала работать продавцом магазина, а её

подруга К.Б. – бухгалтер сельпо, которой страстно хотелось выйти за Сашу замуж, очень помогала и семье, и родным Саши. Но ... уже, по-моему, в конце 1946 года или в начале 1947 года в магазине была сделана ревизия, и продавца, и бухгалтера сельпо, т.е. и сестру Александра, и её подругу «посадили» каждую на десять лет.

Ну, а пока материально всё хорошо в семье Александра, только забота у меня – не умыкнули бы у меня жениха, ведь бабки колдуют. А тут Володя Коновалов, залетный жених, не отстаёт. Как решить проблему, я не знала – начала волноваться. А умного человека рядом со мной не было, кому можно было открыться и получить хороший совет.

А тут заведующая клубом ездила в районный центр на какое-то совещание. Там же был Александр, он будто бы общался с какой-то молодой хорошенёй девушкой или женщиной, весело разговаривал. Мне это было рассказано таким тоном и с таким оттенком, что я в своём воображении нарисовала картину: девушка, с которой разговаривал Александр, – писаная красавица, я с ней сравнения даже не достойна, и вели они себя так, будто страстные любовники. Этого было достаточно, чтобы расстроить меня, тем более, что с наступлением осени встречи наши стали реже.

Владимир же упросил мою тёту Лидию Васильевну идти ко мне, уговаривать меня выйти за него замуж. Тётя стала говорить: «Подумай – не ошиблась бы. Все говорят, что мать и сестра Александра не хотят видеть тебя его женой, по-моему, хорошего тут ничего не будет.» Деревня, а в ней все всё знают, да знают-то по пословице: «выпустят с воробушка, а вырастет скоровушку». Тёте было обидно за меня, и она продолжала: «У Владимира тут родственников никаких нет, мешать вашей жизни никто не будет».

Я выходить замуж за Владимира отказалась наотрез. Через день получила от него письмо очень тёплое, умное, обещал залечить все «трещины» в моей жизни и создать мне райскую жизнь.

Александра успели проинформировать, что ко мне приходит Владимир. Как-то я пошла в магазин и повстречала его, по-моему, он шёл ко мне. Мы прямо на дороге очень «любезно» поговорили: он упрекнул меня Владимира. Я его впервые упрекнула бухгалтером сельпо, хотя у меня эти мысли бывали и раньше, но я этому не верила и потому молчала. К.Б. на правах подруги его сестры в их доме бывала часто. Мол, надо ещё посмотреть, какие у вас с ней отношения. Он этого не ожидал от меня и, что называется, взбеленился, и мы злыми разбежались. Мне показалось, что между нами

всё рухнуло окончательно. Ведь до этого мы никогда ни разу не ссорились. А тут!..

Вечером посоображала над своей судьбой, и мне страстно захотелось показать ему, его матери, сестре и тёте, которая носила бутылки в корзине, чтобы «отвернуть» его от меня, что я не страдаю о нём, показать, что посмеяться им надо мной, даже если Александр женится на другой, не удастся, и решую выйти замуж за Владимира. О своём решении я сказала своей квартирантке. А та пошла за водой и тут же сообщила эту «новость» соседке

На следующее утро еще до рассвета Александр пришёл вправление нашего колхоза «Земпероб». Шло заседание, решалась наисерьёзнейшая проблема: колхоз отстал от графика уборки урожая, сдачи хлеба и других сельскохозяйственных продуктов государству, скоро ожидается снежный покров, надо как-то перепомить ситуацию с уборкой. После заседания Ипполит Мефодиевич мой сосед, молчун, не сразу слова от него добьёшься, между прочим, заместитель председателя колхоза, которого проблемы, решаемые на заседании, должны были, думаю, волновать больше всех, но его, видимо, пока обсуждались проблемы колхоза, волновала, очевидно, не в меньшей степени, другая проблема: как бы успеть, пока не встали все, и не умчались выполнять решение заседания правления пронаблюдать, как Александр Григорьевич, председатель сельсовета, отреагирует на его, Ипполита Мефодьевича, сообщение.

Тогда я так и думала. А вот сейчас мне почему-то кажется: другая забота была у Ипполита Мефодьевича: Александр услышит его сообщение и остановит свадьбу Ольги Марковны, ведь всё-таки, они долго встречались – скорей всего не ведают, что делают, особенно Ольга Марковна. Ведь любили меня соседи, думаю, понимали, что неладно я поступаю.

И успел Ипполит Мефодьевич. И выпалил: «Ольга Маркова вышла замуж». Я сказала квартирантке: «Думаю выйти», а он объявил: «Вышла».

Александр сидел, заложив правую ногу на левую. Когда услышал слова Ипполита Мефодьевича, правая нога вмиг спала. Он встал и вышел, но.. ко мне не пришёл. Позднее мне объяснил так: «Ведь было сказано: «вышла замуж». Что можно изменить?» Очень переживал. По словам близких семьи, «места себе не находил». Выгивал. Даже однажды не ходил на работу. Что скажешь? Ответ один: «молоды мы были»

А вот уполномоченный А И.Чесноков только услышал эту весть, тут же прибежал ко мне. Я стирала в железному корыте на стиральной доске «при-

даное»: шторы, правда, тюлевые, надо сказать, хорошие (мама их выменяла у эвакуированных на продукты), белые занавески с окон и ещё несколько тряпок – беднота.

При виде его не распрямилась – никакого ему внимания, лицо злое. Сел кандидат исторических наук на лавку, рядом с моим корытом. Смотрит, молчит. Я злюсь: «Зачем пришёл? На убогую мою жизнь посмотреть?» Я его в селе изредка встречала, всегда «пролетала» мимо него, как молния; а если он успевал заговорить, тупо молчала. Иногда страстно хотелось сказать, чтобы отстал, нагрубить что ли, но грубостью на его интеллигентность, тактичность я не могла отвечать. И сейчас страстно хотелось взорваться, а я молчала – чуть слёзы от досады не брызнули в корыто.

Так молчком «мы» выстирали бельё. Он, конечно, молчал потому, что дома я была не одна, были квартиранты, а главное – не надеялся на положительный ответ. Но, когда я вышла во двор вылить грязную воду, вышел и он. Стал говорить: «Не выходите замуж. Я с женой развёлся. Она уехала. В Москве у меня квартира. Поженимся. Уедем жить в Москву. Говорил и говорил, а я молчала. И, наконец, промолвила: «Я выйду замуж. А вы уезжайте. Мне в Москве делать нечего.» И ушла в комнату. И весь день плакала. Почему? Чувствовала, понимала, что делаю я что-то не то. А назавтра пошли с Владимиром в сельсовет и зарегистрировались. Благо: в сельсовете не было председателя (Саши), он, видимо, ещё дома переживал, и регистрировал нас секретарь сельсовета.

Так глупо я решила свою судьбу. Пожили мы неделю, и муж уехал до служить. Я жила, работала, но ворота, как только заходила во двор, закрывала на задвижку, чтобы не зашёл Андрей Иванович уговаривать меня бросить мужа, а выйти замуж за него. Приходил Саша, просил адрес Владимира с тем, что напишет ему, чтобы не возвращался сюда.

Я ему говорила: «Не приходи ко мне, не позорь меня. Я буду жить с Владимиром»

Поздней осенью 1946 года, когда уборка урожая в колхозе была закончена, колхозы рассчитались с государством по зерновым, уполномоченному в колхозе больше делать было нечего, и Чесноков решил возвратиться в Москву. Однажды вечером он зашёл ко мне, сообщил об этом и попросил меня ещё раз подумать и решить поехать с ним. Я усмехнулась и спросила: «Не видите, какая у меня семья?» Он ответил: «Я обещаю Вам, что всех выращу, воспитаю. У меня своих детей может не быть. Я люблю Вас, буду с удоволь-

ствием воспитывать этих детей. Малышку взял на руки, поразговаривал с ней. Она внимательно смотрела на него, будто слушала, что он говорил. Он сказал: «Видите, она меня понимает – умная девочка». Уходя сказал «Я в селе буду ещё два дня – есть ещё время Вам подумать. Передумаете, сообщите мне». Я ответила: «Не передумаю». И он, пожелав мне счастья, ушел.

Итак, в 1946 году родила дочку, назвала Людмилой. Она росла здоровенькой, ни разу не болела. Пришло время идти на работу. С кем оставлять ребёнка? Детских яслей в селе нет. В первые дни оставляла с братом Сашей, которому было семь лет.

В школе была как на иголках: не дай, Бог, чтобы что-нибудь с ребёнком случилось – тогда не только эта беда, ещё и тюрьма. Пришлось искать няню. Взяла безродную женщину. Она к ребенку относилась хорошо, хорошо ухаживала за ним, но иждивенцев у меня прибавилось, так что картофеля на хлеб тратили значительно больше, чем раньше. Соседки заметили, что моя няня еще потихоньку променивала картошку на обновки себе, так что к весне картошки осталось мало.

Весной 1947 года демобилизовался муж, прибыл домой. А где работать в деревне? Единственно – колхоз. Частным образом по найму в колхозе работать было нельзя, только надо вступать в колхоз, а вступишь – обратно дороги не будет, как крепостной, наденешь это «ярмо» на себя навсегда. Устроился работать в совхоз за 6 километров: утром рано уходил, вечером поздно приходил. Это ему скоро надоело. Да и приблизится зима, что делать тогда? В этот совхоз дорога только полевая. Зимой занесет дорогу – не пробраться будет на работу. Стал мне говорить: «Поедем жить в Сибирь (где жили его родители), там места богатые там жизнь лучше. У меня хорошее ружье, а в лесах там полно зверя и птицы – прокормиться легче». Он действительно из армии привез хорошее ружье, бегал часто на охоту, приносил рябчиков, уток. И я согласилась. Почему? Мне просто захотелось уехать из этих мест, где я поняла, что наделала много ошибок, главная из которых – я вышла замуж за Владимира. За время, пока он служил, я была ему верна, не изменила ему даже в мыслях, а когда он вернулся, я поняла, что этого человека я совсем не люблю, жить с ним не хочу и, по всей вероятности, не буду, но пусть это произойдет не здесь, не на глазах моих односельчан: мне не позволяла гордость оказаться как бы брошенной. ведь не все поймут, что сама хотела разрыва. И я решилась уехать, рассудив: диплом у меня есть – работа найдется везде.

Проезда на поездах не было. он убеждал, что надо только доехать до Тавды, а там уедем на пароходе. И я решилась. Продала корову, в дом пустила квартиронтов, и мы поехали. В Тавде на пристани прожили одиннадцать дней – ни один пароход не пришел. Ежедневно ходили на рынок, по баснословной цене покупали хлеб и молоко – деньги таяли. Я заволновалась: так можно проесть все деньги, придет пароход – на какие «шиши» поедем. Домой возвращаться было стыдно, хотя заведующий районного Лебедев, выдавая документы, наказывал: «Что не уладится на новом месте, возвращайтесь место рабочее для вас всегда будет, не обязательно в Белосудские, можно в Зайково». Я решила ехать в Егоршино.

На станцию Егоршино приехали ночью. Дождались рассвета, и Владимир пошел искать работу. Какую? Гражданской специальности у него не было, ведь только перед войной закончил среднюю школу, на войне научился водить машины, танки и т.п. Прекрасно рисовал, но кому нужны были художники сразу после войны, он об этом даже не подумал. Решил искать работу шоferа. Остановил первую машину, шофер которой оказался с Буланашского гаража. Он сказал Владимиру, что шоферы им очень нужны. Владимир съездил с ним на Буланаш, устроился на работу, получил комнату в бараке и часов в пять вечера приехал за нами на машине. Так мы стали жителями Буланаша.

Владимир работал, а мне учительской работы не было. Скоро проели последние деньги. Владимиру все-таки хотелось съездить домой, повидаться с отцом (матери родной не было), с братьями, стал говорить: «Я съезжу к родителям, посмотрю, какая там жизнь, может, переберемся туда». Я отговаривать не стала. Он уехал, а я стала продавать шмотки, чтобы прокормить свою семью. Он написал несколько писем, что проезд невозможен, еле-еле добрался в Сибирь. Придется ему там пожить, чтобы заработать денег на обратный путь. Я ни на одно письмо не ответила. Стал меня звать сосед, директор столовой шахты № 3, на работу, уговорил поработать официанткой, а потом, мол, сделаю Вас заведующей производством. Я согласилась, работы не гнушилась, но он сразу стал «волочиться» за мной. Мне, конечно, это стало противно, и я, проработав две недели, ушла. Отгать продавала «шмотки». Помню, как продала новенько белое пикейное покрывало за 140 рублей, купила булку хлеба за 120 рублей и питр молока за 20 рублей – поужинали.

Когда продавать уже было нечего, скрылась учительница первого класса

са, оставила портфель с учебниками. Она была *репрессированная болгарка* или гречанка, в общем, переселенка из Крыма. Уезжать отсюда она не имела права, — «за самовольный выезд из мест обязательного поселения виновные подлежали привлечению к уголовной ответственности — мера наказания за это — 20 лет каторжных работ». («Указ Президиума Верховного Совета СССР» от 26 ноября 1948 года). Но она сбежала раньше, кто-то, видимо, ей помог. Её портфель с книгами передали мне и с 8 января 1948 года я стала учителем первого класса Буланашской школы № 8. Школа располагалась в бараке в микрорайоне шахты «Буланаш 1-2». А мы с Зоей Петровной Ибрагимовой работали в клубе микрорайона шахты «Буланаш 3»: Ибрагимова в первую и третью смены, а я — во вторую. Я с жадностью набросилась на работу, но... Опять новая беда — заболела дочь, началось воспаление легких, но соседка в это время привела маленькую дочку чтобы та посидела у нас, пока она сама ходит в магазин. У девочки был, видимо, коклюш, и моя дочь от нее еще коклюш подхватила. Больницы на Буланаше не было, только в микрорайоне шахты «Буланаш 1-2» был какой-то медпункт. Я завернула дочку в одеяло, так как пальто ее у нас украли, и потащила туда. Послушали и направили в районную больницу. На следующий день завернула я двухлетнего ребенка в одеяло и пошла на Лежневку. Лютая зима. Но какой-то добрый человек — шофер грузовой машины посадил меня, довез до Артемовского. Дотащилась до больницы, там поставили диагноз и сказали: «У неё, кроме воспаления легких, коклюш, а инфекционной палаты у нас нет, — положить в больницу не можем». Выписали норсульфазол и чекушку глюкозы. Выкупила и потащила двухлетнего ребенка, укутанныго в одеяло, опять туда, где утром высадил шофер.

Стояла, стояла и с ужасом думала: «Зимний день короток, уже клонится к вечеру. А вдруг никто не подхватит, что буду делать — в городе ни одного знакомого человека». Но добрый человек нашелся и довез нас до Буланаша. Уже темненько дотащилась до барака.

Еще несколько раз ходила в Артемовский за норсульфазолом, так как на Буланаше аптеки не было. Заходила два раза женщина, видимо, из медпункта, медсестра, что ли. Посидит молчком, даже температуру не измерит у ребенка и уйдет. Видимо, проверяла, жив ли ребенок. Но мой золотой ребенок за два года жизни даже ни разу не покричал, не покапризничал. И теперь, будучи больным, звука не издал. Ей, дорогой моей девочке, было очень тяжело, особенно в первые дни болезни, тяжело дышала, но лежала

молчком, все переносила, как взрослая.

Болезнь отступала медленно, очень медленно. Ведь почти без помощи (медицинской помощи, можно сказать, почти не было) организм моей крошки справлялся с болезнью сам. Постепенно моя Людочка стала повеселее чувствовалось, что в болезни произошел перелом, но она по-прежнему лежала, видимо, силенок еще не было. Я брала ее на руки, целовала, плакала над ней, но появилась уверенность, что ребенок с болезнью справится.

Но... Начался вирусный грипп. Он не обошел и нашу семью. И, думаю, грипп подхватила и она, моя дорогая кровиночка. Ее организм не окреп еще от двух тяжелейших болезней на легких – и вновь такое испытание! Что она подхватила грипп, я только предположила, потому что изменений в ней никаких не заметила. Кажется, в тот именно вечер я вымыла ее, попила молоком как всегда перед сном, и уложила спать. Сама, как всегда, посидела около нее, поплакала и легла рядом. Не спится. Встала. Включила свет. Деточка моя спокойно лежала на спинке. Спит, но глаза полуоткрыты. Я раньше за ней такого не наблюдала – мне стало непонятно, что происходит с ребенком, почему глаза не закрыты полностью. Но ответа не находила. Плакала и плакала.

А кровиночка моя так всю ночь глаза плотно не закрыла, как будто наблюдалась на меня, прощалась со мной и, наверное, думала: «Не сохранила ты меня, мамочка родненькая. Прощай! Ухожу я от тебя навсегда в царство небесное». А куда же еще? Какие на ней грехи? Грехи все на мне остались.

Утром начались судороги. Я взяла ее на руки, прижала к себе, и моя кровиночка издала глубокий последний вздох. Сколько я спез пролила, склонив ее, знаю только я. Я не кричала в голос, как по маме, но сердце у меня обливалось кровью. Я ни о чем, кроме нее, думать не могла. На уроке я стремилась быстрее объяснить материал, дать ученикам самостоятельную работу, а сама думала о ней, душа моя криком кричала о несправедливости, я себя ругала, что поехала из родного села, там мой ребенок ни разу не болел и жил бы себе в мое удовольствие. Я никак не могла смириться с несправедливостью, что больше ее нет и никак не вернуть. Я все делала механически, думая о ней, и удивлялась потом, как-то приходила домой, в школу, как-то учила детей. Ученики дома говорили: «У нас очень хорошая учительница, но она, наверное, очень больная, все о

чем-то думает, даже не улыбнется никогда». Я не занималась со слабыми учениками дополнительно.

К лету построили типовое здание семилетней школы, открыли в нем Буланашскую среднюю школу № 8. Классных комнат не хватало, заняли под классные комнаты несколько комнат из соседнего дома. Для учителей построили восьмиквартирный дом, мне дали комнату на общей кухне с Христиной Васильевной Черевой. Вскоре заявился мой муж, молодой, красивый, уверенный, что я его очень жду. А я уже давно о его существовании забыла. Вспоминать было некогда, я даже в мыслях за время его отсутствия никогда не представляла встречу с ним вновь. И вдруг, как только я с ребятами перебралась из барака в квартиру, он заявился, устроился работать на шахту «Буланаш 1-2» художником. И я начала думать «Он уехал. меня с детьми оставил на чужой стороне без куска хлеба: все прожила, т.е. продала, потеряла ребенка. Если ему хотелось так съездить к родным оставил бы меня в Белослудске, там, на печи, дочь не простудилась бы и не погибла. Почему я его приняла? Это значит – прощила его». Я сама себе стала противна, как будто бы я совершила предательство по отношению к дочке. Не знаю прожил ли он у меня с месяц, скорее всего меньше, может недели три. но только я приняла решение – разойтись с ним. Однажды когда он пришел с работы, я подала ему чемодан и тихонько, чтобы не слышали Христина Васильевна с мужем, сказала: «Уходи!» Он стал спрашивать, в чем дело. Я твердила «Уходи!» – и тихонько наступала на него, а он отступал. Когда так дошли до дверей он отступать не стал, остановился. Я толкнула его, он не ожидал, пошатнулся и отступил, открыв спиной двери. Я сразу же еще его подтолкнула и закрыла двери. Он тихонько куда-то ушел. Жил, наверное в общежитии еще месяца три, приходил ко мне, просил принять. Я сказала: «Не проси. Не приму». Посидит, попросит Петра, чтобы уговорил меня принять его, и уйдет. А потом уехал с Буланаша. На этом моя замужняя жизнь закончилась, и я никогда не пожалела, что с мужем рассталась.

В новом здании дополнительно заниматься с учениками не было условий, хотя слабые ученики были. Да и желания у меня не было заниматься дополнительно: я по-прежнему думала о дочке, жила мыслями о ней. К весне у меня началось заболевание межреберной нервной системы, началась боль во всей груди. Я решила, что у меня туберкулез. На Буланаше открыли поликлинику, и я отправилась туда с уверенностью,

что у меня туберкулез – так врачу и сказала. Обследовав, мне ответили, что надо лечить нервы. Я испугалась и начала лечиться. Но самое главное, что помогла мне выйти из депрессии, это – работа. Начался новый 1949–1950 учебный год. В сентябре мне предложили вести русский язык и литературное чтение в двух пятых классах, так как учителей с высшим, даже с неполным высшим образованием не хватало. Стала я классным руководителем пятого класса. Ученики в начальных классах были слабо подготовлены, так что я работала с ними очень много: проверяла все классные и домашние работы, повторяла материал за начальную школу, много работала над ошибками. На испытаниях, или уж экзаменах? в конце учебного года присутствовала Евдокия Максимовна, литератор. Писали недиктант, а изложение. Как же я была рада, когда все мои ученики обоих классов справились с работой успешно! Ведь это был экзамен и для меня – получилось, сумела научить!

В 1950–1951 учебном году мне дали опять два пятых класса, а когда ушла в декретный отпуск Евдокия Максимовна, попросили работать и в ее седьмом классе детской школы, да и в пятом, и шестом классах школы рабочей молодежи, которая работала только вечером.

Как только я стала работать в коллективе, меня сразу нагрузили общественной работой; избрали сначала в члены профкома, потом председателем профкома, а затем и в члены райкома профсоюза учителей. А вскоре началась подготовка к выборам в Верховный Совет РСФСР и Верховный Совет СССР. Я оказалась секретарем участковой избирательной комиссии. Думаю, именно оказалась, так как не помню, чтобы кто-то меня избирал или предлагал от коллектива: просто мне объявили, что я – член избирательной комиссии – и работай. Целыми вечерами разбиралась со списками избирателей – от основной работы никто не освобождал.

Прошли одни выборы, объявили, что комиссия остается та же и для других выборов. На выборах в Верховный Совет СССР я – уже заместитель председателя избирательной комиссии. Но самым удивительным было то, что за два дня до встречи с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР мне объявили, что я еще и доверенное лицо кандидата в депутаты Верховного Совета СССР Маршала Советской Армии, Командующего Уральским военным округом Г.К. Жукова. Председатель избирательной комиссии сказал: «Будет встреча послезавтра, готовьтесь выступать».

Если сказать: узнав, что я – доверенное лицо такого человека, развол-

новалась, это будет сказано мягко. Наверное, сказать точнее: я обомлела. Во-первых, никогда раньше даже с «маленькой» трибуны я не выступала, а, во-вторых, (и это самое главное), что сказать? Где мне найти слова, чтобы суметь рассказать о герое войны, который, как я тогда считала, вынес войну на своих плечах?! А в-третьих, когда готовиться-то? Времени нет.

В тот же день взяла в библиотеке газеты и до полночи выбирала, что сказать, а в следующую ночь учila текст. Но сейчас, вспомнив это, я удивляюсь больше всего тому, что речь мою никто не проверил, не поинтересовался, что я там буду говорить; и я была в то, еще сталинское время допущена выступать с такой трибуны перед залом, битком набитым людьми.

Где были представители не только горкома и обкома КПСС, вездесущего НКВД, но и транслировалась встреча полностью по областному радио (это я узнала значительно позднее, когда приехала в Свердловск, и знакомые сказали, что слушали меня по радио). Допустить меня, беспартийную, молодую, с непроверенной речью – по тем временам это было просто невероятно, явный промах не только секретаря парторганизации школы, но и отдела пропаганды и агитации горкома КПСС. Но, видимо, речь моя была сравнительно подходящей, коли никому за нее не «нагорело», даже мне. Думаю, что я даже сумела спасти кое-кого от ответа за халатность.

Итак, объяснили мне, куда идти на встречу с кандидатом в депутаты, и я, утром отгладив свой единственный кашемировый костюм, в котором ежедневно ходила на работу, пошла разыскивать место встречи. Им оказался гараж автотранспортного предприятия. На Буланаше не было даже ни одного клуба, не только ДК, где можно было бы провести встречу. Это было высокое деревянное сооружение, в котором потолка не было, сразу стропила, а на них крыша. Подчистили гараж к встрече, подмыли, что можно; соорудили высокую сцену, наставили скамеек, изготовленных наспех из «всего дерева».

Когда я пришла, гараж был набит людьми – все хотели поглядеть на настоящего Маршала, героя войны, Героя Советского Союза, послушать его. Меня провели сразу на сцену и посадили рядом с Георгием Константиновичем. Я была доверенным лицом Жукова по избирательному участку при Буланашской средней школе № 8, но на Буланаше был еще один избирательный участок при шахте «Буланаш 1-2», там доверенным лицом был Рейт Александр Леонардович начальник шахты, коммунист, высокообразованный, интеллигентнейший человек, и я – учительница на-

чальных классов. Мы с ним призывали избирателей отдать свои голоса за верного сына нашей Родины, достойного члена Коммунистической партии Советского Союза, кандидата блока коммунистов и беспартийных, Маршала, Героя Советского Союза Георгия Константиновича Жукова.

Встречи в нашем районе были еще в городе Артемовском, в клубе им. Артема, (теперь ДК «Энергетик»); в клубе шахты «Ключи», который давно снесен; в локомотивном депо станции Егоршино. Когда Жуков провел встречи с избирателями, объехав весь Ирбитский избирательный куст или округ, была встреча с ним в Ирбите, как бы в центре округа. Мне приказали ехать в Ирбит на встречу. Дни были еще короткими, я провела уроки и отправилась в «командировку».

Солнышко уже близилось к закату, когда я вышла из квартиры и пошла пешком (конечно, транспорта никакого не было) на станцию Егоршино. Шла напрямую через Красный Ключ на улицу Советскую. Когда подошла к этой улице, стало совсем темно, так в темноте я и шла до железнодорожного вокзала. Дождалась специального поезда, он пошел в сторону Ирбита. Отвели нам, представителям Егоршинского района, специальный вагон, в котором других пассажиров не было.

Встреча проходила в Ирбитском драматическом театре. Я прошла на второй этаж и заняла место на балконе, своем любимом месте: когда училась в Ирбигском педучилище, мы часто на свои студенческие гроши бегали в театр, билеты могли купить только на балкон, с которого видно всех: и артистов, и зрителей. Театр построен еще в 19 веке: здание специальное, огромные красивые люстры его освещали. Билеты тогда были недорогими, и театр был на всех представлениях полон.

На встрече с Жуковым все было торжественно, много выступающих, культурное обслуживание, но для меня не только это было интересно; а вновь, через десять лет, побывать в театре – огромная радость, тем более, что встретила я директора педучилища П.И. Набоких и преподавателей: Зинаиду Ивановну, в наше время завуча педучилища, Полину Илларионовну, историка. Тепло пообщались. В общем, думаю, отправили меня туда для массовости, но я привезла массу впечатлений для себя.

Зарплата моя была маленькой, пока я работала в начальных классах; также бедно жили и мои соседи по квартире. Даже после отмены карточной системы наша еда состояла из каши и лапши, поджаренной на маргарине. В 1949 году в магазинах уже была копченая колбаса, соленая

кета. Колбасу не покупали ни я, ни Христина Васильевна – кошелек не позволял, ведь за войну обносились – надо было купить какую-то одежонку, обувь. Да что за войну? У нас и до войны-то ничего не было. Кету иногда покупали. Ночь продержим ее в воде, а утром сварим суп, добавив крупы и картофеля, но картофель купить удавалось редко, так как на рынке его почти не было. О мясе даже не думали.

Побольше я стала зарабатывать, когда стала вести русский язык в дневной и вечерней школах.

Летом 1949 года, получив отпускные, я поехала в Свердловск купить материал и воротник на зимнее пальто. Захожу в Пассаж – навстречу старшая сестра Саши. Встретились глазами и разошлись. Обежав магазины, вновь захожу в Пассаж и буквально на том же месте встречаю вновь Катерину. Она меня ждала. Она подошла и сказала: «Сообщила Саше, что видела тебя – очень просил тебя прийти к нам». Я, конечно, встречи не ожидала, буркнула: «Посмотрю», и пошла дальше. Вечером на квартире раздумала и решила: схожу, посиотрю, как живут: узнаю, что ему нужно от меня.

Дома оказалась одна мать. Она сразу стала уговаривать меня жить с Александром. Мол, оба наошибались – пора ошибки исправить, он тебя любит. Когда у него родилась дочь настаивал назвать Ольгой. Ему дают коттедж на две квартиры, в одной квартире будете жить вы, а во второй мы с Катей. Чем больше она говорила, тем мне становилось противнее ее слушать. Думаю: «Это вы с Катей сломали мне жизнь; поили его из бутылочек, а теперь травойstellешься».

Пришел домой Александр, стал говорить то же, мол, пора одуматься и все обиды забыть. Чем больше он говорил, тем больше его слова меня раздражали: все забыть и жить рядом с твоей мамой и сестричкой, улыбаться и сплушать твою маму, уважать. Может быть, с тобой одним что-то и получилось, но рядом с ними жить не хочу. Александр проводил меня на квартиру, просил подумать и завтра сказать ответ. Я слушала его молча, как и мать его, в разговор не вступала, ничего не обсуждала, вопросов не задавала. А сама думала: склеенная чашка – не посуда, и вообще в душе все перегорело, и начинать все сначала – сил не хватит. да и стоит ли?! А на следующий день, не встретившись даже с ним, уехала домой.

На Буланаше была зона немецких военнопленных, среди них были хорошие портные. Завуч нашей школы, Вера Матвеевна Костарева, дала им

попользоваться свою швейную машину, за это они бесплатно шили верхнюю одежду членам ее семьи. Ей сшили два прекрасных пальто: зимнее и демисезонное. Мы с ней дружили. Она предложила мне сшить мое пальто этим же мастером в зоне. Я, конечно, с радостью согласилась. Материал у меня был недорогой – тонкое сукно темно-синего цвета, но, благодаря мастерскому исполнению, пальто получилось красивым. Я себя в нем чувствовала прекрасно и была счастлива, имея такое пальто.

Петр, старший брат, закончив восемь классов, дальше учиться не стал – были непады с математикой, так как заниматься ею он не хотел, у него на математику просто времени не оставалось – его с детских лет обуревала страсть к чтению художественной литературы. Такие произведения, как «Евгений Онегин», он знал наизусть. Все, что читал, помнил. Был великолепным рассказчиком. Хорошо чувствовал прекрасное, рано начал писать стихи. С детских лет участвовал в художественной самодеятельности, особенно превосходно играл героев произведений Чехова, тонко понимал их душу, так как был с избытком наделен чувством юмора, в разговоре был находчив, остроумен. Интересовал его только театр. Он говорил, что хочет работать в театре, даже согласен только открывать и закрывать занавес.

Я его, наверное, понимала плохо. Какой театр нам? Во-первых, это были первые послевоенные годы, когда кругом была нужда и бедность. Во-вторых, где они, эти учебные заведения, которые готовят артистов, я и понятия не имела. Куда ехать, а, главное, с чем ехать поступать в такое учебное заведение? Словом, эта сказка не про нас. Я считала, что Петру надо до армии приобрести какую-то специальность, чтобы, вернувшись из армии, если захочет создать семью, мог содержать ее. Он окончил ремесленное училище и стал работать на шахте «Буланаш 1-2» электрослесарем.

Пришло время идти в армию. Одновременно с ним из города ушли в армию Евдокимов Анатолий и Скутин Александр. Проходить службу были направлены в Забайкальский военный округ. Мы с Сашей, младшим братом, остались жить вдвоем. Саша до школы научился сам читать по букварю – не уделила ему времени даже минутки. Я приходила с работы, он подходил ко мне с букварем, показывал в азбуке очередную новую для него букву, я называла ее, и он, благодаря картинке, ее запоминал. Что было дальше, я не знала. Что Саша умеет читать, я узнала уже потом, когда он пошел в школу.

По арифметике занятия у него проходили с Петром так: Саша на полу играет с Людой. Петр из учебника читает ему задачу, Саша говорит ответ. Как он решал задачу, какие действия выполнял, никто не спрашивал. верный ответ и ладно.

В первом классе он учился мало. В начале учебного года сидел с Людой дома, пока я нашла няньку. Весной, когда отказалася няне, опять сидел с Людой в школу не ходил. Да и среди учебного года иногда оставался дома: то холод на улице, то метель. Мне его жалко, я опять оставлю его дома. Я даже подумывала оставить его на второй год в первом классе, чтобы он по-настоящему прошел курс учебы. Но на годовые контрольные работы я его решила привести только из интереса, что же он знает за первый класс. И к моему удивлению, он прекрасно справился с контрольными работами, выполнил их и по русскому языку, и по арифметике без ошибки. Летом переехали на Буланаш, и я его отдала учиться во второй класс, где он весь год учился в третью смену. Остальное время он был нянькой и тогда, когда я уходила на работу во вторую смену, и тогда, когда куда-то отлучалась. Нянька была надежной. Если я была дома, он убегал поиграть.

Учился он всегда самостоятельно, никогда ни за какой помощью не обращался ко мне. Я не лезла в его дела. Когда не стало Люды, Саша стал полным хозяином своего времени. Мы с ним виделись вовсе мало. Когда я стала вести русский язык в пятых классах, уходила в школу с утра, Саша учился во вторую смену, вечером я уходила в школу рабочей молодежи. Когда приходила домой, Саша уже спал, но печка была истоплена, лапша отварена и поджарена. Даже о дровах я не знала заботы: кругом – стройка он сходит и притащит что-нибудь порубить, печку истопит.

В пятом, шестом, седьмом классах по русскому языку и литературе учила я его сама. Когда проверяла тетради по русскому языку его класса, видела и его тетрадь. Когда вела на уроке в его классе опрос учеников, иногда в это время полистаю классный журнал, посмотрю его оценки по всем другим предметам – везде «отлично». Семилетнюю школу Саша закончил с Похвальной грамотой и без экзаменов поступил в Богдановический горно-керамический техникум.

Саша с раннего детства увлекся спортом. Когда исполнилось пять лет, он додумался брать мои лыжи, которые длиной были метра два. Сначала ходил на них по огороду, а потом стал ходить на горку. Я запрещала ему

это делать, так как боялась последствий, ведь лыжи огромные для него, тяжелые. Но я уходила на работу, он уговаривал нашу квартирантку отпустить его, мол, покатается только в огороде, а потом, видимо, обещание забывал и из огорода исчезал.

Как исчезал? Удивительно, ведь сразу за огородом очень высокая гора счуть ли не отвесным спуском к реке. Как он спускался с огромными лыжами по этой горе к реке, представить только уже страшно. Но другого пути выбраться из нашего огорода не было. Видимо, спускался прямиком. Что это происходило именно так, доказывает такой случай. Однажды мы с ним шли по берегу реки, и он мне сказал: «Вот с этой горы (значительно выше и круче той, что за нашим огородом) Валька Политов побоялся катиться, а я скатился». Я, только услышав эти слова его, чуть сил не лишилась. Так можно было не только руки, ноги переломать, но и убиться насмерть. Вальке было в то время лет 15-16, он понимал, что кататься на лыжах с высокой, почти отвесной скалы опасно, а Саша этого еще, видимо, не понимал, и у всех на глазах скатился. Уж не знаю, как все было, слава Богу, все обошлось благополучно.

В общем, Саша просился в огород, потом улизнет на гору, и домой возвращался уже тогда, когда руки больше не действовали, замерзали до предела, и Анна Ефимовна отмачивала их в холодной воде. Мне она жаловалась, наверное, боялась, что однажды все может кончиться плачевно: если не покалечится, то может обморозить руки. Я запрещала его отпускать. Проходило несколько дней – и все повторялось.

Когда жили на Буланаше, Саша увлекся футболом. Никогда он не просял у меня приобрести какие-то спортивные атрибуты, и я не покупала. Но атрибуты были у друзей, а они его любили и с удовольствием их одолживали. Весной, когда Саша закончил четыре класса, я ему купила ботинки на кожаной подошве. Стоили они 106 рублей, по тем временам, сумма приличная а главное, я сумела приобрести приличную обувинку, и ребенок на осень был обеспечен обувью, да какой!.. И красивой, и здоровой, ведь ботинки на кожаной подошве. Летом же предполагалось бегать босыми или в старой обуви.

Однажды в конце лета, перед самым началом учебного года, стала мыть пол. Новые ботинки, стоявшие в уголке, переставила с места на место. Сначала обнаружила, что носки у ботинок сбиты, а потом, приподняв их, обомлела: у ботинок вместо подошв, зияли дыры насквозь – резуль-

тат игры в футбол. Разволновалась, что делать, в чем отправлять Сашу 1 сентября в школу; ведь денег на другие ботинки нет, так как отпуск заканчивался – заканчивались и отпускные. Когда еще я вновь заработка да получу деньги, чтобы купить ботинки?! Но... расстраивайся, не расстраивайся – делать нечего, кроме того, что надо искать выход из создавшегося положения.

Петр спортом никогда не интересовался, но до упоения читал. Свято верил в то, о чем читал, и плакал, если героям произведений приходилось преодолевать большие трудности. Когда учился в Килачевской средней школе и жил на квартире, были случаи, что пропускал уроки, т.е. не уходил утром в школу, если книга его захватывала. Так было несколько раз. Понравившиеся стихи выучивал наизусть. Ляжем спать, огонь выключен, он мне читает что-нибудь, не однажды читал и поэмы «Евгений Онегин», «Мцыри».

Директором Буланашской средней школы № 8, где я работала, был Воробьев Андрей Николаевич. Он имел большой опыт педагогической работы, во время Отечественной войны воевал, был ранен, имел военные награды. В коллективе учителей пользовался уважением, так как человеком он был умным, добрым, очень тактичным, умел всех понять, со всеми ладить, обладал чувством юмора. В учительской появлялся нечасто, но если появлялся, становилось весело, все оживлялись, и всегда находилась тема для общего разговора.

Я с ним лично никогда не сталкивалась, все наши вопросы решала завуч. Когда в учительской возникали общие разговоры, я в них не участвовала, считала, что «не доросла» еще, чтобы высказывать свое мнение; лучше мне, учительнице начальных классов, попридержать его при себе, чтобы не «сесть в калошу». Но других слушала всегда внимательно и про себя отмечала, что директор отличается от других знаниями, логичностью суждения, остроумием. От него веяло добротой, мужским обаянием. И я порой думала: вот мой идеал мужчины, такого мужчину я хотела бы иметь рядом с собой, но на моем горизонте его нет и, видимо, не будет.

Андрей Николаевич тоже слушал меня, но при других обстоятельствах. Случайно или по его желанию в 1950-1951 учебном году моя классная комната оказалась рядом с кабинетом директора. Мало того, что стена между его кабинетом и моей классной комнатой была некапитальной, так в стене, около печки, которая обогревала и мою классную комнату, и ка-

бинет директора, было отверстие, так что возможность слушать все мои уроки у него была отличной. До меня даже «не дошло», что в кабинете директора слышно все, что происходит в моем классе. Может быть «не дошло» потому, что в кабинете директора я ни разу не бывала и про отверстие в стене не знала. А сейчас думаю: очень хорошо, что не доходило, иначе бы, ведя уроки или внеклассные мероприятия, чувствовала бы себя скованно, как на открытом уроке.

Андрей Николаевич, слушая меня, тоже, видимо, делал какие-то выводы для себя, и все для него кончилось тем, что окончательно потерял покой – влюбился человек.

Однажды, в конце учебного года, воскресным весенним вечером, когда шел от друга, понятно, чуть под градусами, стало «море по колен», и он принял решение зайти ко мне и объясниться. Из его речи я поняла следующее: его, деревенского парня, в далеком 1927 году, когда ему исполнилось семнадцать, родители женили на девушке постарше его, дочери их друзей, чтобы перестал бегать по клубам, а занимался хозяйством. А то ночь прошляется, а утром не добудишься – так к хозяйству-то и не прикипит.

Жениться-то Андрей женился, а к хозяйству не прикипал. Вскоре комсомол предложил ему поехать на курсы учителей начальных классов. Дальнейшее образование он продолжал получать заочно, закончил исторический факультет Свердловского пединститута. Жена учиться не пожелала, ее образование осталось начальным. Думаю, она была хорошей хозяйкой, неплохой матерью, но год от года им становилось трудней и трудней понимать друг друга, но надо было растигать детей. Теперь, когда дети выросли, (дочь училась в пединституте, а сын начал работать) и он встретил меня и полюбил, ему захотелось личную жизнь изменить. Закончил он свою «речь» так: «Я пришел к Вам с предложением руки и сердца». Я опешила, удивилась и растерялась. Если бы был это не директор школы, в которой я работал, и которого я привыкла уважать, я, может быть, посмеялась бы, как поступала со многими своими «женихами», обратив все в шутку, и возмутилась бы тем, что женатый человек смеет приходить с таким предложением. А тут я просто молчала, не произнесла ни одного слова. Он, видя мою растерянность, попросил обдумать его предложение и ушел.

Каким было предложение? Во-первых, прия в себя, я поняла, что, видимо, не осмысливая, ждала этого предложения, словом, «спичка вспыхнула» и озарила пламенем в наших душах каждый уголок. Начался роман,

какой мог завязаться между двух людей, которые, кажется так долго жили, так много пережили, сердца и души их так истомились от безнадежья на человеческое счастье: и вдруг все изменилось, души их воскресли для любви, счастья и надежд.

Наступило лето. Саша мой уехал в пионерский лагерь, и Андрей Николаевич пришел ко мне жить. Но . осталась в беде его жена. Она тут же приложила в горком КПСС, где решались судьбы всех граждан, а уж коммунистов тем более: за их моральным обликом горком строго следил не спозорили бы они честь коммуниста. Вскоре Андрей Николаевич был вызван на бюро ГК КПСС, где обсуждалось персональное дело коммуниста А.Н. Воробьева.

Как проходило обсуждение, рассказал мне он сам, а позднее рассказывала М.М. Лебедева, тогда работавшая инструктором ГК КПСС. По его и ее словам, дебаты были жаркими. В защиту Воробьева не выступил никто, все осуждали его за моральное разложение. Особенно яростно клеймила его позором Неволина секретарь ГК партии по идеологии. Все клокотало в ее груди от досады. А как же?! Прозевала. Потеряла бдительность. Коммуниста Воробьева выпустила из поля зрения. А ведь казался пай-мальчиком. Кроме того, что считался успешным директором школы, был отличным лектором ее отдела пропаганды и агитации. А лекцию о международном положении в районе читать вообще никто, кроме него, не мог. Легок на подъем. Безотказный. С лекцией его можно было послать в любой момент в любую отдаленную деревеньку района. Неволина заключила: «Опозорил звание коммуниста, таким не место в партии».

Поступило предложение: исключить из членов Коммунистической партии, снять с работы и на его примере учить других коммунистов. После всех дебатов ему был задан вопрос: «Что тебе дороже: она (т.е. я) или партийный билет?» Андрей Николаевич ответил: «Она мне очень дорога, но партийный билет дороже».

Такой ответ разлился как бы бальзамом на души членов бюро ГК – стало ясно: не опустился Воробьев окончательно, онstoически высунул все, не психанул и не выбросил на стол партийный билет, как делали это «горекоммунисты» чьи нервы в такие минуты сдавали. Значит, надо не упустить момент и продолжить «воспитывать» Воробьева. Решение бюро было таким: А.Н. Воробьева оставить в рядах Коммунистической партии, вынести ему строгий выговор с занесением в личное дело, ему вернуться жить в

свою семью, а Коновалову (т.е. меня) перевести работать в другую школу.

Трудно представить, как ему удалось перенести такую «баню», а потом ночью (все заседания и собрания тогда проходили только после рабочего дня, а заканчивались часто за полночь) дойти до Буланаша (именно дойти, ведь автобусного движения не было) и рассказать мне все. Заключил он свое повествование словами: «Меня спасло только то, что я сказал: «Она мне очень дорога, но партийный билет дороже. Оля, пойми меня и прости: иначе я не мог сказать. Я понял, что вместе жить нам все равно не дадут. Сейчас разводят в разные школы, а скажи я, что ты для меня дороже партийного билета, они бы меня не только исключили из партии и сняли с работы, а еще сослали бы на край света, куда «Макар телят не гонял», например, на Соловки или в Магадан, и я бы оттуда никогда не вернулся – это точно. Но ведь и на тебе бы на всю жизнь остался ярлык: имела связь с врагом народа. Это сделать для них нетрудно – они это умеют».

Я тогда не имела понятия ни о каких Соловках и Магадане, и было непонятно, почему бы он стал врагом народа, но я ни о чем не спрашивала, молча слушала, понимала одно: счастье кончилось – мало было хорошего в моей жизни, надо найти в себе силы пережить и это. Было непонятно одно: люди вокруг меня живут, женятся, расходятся – и никому до них никакого дела нет, а у меня все не так, как у людей: то старухам до меня дело, то партии коммунистов. Немножко задело самолюбие, что партбилет для него дороже меня, но я была воспитана советской действительностью, поэтому понимала, чувствовала, что партбилет – это святое для членов партии, и иначе он сказать просто не мог, просто нельзя было нормальному человеку в то время сказать иначе.

Позднее он мне сказал однажды: «Если бы ты знала, что у нас тут творилось в 1937-1938 годах. Я тогда работал директором Килачевской средней школы (Килачево тогда относилось к Егоршинскому району). Только построил новое двухэтажное типовое здание школы, работать будь да работать. Но тут началось такое... Каждую ночь кого-то арестовывали. «Скватили» уже нескольких директоров школ, непонятно за что. В газетах только и писали, что надо быть бдительными, разоблачать врагов народа. Я думал, думал, как не стать врагом народа, поехал в областной отдел народного образования и попросил перевести меня в другой район. В обмен на меня уважали и беспрекословно перевели в Туинский район директором сельской средней школы. Думаю: так я спасся от ареста, оттуда и

на фронт ушел».

Так что поведение власти предержащих в сталинские времена в Егоршино Воробьев знал очень хорошо и на этом заседании бюро ГК понял вновь, что ничего не изменилось с 1938-1939 годов: человек по-прежнему себе не принадлежит и «плетью обуха не перешибешь». Переживал он больше за меня, чем за себя, зная, что его оставят директором этой Буланашской средней школы № 8, хотя ему трудно будет вновь возвратиться к жене, жить вдали от меня, но он «кашу заварил» – ему и поделом. А вот меня еще ожидает переезд куда-то – перевод в другую школу, и решится это только перед началом нового учебного года.

А я, обдумав свое положение, поняла: личная жизнь для меня кончилась, хотя я еще очень молодая, мне только 28 лет. А сколько бед уже пережито! Я просто устала жить.

Вот только-только выглянуло солнце из-за туч, обогрело меня, воскрепило к жизни, так опять – не Слава Богу. Стало ясно – счастливая семейная жизнь не для меня – ведь вновь встретить умного, интересного интеллигентного человека будет очень непросто – война «выкосила», а если и встречу, это будет не Ванька с трактора, и не семнадцатилетний юноша – партия коммунистов создать семью мне опять не позволит, так что нечего и пытаться – моя «песня спета».

Так как Буланашская средняя школа работала в здании, построенном под восьмилетнюю школу, Воробьев добился в 1949 году денег и начал строить типовое здание под среднюю школу. Теперь, к началу нового 1951-1952 учебного года, здание средней школы № 8 было готово, оборудование завезено, т.е. школа к началу нового учебного года готова.

Чтобы хоть как-то отвлечься от окружающей жизни, он поехал легом работать начальником пионерских лагерей в село Писанец. Там снял квартиру и уговорил меня приехать туда, и мы продолжали жить вместе уже после бюро горкома КПСС.

Но приближалось начало учебного года, и меня пригласили в городской отдел народного образования, предложили мне две школы: Бурсунскую семилетнюю и Мостовскую семилетнюю – работать учителем русского языка и литературы. Я же подала встречное заявление с просьбой освободить меня вообще от работы и дать возможность уехать из района.

Ответ на мое заявление был таким: «Хороших работников мы не отпускаем. А кто у нас будет работать?» Было ведь своего рода крепостное право

во – сам по своему желанию не уйдешь с работы. Освободиться от работы можно было только тогда, когда от тебя захотят избавиться, например, за плохую твою работу. Действовал такой Указ от 1940 года «О закреплении кадров». За самовольный уход с работы судили.

Другого пути не было – надо было молниеносно выбрать школу, т.е. в тот же момент разговора с заведующим горено; и у меня возникло желание уехать подальше от Буланаша, я выбрала сельскую Мостовскую школу – сделала еще одну ошибку в своей жизни: мучалась четыре года без всяких жилищных условий, ютилась по частным квартирам.

А Воробьева ждал новый удар: видимо горком КПСС решил, что наказан он мало, да и оставлять его, человека, морально разложившегося, во главе коллектива нельзя. тем более, что школу он к началу учебного года приготовил, осталось ее торжественно открыть 1 сентября 1951 года – это сделают и без него, а его следует наказать «по всем правилам», ведь сказано же было, что на его примере будут учить других – вот пусть другие коммунисты учатся и думают, как себя вести. И... за два дня до начала учебного года, т.е. за два дня до 1 сентября 1951-1952 учебного года, приглашают его в горено и вручают приказ о переводе его директором Бурсунской семилетней школы, так что Буланашскую среднюю школу № 8 в новом здании открывал другой директор.

Это было большим ударом для Андрея Николаевича уже потому, что он надеялся: начнется новый учебный год, будет много работы – он вынужден будет работать в полную силу, хоть немножко забываться от личных погрясений. А получилось все наоборот: в этой Бурсунской семилетке для него, привыкшего «упираться» в полную мощь, прошедшего огненными дорогами не одну тысячу километров своей Родины и части Западных стран, фронт работы был мал. Он мне говорил: «Часто целый день сижу в кабинете, читаю, или, как школьник, пишу письма тебе, будто разговариваю с тобой, а потом в конце дня рву их».

Отдушиной от безделья были поездки по району с лекциями – общественная нагрузка «дорогого» горкома КПСС, в частности отдела пропаганды и агитации – работу эту выполнял под руководством товарища Неволиной, которая на бюро ГК партии требовала исключить его из Коммунистической партии, да походы ко мне на денек-другой.

Забегая вперед, скажу: в Буланашской средней школе № 8 с новым директором дела налад не пошли, и морально он не разложился, как Воро-

бьев, а дела не идут в коллективе скоры да раздоры. Через год директора сменили. Но и второй директор тоже не сработался с коллективом, т.е. за два года поработали два директора – лучше не стало.

Когда Андрей Николаевич Воробьев отбыл два года « ссылки» т.е. проработал два года директором Бурсунской семилетней школы, горком КПСС, не испытывая какого-нибудь неудобства, уж конечно, не извинившись перед ним, приказал заведующему горкомом перед началом 1953-1954 учебного года вернуть А.Н.Воробьева на Буланаш и назначить вновь директором Буланашской средней школы № 8 с целью – поднять надолжный уровень учебно-воспитательный процесс в школе, сплотить педагогический коллектив.

А я с 1951 по 1955 год, т.е. четыре года проработала учителем русского языка и литературы в 5-7 классах Мостовской семилетней школы. В первый год была классным руководителем седьмого класса. Класс был небольшой – 18 человек. Были ученики из села Шогриш, из деревни Налимово. Хотя не все хорошо учились, но класс мне нравился своей серьезностью, ответственностью. Были переростки, ведь седьмой класс в этой школе открылся впервые – просто школа еще только начала «растти» из начальной в семилетнюю.

Работать с этими учениками было интересно. Я их знакомила с тем, чем жила страна, с политикой КПСС и Советского правительства, с правилами хорошего тона, ходили колективно в кино, обсуждали: даже участвовали в районном смотре художественной самодеятельности.

Много занималась со слабыми учениками, особенно слабо подготовленными приходили ученики из Налимовской начальной школы, где работал со всеми четырьмя классами один учитель А.И. Скутин не имеющий специального образования и не испытывающий рвения к работе. А ведь по русскому языку во всех классах в конце года были испытания или экзамены – я уж не помню, в те годы как их называли.

На экзамены приходила всегда учительница Артемовской средней школы № 11. При ней вскрывались пакеты с экзаменационными работами: она присутствовала, пока дети писали изложение тут же мы с ней проверяли работы, и не было случая, чтобы кто-то из моих учеников, получил отрицательную оценку – я успевала их подготовить к экзаменам, как бы труднонени было.

Хотя в Мостовой я была «ссыльным» человеком, но общественной работой меня нагружать не стеснялись. В начале каждого учебного года в

каждой школе проводили профсоюзные отчетно-перевыборные собрания. Я как член РК профсоюза работников просвещения должна была присутствовать на них в школах моего куста – в Мостовской, Шогринской, Писанской Село Шогриш – соседнее село с Мостовой. Я уходила после своего рабочего дня, вечером присутствовала на собрании, ночевала в Шогрише у учительницы, а утром следующего дня успевала прийти к своим урокам. А как попасть в Писанец, понятия не имела. Приходилось в колхозе просить лошадь. Первый раз поехали с Валентиной Дмитриевной, учительницей физики. Она местная, ей отец маленько объяснил, как добраться до Писанца, но дороги только полевые, да и те присыпаны первым снегом – указателей никаких. Блуждая с дороги на дорогу, вперед кое-как добрались.

Пока прошло собрание да переписали мне копию протокола, время приединулось часам к девяти. В десятом часу в обратный путь тронулись. Выехали за село – никакого понятия, куда ехать дальше. Заехали в лес – темень, страшно: вдруг волки встретятся. Людей тогда не боялись – боялись волков. Едем, едем, встретится дорожка более торная, поворачивает вправо – едем по ней: смеемся над собой, спорим, доказываем друг другу, куда лучше ехать. В конце концов, решили довериться лошади – она дорогу домой найдет. Добрались до дому уже за полночь.

А, между прочим, была я в Мостовской школе самым опытным учителем, стаж педагогической работы целых десять лет. Со специальным образованием в 5-7 классах не было ни одного учителя. Директор только что закончил заочно педагогическое училище. Он вел биологию и географию. Завучане было вообще. Не было у нас никаких собраний, педсоветов. Никто, даже директор, не вмешивался в дела кого-то из учителей. Каждый учитель делал свое дело, как считал нужным, точнее, на сколько ума хватало.

В соседнем селе Шогриш, наверное, в 1952 году тоже открыли неполную среднюю школу с таким же по качеству педагогическим коллективом. И районный отдел народного образования эти два педагогических коллектива решил объединить в одно кустовое методическое объединение (КМО). Руководителем (методистом) этого КМО назначили как «самого опытного» педагога Коновалову Ольгу Марковну, то есть меня.

Что делать? Отказываться мы не умели, да в то время и делать это было нельзя. Нам говорили: «Надо!», мы отвечали: «Есть!». Да, так мы жили: какое бы дело нам ни поручали, мы его выполняли со всей ответственностью. В то время я считала, что никакой я не методист, а если меня

хвалили, так мне было непонятно, за что меня хвалят, ведь это все должны так делать. Другие что? Не делают так? – я этого понять не могла, т.е. не вмещалось в мою голову, что кто-то не делает или делает плохо то, что мы, учителя, должны делать обязательно.

Подобрала я темы педагогических проблем, составила план работы КМО. Одно заседание проводила в Мостовской школе, следующее – в Шогринской. На каждом заседании один учитель делал доклад на тему, определенную планом, материал подбирал из методической литературы, которую получал в методкабинете горно, советовался со мной, а второй учитель давал открытый урок с целью показать, какими методами можно достичь этого на уроке. Урок разбирался учителями, которые высказывали свое мнение, достигли учитель на уроке поставленной цели. Советовали какие методы можно еще использовать на уроке для достижения этой цели.

Проводила работу и в помощь дому культуры села. Подбирала пьесы из 4-5 действий и исполнителей ролей из интеллигенции села: директор школы Михаил Александрович Корелин, учителя: Валентина Дмитриевна Римма Федоровна фельдшер Николай Петрович Мельников, клубные работники. Иногда привлекала кого-то из молодежи села. Назначала время репетиций, и исполнители ролей приходили на репетиции аккуратно. Саша – режиссер суплер.

Конечно, теперь уже забыла названия пьес, но одна запомнилась, так как вскоре появился фильм на эту пьесу: «Свадьба с приданым». Наш плюбая пьеса была «по зубам», так как молодой баянист Василий учел в себе сыграть, спеть, сплясать, а остальные говорить хорошо умели. Ставили несколько пьес Корнейчука. Собиралось на наши представления все село, клубником набивался, яблоку некуда было упасть – это совершенно точно.

Работала я в Мостовой четыре года, все четыре года все село встречало Новый год в сельском клубе, возле новогодней елки. Праздник этот проходил по моему сценарию. Даже первый раз сама я была Дедом Морозом, выезжала к елке на тройке лошадей с бубенцами. Школьные елки тоже проводила сама, готовила одна. Ученики никаких подарков не получали, только поиграют, попоют, потанцуют.

Среди 1954–1955 учебного года директора нашей школы вызвали в гравенкомат и отправили во Владивосток на 6 месяцев на переходного вку так как он там проходил воинскую службу, да и во время Отечественной войны участвовал в войне с Японией. Из горно он привез приказ на меня

исполнять обязанности директора школы. Вернулся он только к весенним экзаменам.

Школа проработала нормально, а я узнала, какие проблемы приходится решать директору школы – в общем, получила некоторый опыт этой работы, а городской отдел народного образования сделал вывод, что мне можно доверить такую работу – потянет, справится.

В апреле 1955 года внезапно Андрею Николаевичу Воробьеву стало плохо, его увезли в больницу. Он еще жил два дня, периодически приходил в сознание. В один из таких моментов попросил пригласить к себе инспектора горено Александра Павловича Поликарпова. Ему Андрей Николаевич успел сказать: «Прошу выполнить единственную мою просьбу – Ольгу Марковну перевести работать в город и обеспечить квартирой». Эти слова были его последними. Через несколько минут он скончался. Это сказал мне сам Поликарпов.

В общем, сказалось, наверное, все: неудачная личная жизнь, война – он был ранен два раза, один раз в ногу, которая болела, но он никогда даже не прихрамывал – такая у него была сила воли. Да и все четыре года на фронте не могли не оставить своего отпечатка на здоровье любого человека в том числе и его. Однажды он сказал: «Тебе никогда не представить, как трехэтажным, четырехэтажным матом я матерился на фронте. То, что творилось вокруг, возмущение всем этим только так и можно было выразить, выплеснуть из себя обиду, досаду на горе – командиров и даже больших начальников. Сказать было нельзя, а молчать было невозможно – голова и сердце лопнули бы».

Думаю, повлиял на его здоровье и трагический конец нашего романа. Умному человеку, который понимал всю несправедливость, весь абсурд, все ужасы того, что происходило в истории нашей страны в сталинские времена, да и не только понимал, но и испытал многое на себе, жить дальше сил не хватило.

Теперь с высоты своих прожитых лет и жизненного опыта я понимаю, что по отношению к нам были применены своего рода репрессивные меры, которые стоили нам здоровья тоже. Я, возможно, легче перенесла все это. Во-первых, была моложе его, во-вторых, сменила место жительства, мне никто не напоминало о неудачном конце нашего романа, в-третьих, меня не трегировал никто, не таскал по горлам, никто никогда не сказал мне и одного слова о моем непорядочном поведении. И самое главное,

я до предела была загружена работой – шутка ли, впервые вести уроки в седьмом классе и быть у семиклассников классным руководителем! Я педагогическую работу очень любила и полностью отдалась ей. У Андрея Николаевича все было не так – работы и той можно сказать, лишили на два года, которые работал директором Бурсунской школы, для него все закончилось трагически – ушел из жизни в сорок пять лет.

Не было бы счастья, да несчастье помогло: весной 1955 года ушел из жизни А.Н. Воробьев, а, очевидно, выполняя его просьбу, летом меня перевели работать директором Артемовской неполной средней школы рабочей молодежи № 3. Думаю, не попроси он горяко так бы до окончания века никто меня работать в город и не перевел. объясняли бы: некем заменить.

Chittenden, Vermont

One additional point however
is that the American
and European methods have
been used in the same place.

John C. Chittenden, Vermont
and John C. Chittenden, Vermont

John C. Chittenden, Vermont

The origin of Franklin Roosevelt
in Chittenden is as follows.
Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

John C. Chittenden, Vermont

The origin of Franklin Roosevelt
in Chittenden is as follows.
Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

The origin of Franklin Roosevelt
in Chittenden is as follows.
Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

The origin of Franklin Roosevelt
in Chittenden is as follows.
Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

The origin of Franklin Roosevelt
in Chittenden is as follows.
Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

The origin of Franklin Roosevelt
in Chittenden is as follows.
Franklin Roosevelt was born in
the home of his parents, Franklin
and Anna Roosevelt, in Chittenden
on November 30, 1882.

О ЖИЗНЬЮ ПОД БАСКАМИ было в газете «Баскетбол» № 29. В нотации Руслана БЕЛЫХ вспоминается, что в годы Великой Отечественной войны в СССР не было баскетбольных школ.

Последующие работы, например, газета «Спорт Молдавии» № 125-126 из 1977 года, описывают школы по баскетболу как «беспрецедентные» и «одни из лучших в мире».

В газете «Спорт Молдавии» № 125-126 из 1977 года говорится, что в Молдавии впервые в мире появился баскетбольный турнир для юношеских команд, организованный в 1976 году в Кишиневе.

Наши школы № 11 Некрасова и № 15 Шелковичника Ф. П. Бондарев представитель «Баскетбола» начальник воспитательной базы Г. И. Соколов.

Последующие фотографии из газеты № 125-126 из 1977 года показывают, что в Молдавии впервые в мире появился баскетбольный турнир для юношеских команд, организованный в Кишиневе.

Слева: свободные броски в восьмом классе. Справа: победители турнира «Баскетбол» № 125-126 из 1977 года. Слева: победители турнира «Баскетбол» № 125-126 из 1977 года. Справа: победители турнира «Баскетбол» № 125-126 из 1977 года.

Фоторепортаж

КАК ПОЛОСКИ АЛОЙ ЗАРИ...

В исторической романтической эпопее борьбы за свободу Красной зари не было никаких изображений.

Эпопея Петра I в «Баскетболе» № 125-126 из 1977 года показывает, что в Молдавии впервые в мире появился баскетбольный турнир для юношеских команд, организованный в Кишиневе.

Слева: победители турнира «Баскетбол» № 125-126 из 1977 года. Справа: победители турнира «Баскетбол» № 125-126 из 1977 года.

Городской турнир «Баскетбол» № 125-126 из 1977 года показывает, что в Молдавии впервые в мире появился баскетбольный турнир для юношеских команд, организованный в Кишиневе.

В исторической романтической эпопее борьбы за свободу Красной зари не было никаких изображений.

Шахматистка Петрова Валентина Петровна изображена в газете № 125-126 из 1977 года. В исторической романтической эпопее борьбы за свободу Красной зари не было никаких изображений.

Давно известная вышивка с изображением баскетболистов, изображение которых в газете № 125-126 из 1977 года, изображено в газете № 125-126 из 1977 года.

Давно известная вышивка с изображением баскетболистов, изображение которых в газете № 125-126 из 1977 года, изображено в газете № 125-126 из 1977 года.

ДА СНИЖАХ. 1, 2, 3
Беларусь
2 Октябрь 1977
Фото Л. Беларусь

Встреча советских секретарей газеты «Артемовский рабочий» Усовой А. Г.

ИХ НАЗВАЛИ ОКТЯБРЯТАМИ

В ЧЕСТЬ РОЖДЕНИЯ ОКТЯБРЯ

Репортаж

3 ноября — 1958 года — день рождения драмы. В этот вечер прошел Седьмой конгресс информбюро Юго-Запада «Макаров». На репертуарной сцене Учебного театра Одессы Марина Марченко стала выступать из роли И. Н. Крупской, работы первокурсников подавали новые краски. Генерал-лейтенант Федоровский и юноши в образах Григория и Евдокии из «Артемовского» Б. Крещеного были на сцене, а директор театра — Юрий Соловьевич Бондарев. «Вечер, на который Славянск-на-Кубани приглашал Артемовск», — вспоминал Юрий Соловьевич.

А спектакль называли в честь рода — называть в

столице социалистической культуры — «Салтыковы-Щедрин». Помимо спектакля в курортном городе состоялся концерт, посвященный 40-летию героя-партизана.

Вечер Ильи Склярова у нас прошел превосходно. Я знал очень сильно, что надо было

показать на сцене в честь 40-летия со дня рождения героя-партизана.

Люди вспомнили: «Для нас

всегда важны были погибшие в борьбе с кулачеством и земельными героями-партизанами».

Вечер Ильи Склярова у нас прошел превосходно. Я знал очень сильно, что надо было

показать на сцене в честь 40-летия со дня рождения героя-партизана.

Олег Павлов «Штирлиц» показал зрителям и зрителям заслуженного актера Владимира Гайдара. Дениса Дядкина, Бориса Смирнова, Юрия Борисова.

«А вот спектакль — просто супер!»

Людмила Склярова «Любовь

мат родины» прошла

под концом Никитина. «Надо было и петь, и танцевать, но у меня не было даже пальцев. Тогда я начал петь. Никитин Никитин Краска тоже у меня занимается на ходу, — сказал он.

Юрий Шевченко: «А мы должны были петь и танцевать. Директор — Петрович — нам говорил: «Вы должны петь и танцевать, и это будет здорово».

Шестой концерт информбюро прошел в честь имени Юрия Шевченко А. Павла Марченко. Показаны две пьесы для детей начальной школы: «Лягушка-герой» и «Первый класс». В них фотогравюры и зарисовки — «мыльные фигуры» счастья, верблюдов, слонов и лошадей. Концерт прошел в честь 40-летия со дня рождения Юрия Шевченко. В нем были национальные ансамбли «Дружба» и «Либератор». Почетная грамота совета физической культуры и спорта Ахромейчук вручена Юрию Шевченко.

Л. А. ГОКОВА

259

АРТЕМОВСКИЙ
городской отдел
народного образования

1922-1972
учебный год

1922-1972

50

ПОСВЯЩАЕТСЯ
50-ЛЕТИЮ
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Dmitry

Гимназия № 1
Гимназия № 1
"Мы учимся"
"Мы учимся"
"Мы учимся"

К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО
КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
БУДЬ ГОТОВ!

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛАСТ

Артёмовский Дом пионеров и школьников им. Фрунзе

Беды и радости бытия

*Самое главное в жизни – настоящий профессионализм и чувство собственного достоинства.
А. Малахов «Пусть говорят».*

*Гордым легче, гордые не плачут –
ни от ран, ни от душевной боли,
на чужих дорогах не маячат,
о любви, как нищие, не молят.
Широко раскрылены их плечи.
Не гнетёт их зависти короста.
Это правда –
гордым в жизни легче.
Только гордым сделаться – непросто.
Л. Татьяничева*

В Артемовской ШРМ № 3 было четыре класса. В одном классе обучали учеников за начальную школу, называли его четвертым, а еще пятый, шестой и седьмой. В основном были ученики из тех, кому из-за войны в свое время не удалось учиться. Эти учились очень серьезно. Но были и такие, которых «выгнали» из детских школ, так как они учились плохо, пропускали уроки, некоторые учились не по одному году в каждом классе – портили показатели работы педагогического коллектива. Они бы, может быть, вообще бросили учебу, но, во-первых, был всеобуч, и отдел народного образования строго следил, чтобы он выполнялся, а, во-вторых, многих из подростков загоняли в школу пенсия, которую им давали до 18 лет за приобщших отцов, если учатся. А если не учатся, пенсию платили только до

16 лет. Такие ученики и в ШРМ «гужов не рвали», не торопились «грызть гранит науки», но все же побаивались, что их могут исключить из школы. И они лишатся «куска хлеба», а дальше идти некуда, только на работу, но это их не очень прельщало – во взрослую жизнь не спешили. Были и такие: в начале учебного года справочку получат в школе, что они учатся, а сажи филюнят, т.е. школу посещают нерегулярно. Тут уж болела моя голова, как их все-таки «затащить» в школу. Во-первых, в начале учебного года классы и укомплектованы – надо контингент сохранить до конца учебного года, а во-вторых, хотелось, очень хотелось убедить этих подростков, что их учеба в первую очередь необходима им – документ об окончании даже нашей семилетней школы им очень пригодится хотя бы для того, чтобы поступить в ремесленное училище, получить специальность. Беседовала индивидуально с ними, проводила общешкольные собрания, где обсуждали таких прогульщиков. Ученики, старшие по возрасту, многие уже отцы семей ставали, доказывали им лично своим примером, как необходимы будут им знания и документы об образовании в жизни. Рассказывали, что их заставило в этом возрасте, имея семью, пойти в школу. Много ходила по квартирам этих учеников, сама индивидуально каждого убеждала в необходимости учиться. Были ученики, много лет не учившиеся, и было трудно, особенно первое время пока втянуться, научатся совмещать работу, быт и учебу, и они пасовали перед трудностями. Приходилось на предприятия обращаться, где они работали, чтобы провели с этим человеком соответствующую работу, помогли убедить его в необходимости учиться, школу не бросать.

Сама я вела первый год русский язык и литературу в 5-7 классах одна, а потом дали еще учителя русского языка, я стала вести уроки только в двух седьмых классах. В этих классах учеников было много, много времени отнимала у меня проверка тетрадей, но большинство учащихся посещали школу регулярно, так как пришли учиться сознательно, надеясь после окончания 7 класса поступить в техникум. Некоторые из этих учеников в свое время закончили ремесленное училище или ФЗО, немало поработали, теперь мечтали поступить в техникум, который готовит мастеров для профтехучилищ. В этих техникумах учеба на полной государственном обеспечении – это препльщало, ведь народ материально живёт бедно. Конечно, многие из них имели слабые знания по русскому языку, но очень старались учиться, и было страстное желание помочь им осилить программу, поддержать их, чтоб они не пасовали перед трудностями, не

бросили учебу. Давая материал седьмого класса, все время повторяла материал 5-6 классов, чтобы ученики вспоминали то, что было ими изучено когда-то. В конце учебного года я всегда чувствовала удовлетворение от работы; видела, что труд мой не пропал даром: кто хотел научиться, того уж сумела научить. А как ученики были благодарны в конце учебного года, что смогли их удержать, дать знания, значит, дали путевку в жизнь. В 1958 году открылся Артемовский техникум точного приборостроения, и некоторые наши ученики в него поступили. Однажды я в магазине встретила двух бывших моих учеников, один из них был Борис Жидовинов. Эти мужчины с восторгом мне рассказывали, что те, кто окончил нашу ШРМ, по русскому языку учатся все хорошо, активно работают на этих уроках; учительница Нинель Арсентьевна очень ими довольна и несколько раз с удивлением спрашивала, кто это их так хорошо научил русскому языку. Мне, конечно, очень приятно было это слышать от взрослых серьезных мужчин, ведь это оценка моей работы; думаю, говорили они это не из лести, так как льстить не было смысла. Особенно приятно это было услышать от Бориса Жидовинова, который, когда в школе-то учился, лишнего слова не сказал, говорил редко и очень обдуманно.

После меня в Мостовскую школу учителем русского языка прислали работать Юлию Михайловну, окончившую Свердловский пединститут. Оыта у ней еще не было, дело не клеилось. Так директор школы, Михаил Александрович Корелин, ей посоветовал съездить ко мне, получить консультацию, как строить уроки, чтобы наряду с изучением нового материала, повторять материал, изученный в прошлые годы; как добиваться внимания учащихся и дисциплины на уроке. И вот однажды она появилась у меня со своими проблемами. Составили планы нескольких уроков по всем классам, присутствовала у меня на уроках. Конечно, ШРМ – не детская школа, на уроке ведь надо сделать больше, но методика урока та же. Мне, не скрою, было лестно, что М.А. Корелин посоветовал Юлии Михайловне обратиться ко мне за консультацией, перенять опыт работы у меня, учителя, не имеющего высшего образования. Это мне говорило о том, что мою работу он действительно ценил высоко. Да и позднее учителя Мостовской школы мне передавали, что он имставил меня в пример, даже те учителя, которые пришли работать после меня уже в Мостовскую школу. Не однажды сказала мне, например, Н.И. Елсукова, завуч Мостовской школы, мол. Мизагит Александрович говорил: «Ольга Марковна умела всех научить».

Кто закончил ШРМ № 3 при мне, потом многие из них закончили техники, а некоторые и вузы. Запомнилась семья Сваловых. Лиза, молодая женщина, работала телефонисткой. Муж ее служил в армии. Была у них маленькая дочка. Лиза пришла ко мне и честно призналась, что когда-то закончила семь классов, но многое уже забыла, попросила вновь принять ее в седьмой класс, повторить материал, чтобы успешно продолжать учебу. Я ее знала по Мостовой; она была, по-моему, внучкой техники Мостовской школы, поэтому ей уступила, приняла ее в школу. Она блестяще закончила седьмой класс у нас. К началу следующего учебного года пришел из армии ее муж Семен. Она пришла ко мне и опять честно сказала, что у мужа образование пять классов: она его посыпает учиться, а он отказывается, так как давно все забыл; считает, что начинать с пятого класса, во-первых, только время потерять, а, во-вторых, стыдно: молодой мужчина, один из лучших забойщиков шахты, сядет учиться с подростками в пятый класс. Тогда Лиза решила уговорить меня принять его учиться в седьмой класс с условием, что дома она будет с ним заниматься по всем предметам за 5-6 классы. Я согласилась. Свалов работал забойщиком в шахте, работа нелегка, конечно, но с первого учебного дня за учебу взялся серьезно. Понятно, было ему очень трудно, но он не пропустил ни одного учебного дня, все домашние задания выполнял добросовестно. Конечно, без Лизы вряд ли что-то бы получилось у него, а с ее помощью он седьмой класс закончил успешно. В восьмом они стали учиться уже вместе, одновременно закончили среднюю школу. Из нашего города они уехали жить в Челябинскую область, в шахтерский город, Семен по-прежнему был шахтером. Как хорошего работника его шахта направила учиться в Свердловский горный институт. Когда он проучился там год, закончил первый курс успешно, в этот же институт поступила и Лиза. Оба учились очно. Помогать некому, так как отцов нет. Он подрабатывал сторожем, а она шитьем и строчением. Пока учились, родили вторую дочку. Семен закончил институт на год раньше, уехал домой, жил там с дочками, работал на шахте. Лиза еще год училась в Свердловске одна, заканчивала институт. Так страстное желание получить образование, огромная трудоспособность и, думаю, любовь и уважение друг к другу помогли им добиться цели.

Проводила в школе вечера отдыха, выпускные вечера, иногда коллектический поход в кино, считая, что этот фильм что-то дает для общего развития учащихся или поможет лучше понять окружающую жизнь. Иазваний

фильмов я забыла, но помню, что фильм «Весна на Заречной улице» еще коллективно на следующий день после просмотра обсудили. После просмотра других фильмов я на своих уроках обязательно заводила разговор, что узнали, чему этот фильм вас научил.

Однажды решили провести вечер-встречу с иностранцами – студентами Свердловского горного института. На встречу приехали китаец, китаянка, поляк, венгр. Они рассказывали, почему иностранцы едут учиться в наши институты, так как наши вузы готовят специалистов высокой квалификации. А я своим выступлением внушала своим ученикам, что им-то стыдно учиться плохо, не стремиться получить хорошую специальность – есть условия к учебе, не надо ехать за тридевять земель; вот он, Свердловск рядом, только поставь себе цель и добивайся ее: в Свердловске можно получить любую специальность, какую пожелаешь. Конечно, война многих из вас лишила детства, рано пришлось работать, но не все потеряно, ваш возраст еще позволяет наверстать упущенное, было бы только желание получить образование.

На этом вечере были учителя детской Бурсунской школы, начальники шахт «Ключи», «Бурсунка», имени С.М. Кирова, главные инженеры предприятий. секретарь ГК КПСС Третьяков. Все они выступали и «были в одну точку» – надо учиться и учиться хорошо.

Интересно то, что прежде, чем провести такой вечер, нужно было раньше попросить разрешение ГК КПСС. Попала я на прием ко второму секретарю райкома КПСС Дуракову. Он мне проводить такой вечер категорически запретил, главная мотивировка была такой: как иностранцам показывать наш убогий провинциальный городишко, какое впечатление у них останется о нашей стране, если в ней такая провинция. От Дуракова пошла к третьему, секретарю по идеологии – Третьякову. Он сказал: «Не волнуйтесь. Я всю ответственность возьму на себя, встречу мы проведем, только ознакомьте меня с планом проведения вечера». Вечер состоялся и прошел очень хорошо.

В ШРМ я проработала четыре года: с 1955 по 1959. Хотя работать со взрослыми людьми было интересно, но я устала от вечной заботы по сохранению контингента учащихся. Этой проблемой я занималась одна, так как штатных преподавателей у меня не было – один математик в первый год, а во второй год дали еще преподавателя русского языка, остальные учителя – совместители из детских школ, Бурсунской и Кировской, непол-

ных средних школ № 3 и № 7. Мои штатные работники обе только что закончили учительский институт – опыта работы никакого, обе болыные, мужья у обеих пьющие, а у математика еще маленький ребенок – все эти личные проблемы не давали им ответственно работать. Спросить с них ничего не удавалось, у них все уважительные причины чтобы бездействовать, а то и уроки пропускать. Совместители как профессионалы были значительно способнее моих штатных преподавателей, но сохранением контингента учащихся, конечно, заниматься и не думали – у них и в детской школе проблем хватало. Я была рада тому, что они хоть уроки не пропускали и не отказывались работать. И я стала подумывать не отказаться ли мне от этой работы. А тут пришел новый заведующий горюно Г.И. Некрич. Человек очень крутой, на первом же совещании директоров школ заявил: «Всех директоров школ, не имеющих высшего образования будем снимать с работы». Такие были и кроме меня, но меня это его заявление шокировало: я должна до предела сил работать и одновременно ждать, когда меня будут снимать с работы. Ну, нет, при таких условиях я работать не буду. Этому не бывало чтобы меня снимали с работы. Тут же, в конце совещания, я написала заявление с просьбой «свободить от работы директора ШРМ и дать работу согласно моему образованию». Закончила этот учебный год, предупредила завучу, что работать в ШРМ не буду, и ушла в отпуск. После отпуска пять дней подряд каждое утро приходила к завучу за приказом о назначении на новое место работы но Григорий Михайлович уговаривал меня остаться в ШРМ, я отказывалась – на том рассгавались. Наконец, Некрич вынужден был назначить меня учителем начальных классов во вновь открывшуюся Артемовскую неполную среднюю школу № 6.

Получила первый класс и с большим рвением взялась за новое дело. Хотя много было тяжелых детей, не только не подготовленных к школе. Но были и дети со слабым развитием а Галия Механошина вообще не говорила, можно сказать была немой. Однажды она на м.ине и детям рассказывала, что у них дома есть маленькие пушистенькие крольчата. Что-то тараторила, где произносила какие-то звуки показывала руками, какие они кругленькие маленькие пушистенькие комочки саша сплюхнула глаза ее блестели, но понять никто не мог про что она рассказывает. И только сын ее старшей сестры, учившийся в этом же классе, вспомнил что дома у Гали появились маленькие крольчата; догадался, что, наверное,

рассказывает Галя про них. Когда у Гали спросили, что она рассказывает про крольчат, она закивала головой утвердительно. Она понимала, что ей говорят а ответить, т.е. произнести что-то членораздельное в ответ, не могла; вернее, говорила, только понять что-то было невозможно. Ко мне она пришла второгодницей, но прежняя ее учительница и не подумала с ней заниматься индивидуально. Я стала её учить произносить звуки, писать буквы, ежедневно с ней занималась дополнительно, хотя и кроме нее, слабых учеников было достаточно. За два года, пока я занималась с этим классом я научила Галю говорить более или менее членораздельно, читать, писать и даже перевела в третий класс. После меня ее год держали в третьем классе. Моя преемница заниматься с ней индивидуально не захотела, и Галя была отправлена в спецшколу, но уже говорящей. Я считаю, что очень большое значение сыграла в ее судьбе. Не научи я ее говорить, читать, да и, хотя элементарно, считать, в спецшколу ее никто бы и не принял.

Занималась дополнительно со всеми слабыми учениками, а их у меня было дюжино особенно запомнились Саша Шомин, Саша Исаков. Отцов в их семьях не было, матерям было не до них... Вела большую внеклассную работу, праздники устраивала для детей, экскурсии, ходила с ними кататься на горку на санках и лыжах. Родители меня очень уважали. Дети любили, но пришла беда, и этот класс пришлось мне оставить.

В декабре 1959 года меня избрали председателем РК профсоюза работников просвещения, конечно, неосвобожденным, хотя было на учете 1100 членов профсоюза. Во второй учебный год моей работы в этой школе директором стала женщина, которая выдержанной и тактом не отличалась.

Однажды, где-то в конце учебного года, я проводила заседание райкома профсоюза, где распределялись санаторные путевки на третий квартал. Была путевка в Железнодорожный, ее хотела получить А.П. Халемина, учительница нашей школы № 6, в которой я работала учителем. Но Анна Павловна только что сдала санаторную карту, и очередь на путевку у нее была последней. РК выделил эту путевку другому учителю, чья очередь была первой. Халемина, узнав об этом, в учительской устроила истерику. Тогда учителя, кто был еще в конце рабочего дня в учительской и кто привык свои интересы отстаивать криком, человека два во главе с директором школы буквально влетели в комнату, где заседал райком, и начали кричать на меня. Суть их слов сводилась к тому в основном, что учительнице школы, в ко-

торой я работаю, могла бы, если захотела, путевку выделить вне очереди

Для меня это было неожиданно, дико, на меня до этого никто никогда в жизни не кричал. Я почувствовала себя настолько плохо, что не запомнила из их бабского крика ничего, только поняла, что об учителях своей школы № 6 могла бы и лучше заботиться, а путевку эту надо отдать Халеиной. Мне было ужасно стыдно перед членами райкома, что они подумают о моем авторитете в своем учительском коллективе, если на меня так кричат директор и учителя. Я еле довела заседание, всю ночь думала и решила это рассказать заведующему гороню и попросить его перевести меня работать в другую школу.

Так я вынуждена была дорогих мне детей, в которых я очень много вложила сил, оставить. Переживала, что где-то придется получить чужой класс, т.е. не первый, а может быть, второй, третий или четвертый, а если и первый, то надо будет все начинать сначала. Но простить такое унижение я не смогла.

Вот пишу и одновременно вспоминаю многие события из своей жизни. И вспомнила, как меня агитировали вступить в партию КПСС в момент, когда я работала председателем райкома профсоюза учителей.

Приглашают меня однажды к Третьему секретарю ГК КПСС товарищу Третьякову. Он говорит: «Вы руководите самой большой (это его слова «самой большой») профсоюзной организацией в городе – должны быть членом КПСС, не члену КПСС такую работу доверять нельзя». Я тут же наотрез отказалась: мол, во-первых, я не считаю себя достойной быть членом партии, а, во-вторых, эта должность выборная, так что меня можно переизбрать. Товарищ Третьяков, которого я, между прочим, очень уважала, поагитировал меня и предложил подумать.

Любовь к партии коммунистов во мне воспитывалась с той поры, как я научилась читать. Воспитывалась она через книги, газеты. Руководят ею наши вожди, которые выполняют заветы великого Ленина, и все, что они решают, все гравильно, сомневаться не приходится; вот только те, кто их идеи воплощают в нашу жизнь, люди не очень порядочные, а, может быть, не очень умные – вот поэтому нам живется трудно. Но ничего: все переживем, доживем до хорошей жизни, по словам Хрущева скоро уже будет в нашей стране коммунизм... И на всем протяжении работы моей в школе я прививала ученикам любовь к партии коммунистов и ее вождям.

Но, чтобы самой вступить в партию коммунистов, мне даже никогда ча-

уи не пришло. И теперь, когда меня попросили подумать, я только вышла из горкома, тут же об этом забыла – других забот было выше головы.

А ведь многие в то время считали за честь быть членом партии коммунистов, ради этого вступали в члены КПСС, другие вступали, чтобы сдепать карьеру, а при «случае» иметь выгоды; третий были истинными коммунистами, беспредельно любили Родину, просто не мыслили себя вне рядов КПСС. За претворение идей партии в жизнь они готовы были отдать свою жизнь. Мысль вступить или не вступить в члены партии даже после второго разговора с Третьяковым у меня никогда не возникала. Все во мне говорило за то, что вступать не надо а почему, я даже не пыталась себе объяснить. Нет – и все, это я твердо чувствовала.

Третьяков не смог меня убедить, поручил Г.М. Некричу как заведующему горонс провести со мной работу. Ему я, не задумываясь ни на минуту, выпалила «Я никогда не вступлю в партию, членами которой являются...», и перечислила фамилии учителей, членов партии, которые как учителя уважения к себе у меня не вызывали. Некрич на это мне сказал: «Так я тоже член этой партии». Я ответила: «Вам нравится быть членом партии, в которой состоят данные учителя, будьте. А я не хочу! Я вступлю только тогда когда партию КПСС очистят от подобных членов». Третьякову я так сказать не могла, а Некрича не боялась, знала, вернее, чувствовала что он меня не «сдаст». И вот только сейчас я поняла, что, видимо, меня коробило что где-то, когда-то, кем-то, при каких-то обстоятельствах люди, которые явно порочили звание члена партии, были приняты в нее, поэтому-то местная парторганизация в моих глазах авторитета не имела, а посему стать ее членом я не допускала даже мысли. В моем понимании было, что «Партия (коммунистов) – ум. честь, совесть нашей эпохи», а у тех коммунистов, которые ежедневно окружали меня, или ума было мало-важно, или очести и совести некоторые из них представления не имели.

Перед началом 1961-1962 учебного года меня перевели работать учителем начальных классов в Артемовскую среднюю школу № 2. Эту школу между собой учителя называли холодной красавицей. Здание снаружи действительно было очень красивым облепленное сплошь мелкой галькой или ираморной крошкой. А холодной прозвали за то, что отапливалась она дровами, и классные комнаты нагревались плохо, в классах зимой было холодно. Но к моему приходу в школу уже провели центральное отопление и я холода не ощущала. Но красотой здания восторгалась, и

к школе окруженнй деревьями, подходила с благоговением и что ли, никогда не забывала полюбоваться красотой здания а в школу заходила всегда с хорошим настроением. Особенно утром, до начала занятий, а я всегда приходила раньше многих других учителей. Когда детей еще нет, тихо, чисто, тепло, уютно в школе – это усиливало хорошее настроение. А еще эта школа нравилась тем, что работал буфет. Детей горячими обедами не кормили, только выпечка была, но учителя уже могли купить обед. Для меня это было особенно важно, так как я жила на улице Физкультурников, уходила из дома вместе с дорогой часовня 7-8, значит не надо было брать с собой еду, как в школу № 6. А если учесть, что общественная нагрузка председателя РК профсоюза отнимала у меня много времени, приходилось часто заходить в гороню то подписать какие-нибудь документы, то готовить совещание или мероприятие – возникнуть «подкрепиться» среди дня имела для меня большое значение.

Я уже сказала, что заведующим гороню работал Г.М. Некрич, работу он видел, работал очень ответственно. Мы решали очень серьезные проблемы, такие, как всеобуч, работа школы во внеурочное время – в общем решались все проблемы, какие ставила жизнь. В это время были построены пристройки к школам № 11, 12, 28, новое здание Красногвардейской школы № 14. Все совещания готовили и проводили вместе, приглашали на них директоров заведующих школ и председателей профкомов. В конце каждого полугодия подводили итоги соцсоревнования между школами и отдельно по средним школам по неполным средним и начальным, по таким номинациям успеваемость, всеобуч, участие в смотрах служебной иной самодеятельности ученических и учительских коллективов а в конце учебного года учитывалось сколько школа посадила деревьев. Красногвардейников, корней цветов на территории своего микрорайона города, посыпало или села и состояние пришкольных участков. Итоги соревнования объявлялись на педагогических конференциях, которые проводились в зимние каникулы и перед началом учебного года в конце августа. Победителям вручалось переходящее Красное знамя, а за второе и третье места – Почетная грамота ГК КПСС и горисполкома.

В 1961 году я была избрана членом обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений Свердловской области. Приходилось уезжать на совещания и семинары в обкомы иногда дня на 2-3, выполнять поручения обкома; класс приходилось оставлять,

на кого-то – это создавало неудобства. Я устала. и, когда отработала 2 срока по 2 года, председателем РК профсоюза на третий срок согласия не дала. Отбивалась, как могла, даже не дала согласие войти в члены РК, ибо боялась, что при распределении обязанностей между членами РК единогласным поднятием руки меня опять изберут председателем. На отчетно-перевыборные конференции приезжали представители обкома, работа моя всегда была признана хорошей. Освободилась от этой работы – радости не было предела – такую обузу сбросила с плеч, зайдусь только классом. Это был 1962 год, когда я второй год работала в школе № 2.

Я уже сказала, что все мне в этой школе нравилось, нравились дети, которые пришли из детского сада они были подготовлены к школе, но не в этом плане, что научены читать и писать. детсад тогда этому не учил, они научены были слушать. у них было выработано внимание, а это очень важно необходимо для успешного обучения ребенка в школе. Помню, когда я что-то рассказывала классу или объясняла новый материал, Хасаншин Боря Шарнин Володя, Каргаполов Толя, Евдокимов Коля, Сальников Саша Маркова Лариса, Коледова Валя, Малых Таня. Фаттахутдинова Фая Ногачевский Саша просто впивались глазами в меня. Из всех особенно выделялся Толя Каргаполов: ростом выше всех, красив, серьеzen, скромен и степенен, как взрослый. А как он писал! Каждая буква выписана, и все одной высоты, как будто учился не в нашей школе, а в дореволюционной гимназии, где каллиграфии уделялось особенно много внимания. Я как сейчас вижу его тетрадь каллиграфия его запечатлелась в моей голове навсегда. К слову сказать, в живых его уже давно нет. Когда Толя закончил два класса, семья уехала в Кропоткино, там он, закончив среднюю школу с золотой медалью, поступил в Ростовский или Киевский политехнический институт на факультет атомной энергии, закончив его с красным дипломом, остался в аспирантуре, готовил диссертацию, облучился и рано скончался. Мне рассказывала сестра его мамы, что на последний новогодний праздник в его жизни он приехал домой. Были гости. Он всех поздравил с Новым годом, извинился и сказал: «Встречайте Новый год, а я поработаю». И ушел в свою комнату. Никто перемены в его здоровье не заметил. Уехал учиться, а вскоре стало ему плохо, лечение не помогло.

Были в этом классе слабые ученики, даже очень слабые. Например, две белосурые сестрички – красивые девочки, чистенькие аккуратненькие а считать совсем не могли – нелады с математикой у обеих. Одно врем-

мя не очень регулярно ходили ко мне в класс братик и сестричка Бушуевы – цыгане «гранит науки» им явно не давался, а главное и желания такого не возникало, особенно у братика который уже с этих лет готовил себя в артисты – так и говорил если я заводила с ним беседу о его будущем. Были и другие слабые ученики, но сильных и старательных учеников было больше и я работала с этим классом с удовольствием.

В это время народное образование страны решало проблему работы без второгодников, разрабатывались новые методы, которые позволяли бы на уроке ученику дать прочные знания. На сессии учителей вторых классов города и района предложили мне дать урок по русскому языку этой целью. Урок признали отличным. Вскоре началась инспекторская проверка она грешивала также цели: как учителя школы перестраивают свою работу в свете новых требований. Мои уроки были признаны хорошими, полностью соответствовали новым требованиям того времени. Прошло сколько-то времени, вдруг однажды ко мне на урок приложился заведующий горон Г.И. Некреч Ему видимо, надо было убедиться заслуженны ли мои уроки были признаны хорошими, так как по итогам инспекторской проверки гороно совместно с администрацией школы, учитывая, что успешно совершаю общественную работу председателя РК профсоюза с учительской работой, решили представить меня к присвоению звания «Отличник народного просвещения» РСФСР, но мне об этом даже не напомнили. Удостоверение, подписанное Министром Просвещения 28 ноября 1962 года, вручили мне только на августовской педагогической конференции 1963 года.

Как только я получила значок «Отличник народного просвещения», заведующий горон сказал: «Вам надо доказать, что Вы оправдываете это звание нужно поработать методистом горон, учить учителей внедрять в их практику методы работы в свете новых требований». Мне очень не хотелось оставлять свой класс, но Григорий Михайлович так настойчиво меня просил поработать методистом горон, что я просто не могла отказатьсь, и класс мой остался без учителя: ни в третьем, ни в четвертом классах у них постоянного учителя не было. Сначала взялась работать учительница Олькова, надеясь получить квартиру в микрорайоне школы, но уходила осень из Артемовского совхоза до школы № 2 – отказалась. Потом стали учить одновременно со своими классами по русскому языку и чтению Кузьминых Лидия Ивановна, а по математике и остальным предметам Анна Николаевна Сметанина. В четвертом учила их одновременно со

своим классом Лидия Иосифовна Лоскутова – все совместители, а своего постоянного учителя моим ребятам так и не нашлось. Но они не разболтались, в пятом классе дети сразу стали учиться успешно, их классным руководителем была Евдокия Филипповна Кожевина. При встрече со мной она очень хвалила их, мол, очень организованный класс, хорошо дети учатся. А когда они закончили среднюю школу, завуч школы В.А. Спасских писал в городской газете, что школа гордится своими выпускниками – они поступили в лучшие вузы страны: УПИ Томский политехнический институт, УрГУ, а Коля Евдокимов и Саша Сальников – в МГУ имени Ломоносова.

И начала я работать одновременно методистом и заведующей методическим кабинетом Артемовского гороно. Одна, а школ было сорок три, так как в каждой деревне была начальная школа. Из лучших опытных учителей назначила руководителей методических секций I, II, III, IV классов, русского языка, математики, физики, химии, биологии, географии, истории, трудового обучения, рисования, черчения, музыкальных работников. Они составляли план работы на учебное полугодие, предоставляли мне, а я составляла общий план работы секций по гороно, давала завучам школ, так что завучи школ всегда были в курсе, где и когда каждая секция работает, чтобы учителям своих школ смогли создать условия для участия в работе городских предметных секций.

Занятия всех секций проводились раз в месяц. В то время учителя всей страны работали над темой «Эффективные методы работы учителей, помогающие каждому ученику усвоить материал на уроке». На занятиях секции давались теоретические знания и два открытых урока с целью показать, как практически эту проблему решать на уроке. Уроки обсуждались, анализировались, и учителя все вместе делали вывод, достигли ли цели учитель, дающий им урок; какие методы были наиболее эффективными. При обсуждении открытых уроков учителя делились своим опытом, знакомили коллег со своими методами работы. Я присутствовала почти на всех таких занятиях секций по всем предметам в какой бы школе они ни проходили.

Я как методист гороно стала вводить в школах с первого класса без-отрывное письмо когда ребенок с первого дня в школе начинает писать в тетради не только без вспомогательных наклонных линий, но и с разливковой для учащихся старших классов, т.е. в две линии. Такое безотрывное письмо в тетрадях с разливковой в две линии сразу в первом классе приучает учащихся писать быстро, а значит, и много. На уроке можно сде-

лать много, что в результате приводит к хорошей грамотности учащихся. Чтобы учителей начальных классов научить так работать сама давала открытые уроки с учащимися первого класса школы № 11.

К докладам и открытым урокам учителя тщательно готовились, приходили ко мне, советовались, как лучше раскрыть эту тему на уроке, я подбирала им методическую литературу и давала советы.

Совещания директоров проводились тоже один раз в месяц, его готовил заведующий гороно, а совещание завучей готовила я.

Хотя в городе и районе в то время функционировало, как я уже говорила, 43 школы, штат городского отдела народного образования состоял из четырех человек: заведующий гороно, методист – он же и заведующий методкабинетом инспектор и в одном лице методист и инспектор по детскими садам.

Работала я методистом гороно два года. В первый год заведующий гороно был Григорий Михайлович Некрин. С ним можно было решить любой вопрос, получить помощь по любой проблеме.

Инспектором гороно работал Юрий Васильевич Давыденко молодой человек, интеллигентный, порядочный. Работать с этими мужчинами было легко, хотя я была новичком в работе. Уже в первый год моей работы в должности методиста приезжал инструктор облнона проверять работу гороно. Моя методика работы с учителями он одобрил, а на слете передовиков педагогического труда Свердловской области я за успешную работу была награждена Почетной грамотой Свердловского областного промышленного Совета депутатов трудящихся, а на слете передовиков педагогического труда Урала и Сибири награждена наручными часами и грамотой Свердловского облнона.

Во второй год моей работы в гороно заведующим гороно стал господин Х., он был новичком в этом деле. Мне, методисту, не умел, а, может быть, и не хотел помочь в работе. Мне работать стало трудно, удовлетворения в работе не стало, и я решила уйти в школу. Х. меня не стал удерживать, решил, видимо, что найти мне замену ему будет нетрудно. А если сказать честно, мне казалось, что он был не прочь избавиться от меня. Думают, надеялся на мое место найти учителя с высшим образованием. А я что? Учитель начальных классов, понятно «мелко плаваю» – глобальных проблем с таким методистом не решишь. Это Некрин довольствовался таким убогим методистом, а он, Х., работу гороно поднимет на высокий уровень.

Укрепляло его в этой надежде и то, что я работала методистом и заведующей методкабинетом на ставку в восемьдесят рублей, а Х. добился, что ставку эту увеличили до 120 рублей. Объявил он о повышении ставки все ми коллектику горено в марте, я еще после этого работала в этой должности полгода – мне ставка не была повышена. Понятно: не достойна, «сантом не вышла». С нового учебного года я ушла работать в школу.

Но... найти методиста для г-на Х.. видимо, стало проблемой. Забегая вперед, скажу следующий учебный год господин Х. работал без методиста всю первую половину учебного года. Да и потом принял на эту должность учительницу, которая по какой-то причине была вынуждена переехать в наш город среди учебного года. Новый человек в городе, не знает ни город, ни школ, ни учителей. Понятно: не только глобальных, а и многих простых, насущных проблем городскому отделу народного образования решить не удавалось. А когда в третьей учебной четверти приехал инспектор областного отдела народного образования проверить работу горено, конечно, было отмечено, что одной из главных функций своей работы горено не выполняет – не руководит методической работой. методическая работа в школах города и района пущена на самотек.

Понятно, что заведующему горено Х. в этом учебном году работать было очень трудно, и досаду свою, думаю, он вымещал на мне: я еще тринадцать лет работала в школах города; за все это время, пока он был заведующими горено, (он не все это время был в этой должности: его снимали с работы. Именно: снимали за «хорошие» дела. Ставили опять Г.М. Некрич. А когда Некрич в очередной раз стал уходить с работы, был назначен на эту должность опять господин Х.), он успел мне попортить настроение. Например, за хорошую работу администрации школ, где я потом работала, представляли меня к поощрениям, но я ни разу не получила от него даже грамоту горено. Завучи школ № 12, а затем и № 1 удивлялись, мол, всех, кого представляем к поощрению, награждают. а Ольгу Марковну – нет.

А последнюю подлость господина Х. я перенести не смогла и в расцвете творческих сил была вынуждена уйти из школы, бросить любимую работу, хороший класс. Как это произошло. расскажу позднее.

Итак, в августе 1965 года я перешла работать из горено в школу № 12 учителем начальных классов. Здание этой школы строилось для семилетней школы, а когда я пришла сюда работать, школа была преобра-

зована уже в средину. Количество классов увеличилось да и количество учеников в классах тоже значительно увеличилось, так как вокруг школы строился новый микрорайон. Мне дали четвертый класс в котором было сорок шесть учеников, а потом дошло и до сорока восемьи.

Встретили ученики меня настороженно. Их три года учила одна учительница Анастасия Ильинична. Я ее знала Фоминцевой — мы вместе учились на первом курсе педучилища. Она педучилище бросила и возможно позднее закончила заочно. Каким она была учителем я не знаю, но как человек очень общительный, умела получить, что хочет. Работала она в свете новых требований, можно было сказать с уверенностью, что нет так как она уже готовилась бросить учительскую работу. Летом вышла на выслугу и сразу уехала из города. А в то время гем. кто выходил на выслугу, работать в школе больше не разрешалось, и она в школе больше не работала.

И вот тут пришла я с новыми для детей требованиями с другими методами работы — детям, конечно, было неподко привыкнуть ко мне.

Начали мы с повторения материала по русскому языку и математике. Повторяли три недели, провела контрольную работу — половина учеников и по русскому языку и по математике сработала не спрашивались. Я показала контрольные работы завучу Шипиной. Она осталась недовольна итогами моего класса был благополучный, даже хороший. Я очевидно придирилась. И решила она мою работу проконтролировать вст каким способом. Ее соседями были Тарасов, мастер СПТУ-58, и Л. И., учительница нашей школы. Их сыны учились в моем классе. Они дружили дома, возможно высказывали свое недовольство мной, тем более, что оценки в их тетрадях и дневниках стали ниже тех, что они получали при Анастасии Ильиничне. Почему? Понятно: я — плохой учитель, глохо учу. Видимо донеслось до нее «педсовет» и принимается решение Шипина, завуч, идет ко мне на уроки, чтобы «разбомбить» мои методы работы, но директор школы Г.И. Некреч когда она ему доложит о плохой моей работе не поверит, что Ольга Марковна работает не умеет, нужен свидетель, который бы подтвердил те безобразия, которые увидит завуч на моем уроке. Она берега свидетеля Тарасова, мастера СПТУ-58.

Я всегда в школу приходила минут за 20-30 до начала уроков, чтобы все к уроку подготовить и с первой минуты после звонка начать работу. Готова. Жду звонка. Звонок. Я начала урок. Вдруг заходит в класс А.И. Ши-

лина, завуч школы, и какой-то мужичок, бесцеремонно проходят в конец класса и усаживаются поудобнее. Меня их бесцеремонность несколько удивила: завуч школы, может быть, и имеет право заходить в класс среди урока, а посторонний человек, думаю, должен представиться, кто он и с какой целью приложаловал. Но представить Тарасова ни завуч, ни он сам не изволили тому, кого пришли «унизить и растоптать». Было неприятно, ибо я сразу поняла цель посещения ими моего урока, но зациклившись на этом не было ни времени, ни желания. «Нате, скушайте!» – подумала я и продолжила урок. И, конечно, дала такой урок, какого завуч учителей начальных классов своей школы уж точно не видела, ибо я, будучи методистом горено, бывала на уроках учителей этой школы. Прозвенел звонок с урока. Шилина выскользнула из класса, а Тарасов подошел ко мне и, сказав: «Ольга Марковна, извините меня, пожалуйста», – вышел из класса. Разбора моего урока завучем не последовало. Я сама не попросила ее разобрать мой урок. Ты хотела меня унизить, я тебя тоже унижу – не являюсь на разбор моего урока. И ты не посмеешь никому сказать, так как не имела права приходить ко мне на урок со свидетелем. Тем более, что пришла не ознакомиться с работой учителя, вновь прибывшего в коллектив а спроверкой. Главное – с целью найти в моей работе плохое, что позволило бы унизить меня. Я знала, что урок прошел без «сучка и задоринки». Решила просить не буду; если найдет нужным что-то мне указать – пусть пригласит на разбор. Приглашения не последовало.

Это был один из последних дней сентября, а 10 октября в школе № 12 должно быть совещание директоров школ города и района. надо дать открытые уроки, завуч, увидев мой урок такой, каких у учителей начальных классов своей школы не выдала, сообразила вот Ольге Марковне и надо дать открытый урок – она не подведет, школу не опозорит. Когда она поделилась своими соображениями с директором, он сказал: «Тогда будет четыре открытых урока: дадут их директор, завуч, Ольга Марковна и физик Полина Всеволодовна». Завуч и тут схитрила: директор будет давать урок одновременно с преподавателем физики, а она, завуч, одновременно с Ольгой Марковной. Все пойдут к Мартыновой – все захотят посмотреть, как она сумеет дать урок; мол, дать урок перед директорами – это не указания давать с трибуны горено. Так все и получилось: все директора и заведующие начальных школ пришли на мой урок. Г.М. Некрич уговорил З.И. Пупача, директора школы № 14, сходить на урок завуча. Таким обра-

зом, приложаловало на мой урок не менее сорока человек – двери класса были открыты, не только в классе, но и в коридоре сидели «гости». Когда стали разбирать мой урок, НН Иванов, директор школы № 29, сказал: «Разбирать урок нечего. Она всех нас учила работать и еще раз показала, как надо работать. Мы видим, что соблюдены все требования к современному уроку. Методы эффективны, цели урока учитель добился. Оценка урока – пять». А учителя соседей школы № 1 мне потом передали, что их директор В.А. Любимова на следующий день собрала в учительской своих учителей начальных классов и продиктовала весь мой урок с целью внедрить мои методы работы в практику учителей своей школы.

В моем классе стало 48 учеников. Слабых учеников, как и во всех классах, много, но много было и таких, которые хотели учиться. Со слабыми ежедневно занималась дополнителька. Вела большую внеурочную работу. Собирали материал об артистах, участниках Отечественной войны о Героях Советского Союза, провели патриотический сбор встретились с М. Крутихиной, совершившей подвиг во время войны. Как проходила гражданская война в нашей местности, узнали от Петра Даниловича Редыкина участника этих событий. Встретились с хирургом Абдулазизовым, принял его в почетные пионеры класса. Участвовали во всех общешкольных мероприятиях: празднике «Золотая осень», в празднике у Новогодней елки – готовили новогодние ёлочные и новогодние художественной самодеятельности. Успешно участвовали в лыжном кроссе, в соревнованиях по бегу в осеннем и весеннем турпоходах. Изучали жизнь и деятельность В.И. Ленина. Раз в неделю проходили гоплитинформации, где сами ученики рассказывали, что услышали интересного по радио или прочитали в газетах Я дополняла их рассказы о том, что важного или интересного произошло за неделю в городе, области или стране. Познакомились с жизнью и творчеством Аркадия Петровича Гайдара, чье имя носила пионерская дружина школы, а в конце учебного года, в начале июня, совершили поездку на родину Аркадия Петровича, в город Арзамас – ездили двадцать учеников. В Арзамасе познакомились с сестрой Гайдара Ниной Петровной Голиковской, сходили к гимназии, в которой учился А. Голиков-Гайдар. Посетили городской музей Гайдара, дом-музей, где Аркадий Гершович родился и родился парк культуры и отдыха, в котором стоит памятник Гайдару и сферилен уголок, в котором крупные фотографии рассказывали о его жизни. Побывали в городе Горьком, посетили Нижегородский краиль, музеи, в том числе музей

М. Горького. В Горьком жили три дня, ежедневно купались в Волге. Теплыми вечерами гуляли по городу часов до одиннадцати.

В конце учебного года стала к нам приходить Т.Т. Кожевина, будущий классный руководитель этого класса, цель ее посещений – узнать класс заранее. Когда начался следующий учебный год, и эти дети стали учиться в пятом классе, она попросила меня помочь ей составить план воспитательной работы. Я отнеслась серьезно к ее просьбе, помогла. Одним из пунктов плана записали – проводить политинформацию раз в неделю. Она мне говорит: «Я не знаю, как ее проводить». Я посоветовала ей на первую политинформацию пригласить Г.М. Некрича, историка, директора школы; он, мол, проведет, а вы сориентируетесь, как проводить. Она так и сделала пригласила его. Он не мог отказаться, хотя оговорился, мол, с малышами никогда не работал. Потом он в учительской рассказывал при всех учителях «Я растерялся от такого предложения, думал, как о политике говорить с малышами, но отказаться не имел права, пошел. Начал так:

– Дети, есть хорошие страны и плохие. (Лес рук):

– Хорошие – это социалистические, а плохие – капиталистические.

Дальше политинформация проходила так: я задавал вопросы, а дети на них отвечали, дополняя друг друга. В конце беседы я спросил, откуда они все это знают. Они ответили: все это нам рассказала Ольга Марковна, да и по радио говорят и в газетах пишут».

Григорий Михайлович был очень удивлен, что четвероклассники могут столько знать и рассуждать на политические темы, поэтому и рассказал об этом всем в учительской. Но эта политинформация была в этом классе последней. Тамара Тимофеевна вела как классный руководитель этих учеников до окончания школы, но политинформации в классе больше не было ни разу, как не было и другой какой-то внеклассной работы. Ученикам в классе стало скучно. Отношения с классным руководителем портились. Виноватой оказалась Ольга Марковна. Тамара Тимофеевна в учительской жаловалась: «Только об Ольге Марковне и говорят. Девочки даже шали носят так, как носит она.»

Я уже говорила, что со слабыми учениками в четвертом классе много занималась дополнительно, но за первую учебную четверть из сорока восемь учеников вышло шесть неуспевающих, а первое полугодие закончили с неудовлетворительными оценками три ученика. В третью учебную четверть началась проверка работы школы комиссией во главе с инспек-

тором облоно. Мою работу проверяла учительница начальных классов Артемовской средней школы № 2 Стасовская. Работу признала хорошей, но указала, что за первое полугодие три неуспевающих. Комиссия работу закончила, а итоговый педсовет не провела так как инспектор облоно вынуждена была по каким-то причинам уехать в Свердловск. Приехала инспектор в Артемовский только через месяц. Столовой в школе не было, я сидела в кубовой, ела, что принесла из дома. Раздался звонок на урок, уборщица забежала в кубовую и говорит мне: «В школу зашли две женщины, разделись в раздевалке учителей, зашли в Ваш класс и сели за парты».

Я захожу в свой класс и вижу этих женщин, но не знаю, кто они. Опять никто мне не представился, но я начала урок, как будто все в порядке. Работали над содержанием статьи «Таня» – о Зое Космодемьянской. Я поняла, что опять меня проверяют, меня и никого больше. Но кто они, те, что пришли найти что-то отрицательное в моей работе?

Когда урок закончился, ни слова не сказав, они вышли из класса и отправились в учительскую. Я пошла за ними. Спросила у учителей, кто эти женщины, и узнала: инспектор Свердловского облоно и новый методист Артемовского гороно. Подошла к инспектору областного отдела народного образования и попросила мой урок разобрать. Произошел такой разговор:

– Разберите, пожалуйста, мой урок.

– Я бы урок не так построила.

– Урок можно построить по-разному, но скажите верно ли урок построила я и ошибки моего урока.

– Но я бы урок не так построила.

– Меня интересует, были ли ошибки у меня на уроке?

– Ошибок не было.

На этом разговор закончился, но настроение испортилось, в голове стучал вопрос, что все же инспектор облоно и методист гороно пришли выискивать у меня. Еще утром этого дня А.К. Шилина, завуч школы зная конечно, что инспектор облоно приехала и будет в эти дни в школе, решила показать инспектору облоно свою работу завуча по преемственности работы учителей начальных и старших классов школы; а Ольга Марковна выручит, не подведет. Или наоборот: зная, насколько строго судит уроки инспектор облоно, нанести удар «ниже пояса» Ольге Марковне чем все же сбить с нее некоторую спесь, ее авторитет хорошего методиста развенчать в глазах учителей школы и Г.М. Некрича директора, а, может быть,

и работников горено и облоно; ведь, если удастся нанести ей (т.е. мне) удар, резонанс этого инцидента распространится и по городу, и по району, так что позорадствовать будет кому: умела поучать и требовать, а сама работать не умеет.

В общем, утром этого дня Августа Константиновна предложила мне без особых подготовки дать рабочий урок по русскому языку открытым уже на следующий день для учителей начальных классов и языковедов старших классов школы с целью преемственности их работы. Я восприняла это совершенно спокойно, зная, что это для меня труда не составит. Но теперь, узнав, что инспектор облоно в школе, да и ко мне он «неравнодушен» решила отказаться и Шилиной предложила: «Давайте не будем завтра проводить этот урок, пока инспектор тут. А потом, когда скажете, я в любой момент его проведу». Шилина ответила: «Завтра мы его проведем первым уроком инспектор облоно будет еще спать в гостинице».

Я поняла: все ясно – завтра мне предстоит сдать очередной «экзамен».

Утром следующего дня я, как всегда, пришла в класс пораньше, чтобы приготовиться к уроку. Только начала что-то писать на классной доске, в классе пожаловалась инспектор облоно, и, не произнеся ни слова, даже не поздоровавшись села. Еще детей нет в классе. Зачем она заявилась так рано? Почему не пришла в класс потом, вместе со всеми учителями? Все ясно решила «поймать» меня, а если «поймать» не удастся, то хоть не дать мне возможности перед уроком «поднатаскать» учеников, успеть чему-то подучить, что-то наказать и подсказать, а если распределены «роли» между учениками, то и проверить, как эти «роли» ими вызубрены. Подобное бывает у горе-учителей, если им приходится дать открытый урок даже с подготовкой. А Ольге Марковне дано провести открытый урок рабочим, т.е. без подготовки – тут уж, по мнению инспектора облоно, Ольга Марковна «произошляется», чтобы урок получился примерным, значит, перед уроком будет «репетировать», «натаскивать» учеников – надо этот момент не упустить, конечно, поможет ей, инспектору облоно, «развенчать» авторитет Ольги Марковны, которая, по словам зведущего горено, умела давать указания учителям с трибуны горено, а сама работать хорошо не умеет.

Инспектор сидела. Дети заходили в класс, здоровались (оказались культурнее инспектора), спокойно садились за парты и готовились к уроку. И, надо полагать, инспектора постигло полное разочарование: репетиции

урока не было, предосудительного ничего увидеть не удалось.

Урок прошел, инспектор всех присутствовавших на уроке пригласила в учительскую для разбора урока. На разбор пришёл господин Х., – заведующий горено, и усиленно все услышанное записывал. Думаю, и этого господина постигло разочарование: даже ни одного плохого слова, ни одного замечания не было сказано об уроке Ольги Марковны – «кайф» поймать не получилось.

Сначала свое мнение высказали учителя – все хвалили урок. Потом начала выступать инспектор облоно. Разобрала, что называется «разложила по полочкам», не упустила ни одной мелочи. Заключила, что урок соответствует всем современным требованиям; сказала, что она – преподаватель русского языка, посещает много уроков, но настолько хороших уроков ей видеть приходится очень мало. В общем, такой похвалы о своих уроках раньше я не слышала ни от кого. Да «судьи кто?!» – в нашем-то городе. Так разобрать урок – уметь надо; надо быть, прежде всего, самому очень компетентным в методике преподавания.

Вечером в этот день в школе состоялся педсовет. Итоги инспекторской проверки школы сообщала инспектор облоно. О моей работе она говорила очень хорошо, с особой теплотой в голосе. Заключила так: «Все в работе Ольги Марковны хорошо, но она – Отличник просвещения РСФСР, а у ней три ученика неуспевающих». Я сразу ответила: «Это было за вторую учебную четверть. А теперь заканчивается третья – неуспевающих будет один ученик».

Когда педсовет закончился, все одевались и уходили домой. Я тоже оделась и вышла из раздевалки в тот момент, когда инспектор облоно в сопровождении Г.М. Некрича и господина Х. спускалась по лестницам. Инспектор облоно окликнула меня «Ольга Марковна, прошу Вас подождать меня». Я очень удивилась: что за дела у ней ко мне. Они не спешили одеваться, в кабинете директора школы что-то еще договаривали, а я стояла в коридоре и ждала. Последними из школы вышли заведующий горено г-н Х.. директор школы Г.М. Некрич, инспектор облоно и я. Она подхватила меня под руку, и мы приотстали. Тогда она сказала: «Ольга Марковна, пожалуйста, меня извините – я действительно хотела найти в Вашей работе что-то отрицательное, а все потому, что против Вас меня настроил заведующий горено Х. Получилось вот как: в облоно я доложила, что Артемовский горено методической работы с учителями никакой не ведет, так как

полгода не было методиста, а новый еще не развернулся. У меня спрашиваю: «А где Ольга Марковна? Она как методист хорошо работала». Я ответила, что работаю инспектором по Артёмовскому району первый год, об Ольге Марковне ничего не знаю. Когда вчера вернулась в Артемовский, стала в гороне наводить справки о Вас, заведующий гороне сказал: «Ушла в школу. Только там у нее неважно идут дела. Требовать хорошо умела, а работать, видимо, труднее, чем требовать. Отличник просвещения, а три неуспевающих». В общем, настроил меня против Вас. Вчера я посмотрела Ваш классный журнал, прослушала Ваши уроки и поняла, что Вы достойны звания Отличник просвещения РСФСР, а меня, пожалуйста, извините». И стала спрашивать, почему я ушла работать из гороне в школу. Я сказала: «Я – учитель, и эту работу я знаю и люблю. Работа методиста мне не интересна. Я попросила заведующего гороне отпустить меня работать в школу – он отпустил меня беспрекословно».

В 1966 году я набрала первый класс. Класс был небольшой, всего 30 человек. С этим классом работать было значительно легче, хотя одновременно с этим классом я вела русский язык и литературное чтение в пятом, своем бывшем, четвертом. Легче уже потому, что он был значительно меньше по количеству учеников в нем, а самое главное потому, что я его учила сама с «газов». Класс учился ровно, большинство детей учились на 4 и 5. За учебную четверть результаты были примерно такими: отличников четыре или пять человек, ударников – двадцать и только пять учеников иногда по некоторым предметам имели тройки за учебную четверть. Но был один ученик неуспевающий всегда – Володя Б. Он математику не понимал совершенно. Три года я его учила, учебник по математике у нас был всегда один – за первый класс. Ежедневно мы с ним открывали учебник, он читал какую-нибудь задачу в начале учебника и по пальчикам выяснял результат.

Так изо дня в день. Я не находила выхода, что с ним делать. Положительную оценку ставить не могла, а приказ ministra: в первом классе на второй год учеников не оставлять – Володю перевели во второй. Во втором классе он был весь год неуспевающим по одному предмету – оставили на осень. В августе я поехала отдыхать. С ним должна была заниматься другая учительница. Если бы она ему положительную оценку не поставила, значит, его оставили бы на второй год во втором классе, он был бы определен в ее класс. А зачем ей такой трудный ребенок? Она поставила по математике ему оценку три и перевели Володю в третий

класс. Я плакала от бессилия, что с ним делать, не знала. Так три года мы с ним изучали математику за первый класс. Было два случая, когда мое терпение кончалось. Я шла жаловаться на свою горькую долю директору школы. Григорий Михайлович забегал в класс, уводил Володю в свой кабинет, садил напротив себя за стол, заставлял решать примеры. В первый раз Володя сказал Григорию Михайловичу, что ручка не пишет. Григорий Михайлович дал ему карандаш. Володя карандаш тут же сломал и писать не стал. Не знаю, чем все закончилось, но на следующее утро директор мне с возмущением жаловался на неподчинение Володи. Он не мог понять, как тысяча учеников школы выполняют каждое его распоряжение, его авторитет незыблем среди учителей этой школы и школ города, его уважает население, а какой-то Володя, признавать его не желает. Во второй раз, когда Григорий Михайлович решил Володю заставить решать примеры. Володя попросил разрешение сходить в туалет, там разобрал ручку и поджёг – занятие закончилось, не успев начаться. Когда на следующее утро я пришла в класс, Григорий Михайлович прибежал жаловаться мне на Володю, возмущению его не было предела. Так мы вдвоем с директором школы не могли научить Володю Б. математике.

В третьем классе мне удалось оставить его на второй год, т.е. удалось от него избавиться, его оставили на второй год в третьем классе. На следующий год я учila четвертый класс, а Володя «болтался». Чаще всего он, как я потом узнала позднее от учеников класса, приходил в школу, залазил на полочку, куда должны были дети класть шапки в раздевалке, которая была напротив моего класса, и лежал так все уроки, и глядел на мою классную комнату или сидел под лестницей. Случалось нам с ним несколько раз встретиться я разговаривала с ним, старалась его убедить, чтобы оншел учиться в свой класс, а не болтался по школе. Он тупо молчал но видимо, никуда не шел. Если бы это было сейчас... Я бы его тут же посадила в свой класс, а тогда... . Ведь он портил показатели моей работы: положительную оценку я ему поставить по математике не могла – совесть не позволяла, но было обидно: такой хороший класс, а успеваемость неполная – это для меня в то время было душевной болью, по этому судили о моей работе. Я с первых лет своей педагогической деятельности работала без второгодников а тут встал на моем пути Володя. Ведь он портил показатели в работе не только мои как учителя, но и показатели работы класса. Всегда по всем показателям мой класс (пионерский отряд) был впереди.

а из-за неуспевающего в классе (Володи Б.) коллективу класса, в котором двадцать пять учеников из тридцати учатся на повышенные оценки, класс **не мог занять первого места** в соцсоревновании среди других пионерских отрядов пионерской дружины школы. Это выводило меня из равновесия было обидно за класс, такой сильный, работоспособный. Но я никак не могла понять, как поставить оценку «3», если я ученика не научила – не смогла научить.

Потом я всегда себя упрекала, что думала о себе, а не об этом ребенке, никому не нужном, родители которого «пили», им не занимались абсолютно. Потом отец вообще погиб по пьянке. Как я могла малыша, для которого я – свет в оконечке, оставить, пройти мимо его судьбы. Ну, сиди он в классе, не понимая математику, но на тройку осиливая другие предметы, а главное – был бы в коллективе, учился бы жить не на улице. Как же поздно я это поняла!.. Пока я учила его родной класс он окопачивался около моей классной комнаты – не поволновалась о его судьбе и учительница, которой я его передала, ведь по сути уже стал ее учеником. Не поволновалась и директор школы, что Володя не посещает свой класс, а ведь за всеобщим жестко следил, кажется. Ученики мне сообщали, что видели Володю в компании, которая собирает бутылки, сдает в магазин, покупает курево и конфеты. После четвертого класса я вновь набрала первый класс, в нем было много трудных детей. Я, как всегда, много занималась дополнительного господа уроков. Даже когда классную комнату занимала вторая смена, я в коридоре еще доучивала слабых. Тогда приходил Володя, он по-прежнему не учился и помогал мне учить моих первоклассников: подсаживался к кому-нибудь и учил его читать. Это было укором для меня. Потом я перешла работать в другую школу встречи наши прекратились, я ничего о нем не знала. Но зато больше ни одного ученика не оставила на второй год, хотя были такие же ученики. Например, Лена К. уже в школе № 1, которая математику так же не понимала, но с людской и божьей помощью «проплыла» курс неполной средней школы и «закончила» ремесленное училище, трудится лет тридцать уже на Артемовском машзаводе. Однажды мне сообщили, что Лена работает неосвобожденным комсоргом. Володя Б. был единственным в городнике за все 37 лет моей педагогической работы.

Прошло много лет, в течение которых я Володю не видела. Он вырос побывав и в колонии малолетних преступников. Однажды иду по улице, навстречу мне идут два молодых человека в белых рубашках, опрятные.

класс. Я плакала от бессилия, что с ним делать, не знала. Так три года мы с ним изучали математику за первый класс. Было два случая, когда мое терпение кончалось. Я шла жаловаться на свою горькую допис директору школы. Григорий Михайлович забегал в класс уводил Володю в свой кабинет, садил напротив себя за стол, заставлял решать примеры. В первый раз Володя сказал Григорию Михайловичу, что ручка не пишет, Григорий Михайлович дал ему карандаш. Володя карандаш тут же сломал и писать не стал. Не знаю, чем все закончилось, но на следующее утро директор мне с возмущением жаловался на неподчинение Володи. Он не мог понять, как тысяча учеников школы выполняют каждое его распоряжение, его авторитет незыблем среди учителей этой школы и школ города его уважает население а какой-то Володя признавать его не желает. Во второй раз, когда Григорий Михайлович решил Володю заставить решать примеры. Володя попросил разрешение сходить в туалет, там разобрал ручку и поджег – занятие закончилось, не успев начаться. Когда на следующее утро я пришла в класс. Григорий Михайлович прибежал жаловаться мне на Володю, возмущению его не было предела. Так мы вдвоем с директором школы не могли научить Володю Б. математике.

В третьем классе мне удалось оставить его на второй год, те удалось от него избавиться, его оставили на второй год в третьем классе. На следующий год я учила четвертый класс, а Володя «болтался». Чаще всего он, как я потом узнала позднее от учеников класса, приходил в школу, залазил на полочку куда должны были лежать шапки в раздевалке, которая была напротив моего класса, и лежал так все уроки и глядел на мою классную комнату или сидел под лестницей. Случалось нам с ним несколько раз встретиться, я разговаривала с ним, старалась его убедить, чтобы оншел учиться в свой класс, а не болтался по школе. Он тупо могчал, но видимо никуда не шел. Если бы это было сейчас... Я бы его тут же посадила в свой класс, а тогда... Ведь он портил показатели моей работы: положительную оценку я ему поставить по математике не могла – совесть не позволяла, но было обидно: такой хороший класс а успеваемость неполная – это для меня в то время было душевной болью. по этому судилио моей работе. Я с первых лет своей педагогической деятельности работала баз второгодников а тут встал на моем пути Володя. Ведь он портил показатели в работе не только мои как учителя, но и показатели работы класса. Всегда по всем показателям мой класс (пионерский ограйд) был впереди.

а из-за неуспевающего в классе (Володи Б.) коллективу класса, в котором двадцать пять учеников из тридцати учатся на повышенные оценки, класс не мог занять первого места в соцсоревновании среди других пионерских отрядов пионерской дружины школы. Это выводило меня из равновесия было обидно за класс, такой сильный, работоспособный. Но я никак не могла понять, как поставить оценку «3», если я ученика не научила – не смогла научить.

Потом я всегда себя упрекала, что думала о себе, а не об этом ребенке, никому не нужном, родители которого «пили», им не занимались абсолютно. Потом отец вообще погиб по пьянке. Как я могла малыша, для которого я – свет в окошке, оставить, пройти мимо его судьбы. Ну, сиди он в классе, не понимая математику, но на тройку осиливая другие предметы, а главное – был бы в коллективе, учился бы жить не на улице. Как же поздно я это поняла!.. Пока я учила его родной класс он околачивался около моей классной комнаты – не поволновалась о его судьбе и учительница, которой я его передала, ведь по сути уже стал ее учеником. Не поволновался и директор школы, что Володя не посещает свой класс, а ведь за всеобщим жестко спедил, кажется. Ученики мне сообщали, что видели Володю в компании которая собирает бутылки, сдает в магазин, покупает курево и конфеты. После четвертого класса я вновь набрала первый класс, в нем было много трудных детей. Я, как всегда, много занималась дополнительно после уроков. Даже когда классную комнату занимала вторая смена, я в коридоре еще доучивала слабых. Тогда приходил Володя, он по-прежнему не учился и помогал мне учить моих первоклассников: подсаживался к кому-нибудь и учит его читать. Это было укором для меня. Потом я перешла работать в другую школу встречи наши прекратились, я ничего о нем не знала, но зато больше ни одного ученика не оставила на второй год, хотя были такие же ученики. Например, Лена К. уже в школе № 1, которая математику так же не понимала, но с людской и божьей помощью «пропшла» курс неполной средней школы и «закончила» ремесленное училище, трудился лет тридцать уже на Артемовском машзаводе. Однажды мне сообщили что Лена работает неосвобождённым комсоргом. Володя Б. был единственным в городнике за все 37 лет моей педагогической работы.

Прошло много лет, в течение которых я Володю не видела. Он вырос, побывав и в колонии малолетних преступников. Однажды иду по улице, на встречу мне идут два молодых человека в белых рубашках, опрятные.

Один уставил взгляд в меня, глаза лучатся, лицо светится радостью, но поздороваться не посмел. Прошли. Я думаю: кто это так рад встрече со мной. Оглянулась. А молодой человек идет уже далеко от меня, а голова повернута назад, смотрит мне в след. И тут меня осенило это же Володя Б. Господи! Как мне стало больно: кажется никто никогда не был так рад встрече со мной, но не посмел не только подойти ко мне, но даже поздороваться со мной! Этот взгляд лучистых глаз преследовал меня несколько дней.

Потом я Володю видела несколько раз, позднее с семьей. Всегда он меня встречал как самого дорогого человека, рассказывал о своей жизни. Хорошего в его жизни, конечно, немного, ведь образования нет, по мочь некому, но всегда чистенький, хотя и небогато, но аккуратно одет.

Однажды я шла по улице, навстречу мне двигалась похоронная процессия. Вдруг от процессии отделился человек и подбежал ко мне. Это был Володя Б. Он сообщил, что везут хоронить его брата, рассказал от чего брат скончался так рано. Процессия отдалилась, Володя очень отстал, но все мне рассказывал и рассказывал. Я слушала его и думала: ему очень тяжело, надо выговориться, он понимает душой, что я – тот человек, который его выслушает, поймет в какой-то мере разделит его боль. И он говорил, говорил...

Пока я слушала его страстный рассказ, в моей голове рождались несколько мыслей: соболезнование Володе по поводу потери дорогого человека; жалость видя, как он переживает эту утрату; укор себе: может быть, я была единственным светлым пятном в его жизни, а я предала его. Было некоторое успокоение, что Володя не опустился в этой сложной жизни, возможно, есть доля и моей заслуги: ведь все-таки три года его жизни самые важные, когда формируется взгляд на жизнь закладывается в детскую душу все лучше и воспринимается ею почти полностью. Володя провёл со мной, в хорошем классном коллективе. Но математике я его научить не смогла, и оценку 3 поставить не могла.

В последнее время я его долго не видела, не знала, как он живет, я молила чтобы Всевышний к нему был более благосклонен, чем я. И вот летом, это было в 2003 году, иду по улице, навстречу мне шел оч. Володя Б. Я, может быть, и прошла бы, не взглянув на него. Но он, заметив меня издали, пошел прямо на меня, встал передо мной на колени и стал целовать мои руки. Рассказал, что работает на севере сварщиком. Несколько работает, на месяц приезжает домой, то есть работает вахтовым методом.

Когда у меня был 80-летний юбилей, я пошла пригласить на юбилей А. К. Шилину, она вышла меня проводить. Вдруг со двора соседнего дома выходит Володя Б с косой в руках – вышел покосить траву около своего дома. Увидев нас, положил косу на землю и пошел прямо к нам, подошел ко мне, поцеловал меня и рассказал, почему вышел с косой. Когда мы пошли дальше, Августа Константиновна удивленно спросила меня, как я его знаю. Я ответила «Я его учила, но до дела не довела – в его трудной судьбе есть доля моей вины».

Этот класс я учila четыре года. Как всегда много внимания уделяла внеклассной работе. Завели летопись октябрятских дел. Уже с первого класса эту летопись вела отличница Зырянова Наташа. По летописи видно (я ее храню по сей день), что уже 21 сентября первого учебного года класс принимал участие в общешкольном туристическом слете. Кроме эстафеты, ученики участвовали в конкурсах литераторов, биологов, историков, краеведов. Два дня было дано на подготовку. Я подумала, о чем придется спросить учащихся первого класса в этом плане, и кое в чём их поднагаذاала. Думаю, что моя «консультация» им помогла – среди учащихся первых-вторых классов мои ученики вышли победителями. Все, кто участвовал в конкурсах: Гая Чехомова, Рита Скутина, Рита Охотникова, Вера Рукомойкина, получили благодарность в письменном виде, а команда нашего класса, принимавшая участие в эстафете, была награждена Граммотой администрации школы. Принималось во внимание и то, как подготовили обед для учащихся, насколько он был вкусен и разнообразен. Его готовили все, кто не принимал участие в эстафете и конкурсах: одни собирали по лесу сушняк для костра, а это было не очень простым делом, ведь собирались сухие ветки учащимися всех классов, вплоть до десятых, другие следили за костром, как бы он не погас; третьи чистили овощи для борща и салата. Борщ получился на славу, так как Таня Рукомойкина привнесла баночку тушенки, что в то время было большим дефицитом. На этом туристическом слете коллектив класса получил еще благодарность за первое место по всем показателям среди первых-вторых классов.

Таким образом, на этом слете было получено шесть Похвальных грамот и 5 благодарностей, из них две всему коллективу класса. Так продолжалось и дальше: если ученики (потом октябрята или пионеры) участвовали в каких-то внеклассных мероприятиях школы, пионерской дружины или дома пионеров, они всегда получали награды только за первые места. За-

бегая вперед, могу сказать что за первые четыре года учебы коллектива этого класса (именно коллектив а не отдельные ученики) были награждены двадцать шесть раз.

Всю внеклассную работу за четыре года не опишешь. Я решила рассказать, как шла подготовка ребят в пионеры – «Путешествие в страну Пионерию».

Знакомство со страной Пионерии началось в конце второго класса с посещения городского пионерского праздника 13 мая, в День советской пионерии. Мой класс думал, как лучше скрасить группу пионерская дружина школы пригласила поприсутствовать на этом празднике который проходил на площади Советов.

Был яркий, солнечный день, и мы под горячий барабан гордо шествовали вместе с пионерами нашей школы, дружиной имени А. Гайдара, на праздник. Там собрались пионерские дружины всего города, каждая со своим знаменем, транспарантами и шарами. Пионеры без верхней одежды в праздничных школьных формах с красными галстуками и пионерскими значками на груди – все это усиливало атмосферу праздника.

Сначала каждая дружина отчиталась о своей пионерской работе, затем горком комсомола и работники городского доноса пионеров наградили лучшие пионерские дружины отряды и отдельных юношеских пионеров. Праздник закончился выступлением танцевальных коллективов школ и дома пионеров.

Конечно, такой праздник в сердцах искал оставляя неизгладимый след. Каждому захотелось побывать самому стать пионером и лично участвовать в таких пионерских слетах и парадах. На следующий день в классе мы обсудили этот праздник детям с восторгом отзывались о празднике – мы написали сочинения об этом интересном событии в жизни класса.

Настоящую подготовку в пионеры класс начал с первого учебного года в третьем классе. Весь «путь» в страну Пионерию был разделен на четыре этапа. Каждый этап – одна учебная четверть.

Условия первого этапа:

Узнать, почему жители страны Пионерии называют пионерами, каким должен быть пионер; почему пионер носит пионерский галстук, почему пионерский галстук красного цвета и имеет три конца. Познакомиться с первыми пионерами, с военным человеком, который расскажет о красном значении, о присяге.

Разучить песню «Взвейтесь кострами!». Посмотреть пионерский сбор в четвертом классе. Прочитать книгу «Павка коммунист». Узнать о наградах Ленинского комсомола.

Работа по подготовке в пионеры началась с того, что встретились со старшей пионервожатой школы, которая рассказала, что готовиться в пионеры придется весь нынешний учебный год, потому что октябрьта не только многое должны узнать, но и показать успехи в своем главном деле – учебе в делах школы.

После этой встречи октябрятам было дано время подумать, взвесить свои силы и написать обязательство, с какими успехами в учебе они постараются прийти к Дню рождения В.И. Ленина, когда будут принимать их в пионеры. Обязательства всех учеников, не оглашая, сложили в один конверт и повесили на самое видное место в классе, чтобы взгляд каждого октябрёнка почаще падал на этот конверт, который бы напоминал, что в нем и твое обязательство, подумай, успешно ли ты его выполняешь.

Проведено было ряд бесед со мной, старшей пионервожатой, пионерами-шефами, так что все, что должны были октябрьта узнать о пионерах по условиям I этапа, узнали. Провели встречу с первой пионеркой Анфисой Александровной Подшиваловой, бабушкой Веры Подшиваловой. Октябрьта узнали много интересного от нее, в частности: в 1924 году Анфиса Александровна училась в четвертом классе, когда в их Больше-Трифоновской школе стали создавать первый пионерский отряд. Она рассказала доня об этом, и мать ей категорически запретила вступать в пионеры. А ей очень хотелось вступить, и она вступила. Ей повязали на шею красный галстук. Когда шла домой, галстук спрятала в поленнице дров. А на следующий день, когда пошла в школу, галстук достала из поленницы и надела. В школе ходила в галстуке. В школе ее в галстуке увидел младший братышка и, конечно, сказал об этом дома родителям. Мать Анфису побила, галстук найти не могла, так как Анфиса его ежедневно прятала в поленницу.

Однажды кто-то из домашних пошел за дровами и галстук нашел. Галстук отдали матери, и Анфиса его больше не видела. Анфиса Александровна заключила: родители еще боялись прогневить бога и думали, вдруг Советская власть ненадолго – потом придется отвечать за поступки дочери. Неграмотными были родители, неуверенными в Советской власти, поэтому вступать в пионеры, особенно в первые годы Советской власти

было своего рода подвигом, а горой было небезопасно быть пионером.

Вторая встреча произошла с офицером Советской Армии Леонидом Сергеевичем братом Сережи а. Леонид Сергеевич приехал в отпуск и Сережа сообщил нам, что пригласил брата в гости в класс, добавив: «Нам ведь надо встретиться по условиям игры «Путешествие в страну Пионерию» с офицером Советской Армии». Я похвалила Сережку за сообразительность.

Леонид Сергеевич рассказал, почему Красное Знамя красного цвета что в каждой воинской части есть свое Красное Знамя, чей дорогит каждый воин его берегут, как зеницу ока. Около Красного Знамени части круглосуточно дежурит боещ. Если воинская часть пишет Красного знамени, например потеряет, или в бою враг завладеет Красным знаменем этой части, значит, воинская часть не сумела охранить свою воинскую часть и будет расформирована.

В течение первой учебной четверти прочитали и обсудили книги «Павка – коммунист», «Светлана – пионерка». Коллективно поселили кино «Щит и меч» обе серии. Разучили песню «В звезды к стране!». Поселили пионерский сбор в 4 классе.

Кроме подготовки в пионеры, мой класс всегда был в курсе, чем жила страна и наш город т.e. какие происходили события, значимые для страны, города. Что-то я сама или сообщала а дети дополняли мой рассказ тем, что узнали из детских газет и журналов или услышали по радио или из телепередач.

Например, в течение первой учебной четверти дети узнали что вся страна готовится достойно встретить столетие со дня рождения Ленина, готовят трудовые подарки. А 29 октября этого года золотой юбилей Комсомола. Следили по средствам массовой информации извещай, какие трудовые подарки готовят к этому празднику комсомольцы страны, нашего города нашей школы. Ознакомились с обращением секретаря ЦК ВЛКСМ Кученко к пионерам всей страны как к спасению Комсомола Узбеки. Почему этот праздник все люди нашей страны считают своим и готовятся снеиг. Узнали от родителей, чем интересна была их жизнь, когда они были комсомольцами, что хорошего сделали в то время.

29 сентября Всесоюзный День наш инженеров. Из бесед с родителями, работавшими на Аргентинской машиностроительной фабрике, узнали, что АИМ производят вентиляторы для метро и шахт и транспортные что

продукция этого завода идет во многие страны мира; какую работу выполняют их родители на АМЗ. Все это обсуждалось в классе – в ходе беседы поднимался авторитет родителей, значимость их труда для страны.

Из газеты «Артемовский рабочий» узнали, с какими успехами работники совхозов Артемовского района пришли ко Дню работников сельского хозяйства

В течение первой учебной четверти класс принял участие в общешкольных мероприятиях: сбор металломела, сбор макулатуры, в конкурсе лепки и туристской спете «Золотая осень».

Итоги спектакля нашего класса по группе 3-4 классов: в эстафете участвовали Илья Нагаша, Пирогов Витя, Соловинкин Витя, Скутина Рита, Скворцова Таня, Чапанов Андрюша, Щербакова Ира, Южков Женя – заняли I место, Чехонова Ира – лучший биолог, Сережа – лучший историк, Коновалова Гая – лучший литератор среди учащихся 3-4 классов. Классу – благодарности администрации за I место в эстафете и за I место по всем видам соревнования.

При глагоне классу собрать 125 кг макулатуры собрали 202 кг. Больше всех собрала Чехонова Ира – 22 кг, получили благодарности от класса Чехонова Ира, Пирогов Витя, Коновалова Гая, Рубцова Марина, Охотникова Рита, Южкова Женя.

Закончили II этап игры «Путешествие в страну Пионерию» участием в празднике 1-3 классов «Красная звездочка». На этом празднике коллектив класса был награжден «Благодарностями» администрации школы и комитета ВЛКСМ Артемовской средней школы №12 за хорошую октябрятскую работу и за I место в конкурсе лепки.

Индивидуально получили благодарности в письменном виде за хорошую октябрятскую работу Скутина Рита, Чапанов Андрюша. За хорошо выполненные работы на конкурсе лепки, посвященном празднику Октября, получили благодарности Пирогов Витя, Южков Женя, Могучий Игорь.

Закончили I учебную четверть с такими результатами по учебе: отличников – 4 Зырянова Наташа, Сережа Кузенкова Вера, Рукомойкина Вера; ударников – 19 человек из 30 учеников класса. Но Володя Б., как всегда, был неуспевающим по математике

Условия Этого этапа «Путешествие в страну Пионерию».

Надо было узнать, почему пионерская организация страны носит имя В.И. Ленина. Провести экскурсию к памятнику Ленина. Продолжить зна-

комство с жизнью и деятельностью Ленина. Объяснить ученикам, что значит: учиться и трудиться по-ленински.

Подготовить и провести беседу – сбор «Что дала Советская Конституция гражданам СССР». Подготовиться к новогоднему празднику.

Все условия этого стала были выполнены. Читали коллективно в классе книги «Октябрятам о Ленине» «Детям о Ленине» «Живые письма» «К столетию Н.К. Крупской», рассматривали альбом о Крупской, прочитали комментарии к картинкам. Начали собирать картинки к альбому на тему «Жизнь и деятельность В.И. Ленина».

Продолжили выпуск стенгазеты «Октябринка», в ней отражалась жизнь класса, как идет подготовка к вступлению в пионеры желания, иные нюансы обоят.

Ко Дню Советской Конституции был подготовлен фотовистяз, инопечатки к которому принесли сами дети. В праздник День Советской

Конституции был проведен октябрьский сбор и беседа по фотоинстанции – на тему «Что дала Советская Конституция гражданам СССР и конкретно ученикам класса». В доступной форме познакомила детей с «Решениями Октябрьского Пленума ЦК КПСС.»

Провели КВН внутрикласса. Желающие участвовать в нем разделялись на две группы: Дети сами готовили костюмы, девизы, песни. Одна группа помимо, была в костюмах ищущих.

Много готовились к новогоднему празднику: вырезали снежинки, причем каждая следующая была красивее предыдущей; повторяли коллективные танцы и новогодние песни. Списывали роли, учили и репетировали сценки, готовили костюмы к новогодней елке, активно участвовали в празднике.

В начале второй учебной четверти провели родительское собрание совместно с учениками класса и открытие уроки для родителей по русскому языку и математике с целью, чтобы родители видели мои требования к ученику, что должен знать ребенок на данном этапе времени, а главное видели, насколько активно участвует их ребенок в учебном процессе.

Класс окончил I учебное полугодие со следующими результатами: из 30 учащихся класса отличников пять: Зырянова Наташа, Сережа, Руслан и на Вера, Скугина Рита, Николаева Оля. Ударников – 20. Оценку «3» имеют по некоторым предметам четыре ученика. Не успевавший один Володя Б. по математике.

В зимние каникулы ходили коллективно кататься с горки на санках и пыжах на той стороне реки совершили экскурсию в геологический музей За-

уральской геологоразведочной партии, посетили кино «Гроза над Белой» и «Сказка о царе Салтане».

Условия третьего этапа:

– Узнать о пионерах – Героях Советского Союза и Героях Социалистического Труда за что им присвоено это высокое звание.

– Прочитать книгу «Лёня Голиков».

– Провести октябрьский сбор на тему: «Пионер – друг детей всех стран». – Узнать, чье имя носит пионерская дружина нашей школы. Ознакомиться с жизнью и деятельностью этого человека.

В течение третьей учебной четверти прочитали много рассказов о героических подвигах пионеров во время Отечественной войны; узнали, что некоторые из них присвоено высокое звание – Герой Советского Союза; например, партизанам Лене Голикову, Боре Царикову, Вале Котику; партизанке-подпольщице: Зине Портновой. Узнали и о пионерах – Героях Социалистического Труда: Натели Челебадзе и Турсунали Матказимовом и за что им было присвоено это высокое звание.

Здесь следует сказать, что материал об этих и других Героях-пионерах найти было в тот момент очень непросто, так как в школьной библиотеке ничего не получили, кроме книжечки о Лене Голикове, а в городской – вообще ничего не получили, мол, материала мало, пусть приходят ученики, читают в читальном зале библиотеки. Но, как говорит пословица «Не было бы счастья, да несчастье помогло»: заболел ученик нашего класса Южков Женя, его направили лечиться в областную больницу. В Свердловске они с мамой зашли в книжный магазин купить Жене книгу для чтения в больнице Женя выбирай себе книгу, увидел альбом, в состав которого входило примерно десятка полтора портретов пионеров – Героев (размером 15 x 20 см), о каждом пионере рассказ – книжечка, ярко иллюстрированная. Альбом, конечно, недешевый, но Женя уговорил маму альбом купить и передать классу, так как знал, что октябрятам класса этот материал в данный момент для подготовки к пионеры был просто необходим.

Я считаю что это очень показательный пример того, что дети моего класса любили свой класс, были очень дружны, болели за честь своей октябрьской группы. Ведь Женя мог взять этот альбом с собой в больницу и читал бы себе в свое удовольствие, а он послал альбом своему учителю для работы в классе. А еще Женя в этом магазине увидел очень красивую указку, так он упросил маму купить и указку для меня, так как моя указка

была новой, с этой узкой в сравнение не шла даже тогда, когда была еще новой.

На этом этапе подготовки в пионеры дети узнали, что пионерская дружина носит имя А.П. Гайдара. Об Аркадии Петровиче Гайдаре у меня был альбом и другой материал так как я с предыдущим своим классом посетила город Арзамас, родину А.П. Гайдара. Просмотрели альбом и прочитали все комментарии к картинкам альбома коллективно прочитали книги с биографическими данными о Гайдаре, рассказ Комова «Перед подвигом», выучили стихоговорения об А.П. Гайдаре из альбома о нем – словом, биографию Аркадия Петровича Гайдара теперь знал каждый октябренок. Единственно, что осталось невыполненным – октябрятский сбор на тему «Пионер – друг детей всех стран» не провели, ограничились беседой на эту тему так как материала я найти не смогла в достаточном количестве.

Кроме выполнения условий III этапа подготовки в пионеры следили за тем, чем живет страна. Были проведены беседы на темы «Итоги выполнения Государственного плана народного хозяйства за 1968 год»; «Въезды в местные советы», ознакомились с артемовцами – кандидатами в областной совет. Беседовали в классе о том, как наш городизменился за последние два года; с провокации на советско-китайской границе; о достижениях советских фигуристов в парной катании; о полетах космических кораблей «Венера-5», «Венера-6», станции «Союз-6» о полете космонавта В.А. Шаталова.

В связи с 45-летней годовщиной со дня смерти Ленина прослушали беседы «Похороны. Траур страны», «Ответ советского народа на смерть Ленина», прочитали рассказы о Ленине и Крупской. «Продолжим урок географии» «Отгрузите меша», «Штопальные чулки», «Чьи грибы лучше?», «Волшебная полоска», «А мы привыкли сбывать на кухне».

Провели октябрятский сбор, где подвели итоги работы октябрятской группы на Третьем этапе.

Условия Четвертого этапа

- Изучить «Законы юных пионеров».
- Выучить «Торжественное обещание пионеров».
- Провести сборы октябрятских звездочек, где:
 - сравнить «Законы юных пионеров» с «Правилами октябрят».
 - подвести итог, как октябрята звездочек выполняли «Правила октябрят», если октябрята звездочки достойны стать пионерами.
 - Провести октябрятский сбор, где

- вскрыть конверты с обещаниями каждого октябренка;
 - обсудить, каждый ли октябренок выполнил свои обязательства;
 - все ли октябрята достойны стать пионерами Всесоюзной пионерской организации
- Подготовиться к празднику «Прием в пионеры».

В течение апреля усердно готовились к вступлению в пионеры. Прежде всего, надо было добиться каждому октябренку хороших показателей в учебе. Изучили «Законы юных пионеров». Каждый октябренок списал себе «Торжественное обещание» и выучил его. В течение всего периода подготовки в пионеры дети собирали картинки о жизни и деятельности Ленина. Много картинок было собрано мною в предыдущие годы работы. Теперь купили два альбома для рисования и заполнили их картинками и отдельными небольшими вырезками из газет и журналов. Получился альбом – 62 страницы, в котором биография Ленина представлена разделами:

- Детские и школьные годы Ильича
- Юность
- Начало революционной деятельности
- Ленин в Шушенском
- Ленин за границей, и издание газеты «Искра»
- Возвращение на Родину
- Октябрьская революция
- Ленинская партия – наш рулевой (НЭП)
- Ленин и дети

Я по альбому провела несколько обзорных лекций, и 17 апреля написали сочинение по картине «Ленин в парке села Горки».

Вот сочинение Коли Трушникова.

«Одна беседа» (Сочинение по картине)

«Ленин много трудился, отдыхал мало. Здоровье Ленина все ухудшалось. Врачи стали думать, куда направить Ленина, чтобы он отдохнул. Остановились на Горках. Всем это предложение понравилось, кроме Владимира Ильича. Он говорил, что лучшее лекарство – это работа, и ни за что не хотел уезжать из Москвы. Но врачи настояли, убедили Владимира Ильича, что лечение откладывать нельзя. Дом, в котором поселился Ленин, был большой, красивый, с белыми колоннами; в парке перед домом пруд. Ленин стал жить в маленькой комнате на втором этаже. Он часто выходил в парк отдохнуть.

Особенно обрадовалась сельская детвора, узнав, что в Горках поселился Ленин. Однажды в парк зашел Коля и увидел, что на скамейке сидит Ленин и о чем-то думает. Мальчик подошел иlixомъко поздоровался. Ленин бросил на мальчика лукавый взгляд и тоже поздоровался. Коля увидел бледное лицо вождя с проницательными глазами. «Вот он вождь революции, избавитель от буржуазного ига, сидит передо мной, сыном крестьянина», — подумал мальчик.

Завязался разговор. Речь зашла о жизни детей и дошла до очень важного как считал Ленин, до учебы. В Горках не было школы. Владимир Ильич не только слушал, но и расспрашивал Колю. Через несколько дней страна получила план ликвидации неграмотности. В Горках открыли школу, и Коля стал учиться в родном селе. Потом он окончил институт, стал инженером и строил в стране электростанции, чтобы свет палички Ильича пришёл в каждый дом.

Беседу с Лениным в Горках Николай запомнил на всю жизнь — когда стал взрослым, рассказывал о ней детям, внукам, школьникам: вспоминал ее в трудное время, на фронте в Отечественную войну. Ленин всегда был перед ним как живой — и Николай каждый раз повторял: «Да Ленин жив, будет жить; он всегда в сердце каждого».

Я согласен с Николаем. Хотя я не видел живого Ленина и читаю о нем, разглядываю его на портретах. Я голубил его. Он в моем сердце всегда».

Такое же сочинение Риты Скутиной. — Она по-своему прочитала эту картину.

«Встреча с Лениным» (Сочинение по картине)

«Прошла Великая Октябрьская революция. В стране — разруха и голод. Началась гражданская война. Ленин много работал и переутомлялся. Врачи предложили Ленину выехать на отдых за город, в село Гостино. Дом, в котором поселился Ленин, стоял в живописном парке. В парке была построена горка и запятка.

И здесь Владимир Ильин тоже много работал. Он сильно уставал. Ленин выбирал время и шел гулять в парк. В парке его ждали ребяташки. Они окружали Владимира Ильича и задавали ему вопросы. Ленин рассказывал им, как будут жить дети, все будут учиться. После разговора всешли гулять по парку. Они часто останавливались, рассматривали снегурей, птичьи следы на снегу, отдыхали в беседке. Один раз дети три несли

кормушки с крошками хлеба, повесили их на деревья в парке. На прощание дети обещали Ильичу хорошо учиться.

Однажды, когда здоровье Ильича улучшилось, дети пригласили его кататься с горки. Вышла и Надежда Константиновна. Сначала Владимир Ильич смотрел, как катались ребятишки, весело смеялся, когда они вместе с санками попадали в сугроб и брахтались в нем. Наконец, Ильич сел на санки с Васей и поехал сам. Санки с горки быстро мчались и с размаху въехали в сугроб. Вася и Ленин брахтались в снегу – все смеялись. Смеялась и Надежда Константиновна. На этом Владимир Ильич не остановился: он съехал на санках с Петей, и с Верой, и с Сеней, и с Гришей. Всем было очень весело в этот день!

Это катание на санках дети запомнили на всю жизнь. Когда стали взрослыми, рассказывали своим детям об этом катании. Я завидую горкиным ребятам – они самые счастливые на свете: могли видеть великого человека часто, советоваться с ним о своих дела».

Я думаю, для учеников третьего класса в то время эти сочинения были даже очень хороши: разные по содержанию, говорили об огромной работе, проведенной в классе по ленинской теме. Ленин этим моим малышам стал близким и родным человеком. Я была довольна своей работой – успешно справляясь с задачей коммунистического воспитания школьников, важной частью которой было – прививать любовь к вождям революции Коммунистической партии и Советского правительства.

Теперь читателям моей книги, видимо, покажется смешно, что эта задача воспитания школьников была одной из самых приоритетных, но у нас учителей во всяком случае, у меня, в то время не вызывала даже удивления, это казалось в порядке вещей – так мы были воспитаны, до предела зашорены. Теперь и мне «было бы смешно, когда бы не было так грустно», но я пишу историю – она была такой.

Все условия Четвертого этапа были выполнены. В заключение всей работы провели разговор – обсуждение все ли октябрьта класса достойны стать пионерами ведь пионер – всем ребятам пример. Мнения были почти одинаковыми: достойны все, но кое-кому были сделаны замечания. а иначе: Иарине Р., Володе Б. Все получили право купить пионерские галстуки, пионерские значки и сшить испанки. Закупили голубой сатин для испанок, сами в классе их раскроили, а шили дома.

22 апреля, в День рождения В.И. Ленина, ученики моего класса были

приняты в пионеры. Как проходил прием в пионеры. написали сочинения. Вот сочинение Наташи Зыряновой, оно было записано в петрописи октябрятских дел.

«Прием в пионеры» (Сочинение по наблюдению)

22 апреля, в День рождения В. И. Ленина, у нас был большой праздник – нас приняли в пионеры на общедружинном пионерском сборе в торжественной обстановке.

Под октябрятскую песню с речевкой мы прибыли на дружинный пионерский сбор, посвященный Дню рождения В.И. Ленина, куда были приглашены и наши родители. Председатель пионерской дружины школы рассказывал дружине, с какими успехами мы подошли к этой дате за три учебных года, которые мы были октябрятами. первенства в октябрятских делах мы ни разу не уступили ни одному октябрятскому классу. а 22 ученика из тридцати учатся на «4» и «5».

Потом мы хором сказали «Торжественное обещание», и пионеры – отличники учёбы под барабанную дробь повязали нам пионерские галстуки, прикрепили на грудь пионерские значки, а на головы надели голубые испанки. Старшая пионерская вожатая обратилась к нам: «Пионеры, в борьбе за дело Ленина и Коммунистической партии будьте готовы!» Наши руки взметнулись над головами в салюте, и мы ответили: «Всегда готовы!» Нашему пионерскому отряду присвоили имя: «Отряд имени города – Героя Ленинграда» – колыбели революции.

Этот город мы уже полюбили, у нас есть уже четыре альбома о Ленинграде, книги «Ленинград», «Ленин в Разливе». У нас есть друг в Ленинграде – курсант высшего военного пароходного училища Шаманаев Владимир Федорович. Мы с ним встречались и переписываемся.

Когда мы были октябрятами, учились и трудились под девизом: «Учиться как Ленин, трудиться, как Ленин любить Родину так, как любил ее Ильич». Вступив в пионеры, мы обещали пионерскую работу вести под этим же девизом.

Прием в пионеры закончился тем, что мы все вместе исполнили песню «Взвейтесь кострами!» Приятно было слушать приветствие родителей и директора школы Г.М. Некрича. Радостно, что то, к чему готовились целый год, свершилось

После торжественной части родители нам устроили чаепитие и вручили памятные подарки. Потом мы играли, танцевали, проводили аттракционы. Всем было очень весело.

День, когда мы стали членами пионерской организации имени В.И. Ленина запомнил на всю жизнь.»

Здесь следует рассказать, как у класса появился друг в Ленинграде. К слову сказать, где бы я ни работала, какие бы классы не учила, мои ученики очень дружили между собой, особенно мальчики были дружны. После уроков они не спешили разбегаться по домам, даже по своим микрорайонам, а все играли около школы, естественно, громко разговаривали, смеялись, что мешало учителям, ведущим уроки во второй смене. Если кто-то из учителей второй смены пытался их отогнать от школы – не получалось. За это брался директор школы Г.М. Некрич – безрезультатно. Тогда он шёл разыскивать меня и говорил: «Прогоните своих учеников от школы – мешают работать.» И добавлял: «Меня не слушают.» Моё слово было законом – дети уходили тут же по домам ли, по микрорайонам ли. В свой микрорайон (Паршино, соцгородок и т.д.) шли всегда гурьбой, вслух обсуждая все классные и внеклассные дела.

Однажды когда мальчики шли в сторону соцгородка, им встретился молодой человек, прекрасной выправки, в красивой военной форме – пройти мимо него они не смогли: остановили, расспросили, кто, куда, откуда, а, узнав, что Владимир Фёдорович Шаманаев – курсант Ленинградского вышшего военного морского училища, приехал к маме в гости, в этом городе впервые, так как мама недавно переехала из другого города в наш город, к дочке, а идёт он в военкомат встать на учёт. Мальчики тут же пригласили его в наш класс А на следующее утро мне объявили: «Сегодня у нас будет гость.» Только закончился четвёртый урок, на пороге класса появился гость. С этого дня мой класс и В. Шаманаев стали друзьями. Завязалась переписка, он приспал нам свою фотографию, альбомы и книги о Ленинграде. Прочитав их, просмотрев альбомы, зная, что красивейший город Ленинград – колыбель революции, город – Герой, да и носит имя великого Ленина, дети захотели, чтобы их пионерский отряд носил имя города-Героя Ленинграда.

Здесь думаю, следует обратить внимание читателя на то, что мои ученики – всегда хозяева класса. Только один этот пример говорит о многом. Дети не спрашивают разрешения учителя, пригласить ли этого человека в гости в класс – они решают сами, уверены, что учитель их инициативу всегда похвалит.

Радостью, что стали пионерами и их пионерский отряд получил имя города – Героя Ленинграда, ученики сразу поделились с другом В.Ф. Шама-

наевым и получили ответ:

«Здравствуйте, дорогие друзья!

Я прошу вас очень извинить меня за то, что я так долго не отвечал на ваше письмо. Дело в том, что меня в Ленинграде не было, я был на практике, в море, а в последние дни был занят тем, что начал сдавать экзамены.

Оба ваши письма я получил Спасибо за поздравление с праздником! А я вас от всей души поздравляю с тем, что вы теперь стали взрослее – стали пионерами. По-моему, вы заслужили право быть ими Ваш класс хорошо учится и очень активно участвует в общественной работе молодцы, ребята! Так держать в новом учебном году!

Какие успехи у меня? Что ж я постараюсь от вас не отставать Правда, у меня учебный год заканчивается только через месяц, и пол-трудиться придётся ещё много. Но я уже успел сдать три экзамена Все три – на «отлично». И впереди ещё три экзамена

Вы просили меня помочь вашему отряду достичь литературу о городе Ленинграде. Хорошо, друзья, я с удовольствием помогу вам

А пока желаю вам весело отдохнуть в летние каникулы, набраться сил к новому учебному году.

До свидания!

05.06.69 г.

Ваш друг В. Шанингов»

Были и другие дела в классе. На последнем этапе подготовки в пионеры мы не забыли и о Дне Космонавтики. Да и как забудешь если дети читают детские газеты и журналы, смотрят телевизор. Они сами сообщают начнут разговор, а я вынуждена подхватывать и добавлять

Успели прочитать рассказы: «Год в зелёном звездопёте», «Космонавты грядущего». Узнали, что запущен спутник связи «Молния – 1».

Участвовали в ленинских субботниках по уборке территории школы, сборе макулатуры. При плане 70 килограммов собрали 263 килограмма, т.е. план перевыполнены в три с половиной раза.

За любое дело дети брались с удовольствием и доводили его до конца. Это можно увидеть из сочинений учащихся

О многих делах, которые класс выполнял коллективно, писали сочинения. Письму сочинений как одному из видов развития речи и обучения изла-

тать свои мысли я много внимания уделяла уже с первого класса. Мои ученики всех классов с первого года обучения вели наблюдения за природой, замечали все изменения ее в связи с временами года. С целью привития любви к природе водила детей на экскурсию в лес. Чтобы впечатления от наблюдения природы лучше запомнились, писали сочинения.

Вот некоторые из сочинений Зыряновой Наташи, ученицы первого класса.

24 февраля

К весне.

(Сочинение по наблюдению)

Февраль – последний месяц зимы. Стали дни длиннее. Больше дней ясных. Ласковое солнышко пригревает. В ясные дни небо голубое. У домов на солнышке подтаивает снежок. С крыш повисли блестящие сосульки. В такие дни не хочется уходить с улицы.

15 марта.

Ранняя весна.

(Сочинение по наблюдению)

Март – первый месяц весны. Ласковое солнышко ярко светит. Небо голубое. Воздух теплый. Снег стал ноздреватым, потемнел. Появились тропытички. На деревьях набухают почки. Берёза развесила свои серёжки. Скоро с юга прилетят птицы. Хорошая эта пора, радостная.

8 апреля.

Весна.

(Сочинение по картинке)

Был теплый весенний день. Ласковое солнышко растопило снег. Образовались лужи и ручьи. В такой день никому не сидится дома. Ребята строят кораблики и гоняют их по воде. А Витя делает мельницу. Даже все животные вышли на улицу. Грачи заняли целую рощу и делают гнёзда. Сколько крика, шума, суеты! Как хорошо весной!

15 мая

В школьном саду.

(Сочинение по материалам экскурсии)

Май. Сходили на экскурсию в школьный сад. Там много яблоневых деревьев. Много кустов смородины, крыжовника, есть малина. На грядках растёт клубника. И все цветут! Особенно много цветов на яблонях, акации и смородине. Легкий ветерок – и белые цветы яблони шевелятся, яично белые мотыльки порхают вокруг яблони.

Как хорошо в школьном саду в мае!

А вот сочинения по наблюдению изменений в природе в разные времена года ученика второго класса Серёжи а.

29 сентября.

Золотая осень.

(Сочинение по материалам экскурсии)

Вчера мы ходили в лес на экскурсию. Был теплый солнечный день. Красив осенний лес. Как золотые стоят берёзки. Они горды своим нарядом. А листья осины резные, разноцветные: некоторые зелёные, а другие уже пожелтели или покраснели. Слабый ветерок – и велики деревьев качаются, листья дрожат и сыплются, как цветной дождь. Они красивым цветным ковром устилают землю.

А сосны и ели угрюмы. Им, наверное, обидно, что их наряд всегда одинаков – но издали рядом с берёзками они тоже красивы, как бы дополняют картину осенней природы.

Неповторима красота золотой осени!

16 января.

«Шапка» зимы.

(Сочинение по наблюдению)

Зимние месяцы: декабрь, январь, февраль. У нас зима начинается в ноябре и продолжается почти пять месяцев. Январь называется «шапкой» зимы, так как это середина зимы. В январе выпадает много снега, часто бывают метели, много дней пасмурных. Даже в ясные дни солнце поднимается низко над линией горизонта. Оно светит, но не грел

Зиму мы тоже любим. Зимой можно кататься на санках, на лыжах, на коньках, играть в снежки, в хоккей. Зимой воздух очень чистый. А лес в зимнем уборе удивительно красив! Сосны стоят не шепотнувшись, словно дремлют, укутанные белым пушистым снегом

Я очень люблю зиму!

27 мая.

Первый поход.

(Сочинение по материалам похода)

Вчера мы совершили свой первый поход. Собрались в школе. Дорога вывела нас за город. Сначала дорога шла среди полей, потом привела нас в лес. Привал сделали на поляне, сплошь усыпанной цветами. Цвели фиалки, одуванчики, мышиный горох и много, много купавок. Вся сразу

Бросились рвать цветы, плели венки, делали букеты.

Весь день мы провели в лесу. Играли в шумные игры, читали книгу, слушали музыку. Даже нашли птенца куропатки. Было очень весело, не хотелось уходить домой.

Как хороша майская весна!

За третий класс у меня сохранилось только по одной тетради Рукомойкиной Веры и Трушникова Коли, Риты Скутиной, а в них на тему природы только по два сочинения. Вот сочинение Риты Скутиной.

16 декабря.

В царстве сказок.

(Сочинение по материалам прогулки в лес)

Вчера мы ходили в лес на прогулку. От школы сразу пошли к реке, по льду перешли на другой берег Бобровки. День был пасмурный. Ночью выпал снежок. Над головами кружились и мягко садились на пальто и варежки редкие снежинки. Мы рассматривали их, любовались их красотой, показывали их друг другу – каждому казалось, что его снежинка красивее, чем снежинки других ребят, так как почти все они были разной формы.

Они поднялись в горку и вышли в царство дедушки Мороза. Нас приветствовали гостеприимные сосны. Одни сосны стройны, тянутся макушками в небо, а другие раскинули свои сучья и ветви широко. Все укутанные были снегом. Так красиво, будто их шубки оторочены пушистым мехом. Мы любовались соснами, обсуждали, какая всё-таки самая красивая и чем она красивее других. Из-за сосен кое-где выглядывали робкие берёзки. Да! Мороз и его нарядил для встречи с нами в ажурные кружева.

Лес очаровал. Мы вышли на широкую снежную поляну. Наверное, это было царство Снегурочки. Здесь нас очаровали берёзки, они словно вошли в хоровод. Стойкие, они своими ветвями тянулись в небо. Их ветви на фоне серого неба как бы сплели ажурные узоры.

Вдруг выглянуло солнце и осветило поляну – снег заискрился на солнце. Мы налюбовались природой и стали играть. Мальчики в сугробах рыли подземные ходы и землянки. А потом была «война», воевали, конечно, снежками. Криком, смехом и хохотом огласилась поляна. Нам не хотелось уходить домой, покидать сказочную картину зимнего леса!»

Эту же прогулку вот так описала Вера Рукомойкина.

16 декабря.

Пас зимой.

(Сочинение по наблюдению)

Вчера мы ходили на прогулку в лес. Сразу от школы пошли к реке. День был пасмурный. Свежий воздух подбадривал нас в пути. Ночью выпал пушистый снег, ещё и сейчас реденько пролетали снежинки. Резные они были очень красивы. Мы восхищались ими, показывали друг другу.

Незаметно мы подошли к речке, перешли её и оказались у самого леса. На опушке росли кусты и берёзки. Они были в серебристом инее. Зашли в лес. Какая красота – очей очарование! Мне показалось, что мы оказались в стране сказок. Одна чудесная картина сменяла другую. Особенно мне понравилась одна сосна. Она была очень высокая, могучая сучья и ветви раскинулись во все стороны. На них было много снега, а на вершине красовались будто цветы белой сирени – так тут снег на макушку сосны, образуя ажурные цветы.

Одна картина зимнего леса сменяла другую. Разговаривая и восхищаясь увиденным, мы не заметили, как пес кончился, мы оказались на широкой снежной поляне. Здесь на фоне тёмного леса красовались белоствольные берёзки. Их тонкие ветви и веточки будто плелись в небо, там переплетались и на фоне серого неба казались красивыми кружевами.

На обратном пути подошли к даче А. Дубасова, здесь любовались красотой елей в зимнем уборе. Мне очень понравилась эта прогулка, ведь мы не только хорошо отдохнули в лесу на свежем воздухе, но и пронаблюдали незабываемые картины зимнего леса.

Как хороша природа зимой!

Почему я опять написала два сочинения на одну тему? Показательно, что дети наблюдают одну картину зимнего леса, но каждый эту картину читает по-своему; каждого восхищает, задевает лучшие струны его души что-то своё.

Сочинение Трушникова Коли на тему весны.

24 апреля.

Весна в лесу.

(Сочинение по материалам экскурсии)

Мы вчера ходили на экскурсию в лес, который расположился на Заречье. День выдался ясный. Весенняя пазурь облянула всё краю. Воздух был тёплый, хотя дул лёгкий ветерок.

Сразу за Паршино мы увидели поле молодой озимой, кого рое тянуться

до самого горизонта. Озимь на солнце блестела. Прошли поле и очутились в лесу. Там стало холоднее. Как помолодели весной сосны! Хвоя их стала ярко-зеленою, длинной, сочной, а с южной стороны она всё-таки светлее, чем с северной. Мы заметили, что мох на пнях растёт с южной стороны, по пням легко определить стороны горизонта, что поможет летом не заблудиться в лесу. Нашли кузницу дятла, под сосновой валилось много сосновых шишек.

Набрели на овраг. По краям оврага ещё лежал тёмный снег, а рядом со снегом уже тянется к небу молодая зелёная травка. По дну оврага мчит свою воду к реке бурный ручей. Мы пошли вдоль оврага и увидели водопад. Вода падала с высоты семидесяти сантиметров. Овраг вывел нас на поляну. Здесь мы стали играть в подвижные игры и одевать кусты можжевельника в свою одежду. Кусты стали похожи на французов, бежавших из-под Москвы.

День клонился к вечеру, но домой идти никому не хотелось. Я шёл вдоль и думал, сколько же мы интересного пронаблюдали на экскурсии, сколько узнали нового!

Во всех классах водила детей на экскурсии не только на природу, но в первых, вторых классах не всегда по материалам экскурсии писали сочинения, а в третьих – четвертых классах писали сочинения часто.

Уже в сентябре мы с учениками четвёртого класса ездили в село Покровское на экскурсию на чугунолитейный завод (вагранка). От увиденного получили огромное удовольствие. Вагранка расположена в лесу, и шли мы к ней между двумя стенами созревшей золотой пшеницы, а по обе стороны полевой дороги ещё цветли васильки и другие цветы – такую картину в городе не увидишь. Дети восхищались увиденным, живо обсуждали и гридили вали эпитеты бескрайнему полю золотой пшеницы, уже поздним вечером яркому солнечному дню. Такие поездки не только развивают детей, но и сплачивают. А что дети увидели на чугунолитейном заводе, видно из их сочинений. Вот сочинение Веры Рукомойкиной

25 сентября

На чугунолитейном заводе.

(Сочинение по материалам экскурсии)

В пятницу взрослые в Покровск. Там посетили чугунолитейный завод. Сначала зашли в литейный цех. Там стоят два конвертора, в которых стоят загружаются чугун и кокс. Снизу в печь вдувается чистый воздух, чтобы кокс лучше горел. Чугун плавится и капельками стекает

в конверторы. Когда расплавленного чугуна наберётся много, выше конвертора открывают отверстие, и расплавленный металл опускается в ковш. Из ковша его разливают в формы – он охлаждается и запекается. На этом заводе изготавливают чугуны, котлы, сковороды, плиты и дверцы к печкам.

В красильном цехе чугуны и котлы с наружной стороны красят чёрной краской, а с внутренней – покрывают эмалью и сушат в печах.

На чугунолитейном заводе мы увидели на практике то, что изучили заранее на уроке природоведения. Теперь процесс плавки чугуна и разлив его в формы запомнился нами навсегда.

Сочинение ученика третьего класса Коли Трушникова.

2 марта.

В мастерской.

(Сочинение по материалам экскурсии)

Мы ходили на экскурсию в мастерскую, где работают люди, потревавшие зрение. Они изготавливают металлические банки и картонные коробки. Эти люди могут выполнять сложную работу, потому что у них хорошо развиты органы обоняния и органы слуха. Металлические банки, изготовленные ими, идут во многие города Советского Союза. А картонные коробки идут на наш Егоршинский радиозавод для упаковки деталей.

Я очень волновался. Ведь им, конечно, трудно выполнять такую сложную работу.

Они рассказали нам, что у них есть библиотека, в которой есть книги для людей, даже совершенно лишённых зрения. Читают они их пальцами. Одну такую книгу они подарили нам.

Мне очень жаль этих людей – им жить и работать всё-таки очень тяжело. Я хорошо понял: зрение надо беречь – это великий сюрприз!

В связи со 100-летним юбилеем В.И. Ленина писали сочинение на ленинскую тему, сочинение Веры Рукомойкиной.

21 апреля.

«За что я люблю Ленина.

(Сочинение)

Владимир Ильич Ленин родился в 1870 г. 22 апреля в городе Симбирске, на реке Волге. Завтра исполняется 100 лет со дня его рождения.

В детстве Володя любил шумные игры и беготню. В гимназию он

поступил девятым с половиной лет. Учился легко и охотно. С детства он любил правду, а ложь ему была противна. Он во всём подражал старшему брату Саше, потому что любил Сашу Саша был для него авторитетом.

У Владимира Ильича были огромные способности, он окончил школу с золотой медалью. Он особенно серьезно с молодых лет читал, изучал сочинения Маркса и Энгельса, стал революционером и создал Коммунистическую партию. Коммунистическая партия под руководством Ленина стала готовить революцию, чтобы свергнуть царя и помещиков, а власть передать в руки народа. За это Ленина посадили в тюрьму, ссыпали в ссылку но он не прекратил работать. Указания партии из тюрьмы он писал молоком, а чернильницу делал из хлеба. После ссылки Ленин уехал за границу. Там он организовал газету «Искру», которую революционеры тайно привозили в нашу страну. Люди читали газету, и ее узнавали, как продолжать дело Ленина.

Царя свергли, и Ленин вернулся в Россию. Под его руководством Октябрьская революция совершилась – народ пришёл к власти. В 1924 году Ленин умер, но все его помнят, любят, и дело его живёт. Ленин очень любил детей.

Я очень люблю Ленина и хочу быть такой же: хорошо учиться, быть склонной, доброй, любить детей, помогать людям, а поставленной цели добиваться, как бы ни было трудно »

А вот сочинение на эту же тему Риты Скутиной.

21 апреля.

«Зачто я люблю Ленина.

(Сочинение)

Владимир Ильич Ленин – вождь и друг трудящихся всех стран, основатель Коммунистической партии Советского Союза. Я люблю Ленина за его преданность начатому делу. Ленина арестовывали, сажали в тюрьму, ссыпали в ссылку, но он не боялся и продолжал вести революционную работу. Даже в тюрьме не сидел он сложа руки, а продолжал руководить коммунистами через письма, которые писал молоком между строчек в книгах, принесенных родственниками или друзьями ему. Книги уносил домой читали его тайные письма – так узнавали, что им делать для дела революции.

Ленину часто приходилось скрываться от царского правительства, менять квартиры и явки, даже пришлось уехать за границу, чтобы снова

не арестовали. Ленин за границей стал издавать газету «Искра», которую русские революционеры читали и знали, как готовить революцию. А в 1917 году, когда для революционного восстания всё было готово. Ленину сообщили, что Временное правительство намеревается развести мосты и тем самым оторвать центр от окраин, задушить восстание, Владимир Ильич, рискуя жизнью, переоделся в рабочего и пошёл в Смольный, и революция под его руководством совершилась.

Я люблю Ленина и хочу больше о нём узнать »

Уже в сентябре четвероклассники писали сочинение на тему: «С чего начинается Родина.» Сочинения получились не совсем по теме: дети написали не о том, с чего началась для них Родина, а о том, когда почувствовали себя гражданином этой большой Родины, что она для них значит, выразили свою любовь к Родине. Тут, видимо, виновата я, что не заострила их внимание на теме, а они её поняли не совсем верно. значит, не совсем верно раскрыли её. И всё же эти сочинения показали, что патриотическую работу, которой в то время уделялось огромное внимание, я проводила верно, и любовь к Родине сумела своим ученикам привить.

Сочинение Трушникова Коли.

31 октября.

«С чего начинается Родина.

(Сочинение)

Родина – это страна, в которой ты родился и живёшь, где живут твои родители. Моя Родина – Советский Союз. Я люблю свою Родину и горжусь ею. Это в нашей стране родился великий гений человечества Владимир Ильич Ленин. Это гражданин нашей Родины первым взлетел в космос и открыл всему миру Вселенную. Это наша страна стала первой социалистической страной в мире. Моя Родина богата всеми полезными ископаемыми, хлебом, пушниной, она не оставит в беде никого, кто попросит у неё помощи. Например, борющимся Вьетнаму мы посыпаем каждый день хлеб, лекарства, орудий на миллион рублей.

В третьем классе меня приняли в пионеры, когда я давал клятву на верность Родине, почувствовал гордость за неё, и я понял, что я – гражданин Советского Союза и отныне всем сердцем предан Родине. Ведь моя Родина позаботилась, чтобы я учился, чтобы в нашей стране была полная грамотность. Наша страна не хочет войны, но из всех войн выходит всегда с честью

Гражданину такой героической Родины учиться, как попало, стыдно. Я стараюсь учиться и буду стараться еще лучше, чтобы вырасти достойным гражданином своей Родины.»

А вот сочинение Риты Скутиной.

31 октября.

«С чего начинается Родина.

(Сочинение)

Родина – это страна, где ты родился и живёшь со своими родителями и друзьями. Моя Родина – Советский Союз. Я горжусь своей Родиной – здесь родился, жил и работал гений человечества, великий вождь трудащихся всех стран Владимир Ильич Ленин. Сын именно этой страны взлетел первым в космос.

Я прочитала книгу «Повесть о Зое и Шуре». Зоя Космодемьянская была юной пионеркой, потом активной комсомолкой. Когда настало тревожное трудное время для Родины, Зоя рвалась на защиту её. Выполнив боевое задание, Зоя показалось, что она мало сделала для Родины. Она погибла, защищая любимую родину. Сколько хороших дел бы она еще сделала для Родины, если бы осталась жить. Тогда я поняла, что я тоже гражданин её Родины – я должна сделать то, что не успела сделать Зоя. Клятву, которую я дала в День рождения Ильича, когда вступала в ряды юных ленинцев, должна выполнить.

Я знаю, что это будет трудно. Сначала в школе я должна буду хорошо учиться, выполнять все поручения пионерской организации, должна буду добиться права вступить в комсомол и стать хорошей комсомолкой. В школе я должна получить знания, чтобы потом стать хорошим строителем новой жизни, быть человеком, нужным нашей стране – это и будет значить, что я выполню клятву. Я очень постараюсь.»

На уроках чтения, давая домашние задания, приготовить пересказ статьи или рассказа, я добавляла, каким должен быть пересказ – полным или кратким. Приготовить полным пересказ статьи, т.е. пересказ близко к тексту задавала тогда, когда хотела, чтобы дети запомнили некоторые выражения текста для обогащения речи. Иногда давала задание приготовить краткий пересказ, чтобы дети учились выбрать главное, важное из текста рассказа. Писали с этой целью изложения.

Изложение Риты Скутиной.

2 декабря.

« Краткое изложение рассказа «Кавказский пленник».

На Кавказе тогда война была. По дорогам без провожатых ездить было нельзя. Сопровождали путешественников русские солдаты.

Однажды два русских офицера, Жилин и Костылин, поехали с обозом на родину, в Россию, в отпуск. Обоз шёл тихо, а день был жаркий, укрыться от жары негде. Жилин и Костылин поехали вперед обоза. Их заметили татары и поймали. Пленных офицеров отвезли в аул и потребовали от них выкуп. Жилин не мог дать за себя выкуп – он был бедный дворянин. Он задумал бежать. Жилин готовился к побегу, вырыл яму под стеной сарая, в котором татары держали офицеров, прикармливав хозяйскую собаку, откладывал лепёшки в дорогу.

Однажды, когда хозяев не было дома, Жилин и Костылин убежали, но татары их поймали, увезли в аул и посадили теперь не в сарай, а в яму. Теперь Жилин подружился с хозяйской дочкой Диной и она помогла ему убежать второй раз. Трудно было бежать Жилину (на одной ноге у него была колодка), но он собрал всю силу воли и добрался до русской крепости. Костылин остался в плену; через месяц после побега Жилина родные выкупили у татар и Костылина.

Изложений писали очень много мои ученики, я читала им текст небольшого рассказа, а они записывали текст, писали часто сочинения и по картинам или картинкам. Например, вот сочинение по картине Зыряновой Наташи, ученицы ещё второго класса.

16 февраля.

«Друзья

(Сочинение по картине)

Был чудесный летний денёк. В этот прекрасный день у Витиной мамы был день рождения. Мальчик решил подарить маме цветы. Бегом побежал к реке, вскочил в лодку и поплыл туда, где росли лилии. Он хотел сорвать лилию, потянулся за ней, но подка качнулась, и малых выпал. Он отчаянно крикнул: «Дик!» Дик его верный друг, услышал крик и стрелой помчался к реке. Собака бросилась в воду. Она взяла мальчика за рубашку и вытащила на берег. Так верный друг спас Витю.

Когда я стала работать со следующим классом, уже по трехлетней программе обучения в начальной школе, иногда давала не просто изложить текст рассказа, а написать сочинения по данному тексту с определенным заданием. Например, один и тот же текст по рассказу Мамина Сибирия-

ка «Богач и Еремка» ученица четвёртого класса Скутина Рита написала просто краткое изложение рассказа.

21 ноября.

«Черное ушко.

(Изложение)

Однажды зимой старик-сторож с собакой Ерёмкой шёл по полю. Вдруг собака остановилась и взвизнула. Старик подошёл к ней и увидел маленького зайчика. Старику стало жалко его, и он взял зайчика домой. У зайчика была переломлена лапка.

Дома старик перевязал зайчику лапку и хотел накормить его, но заяц не стал есть. На другой день старик принёс морковку и репку, и заяц с жадностью съел их.

У зайчика кончики ушей были чёрные. Внучка старика Ксюша назвала зайку Чёрное ушко. Зайчик подружился с Ерёмкой, и они весело играли друг с другом. Так зайчик прожил всю зиму. Весной зайчик убежал в лес и не вернулся. Скучно стало в доме без зайчика. Очень любили его и старик, и Ксюша».

А вот сочинение ученицы третьего класса Мартыновой Оли, здесь изложение уже с заданием: написать характеристику Богача по данному рассказу.

21 января.

«Характеристика Богача.

(Сочинение по рассказу М. Сибиряка «Богач и Еремка»)

Богач – это сторож фруктового сада и огородов помещика. Он сутуловат, высок с большой головой и длинными руками.

Однажды на охоте собака Богача нашла зайчика со сломанной лапкой. Богач взял зайчика домой. Дома он тщетно перевязал зайчику лапку и сделала ему уютное гнездышко. У зайца кончики ушей были чёрными, и Ксюша внучка Богача, назвала его Чёрное ушко. Богач кормил зайчика хлебом, кашей и корнеплодами. Заяц поправился и стал играть с Ерёмкой собакой Богача. Часто приходили деревенские ребятишки. В доме Богача стало весело.

Заяц прожил зиму в доме Богача, а однажды весной убежал в лес и не вернулся. В дом вселились тоска, одиночество. Богачу стало даже жутко, ему в каждом зайце казался Чёрное ушко, а его убить Богач не мог. Значит не мог он убить ни одного зайца, которые осаждали сад и

огород помещика. Поэтому Богач отказался от службы, из-за любви к зайчику лишился крова и хлеба

Богач – хороший человек, добрый, он мне очень понравился любовью к животным, но жаль его, ведь он потерял место службы. значит, потерял кров и хлеб.»

Также по рассказу А.П.Чехова «Ванька Жуков» мои ученики третьего класса писали краткое изложение.

Сочинение Оли Мартыновой.

23 октября.

«Жизнь Ваньки в доме сапожника.

(Сочинение по рассказу «Ванька Жуков»)

Ванька Жуков – девятилетний мальчик. Он родился в семье крестьянина. Родители мальчика умерли, и дедушка отправил Ваньку в город в ученики к сапожнику Аляхину. Но ремеслу Ваньку не учили, а заставляли качать ребёнка да помогать по дому. Спал он в сенях, а когда ребёнок плакал, не спал совсем. За малейшую провинность хозяева Ваньку били. Подмастерья над ним надсмеялись, посыпали в кабак за водкой и велели красть у хозяев огурцы.

Жить в доме ремесленника Ваньке не было никакой возможности. Жизнь его была пропаща, хуже собаки всякой ему жилось »

В четвёртом классе ученики писали сочинение про свой пионерский отряд. Я поставила перед ними задачу, рассказать, нравится ли работа и жизнь своего пионерского отряда. Если не нравится то чем не нравится. А что запомнилось особенно.

Сочинение Риты Скутиной.

24 февраля.

«Рассказ про мой пионерский отряд.

(Сочинение)

Мой пионерский отряд носит имя города-Героя Ленинграда Мне нравится работа и жизнь моего отряда. Каждый пионерский сбор, линейка, беседа приносят нам что-то новое, интересное. У нас много друзей. есть воины Советской армии, участники гражданской и Отечественной войны. В Ленинграде у нас тоже есть друг – курсант Ленинградского высшего морского училища Владимир Фёдорович Шаманаев. Все наши друзья никогда не забывают нас, пишут письма, приходят на пионерские сборы, поздравляют с праздниками. Каждый пионер имеет долж-

ность и старательно выполняет все поручения. Мы смело берёмся за любое дело. Например, недавно мы собирали макулатуру. Ребята сперва привезли макулатуру из дома, сдали её, и мы все вместе пошли за бумагой на машзавод, где работают родители многих наших учеников. Шли быстро, настроение у всех было хорошее. Нам вынесли много бумаги, каждый взял по стопке, и мы пошли в обратный путь. По дороге часто отдыхали, помогали друг другу. Потом мы радостно, с криком «Ура!» встретили весть, что по сбору макулатуры мы заняли первое место.

Я люблю свой отряд и стараюсь не подводить его.»

А вот на эту же тему сочинение Коли Трушникова.

24 февраля.

«Рассказ про мой пионерский отряд.

(Сочинение)

Я учусь в отряде имени города – Героя Ленинграда. Наш отряд по делам лучший в дружине, потому что в нашем отряде каждый пионер имеет какую-нибудь нагрузку и выполняет её хорошо. Отряд наш очень дружный, многие дела мы выполняем коллективно, очень весело. Например, недавно мы собирали макулатуру, так всем классом ходили на Артёмовский машиностроительный завод к моему папе. Нам дали много макулатуры, и мы заняли первое место. Особенно отличилось третью звено Веры Рукомойкиной.»

Из сочинения видно, что в этом пионерском отряде каждый пионер имеет поручение, никто в классе не оставлен без внимания. Каждый старается поручение выполнить хорошо, потому что за порученную работу придётся отчитаться перед пионерским звеном. Если пионер к порученному делу отнесётся безответственно, будет чувствовать себя неудобно перед пионерами своего звена, отряда или дружины.

Такая организация пионерской работы приучает детей к самоорганизованности, ответственности за дело, воспитывает чувство коллективизма, желание сделать работу сегодня, не откладывая на завтра.

Это желание и умение хорошо работать, чувство коллективизма, привитое детям в начальных классах, привело к тому, что в пятом классе, когда они пришли к другому классному руководителю, не умеющему или не желающему найти каждому ребёнку дело по душе, ребятам стало не интересно в классе скучно, они это тяжело переживали, начали прямо говорить об этом классному руководителю.

Нина Васильевна, их классный руководитель, в этом городе жила первый год, стала в учительской говорить, что дети плохие, и даже отказалась от классного руководства. Г.М. Некрич обратился ко мне с просьбой принять классное руководство.

И только шестом классе классное руководство взяла опытная учительница Тамара Павловна Савина, как говорят, «всё встало на свои места» – в классе наступили мир и покой, а Тамара Павловна была очень довольна классом.

Я работала уже в другой школе и Тамару Павловну встретила случайно, пробегая мимо школы № 12, она окликнула меня и сказала: «Я слушала в учительской, как жаловалась на Ваш класс Нина Васильевна, и брат класс боялась, а сейчас очень довольна, мне ещё не приходилось раньше работать в таком классе, ребята хорошие, инициативные. Только начинается новая учебная четверть, пройдёт два дня, на третий они уже идут ко мне: «У нас плана работы нет, давайте вместе составим.»

Составим план, распределим обязанности – больше не надо ничего никому напоминать – всё будет сделано в те сроки, какие указаны в плане.» В заключение разговора повторила: «Очень хорошие ребята.» Это меня обрадовало, но только на миг. Тут же мою радость омрачила обида: вспомнилось, сколько же я пережила, когда этих моих ребятишек Нина Васильевна в учительской представляла такими ужасными, что быть классным руководителем у таких плохих учеников она больше не могла. А парторг школы Л.Ф., послушав её, однажды, встретив меня в коридоре около учительской раздевалки, кричала на весь коридор, когда в нём между сменами были учащиеся всех классов: «Кого ты воспитала!.. Архаровцев, которые никого не признают, никого не слушаются.» Видимо, «в том же духе», ещё раньше, чем со мной, успела она «поговорить» с классом. А как же? Партийных работников в то время касалось всё, и Л.Ф. сочла себя обязанной «навести порядок» в классе, «поставить на место» неуправляемых, помочь Нине Васильевне, но... не тут-то было.

Я воспитывала всегда и везде в любом ребёнке личность, а в этом классе особенно в этом преуспела, так как учила их ещё четыре года. А личность не позволит себя оплевать, оскорбить, унизить. А если целый класс личностей?! – справиться (смею думать, учителю не от Бога) не получалось – ей не дано было их понять и принять к сердцу, а дети это чувствовали и не позволили их унижать, и, как могли, видимо, сопротивлялись, и между классным руководителем и классом, если и не началась «война», то во

всяком случае, мир и взаимное уважение кончилось. И Нина Васильевна отказалась от классного руководства.

Но меня удивляло вот что: ведь этих учеников по другим предметам учили другие учителя, кроме Нины Васильевны, и, думаю, понимали, что Н.В. не во всём права, но ведь молчали, а молчание – знак согласия, значит, кому-то надо было, чтобы в коллективе обо мне сформировалось мнение как о плохом учителе, воспитателе или человеке.

Этот свой любимый класс в полном составе я последний раз видела, когда они закончили восемь классов и устроили праздник, на который пригласили только меня. Мы с Тамарой Павловной сидели вдвоём и наблюдали это действие: три часа без перерыва длился концерт, иначе не назовёшь, так как три часа без перерыва пели-танцевали, танцевали-пели, плясали, играли всем классом, и ни один ни разу не вышел из круга, не вышел из класса, – все до одного человека делали одно и то же, как будто они перед этим месяц изо дня в день тренировались.

И я поняла: нет, не тренировались они специально; в моду уже вошли огоньки и дискотеки, и они, как всегда во всех мероприятиях такого рода, все вместе участвовали; и им хорошо, весело в этом своём коллективе, вот они и отработали уже все движения. В общем, я сделала вывод: это был, своего рода, отчётный концерт для меня, хотя тут не было ни одного номера художественной самодеятельности, а только песни, танцы, народные игры, например, «А мы просо сеяли» в коллективном исполнении, т.е. выдали всё, что умели, чему научились за восемь лет совместной учёбы – всё продемонстрировали мне, как бы отчитались передо мной, мол, не волнуйся, наш родной человек – мы тебя любим, не подведём, мы по-прежнему дружны и инициативны.

А Тамара Павловна, классный руководитель сказала: «Класс учится по-прежнему хорошо, очень дружный, за себя постоит.»

Я была беспредельно рада – мой труд не пропал даром, что ребятарастут хорошиими, думаю, за них можно не волноваться: станут нормальными людьми. А если кто-то в чем-то споткнётся или «оступится», ошибётся – поддержат.

За работу в школе № 12 я была награждена медалью «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. А к моему 75-летнему юбилею ученики этого класса в местной газете «Губерния» написали статью «Дорогой наш человек».

В 1971 году я перешла работать из Артёмовской средней школы № 12 в Артёмовскую восьмилетнюю школу № 1.

Причина перехода была такой: рос новый микрорайон № 1, строились в нём новые пятиэтажки которые заселялись молодыми семьями, а их дети приходили учиться в единственную в этом микрорайоне среднюю школу № 12; значит, количество учеников в этой школе все время увеличивалось, но не увеличивалось здание этой школы, построено оно осталось восьмилетней школы.

В 1970 – 1971 учебном году я получила первый класс, в нём было 36 учеников. Администрация школы мне сказала: «По количеству учащихся первые классы в нынешнем году самые маленькие в школе, поэтому мы их вынуждены поместить в самую маленькую классную комнату.» И поместили в комнату на два окна, которая строилась в своё время, возможно, под пионерскую комнату. Парты стояли в три ряда. Первый ряд парт располагался у самых окон, а третий – у самых дверей. Учительский стол стоял в пятидесяти сантиметрах от классной доски. Батареи водяного отопления жарили так, что температура в классе была не ниже 30 градусов – это точно. Нельзя было открыть ни форточку в окне, ни двери. У окна, т.е. у самого калорифера сидят дети, изнемогающие от жары. Если форточку открыть, разгорячённые дети простудятся. А если идёт дождь или снег, все это будет на тетрадях и учебниках учеников. А двери нельзя открыть, так как в коридоре помещалась школьная столовая, столы которой располагались буквально в метре от дверей класса. А между столами и стеной моего класса был проход в пристрой школы, т.е. в учебные мастерские и физкультурный зал, так что хождение мимо дверей класса было бесконечным, и мы с моими учениками изнывали от жары и духоты. Я вела уроки всё время в поту, блузки на мне были мокрыми от пота, а сердце болело. Так как диагноз «стенокардия» был поставлен ему уже давно.

Перед следующими 1971 – 1972 учебным годом я спросила завуча, сменившего нам двух в втором классам, нынче классную комнату, ответ получила: «Нет. У вас по количеству учеников самые маленькие классы, из других классов ни один в эту комнату не поместится.» Я поняла, что следующих два учебных года, пока эти дети учатся во втором и третьем классах, мне придется работать в этой же комнате – это как минимум. два года, а разговор о строительстве новой школы даже не шло ещё.

А что станет с моим сердцем? Как оно перенесёт такую нагрузку в две следующие зимы? Понятно – мне ждать лучшего не приходится. – Надо

думать о себе самой, никто о тебе не позаботится.

И я решила: уйду работать в другую школу, например, в школу № 1, где скоро начало учебного года. а учителя для первого класса нет. Директор этой школы в течение лета несколько раз приходила ко мне и звала работать. Я знала, что в двенадцатой школе есть лишний учитель начальных классов и решила: мой класс отдадут ей. а я уйду в школу № 1.

Итак, в один из последних дней августа я с приказом горено прибыла на новое место работы. Завуч школы в первый же мой рабочий день в этой школе пошла показывать мне мою классную комнату и на ходу в коридоре спросила: «А Вы надолго к нам?» Я поняла и смысл, и тон, каким были сказаны эти пять слов, и ответила в том же тоне: «А как понравится.. »

Забегая вперёд, скажу: сделано было всё, что только можно сделать, чтобы мне быстрее не понравилось здесь работать.

Я получила первый класс и. как всегда и везде, с энтузиазмом взялась за работу – иначе я работать не умела. Директор с завучем всю первую четверть, видимо, «изучали» мою работу, т.е. часто приходили в класс и присутствовали иногда все уроки от первого до последнего. Особенно много уроков посетила завуч, а при разборе их я слышала только хвалебные слова замечаний ни одного не было. Да я и сама понимала: «прикопаться» не к чему.

В конце первой учебной четверти на педсовете завуч школы сделала анализ работы педагогического коллектива за эту учебную четверть, где дала очень высокую оценку моей работе, работе учителя, пополнившего педагогический коллектив школы в этом учебном году. Я слушала похвалу себе, но, вместо того, чтобы порадоваться, что мою работу заметили, оценили высоко, чувствовала себя так, когда хвалят тебя незаслуженно или хвалят излишне. говорят много и долго. С таким чувством я и пришла домой после педсовета, будто меня не хвалили, а даже плонули в меня.

В один из праздничных дней Октября пришла ко мне домой директор школы А.И., мы с ней дружили давно, и в гости ко мне она пришла не случайно. Сидели, болтали. и она с моих глаз «пелену сорвала».

Оказывается, А.И., директор школы, меня упорно звала перейти работать в школу №1, а некоторым членам педагогического коллектива во главе с завучем очень не хотелось видеть меня в своей школе И накануне моего прихода в школу в учительской прошло обсуждение меня как учителя. Вывод был таким: учитель я неважный, учу детей плохо но если

кто-то приходит ко мне на урок, я перевоплощаюсь, видимо, в хорошего учителя и даю хороший урок. А хвалит меня только Г.М. Некрич, так как я его любимица И. конечно, такого учителя иметь в педагогическом коллективе нежелательно И А.И. добавила: «Почему-то особенно против тебя учителя начальных классов – стажисты. Почему?»

Мы с А.И. поразмыслили и пришли к такому выводу: учителя-стажисты испугались, что я могу затмить их авторитет. А завуч? Почему она не хочет видеть меня в школе? Видимо, боится меня как любимицы Г.М. Некрича, потому что я ему, в это время заведующему гороно, буду передавать весь негатив в работе школы, так как раньше я двенадцать лет работала, можно сказать, рядом с ним в качестве председателя горкома профсоюза работников просвещения, методистом гороно, когда он был заведующим гороно, и шесть лет в школе № 12 учителем, когда он был директором этой школы. И мы с А.И. посмеялись: мол, каждый судит по степени своей испорченности, т.е. сам способен «наушничать», так думает, что все такие.

А еще смеялись над тем, что я – любимица Некрича, хорошо, что хоть не любовница. А как было не посмеяться над логикой учителей. как может изначально плохой учитель да еще при неординарных обстоятельствах (ведь когда кто-то посторонний присутствует на твоём уроке, ты невольно волнуешься, можешь допустить оплошность какую-нибудь даже, а вот Ольга Марковна при посторонних людях на уроке из плохого учителя перевоплощается в хорошего. по-моему, это возможно только «по щучьему велению.»)

Вдоволь насмеявшись, мы сделали вывод: если я всё же иногда на уроке могу перевоплощаться из плохого учителя в хорошего, значит, я не совсем уж плохой учитель, только на уроках не работаю, отдыхаю, как говорят в народе о нерадивых работниках, «баклушки бью», а дети, например первоклассники, сами учатся. Уж не гипнозом ли я обладаю?!

И А.И. продолжила свой рассказ: «В конце первой учебной четверти на имя председателя горисполкома пришла жалоба будто бы от родителей твоего класса с просьбой, избавить их детей от этого плохого учителя (т.е. избавить от меня), который их детей не только плохо учит, но ещё и обзывают, и бьёт. Эта учительница мол, всегда раньше в других школах плохо работала, только если кто-то посещал её уроки, она перевоплощалась и давала хороший урок. А хвалит её только Г.М. Некрич, заведующий гороном так как она – его любимица. Под жалобой была подпись: «Семнадцать

родителей», т.е фамилии ни одного родителя не было.»

Для проверки жалобы, хотя сразу было видно, что это анонимка, была создана комиссия, которая проверку начала с того, посещали ли мои уроки директор школы и завуч, а коли посещали, какие выводы сделали по моим урокам, вообще о моей работе. Комиссия обнаружила, что уроков моих ими посещено даже очень много, а выводы только отличные. Тогда А.И., директор, рассказала комиссии, как проходило в учительской школы обсуждение меня как учителя ещё перед моим приходом в школу, при чём были сказаны эти же слова, что и написаны в жалобе, а администрации школы не поступало ни одной жалобы от родителей на учительницу. И комиссии стало ясно, кто писал эту анонимку: уж точно не родители, а кто-то из тех, кто не желал видеть меня в педагогическом коллективе этой школы, так как в анонимке слова, которые были сказаны в учительской ещё до моего прихода в школу.

Комиссия решила меня с этой жалобой вообще не знакомить, администрации школы было наказано меня не посвящать, что такая жалоба была, чтобы не волновать без причины. Но А.И. не рассказать мне не могла. А я подумала: «мои недоброжелатели «сели в лужу» определённым местом. Как же, наверное, их глажет злость: цели не добились, не могли меня из школы выжить, а под подозрение комиссии попали – стало понятно, чьих рук это дело. А мне стало понятно не только это, но и то, почему на педсовете меня так старательно хвалила завуч ...

В этой школе я работала семь лет; сделала два выпуска из начальной школы – два класса по три года учила, но всё время чувствовала себя чужим человеком. Старалась совершенно не вникать в работу школы, занималась только своим классом. В учительскую заходила два раза в день: до начала уроков – взять классный журнал и после уроков – положить классный журнал. В учительской не задерживалась ни на минуту лишнюю. Но работала, как всегда и везде: с желанием, с охотой, в класс заходила, как на праздник. С детьми находилась полный учебный день: и на уроках, и в перерывы не уходила из класса, чтобы у кого-то не возникло мнение, что я что-то подслушиваю, выглядываю, вынюхиваю, чтобы передать Г.М. Некричу, заведующему гороню. Много занималась после уроков со слабенькими учениками.

Вела много внеклассной работы. Дети меня любили. Утром они приходили в школу, но в здание не заходили, а собирались стайкой у школы

и ждали когда я появлюсь из-за гаражей. а, увидев меня, наперегонки бежали меня встречать. Но ... между нами было две дороги: железная и шоссейная – пришлось запретить меня встречать. Тогда они стали до уроков просто стоять у школы и ждать, когда я подойду к школе и одновременно со мной заходили в школу. После уроков мальчики не хотели уходить домой, а вместе играли около школы – пришлось и это им запретить, так как мешали учителям вести уроки, смеялись и разговаривали. Тогда они нашли себе место для коллективных игр в лесочке напротив санэпидемстанции. Я узнала об этом совершенно случайно.

Учились мы во вторую смену. Однажды до уроков я побежала в больницу Времени – часов десять. Бегу по тропке рядом с железной дорогой, вдруг вижу: на опушке леса дети. Ба ... да это же мои школьники! Все в сборе из других классов никого нет. Думаю, зачем они собрались? Что тут делают? И мальчики рассказали, что сделали себе шалаш – штаб и играют в войну в этом лесочке. Сколько я работала в школе, в моём классе никогда не было разговоров о дисциплине, не было ни ссор, и уж, конечно, ни скандалов или драк. Особенно дружными между собой были мальчики, не было случая, чтобы они обидели кого-то из девочек или друг друга.

Когда эти дети учились в первом классе, было несколько интересных праздников: «Приём в октябрьта» – 6 ноября 1971 года была создана октябрьская группа «Алый галстук»; «Прощание с букварём», «Новогодний праздник» «Праздник для мам», «Книжкины именины» – всё это были праздники внутри класса, дети учили свои слова и старались чётко их сказать. А уже в начале учёбы во втором классе пришлось показать себя учащимся и педагогическому колективу всей школы.

В 1972-1973 учебном году мой класс стал 2б классом. В этот учебный год в школе внеклассная работа проводилась по теме: «Наша Родина – Советский Союз» в форме фестивалей Союзных республик. В начале учебного года каждый класс получил задание представить какую-то Союзную республику. Моему классу досталась Армянская Советская Социалистическая Республика, которую мы должны были показать первыми в школе уже 10 октября, т.е. в начале второго месяца учебного года. Дата 10 октября дана была мне, думаю из расчёта, что времени на подготовку будет мало, а дети – малыши, за плечами у них всего один учебный год, в который они только изучали буквы и учились читать. А потом были трёхмесячные летние каникулы – и вдруг за месяц нового учебного года, когда

дети за лето поди и читать-то разучились, надо подготовить и представить такую Союзную республику, о которой и материал-то найти очень непросто: в городской библиотеке его мало, а в школьной его -вообще нет.

Ребяташи мои «общарили» все журналы, какие были у них дома, журналы соседей и родственников, и, если хоть какая-нибудь статейка или картинка встретилась об Армении – всё тащили в класс, и мы оформили альбом об Армении, который в моём архиве хранится до сих пор. По сбору материала хорошую помощь окказал мне книжный магазин, в котором нашлись несколько детских книжечек об Армении, а в нескольких сборниках стихов встретились и стихи армянских поэтов.

Написала сценарий, дала детям выучить материал и после уроков стали проводить репетиции. Мы рассказали о географическом положении Армении, климате, растительном и животном мире, промышленности и сельском хозяйстве, о культуре; сшили два мужских и три женских национальных армянских костюма, разыграли несколько сценок, даже музыкальную сказку Дауханяна «Девочка-Весна», рассказали стихи, пословицы, а Евдокимов Алёша, Ежов Игорь, Володина Лена и Суслова Луиза танцевали национальный армянский танец, спели армянскую песенку – здесь большую помощь оказала нам преподаватель пения школы.

Праздник удался, я лично была восхищена моими учениками: как они говорили, как выполняли свои роли – надо было видеть и слышать! Потрудились мы много, но выступили достойно – я в этом осталась убеждена: была удовлетворена работой, что со мной бывает нечасто. Даже чаще бывала недовольна своими успехами – всю жизнь мне кажется, что сделано мною мало и не очень качественно; анализируя свою работу всегда нахожу недоделки. А тут, как говорят, все прошло на одном дыхании. Зал был полон учеников и учителей, все смотрели, затаив дыхание. Дети чувствовали, что я ими довольна и вели себя раскованно, как будто раньше всю жизнь выступали на сцене.

Не знаю, что чувствовали мои недоброжелатели, когда видели на сцене моих малышей, у которых за плечами один учебный год и один месяц подготовки, я же думаю, что они были не только удивлены, а даже поражены: с каким гробовым молчанием все слушали наше действие в таком же молчании все встали и тихо вышли из зала – никто не произнес ни одного слова. В зале с нами осталась только преподаватель пения, которая не могла сдержать радость за нас, восхищалась ребятишками. И я радова-

лась, что все прошло хорошо.

Я – человек такой: мне сделают пакость, обидят меня до глубины души, – я очень тяжел с это переживаю. Но никогда ни с одним своим обидчиком не выясняла отношений, т.е. никого никогда не спросила. почему он так обо мне сказал, заледом зная, что это неправда; или почему так поступил – хотел «облизать меня грязью» намеренно, унизить перед другими, создать определённое мнение обо мне. А какой смысл выяснить отношения – дело уже сделано, и ничего изменить нельзя, мне только остаётся дожидаться, когда люди наслушавшись за мной, убедятся, что я – не такой человек, каким меня представили обидчики, и мнение обо мне изменится. Конечно, одним днем это не сделать, но со временем люди разглядят меня и убедятся в обратном я убеждена в этом.

И дома, после фестиваля, анализируя, как прошёл фестиваль, как нас слушали и в глубокой тишине ушли из зала, мне стало ясно. во-первых, сегодня я показала, на что я способна, что я кое-что в жизни умею и могу и как учитель, и как педагог; во-вторых, выступив на фестивале со своими малышами не только всесторонне представили Армению, но и хорошо представляли, да если ещё и учесть, что первыми выступали, времени на подготовку было мало, можно считать, что высоко подняли «планку фестиваля», как бы задали тон всему школьному фестивалю – все наши гости в зале: и ученики, и учителя – поняли, чтобы не «сесть в лужу», надо выступать не только не хуже этих самых маленьких «артистов» в школе, а значительно лучше ведь их ученики старше, значит, выступать должны будут хорошо – обязательно придётся крепко потрудиться.

А, в-третьих, я поняла, что фестиваль стал ещё одной моей победой над моими недоброжелателями, и впредь они не только не посмеют меня оболгать, а если виникеещё теплится хоть капля порядочности, им будет стыдно за ту «грязь», которую вылили на меня перед моим появлением в коллективе и за анонимку, написанную ими в горисполком, хотя бы перед собой – и то уже ходило, может быть, впредь с другими не будут так поступать.

Во втором классе моя октябрятская группа стала работать под руководством Дома пионеров города. А всё началось так: в один из первых дней сентября меня с классом пригласили в Дом пионеров участвовать в игре «Октябрьская эстафета». Мы, конечно, с удовольствием пришли и выполнили все требования игры. Нас похвалили, но, видимо, никак не отнесли, только позднее дали фотографии на память.

02.10.72 г. Дом пионеров для октябрят вторых классов города проводил городской «Праздник знаний». За активное участие моя октябрятская группа была награждена Похвальным листом Дома пионеров.

02.11.72 г. участвовали в городском празднике «Октябрята – будущие пионеры». В награду получили открытку с символами Октябрьской революции с надписью: «Октябрятской группе «Алый галстук» школы № 1 – лучшей в первом этапе эстафеты «Знаем – выполняем», Желаем удачи во втором этапе – смотре «Строя и песни».

27 ноября 1972 года за участие в смотре «Строя и песни» получили Похвальный лист дома пионеров с надписью: «Артёмовский дом пионеров награждает октябрятскую группу «Алый галстук» 2б класса школы № 1 за второе место в городском смотре «Парад октябрятских войск».

В течение ноября-декабря провела заочное путешествие по Союзным республикам, посвящённое Дню Конституции СССР. собрали материал и изготовили альбом «Моя Родина – СССР».

11 декабря участвовали в городском празднике «Родина моя». Получили Похвальный лист с надписью: «Артёмовский Дом пионеров награждает Октябрятскую группу «Алый галстук» школы № 1 за хорошую подготовку к празднику «Родина моя».

20 декабря участвовали в празднике «Городской конкурс поделок». Получили Похвальный лист с надписью: «Артёмовский Дом пионеров награждает лучшую Октябрятскую группу «Алый галстук» 2б класса школы № 1 за активное участие в городском конкурсе поделок».

30 декабря участвовали в школьном новогоднем празднике, где представляли музыкальную сказку «Золотой ключик», в которой много герояев. Для сказки все дети приобрели нужные маски, подготовили костюмы.

Ко Дню Советской Армии прослушали материал о создании Советской Армии, читали рассказы о героях гражданской и Отечественной войн, о героях-пионерах. Подготовили концерт, выступили на школьном празднике и на электростанции у шефов класса.

К празднику Международному Женскому дню 8-ое Марта подготовили подарки мамам.

28 марта 1973 г. провели октябрятский сбор на тему: «Октябрята – смельчаки ребята». Собрали материал об октябрятках – «участниках в Отечественной войне и геройских подвигах октябрят в мирное время». Получили Похвальную грамоту с надписью: «Совет пионерской дружины имени Спи-

цына награждает октябрятскую группу «Алый галстук» за активную работу по теме «Октябрята – смелые ребята».

8 апреля приняли участие в общешкольной игре на тему: «Светофор». Подготовили дорожные знаки, макеты машин и светофора, изучили правила дорог и улиц, подготовили концерт. За первое место в конкурсе среди учащихся начальных классов родной школы получили настольную игру «Светофор».

15 апреля приняли участие в городском празднике «Запевай-ка». Получили Похвальный лист с надписью: «Артёмовский Дом пионеров награждает Октябрятскую группу «Алый галстук» 2б класса школы № 1, занявшую первое место в пятом этапе «Запевай-ка» городской октябрятской эстафеты «Знаем – выполняем».

21 апреля приняли участие во Всесоюзном Ленинском субботнике. Собрали 352 кг бумаги. Лучшие сборщики: Игорь Буторин собрал 70 кг. Серёжа Самофеев – 35 кг, Луиза Суслова – 31 кг – были награждены Похвальными листами городского Дома пионеров.

В конце мая 1973 года на площади Советов проходил слёт пионерских дружин и комсомольских организаций школ города и района, где подводились итоги работы за 1972-1973 учебный год. Слёт посвящался теме: «50 лет образования СССР». На этот слёт был приглашен один мой класс из всех начальных классов школ города как лучшая октябрятская группа города и был награждён Дипломом Артёмовского городского отдела народного образования с надписью: «Артёмовский горено награждает лучшую октябрятскую группу «Алый галстук» 2б класса школы № 1 за участие в городской эстафете «Знаем – выполняем».

Я уже писала раньше, что всегда проводила политинформации в своих классах и начинала проводить их в доступной форме с первого класса. Политинформация – первый помощник учителю в привитии ученикам любви к своей Родине, к своему городу, к своему народу. Помощник учителю в патриотическом воспитании своих учеников.

Из информации учителя дети узнают о новостройках страны, родного города, в котором живут; о достижениях в науке и технике, в искусстве, и что всё это достигается героическим трудом людей, узнают о героических подвигах людей страны. У учащихся возникает чувство гордости за свою страну, за свой народ, появляется желание участвовать в великих делах великой Родины – вывод: надо хорошо учиться, получать знания и смо-

жешь многое сделать для родной страны, для родного города, участвовать в великих делах.

В те годы у нас в городе была одна газета «Артемовский рабочий» Появился в газете новый ответственный секретарь Л.Усова. она и в городе была новым человеком. Ей в следующем году предстояло отдать дочку учиться в первый класс. Ей порекомендовали меня, мол, О М. будет набирать первый класс. Она изъявила желание познакомиться со мной. Пришла в школу к концу уроков и попросила разрешение войти в класс.

Да, уроки закончились, но у нас шла политинформация. Людмила Георгиевна с удовольствием прослушала политинформацию и была очень удивлена, что дети проучились в школе всего два года и два месяца, т.е. ещё малыши, а уже разбираются в международных событиях. Она захотела поговорить с учениками о их жизни в классе, и в газете появилась такая статья: «Их назвали октябрятами в День рождения Октября».

Наступил новый 1973-1974 учебный год. Моему 3б классу предстояло готовиться к вступлению в пионеры. И руководство подготовкой к вступлению в пионеры в 1973-1974 учебном году Артемовский городской Дом пионеров решил взять на себя. 3 октября октябрят третьих классов всех школ города пригласили в Дом пионеров, где прошёл праздник –старт игры «Путешествие в страну Пионерию». Всё «путешествие» было разделено на этапы. На этом празднике октябрят получили задание на первый этап.

I этап «Город Историйск».

На этом этапе по заданию Дома пионеров октябрят встретились с первым пионером Ниной Ивановной Антроповой. От неё узнали, что она жила и училась в селе Покровском. Первый пионерский отряд в Покровской школе был организован в 1924 году. Первый пионерский сбор проходил на сельской площади. Первым пионерским вожатым был Михаил Петрович Валов, первым барабанщиком был Боря Пономарёв, первым штатным пионерским работником был Владимир Плеханов.

Пионерская форма: белая блузка с напуском, чёрные шаровары с напуском, красный галстук и посох. Пионеры разучивали песни, маршировали под песни, ходили в походы. играли в военные игры, собирали металлом, распространяли среди сельского населения художественную литературу, учили неграмотных читать, разъясняли среди населения вред религии, необходимость подписки на газеты, убеждали население обращаться к врачам, а не к знахаркам.

Октябрята на этом этапе разучили три пионерские песни: «Песня о первом пионерском отряде», «Взвейтесь кострами», «Картошка», посетили общедружинный пионерский сбор.

А кроме выполнения задания Дома пионеров, в это же время совершили экскурсию на городской аэродром. Дождались посадки вертолёта, побеседовали с лётчиками и все побывали внутри вертолёта. Луиза Суслова даже сочинила стихотворение:

Мы шли на аэродром
Весело и дружно.
Луга зелёные кругом
Встречали нас радушно.
Нас провожал берёзок строй
Зелёный в позолоте.
Мы шли, готовые взлететь
В огромном самолёте.

После экскурсии на аэродром отдыхали в лесочке: съели завтраки, что приготовила каждому мама; играли, пели песни, благо день был тёплый, солнечный располагал к отдыху. Домой пришли только вечером, уставшие, но в отличном настроении.

Провели утренник «Опрятность и аккуратность в одежде». Нарисовали картинки «Твои помощники всегда» (душ, мочалка, мыло душистое, полотенце пушистое, щётки одёжная и обувная).

Провели праздник «Золотая осень».

Провели октябрьский сбор на тему: «Дети пионерского возраста – участники Великой Октябрьской социалистической революции».

Миша Воронов, Котя Мгебров – Чекан; разведчики Чапаевской дивизии – Петя и Шура Шароновы; разведчик Алтайского партизанского отряда – Кира Баев; герой Ариении – Ованес Коклихян. Сходили на электростанцию поздравили своих старших друзей-шефов с праздником Октября, выступили с художественной самодеятельностью.

3 октября 1973 г. в Доме пионеров отчитались о работе октябрьской группы «Алый галстук» на первом этапе путешествия в страну Пионерию, получила жетон – фолик из красной бумаги размером 2,5 x 2,5 (см).

Получили задание на II этап.

II этап: «Республика «Салют»

На втором этапе путешествия в страну Пионерию в классе провели

следующую работу:

1. познакомились с революционными символами: с Боевым Красным Знаменем, с гербом, серпом и молотом, с Красной Звездой;
2. изучили пионерскую символику: Красное знамя, Красный флаг, пионерский галстук, значок «Всегда готов!», призыв к пионерам, салют.
3. ознакомились с историей Красного Знамени;
4. встретились с председателем горкома профсоюза работников пропаганды З.П. Волковой;
5. встретились с Г.И. Сусловым, начальником Егоршинской электростанции;
6. встретились с Н.А. Емельяновой, работником горкома КПСС;
7. разучили песни «Красное знамя», «Красный галстук», «Праздничная»;
8. выучили стихи о пионерском галстуке, Красном знамени, Красном флаге, о гербе СССР;
9. провели октябрьский сбор, где подвели итог всей работы;
10. провели экскурсию в геологический музей Зауральской геологоразведочной партии.

Историю Красного знамени записали в альбом «Жизнь октябрьской группы «Алый галстук», который сохранился до сих пор.

«Более тысячи лет тому назад одно из крестьянских восстаний на Ближнем Востоке носило название «Красное Знамя» – это одно из первых упоминаний Красного знамени.

В XVI – XIX веках восстания проходили под Красным знаменем на баррикадах Парижа, Берлина, Будапешта.

В 1876 г. в Петербурге во время большой демонстрации революционеры впервые подняли алый стяг. Красное знамя стало в России символом пролетарской революции.

В 1917 г. победила Великая Октябрьская социалистическая революция – Красное знамя становится государственным флагом первого в мире государства рабочих и крестьян.

За переходящее Красное знамя боролись строители Уралмаша и Комсомольска-на-Амуре, Туркестано-Сибирской железной дороги и Магнитки, энергетики Дивногорска и нефтяники Тюмени. Труженики всех предприятий и организаций нашего города, всей страны борются за переходящее Красное знамя.

Знамя есть у каждой воинской части. Боевое знамя – символ воинской части. Пока существует знамя, пока оно развевается над рядами воинов, существует воинская часть. – утеряно в бою знамя, попало в руки врагов – часть перестала существовать, её расформируют. Боевое знамя вдохновляет на борьбу за свободу.

Каждая пионерская дружина школы, детдома, пионерского лагеря, каждая районная, городская пионерская организация юных пионеров имеет своё Красное знамя – символ чести и сплочённости юных пионеров, символ верности делу революции, Коммунистической партии, Советской Родине.

Знамя пионерской организации представляет собой красное полотнище размером 90 на 120 (см). на лицевой стороне полотнища изображён значок «Всегда готов!» и призыв к пионерам: «В борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!» А на обратной стороне – название дружины или наименование городской пионерской организации, которой принадлежит знамя.

Знамя бережно хранится в пионерской комнате в специальной стойке в зачехлённом виде или под прозрачным прикрытием.

Знамя выносится в дни всенародных праздников, в знаменательные дни города, в знамечательные дни школы (на сборы, слёты, парады, спортивные соревнования)

Знамя Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина хранится в ЦК комсомола. Его выносят на торжественных Всесоюзных слётах пионерии, в дни больших пионерских парадов перед Мавзолеем В.И. Ленина на Красной площади в Москве. На нём прикреплено два ордена Ленина, которыми награждена Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина.

«Знамя красное знамя свободное
В алых каплях рабочей крови,
Вейся выше за дело народное,
Символ равенства, братства, свободы.
Это знамя, что рвет сейчас над тобой.
Александра Матросова в битве вело.
Это знамя, как будто Отчизны крыло,
Осеняло московскую школьницу Зою.»

3 ноября 1973 г. в Доме пионеров отчитались о работе на II этапе игры

«Путешествие в страну Пионерию». Получили жетон – ромб из красной бумаги и к нему приписку: «Лучшей октябрятской группе 3б класса Артёмовской средней школы № 1 во II этапе игры «Путешествие в страну Пионерию».

Получили задание на III этап.

III этап. Город «Весёлые ребята» – подготовка и проведение Новогоднего праздника.

27 декабря 1973 г. в Доме пионеров отчитались о работе на III этапе:

1. изготавливали снежинки и игрушки на конкурс для городской новогодней ёлки, который проводил Дом пионеров;

2. готовили костюмы и самодеятельность для школьного новогоднего праздника.

Артемовский Дом пионеров наградил Похвальной грамотой «октябрятскую группу 3б класса школы № 1 за лучшие работы в городской выставке новогодних игрушек.»

25.01.74 г. Класс получил жетон – ромб из красной бумаги и приписку к нему: «Лучшей октябрятской группе города 3б класса школы № 1 в III этапе игры-путешествия по стране Пионерии «Весёлые ребята». Совет друзей октябрят.

IV этап. Город «Родная дружина» (с 12.01.74 г. по 23.01.74 г.).

1. Изучили Летопись пионерской дружины школы;

2. встретились со старшой пионерской вожатой школы Л.И.Кузьминых она познакомила с работой пионерской дружины школы во Всесоюзном марше «Всегда готов!»;

3. встретились с правофланговым пионерским отрядом имени Зои Космодемьянской (ба класс);

получили жетон – ромбик из красной бумаги и приписку к нему: «Лучшей октябрятской группе города 3б класса школы № 1 на привале «Родная дружина».

Совет друзей октябрят.

V этап. Город «Море разноцветных галстуков» (с 26.01.74 г. по 08.02.74 г.).

1. Ознакомились с историей пионерского движения в социалистических странах: ГДР, Польша, Болгария, Чехословакия, Венгрия;

2. узнали о детских организациях в Англии и Франции;

3. провели утренник на тему: «Перекличка» пионеров Советских социалистических республик (рассказывали о делах пионеров Советских

республик);

4. 28.01.74 г. Участвовали в школьном октябрятском конкурсе массовых и бальных танцев. Заняли первое место среди 1-3 классов школы;

5. 08.02.74 г. Участвовали в городском конкурсе бальных и массовых танцев в Доме пионеров: заняли первое место.

Артёмовский городской Дом пионеров наградил Дипломом октябрятскую группу 3б класса школы № 1 за лучшее выступление на городском конкурсе массовых и бальных танцев для октябрят.

Подведения итогов по V этапу в Доме пионеров не было.

VI этап. Станция «Мыс героев» с 11.02.74 г. по 15.03.74 г.

Знакомились с делами пионеров-героев по темам:

а) пионеры – Герои Советского Союза: Зина Портнова. Марат Казей, Валя Котик, Боря Цариков. Лёня Голиков;

б) пионеры – Герои Социалистического труда: Натели Челебадзе, Турсунали Матказимов;

в) пионеры – герои, наши земляки: Павлик Морозов, Коля Мяготин.

г) Герои Октябрьской революции и гражданской войны (дети): Миша Воронов. Котя Мгебров-Чекан, Петя и Шура Шароновы – разведчики Чапаевской дивизии; разведчик Алтайского партизанского отряда – Кира Баев; герой Армении – Ованес Коклихян;

д) пионеры – Герои Отечественной войны: Петя Клыпа, Саша Бородулин, Аркаша Каманин, Володя Казначеев, Юта Бандаревская, Саша Ковалёв, Валя Зенкина, Вася Коробко, Валерий Волков, Володя Щербацевич, Нина Коковерова Витя Хоменко, Шура Кобер. Ваня Андриянов, Саша Колесников, Надя Богданова. Люся Герасименко, Муся Пинкензон;

е) узнали о тимуровской работе пионеров нашей школы,

ж) узнали, что пионеры дружины имени Спицына, нашей школы, с 1969 г. являются участниками ВДНХ СССР;

2. написали сочинения на тему: «Мой любимый герой – пионер»;

3. подготовились и участвовали в школьном смотре песни и строя, заняли первое место среди октябрятских классов;

4. коллективно просмотрели кинофильм «Сильные духом» о Николае Кузнецовой, разведчике, чье имя будет носить наш пионерский отряд;

5. совершили однодневный поход на лыжах на Лысую гору;

6 провели военную игру – взятие снежной крепости;

7. разучили стихотворения о героях-пионерах: о Зине Портновой, о Ва-

лерии Волковом, о Павлике Морозове, о Коле Мяготине, о Вите Иванове;

8. разучили песни: «В будёновке – шапке», «Трубач», «Мы верны пионерскому знамени»;

9. провели октябрятский сбор на тему: «Герои – пионеры».

Сочинение на тему: «Мой любимый герой – пионер»

Ученицы 3Б класса Артёмовской восьмилетней школы № 1

им. С.М. Синицына

Сусловой Луизы

15.03.74 г. отчитались Дому пионеров. Получили жетон с припиской: «Лучшей октябрятской группе 3Б класса школы № 1 на привале «Мыс героев».

Совет друзей октябрят.

И открытку с надписью: «Лучшей октябрятской группе «Алый галстук» за успешное путешествие на этапе «Мыс героев». Удач вам, октябрят!»

Совет друзей октябрят.

VII этап. «Станция «Пионерская» с 15 марта 1974 г. по 22 апреля 1974 г.

1. Совершили экскурсию в столицу пионерской дружины нашей школы имени Спицына – в пионерскую комнату. Там ознакомились:

а) с Законами юных пионеров;

б) с Торжественным обещанием пионера Советского Союза;

в) с пионерским призывом: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!»;

г) с Указами о награждении Всесоюзной пионерской организации им.

В.И. Ленина двумя орденами Ленина:

д) с пионерской атрибутикой: горном, барабаном;

2. все октябрята выучили «Торжественное обещание»;

3. прослушали беседу старшой пионерской вожатой дружины имени С. Спицына (нашей школы) на тему: «Торжественное обещание» – это клятва на верность Родине, Коммунистической партии, коммунизму:

4. провели праздник на тему: «Гайдар шагает впереди», вспомнили о делах пионеров в произведениях А.П. Гайдара.

Ученики: Серёжа Самофеев, Игорь Ежов, Серёжа Зайков, Олег Павлов разыграли сценки из произведений Гайдара: «Чук и Гек», «РВС», «Тимур и его команда». Рассказали стихи о Гайдаре. Все хором исполнили песню «Гайдар шагает впереди»;

5. приняли участие в школьном конкурсе стихов о Ленине. Стихи рас-

сказывали Оля Мартынова, Игорь Ежов, Вера Исакова, Лена Володина;

б. провели октябрятский сбор, где подвели итоги успеваемости октябрят и всех октябрятских дел. Обсудили, все ли октябрята достойны стать пионерами.

Итоги учёбы были такими:

а) отличников в классе 4 человек: Игорь Ежов, Вера Исакова, Оля Мартынова, Таня Хмелёва;

б) на «4» и «5» стабильно учатся 16 человек;

в) неуспевающих нет.

В октябрятских делах все октябрята активно участвуют. Значит, все достойны стать пионерами.

22 апреля День рождения В.И.Ленина. В этот день на дружинном собрании нашу октябрятскую группу приняли в пионеры.

Старшая пионерская вожатая охарактеризовала работу октябрятской группы заострила внимание, что на всех этапах игры «Путешествие в страну Пионерию» октябрята очень активно работали; узнали очень много о пионерской организации, поняли, что в пионеры принимают не всех, а только лучших октябрят, которые хорошо учатся, дисциплинированы и активны в делах, всегда аккуратны, что пионер – всем ребятам пример. Принимая в пионеры октябрят октябрятской группы «Алый галстук», мы уверены, что эти ребята станут достойными пионерами.

Представитель городского Дома пионеров сказал так: «На всех этапах игры «Путешествие в страну Пионерию» октябрята октябрятской группы «Алый галстук» очень активно работали, регулярно отчитывались городскому Совету друзей октябрят о своей работе. Городской Совет друзей октябрят признал октябрятскую группу «Алый галстук» лучшей октябрятской группой в городе. И сегодня награждается Артёмовским городским Домом пионеров Дипломом «Лучшая октябрятская группа «Алый галстук» 30 класса школы № 1 за активное участие в игре «Путешествие по замечательной стране Пионерии».

Октябрята дали Торжественное обещание, и лучшие пионеры дружины повязали им на шею пионерские галстуки, а на блузку или рубашку каждому прикололи пионерский значок. И на призыв старшой пионерской вожатой. «Пионеры к борьбе за дело Ленина и Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» Мои ребятишки впервые взметнули руки для пионерского салюта и дружно ответили: «Всегда готовы!»

Для меня этот момент был очень волнителен. Я даже прослезилась: свершилось то, к чему мы с ребятишками шли три года и не просто шли, а усердно трудились.

А закончили третий учебный год мы однодневным походом в пионерский лагерь «Салют». Провели экскурсию по лагерю, посидели на берегу маленькой лагерной речушки и, отойдя метров на двести пятьдесят от лагеря, расположились на красивой просторной поляне. Развели костёр, подготовили обед. После обеда немножко отдохнули, и началось веселье: провели эстафету. играли, пели, собирали цветы и плели венки. Домой вернулись часов в восемь, конечно, усталые, но с отличным настроением.

Итак, этот класс я передала в старшие классы и получила вновь первый класс, с которым работала следующие три года. Внеклассная жизнь этих ребят была не только не менее интересной, а значительно интересней, так как Дом пионеров перестал работать напрямую с октябрятами школ города, и я стала сама планировать внеклассную работу, проводилось больше встреч с интересными людьми. больше экскурсий. Например, когда этот класс закончил начальную школу, мы ходили в поход уже на два дня. Поход проходил под руководством Бориса Григорьевича Подшивалова, отца Тани Подшиваловой, ученицы этого класса.

Борис Григорьевич – турист, прошедший в своё время не только, как говорят, «вдоль и поперёк» Уральские горы, но и горы, расположенные на западе и юге нашего огромного в то время государства – СССР; пешком прошёл Камчатку, часть Приморья; спускался на байдарках по некоторым уральским и даже рекам Сибири.

Наш маршрут был, конечно, недлинным, но общение с Борисом Григорьевичем было не только интересным (рассказал несколько случаев из своей туристической жизни), но и полезным: учил детей ставить палатку; как спускаться по почти отвесной горе, как разжечь костёр и воспользоваться им для приготовления пищи.

А маршрут наш был таким: от города Артёмовского до села Мироново ехали на автобусе, от Мироново шли пешком берегом реки Режа до села Раскатиха.

Вдруг дорогу нам преградила гора восточная отвесная которой опустилась в реку. Борис Григорьевич сказал: «Это огромный камень. в народе прозван Мантуром камень. Обойти по реке камень невозможно – глубоко. Придётся нам продолжить путь через этот камень, так что по

южному пологому склону камня будем на него взбираться.» Команда – и все ринулись взбираться на гору, где на ногах, а где и на четвереньках.

Вскарабкались. Огляделись. Горизонт расширился – стало видно всё вокруг на несколько километров. И нашему взору открылись неописуемые картины природы. А как легко дышалось на горе! Оглядев окрестности камня, вдоволь позовсхищаясь красотой нашей уральской природы, мы расположились на отдых, ещё не зная, какое серьёзное испытание ждёт нас впереди.

Отдохнули. Собрались продолжить путь – тут Борис Григорьевич заявляет: «Наш путь будет дальше продолжаться по берегу реки. Но обходить камень по северо-западному склону мы не будем – этот путь нас уведёт далеко от реки. Чтобы не потерять время, мы будем спускаться с камня сейчас прямо к реке».

Все от услышанного о немели. Надо было видеть выражения лиц моих ребятишек: и недоверие (подумали: Борис Григорьевич шутит), и удивление (как можно спускаться по отвесной горе?!?) и страх (а вдруг он говорит это серьёзно).

Когда я услышала это известие и представила картину нашего спуска иной выладела жуть. Но Борис Григорьевич продолжал: «Каждый турист, что побывал когда-то здесь, спускался с этого камня прямо к реке, а некоторые и поднимаются ещё этим же путём обратно на камень – все хотят проверить свои способности, как бы утвердиться перед, например, друзьями, в общем, перед всеми, кто окажется рядом. Вот и мы не обойдём это испытание. Мы что? Не туристы что ли? Трусишки какие-то? Нет! Это испытание мы пройдем и докажем, что мы – туристы, себе докажем.»

Уверенность Бориса Григорьевича меня немножко успокоила. Но только немножко. Страх за ребятишек пугал по-прежнему. Единственно, что успокаивало немножко: они дети, лёгкие, подвижные, тренированы; ведь дома играя попадают в разные, иногда трудные ситуации, но выкручиваются же.

Начали спускаться. Есть тропка, но очень уж узкая, на некоторых отрезках пути буквально в ширину одной стопы. Да и по склону горы петляет без конца эта тропка, на некоторых поворотах спуска становится очень даже неприятно, стоящновато. Но дети на трудных участках спуска смеялись, шутили, помогали друг другу. На самых трудных отрезках спуска помогали детям и Борис Григорьевич.

Всё обошлось благополучно, дети показали себя настоящими туристами.

ми, оказывается, «у страха глаза велики».

Двинулись дальше. Постепенно день стал клониться к вечеру. Вдали скоро показалось село. Прошли и его. Местные ребяташки, их собаки сопровождали нас. Остановились, примерно, в полкилометре от села, на красивейшей поляне, окаймлённой с одной стороны рекой, а с другой – небольшой горкой, покрытой лесом. Всё предгорье усыпано цветами. Каких цветов только нет!

Все принялись за работу. Одни ставят палатки, другие собирают хворост, третья разжигают и поддерживают костёр, четвёртые готовят ужин.

Управились с делами. Поужинали – начало смеркаться. На небе появилась луна и осветила нашу поляну, реку и лес – красота, какую в городе не увидишь. Даже обсудили, кто, какую из окружающих нас картин природы, захотел бы запечатлеть на холсте. Кто-то реку, за ней лес и полную луну на тёмно-голубом небе. Другие – гору покрытую цветами, а за ней лес. Третья написали бы ночь, в небе яркая луна освещает всю поляну, а вдали чуть вырисовываются контуры сельских домов. Были и другие варианты. Например, кто-то написал бы поляну, освещённую луной, а на ней палатки и догорающий костёр. Были и такие, кто захотел дополнить эту картину туристами, сидящими в разных позах у костра. А некоторым захотелось чтобы туристы танцевали у большого костра.

Все устали за день, но спать не хотелось – так уютно у догорающего костра под покровом тёплой летней ночи!

Спалось на лесном воздухе очень хорошо, но Борис Григорьевич приказал вставать. Воздух посвежел. Умылись в речке. Люда Панышева даже искупалась. Опять разжигали костёр, готовили завтрак, кипятили чай. Позавтракав, двинулись в путь.

Сначала шли опять берегом реки, потом по мосту перешли с левого берега реки на правый и стали подниматься в гору к санаторию «Самоцвет». Благо, что у отдыхающих в санатории было время обеда, видимо и послеобеденного отдыха – территория санатория была безлюдна, и мы обследовали каждый уголок территории санатория. Отдохнули на скамейках, доели последние припасы и двинулись на станцию Самоцвет.

Дорога была недлинной, но красивой, тянулась между двумя стенами соснового леса. Кругом самые разнообразные цветы. На станции отдохнули и на поезде возвратились домой. Конечно, уставшие, но, думаю, погнаные впечатлений.

Этот первый серьезный поход моих учеников, думаю, запомнился им на всегда. Конечно, незабудут переход через Мантуров камень и спуск снегопочти по отвесной горе к реке, ночёвка в лесу в палатке; костёр в ночи на поляне, освещённой луной, а главное – останется в памяти красота родной природы; на что на протяжении всего пути я обращала самое серьёзное внимание.

Этим походом третий учебный год в жизни этого класса закончился, и на следующий день я со своими учениками рас прощалась.

... Прошло семь лет. Шесть из них я проработала не в школе уже, а в городском музее. Школа же по-прежнему работала, а ученики мои продолжали учиться. О школе я начала уже забывать, а привыкла к новой работе.

Вдруг получаю «Приглашение»: «Уважаемая, Ольга Марковна, приглашаем Вас на праздник «Последний звонок».

Ваши выпускники 1977 года.

Этот день – праздник «Последний звонок» заставил меня не только вспомнить многое из моей работы в школе, но буквально многое вновь как бы пережить, прочувствовать. Поэтому этот день я никогда не забуду. Класс заканчивает школу, осталось сдать последние экзамены. Сегодня праздник «Последний звонок». А перед последним звонком должен быть последний урок.

Последний урок по традиции проводит первый учитель этого класса. Хотя я уже шесть лет в школе не работала, а коли меня пригласили провести последний урок, я с удовольствием это сделала.

Итак, урок. Захожу в класс. Дети встали. Здороваюсь, сажу детей и говорю: «Вы в стенах этой школы выросли, получили знания. А сейчас нам предстоит вспомнить, с какими знаниями вы пришли в эту школу первого сентября 1974 года и чему вы учились в первом классе. И раздаю листочки, на которых эти ученики писали в первый день, когда впервые переступили порог этой школы. Задание было таким: «Нарисуйте то, что вы любите рисовать, а то, что умеете писать, напишите».

У девочек чаще всего нарисовано было подобие домика, цветы, дети; у мальчиков – подобие автомашины, самолёта или танка. Большинство ничего не написали, так как пришли в школу, не умея читать и писать. Кто-то написал несколько букв, а кто-то и слов. Но слова были чаще всего такими МАМА, ПАПА, ТАНК, у некоторых имя сестры или брата ТАНК САША. А Лена Чечекова нарисовала прямоугольник, так изобразила классную доску а рядом человека женского рода и объяснила: «Это ты. Ольга

Марковна.» Когда над рисунками посыпались, начался опрос учеников

Я стала задавать вопросы по программе первого класса, а потом и вообще по программе начальной школы. Ученики в полне серьёзно поднимали руку, желая ответить. вставали и серьёзно отвечали на мои вопросы.

Урок окончен. Все идём в актовый зал. Зал полон гостей: учителя, ученики, родители и много приглашённых, вплоть до первого секретаря горкома КПСС В.Е.Пчелина.

Раздаётся последний звонок, и директор школы А.И. Иеккулова начала своё выступление словами: «Нынче мы выгускаем из школы очень хороших ребят. У нас раньше не было никогда такого хорошего класса и не будет.» Эти её слова в тот момент были бальзамом на мою душу, ведь это мои дети, ведь этим детям я три года не только давала знания, но и внушала, что такое хорошо и что такое плохо.

Да, мы, учителя начальных классов, только три года из десяти, в течение которых, дети учатся в средней школе, работаем с чиной, но ведь мы их получаем малышами, не умеющими читать, не писать, не считать (в мою бытность учителя начальных классов детей к школе в этом плане не готовили, рассуждая: мол, в школе их сразу научат всему правильно) и мы как архитекторы, начинаем из этих малышей «лепить» людей: даём им знания, расширяем их кругозор помимо учебной программы, учим быть добрыми, приучаем к труду, к дисциплине и ответственности за свои поступки.

И нам удается многое. Ведь дети ещё малыши, беспроисловно верят своему учителю, и каждое его слово для них – закон, и если учитель начальных классов сумел своим ученикам дать прочные знания, привить нужные человеческие качества, тогда в средних и старших классах работать с этими учениками – хорошо; «почва» подготовлена только не ленись «сей» знания – и получишь хороший «урожай».

Вот почему слова директора: «У нас раньше не было никогда такого хорошего класса и не будет», на меня творчествовали действительно как бы бальзамом на мою душу: я поняла и радовалась – получился хороший класс и хорошие ребята с ними легко было работать, значит, я дала ученикам прочные знания в начальной школе и заложила в них нужные человеческие качества. Может быть, никто это и не заметил, но я то знаю: без моего упорного, кропотливого труда не было бы у вас, дорогие коллеги таких хороших результатов. Так как же мне было не радоваться – мой труд не пропал даром.

Слова директора школы «Такого хорошего класса у нас не было и не будет» – мне было приятно услышать, но они меня и очень удивили, только удивляться было некогда.

Господа директора школы дали слово мне как их первой учительнице в этой школе. Я поздравила их с окончанием последнего учебного года и сказала, что мне приятно было слышать слова директора школы о вас, что в школе не было класса лучше вашего, и не будет. Я очень рада, что вы меня не подвели как хорошо учились в начальных классах, участвовали активно во всех делах, так, значит, учились до окончания школы, а для учителя нет большей радости, чем услышать хорошие отзывы о своих учениках.

Теперь каждому из вас предстоит безошибочно выбрать профессию; стать хорошим специалистом в этой области и не столько для того, чтобы научиться зарабатывать деньги на жизнь, но и чтобы приносить пользу обществу – только тогда ваша жизнь станет счастливой. Всегда активно участвуя в общественной жизни везде: в стенах учебного заведения, где будете учиться получая специальность; предприятия, где придётся работать города, куда забросит вас судьба – тогда жизнь станет интересной.

А пока желают вам хорошо сдать экзамены, успешно поступить в учебное заведение для приобретения специальности. Вы станете взрослыми, и каждому из вас желаю личного счастья! Хочу быть уверенной, что вы не уроните честь школы и школа в будущем будет вами гордиться!

Пока шла домой, всё думала: почему директор школы так сказала: «Такого хорошего класса не было и не будет». Почему не будет? Изменился климат в школе? Сменился педагогический коллектив? Сменилось руководство школой? Нет и нет. Педагогический коллектив в средних и старших классах в том же составе в основном. Руководство тоже на месте. А прогноз? – Не будет такого хорошего класса. Вопрос: почему не было и не будет в школе больше такого класса – «сверглил» и «сверлил» мой мозг.

Неужели дело только в том, что я дала коллективу преподавателей средних и старших классов такой хороший класс, а учителя, которые работают в начальных классах этой школы десятилетиями и считаются хорошими учителями, их награждают, и никто из них и никогда не подарили школе такого класса как этот мой?

Значит, получается пока я не пришла в эту школу, педагогический коллектив и не знал, что могут быть такие хорошие классы, с которыми легко работать. Так вот почему учители начальных классов буквально восстали против

меня, когда узнали, что я буду работать в их школе – не хотели, чтобы я работала в этой школе – теперь мне стало понятно, что я была действительно права тогда, считая, что они меня испугались – я подорву их авторитет. И подорвала, выходит! Стало жаль, что ушла из школы, надо было ещё поработать – «поутирать нос» кой-кому.

Но размышляя над вопросом, почему такого хорошего класса не было в школе и не будет, натолкнулась на мысль: я в этой школе сделала два выпуска из начальных классов, но с очень хорошим результатом закончил школу только один, этот, второй класс. Может быть, я первый класс хуже учила? Или хуже сработали учителя средних и старших классов? Нет, конечно, нет. Но была причина, что первому классу не быть хорошим, как второму. Какая причина – объясняю.

Первый мой класс закончил начальную школу, т.е. третий класс тоже с приличным результатом: из 27 учащихся 4 ученика с Похвальной грамотой, т.е. отличники: Игорь Ежов, Вера Исакова, Оля Мартынова, Таня Хмелёва с оценками «4» и «5 – 16 учеников. Остальные 7 учеников наряду с повышенными оценками получили по некоторым предметам оценку «3». Класс был организован, активен, дисциплинирован. Считаю, с таким классом в средних классах нетрудно было бы работать. Но этот класс, в некотором роде, постигла беда: многие ученики, причём лучшие ученики, сразу после окончания третьего класса забрали документы и ушли учиться в школу № 12, так как в школе № 1 в то время не преподавался английский язык; преподавался только немецкий. Из четырёх отличников осталась только одна – Вера Исакова. Примеру отличников последовали и многие хорошисты. Я тогда не вникала в этот вопрос, но в школе № 12 видела Олега Павлова, Серёжу Самофеева, Татьяну Хмелёву, Игоря Ежова, были, думаю, и другие мои ученики, так что «звёздочки», активисты, организаторы, с кого брали пример, на кого равнялись, за кем тянулись остальные ученики, ушли из класса – класс, естественно, «посерел», и учителя средних и старших классов сделать его таким же хорошим, как второй, не смогли.

Второй мой класс в средние классы пришёл в полном составе, организованным, дисциплинированным, ни одна «звёздочка» не выбыла из класса, так что два ученика даже закончили школу с золотой медалью: Дмитрий Потибенко и Елена Лебедева. А мои ученики, что ушли в школу № 12 «приукрасили их классы». Например, в 4б класс этой школы влились мои ученицы: Татьяна Хмелёва и Ольга Мартынова. Они были отличницами до

последних классов. Но Ольга не дотянула, у ней, в аттестате две четвёрки, а Татьяна закончила школу № 12 с медалью.

Я, конечно, далеко не со всеми своими учениками держу связь, но сведения имею о многих. Из двух этих, например, моих последних небольших классов, почти половина учеников поступили в вузы, получили высшее образование и стали хорошими специалистами:

Врачей – трое: Алексей Кожемяков – врач Артёмовской ЦРБ, Татьяна Хмелёва – доктор медицинских наук; Елена Лебедева – кандидат медицинских наук.

Учителей – десять из них двое со средним образованием. Кстати трое учителей, моих учениц, работают учителями в этой Артёмовской средней школе № 1: Лариса Семёновна Сметания, Наталья Михайловна Владимирова, Елена Станиславовна Козлова. Елена Володина – преподаватель физики, живёт и работает в Германии. Ольга Мартынова – преподаватель русского языка и литературы, журналист, главный редактор Артёмовского телевидения Луиза Суслова и Татьяна Катюжанская (бывшая Замараева) – преподаватели музыкальных школ. Исакова Вера – логопед. Голуменко Ольга – преподаватель физкультуры в Москве.

Инженеров – девять Алла Малухина Эльвира Розенберг, Олег Павлов, Сергей Зайтов, Евгений Гашков; Олег Емельянов работает в одной из европейских стран – представитель московской фирмы; Дмитрий Потибекко – предприниматель в Екатеринбурге. Дмитрий Лощинин окончил Новороссийское высшее морское пароходное училище – капитан корабля дальнего плавания гражданского флота Равиль Абдулин – офицер, долго служил на Байконуре. Дмитрий Потоскуев окончил Московскую военную академию – военный прокурор, служит в Москве. Думаю, этими моими учениками может гордиться школа, как и многими другими, получившими только среднее специальное образование, но ставшими настоящими специалистами своего дела. Например, Станислав Козуля – строитель; Олег Чехонцов – машинист электровоза; Алексей Евдокимов – мастер подмосковной атомной электростанции; Вадим Бабкин специалист по холодильным машинам; Наталья Краева – специалист в торговле. Светлана Гетман – предприниматель в Минске. Алексей Гоманюк – предприниматель. Владимир Измельцев начальник цеха на Артёмовской ТЭЦ. В настоящее время учится в институте Измельцев Владимир, Фоминых Татьяна. Жизнь заставила их учиться в институте одновременно со своими детьми. А вот

Ольга Ковбан и Юлия Ковбан поступали после школы в медицинский институт, по конкурсу не прошли. Тут же поступили в Свердловское медицинское училище, вскоре перевелись в Ленинградское медицинское училище. Судьбу испытывать больше не стали – медсёстры высшей категории. работают в Ленинграде – жизнью своей довольны. В общем, все мои ученики этих последних моих двух классов стали хорошими людьми – никто из них не опустился, все работают – это теперь главное. Думаю, крепкий «стержень жизни» получили ещё в начальной школе.

А вообще-то, об учениках моего хвалёного второго класса школы № 1 теперь тоже не могу не сказать несколько слов, своего рода штрихов к характеристике класса. И «штрихи» эти особенно мне интересны сейчас, когда прошло тридцать лет, как я с ними рас прощалась и особой связи никакой с ними не держала. Вот некоторые из них:

У меня юбилей – 80 лет. Незваными, негаданными заявляются на юбилей женщины, мои ученицы этого класса: Светлана Гетман, Татьяна Замараева Людмила Паньшина, Эльвира Розенберг. Мне было не просто приятно, а радостно сознавать, что что-то, конечно, первостепенное я значу в их жизни, ведь не отчего же делать они купили подарок и цветы и отправились поздравлять меня. Я никогда не забуду этот их поступок. Я им беспредельно благодарна!

А ещё важный «штрих» вот такой. Алеша, а теперь Алексей Григорьевич Гоманюк, закончил начальную школу у меня в 1977 году. Прошло 30 лет, как мы нигде никогда в течение этого времени не встречались лицом к лицу: Алёша ездит на машине по дороге, а я хожу пешком по тротуару. И вот краем уха, я думаю, Алёша услышал, что в городском музее презентация новой книги Ольги Марковны. И, думаю, Алёша понял, что это – случай встретиться со своей первой учительницей лицом к лицу. Алёша пришёл на презентацию, поздравил меня и подарил целую скатерть из роз.

Неужели я его забуду с его охапкой роз! Никогда не забуду. И в музее раньше Алёша не бывал. Для Алёши это – поступок своего брата. И, думаю, я правильно поняла, во имя чего он его совершил.

А 5 мая 2006 года в школе № 1 коллектив учителей и учеников во главе с директором школы Н.Н. Чехомовой чествовал нас, пенсионеров – Героев-нинек тыла и детей Великой Отечественной войны. Торжественная часть закончилась, началось чаепитие. Обстановка непринуждённая, воспоминания были, и Наталья Николаевна, директор школы, рассказала что бу

ваться на днях разговаривала с А.Г. Кожемяковым, врачом Артёмовской ЦРБ. Речь зашла о его сыночке который нынче пойдёт учиться в первый класс. На её вопрос, в которую школу Алексей Геннадьевич отдаст ребёнка в школу № 12, которая ближе к их квартире, или в школу № 1, в которой учился сам и о которой остались очень хорошие воспоминания. Алексей Геннадьевич ответил: «Теперь какая разница, в которой школе учиться? Ведь ни в школе № 12, ни в школе № 1 Ольги Марковны нет.»

Спасибо Наталье Николаевне, что она передала этот их разговор мне. Эти слова моего Алексея Кожемякова мне очень дороги, дороже всех похвал, я их не забуду никогда.

Я понимаю что Алексей Геннадьевич очень волнуется за своего ребёнка Главное как спокойно отношение его ребёнка с первым учителем, побоищались учителя, а значит и школу. Конечно, лучшим вариантом было бы передать своего ребёнка Ольге Марковне и быть спокойным, что его ребёнка учат, побояться рады малейшему его успеху.

Автору один штрих к характеристике этого класса и довольно небесный.

Конец октября. Юбилей Артёмовской средней школы № 1. Школе – 70. Школа открыта целый день и может любой бывший ученик этой школы зайти в родную школу, побывать в своём классе, посидеть за своей партой, встретиться со своим любимым учителем, что и было днём. А вечером торжественная часть в ДК «Энергетик». У меня было в этой школе два выпуска из начальных классов, и я получила от обоих классов поздравление с таким грандиозным цветы, и очень благодарна им за внимание.

Через день прихожу домой, и мой сосед подаёт мне коробку и говорит: «Вам подарок от выпускников 1984 года». Оказалось, походный радиомагнитофон импортный и настолько красиво оформлен, что его бы не слушать, а только любоваться им – и тогда получил бы удовольствие. И надо же по-то додумалася подарить мне эту вещь! И я представила картину: Много Благачинный день.. Ольга Марковна идёт в парк, гуляет ли по аллее, сидит ли в беседке, отдыхает и слушает музыку – предвкушая такое удовольствие. Сердце уже радуется.

Что можно придумать лучше, чтобы подарить пожилому человеку! Я и не знаю: моя ходячая сажа купить эту вещь, но ведь не купила же да и не додумалась. Но сто-то же от души позаботился обо мне, и я ему от души говорю сказать: «Спасибо! Крепкого здоровья и благополучия тебе и твоим

родным, и близким на долгие годы! Счастья тебе, добрый человеческой, успехов, свершений и побед в больших и малых делах! Дорог не подарок, а внимание ко мне и забота о пожилом человеке! Но кому же все это сказать? Ведь инкогнито. В первое время после юбилея ждала может быть, по телефону позвонит и спросит, передали ли мне подарок. Нет. Кто-то хранит молчание. Я уж у многих моих учеников и бывших на юбилее и не бывших спросила о подарке, все уверяют, что об этом подарке ничего не знают.

Вот такие они, мои ученики. И через десятилетия помнят свою первую учительницу, мне, конечно, очень приятно, что помнят, и радостно. Но кто-то видимо, один сделал этот подарок, но молчит.

А между прочим, после второго выпуска в школе № 1 я еще получила первый класс, с которым поработала только год, те, учила их только в первом классе. Я их очень полюбила, мне их тяжело было оставлять, но я вынуждена была уйти из школы.

Людмила Петровна, что учила по русскому языку эти две группы в средних и старших классах, рассказала мне такой факт.

Игорю Казанцеву, ученику этого класса, на выпускных экзаменах попало сделать фонетический разбор слова. Он сделал его верно, но не в том порядке, в каком делают его, начиная со второго класса. Когда преподаватель его спросила: «Игорь, почему ты сделал фонетический разбор в таком порядке?» – получила ответ: «Так учила Ольга Марковна». А учила Игоря я только в первом классе, то есть однинадцатом классе переучить Игоря никто не смог – все так любят малых своего первого учителя, верят ему беспрекословно, и каждого его слова – для них закон.

Кажется, в 1976 – 1977 учебном году, когда я учила это хваленый класс, когда стаж моей педагогической работы был 35 лет, соответствующий и приличный опыт педагогического труда в народном образовании, успел я поработать на всех должностях, кроме заведующего горони, видимо. Министерство просвещения решило провести аттестацию учителей.

Проводилась аттестация так: в течение года администрация школы наблюдает и проверяет работу аттестуемого учителя, затем пишет характеристику на учителя, а в конце характеристики делается вывод, исходя из того, как оценивается характеристикой работа учителя. «Отлично» – вывод: «Учитель соответствует должностям и заслуживает поощрения»; «Хорошо» – вывод: «Учитель соответствует должностям но без поощрения»; «Удовлетворительно» – вывод: «Учитель соответствует должностям».

«если пройде» курсы повышения квалификации при областном институте усовершенствования учителей»; «Неудовлетворительно» – «учитель не соответствует должности и должен быть уволен с работы.» Затем эта характеристика работы учителя обсуждается на заседании профсоюзного комитета школы.

В нее могли быть внесены изменения или дополнения профкомом. Когда характеристика была утверждена профкомом, с ней знакомили ученика. Если учитель с чем-то в его характеристике не согласен, он подает жалобу в конфликтную комиссию. Если учитель доволен характеристикой, тогда с этой характеристикой знакомят педагогический коллектив школы. И здесь любой член педагогического коллектива может высказать свои замечания по характеристике данного учителя, а педагогический коллектив обсудит, справедливы ли эти замечания или существенны ли они.

Последней инстанцией, где обсуждалась характеристика, был совет городского отдела образования, в состав которого входят работники горно и представитель от каждой средней и неполной средней школы директор, завуч или один из лучших учителей школы.

Во время аттестации меня я работала как раз с тем классом, о котором через несколько лет директор школы сказала: «Нынче мы выпускаем из школы очень хороших ребят. У нас не было никогда такого хорошего класса и не будет.» Я не только за год аттестации, но и за все семь лет работы в этой школе не получила от администрации какого-нибудь замечания, и не слышала никаких слов кроме хвалебных. Соответственно и характеристика на меня для аттестации была написана прекрасной. Думают, лучше характеристику придумать было просто невозможно, и вывод по характеристике: «соответствую должности и заслуживаю поощрения.»

Когда на совете горно директор нашей школы зачитала мою характеристику заведующему горно, господину Х., решил в неё внести «коррективы.»

А как же? Обида на меня в его душе еще не только теплилась, но пылала огнем. Я уже писала раньше, что двенадцать лет назад я перешла с работы методиста горно в школу учителем начальных классов. между прочими с его согласия – он надеялся найти методиста лучше меня, учителя начальных классов. Он не мог найти мне замену и половину учебного года работал без методиста. Да и потом принял на эту должность учителя, который по какой-то причине в середине учебного года «запетел» в наш город. А тут с проверкой работы в третьей учебной четверти приехал ин-

спектор облоно и обнаружил, что методическая работа в школах города и района пущена на самотек, а, между прочим, это одна из главных функций горено. И вот подвернулся случай выместить еще раз на мне свою обиду за свою же оплошность нового методиста не нашёл, а бывшего т.е. меня, отпустил в школу.

Итак, на совете горено директор нашей школы зачитала характеристику на меня. В ней, между прочим, было сказано «О Н Мартынова требовательна к себе и к другим.» Вот с этих слов и решил заведующий Артемовским городским отделом народного образования господин Х. кромсать мою характеристику. Он сказал: «Да, к другим Мартынова требовательна. А вот требовательна ли к себе?»

Надежда у господина Х. была, видимо, на то, что, когда я бы пришла раньше, например, председателем РК профсоюза работников ТВО священника или методистом горено, возможно, пришлось мне кого-то из здесь присутствующих «погладить против шерсти» – вот теперь он устроит «шоу», т.е. представит возможность высказать свою прежнюю обиду или какое-то недовольство мной, и обсуждение моей характеристики завяжется. И предположки к «шоу» вполне могут быть; ведь здесь присутствуют люди, которые меня, во-первых, хорошо знают, всем общаться со мной по разным проблемам приходилось, а, во-вторых, сказать-то они сумеют очень даже хорошо.

Но... Увы и ах! Полный просчёт! Все присутствующие почтят хором сказали: «Она и к себе требовательна!» И господин Х., как говорят в простонародье, «прикусил язык», т.е. понял, что вывод по моей характеристике изменить не удастся, так как больше «заселиться» вообще не за что, да и люди по отношению ко мне настроены хорошо. И характеристика моя советом горено была утверждена.

Директор школы мне сразу же рассказала, как проходило обсуждение моей характеристики мол, господину Х. устроить «шоу» не удалось, нас не удалось и изменить вывод по твоей характеристике.

Когда закончилась аттестация учителей всех школ города и района, результаты, а в том числе и характеристики на учителей нужно было представить в Свердловск, в областной отдел народного образования. Господин Х. предложил администрации нашей школы письмо характеристику переписать, да так чтобы вывод по ней был: «соответствует должности, но без поощрения» т.е. по характеристике должно получиться, что учитель я в общем-то неплохой, но моя работа не заслуживает оценки отлично»

И характеристика, написанная администрацией школы, утверждённая на всех инстанциях согласно «Положению по аттестации учителей», в угоду заведующему гороню господину Х., самой же администрацией и была переписана, согласно его требований. Администрация школы, я думаю, сделала это без особых волнений или угрызений совести, с лёгким сердцем в надежде, что я об этом никогда не узнаю. А что поощрения за мой труд не будет, так ведь они мол, всё сделали, чтобы поощрение было, характеристику написали отличную, а что нет поощрения – не их вина. Ведь награждение, мол, не от них зависит.

Случай узнать о проделках администрации и завгородно в мой адрес представился мне быстро. Видимо, буквально на следующий день после щелкотерства администрации я зашла в учительскую за классным журналом и за одну-две минуты, которые я находилась в учительской, услышала реплику завуча школы: «Вчера Х. сказал: «Вы не воспитываете своих учителей.» Эта реплика кольнула меня в сердце: интересно, по какому же поводу они мог сделать это замечание. Уж опять не в мой ли огород камушки?»

Я провела первый урок, и мои ученики ушли в актовый зал на урок пения а я пошла в столовую поесть. Там было пусто, только обедала завуч школы. Я взяла обед, села напротив завуча и сразу выпалила: «А что вчера Х. еще сказал?» Она, не понимая, о чём я спрашиваю, подумала: мне известно что они вчера переписали на меня характеристику («На воре шапка горит»), и вмиг выдала их тайну: «Но мы всё так же переписали. только вывод изменили: «Соответствует должности, но без поощрения.»

– Что переписали?! Мою характеристику по аттестации?! Почему переписали?

– Нас Х. заставил, мол, она – «Отличник народного просвещения» – этого ей хватит

Да. господин Х. – умнейший человек, но тут он совершил ошибочку! Надо было заставить вас написать на меня такую характеристику, чтобы вывод был – «не соответствует должности», и вы бы и этот его приказ выполнили а он бы с удовольствием выгнал меня с работы.

Хотя на тот момент я уже привыкла к тому, что пока господин Х у власти в гороню я поощрения за свой труд не получаю. Но услышать это мне было обидно. Главная обида заключалась даже не в том, что я не получу поощрение. Хотя это в то время было тоже не мало важно, так как все мы за свой труд получали одинаковую зарплату – надо полагать: «одинаково» и

трудились. А похвалят тебя, поощрят «бумажкой» (например, Пожвальнойной грамотой) или «железкой» (медалью, например) – видишь что твоё старание кто-то замечает, да и другие увидят, что ты «не лыком шит». Смогриши: настроение поднимется, желания работать прибавятся. Обидно было за то, что сделано это за «моей спиной», тайком от меня в надежде, что я никогда об этом не узнаю. Не узнают и ни педагогический коллектив школы, ни профсоюз школы, которые, между прочим, тоже утверждали мою характеристику.

А не узнай я об этом. администрация, глядя на меня, посмеивалась бы мол, «Рви гужи, надейся получить за свой труд согласно аттестации поощрение, а получишь ты «кукиш на постном масле». А главное мой разум не мог понять, как люди могут быть такими непорядочными тебе говорят одно, а у тебя за спиной делают совсем другое, т.е. тебе и другим говорят что ты хороший учитель, и даже пишут о тебе так в этикомопку от тебя и твоих коллег уничтожают это, ранее ими же написанное, и пишут с тебе, что ты не только не хороший учитель, а почти средненький, так: «ни то ни сё»; «ни Богу – свечка, ни чёрту – кочерга.» И мне с этими людьми (ди ректор, завуч, завгороно), которые в моих глазах потеряли всякое уважение, надо работать. И не просто работать рядом с работать год их руководством. Как работать? Где найти силы, хотя бы терпеть их?!

Решила я сходить к директору школы № 12 А.К. Шилиной, рассказать ей об этом, услышать её мнение, увидеть, как она отнесётся к этому известию. А она будто ждала меня. Тут же выпалила (иначе скажешь потому что столько гнева было в её голосе): «У вас (в школе № 1) ёщё педсовет искал характеристику на Клавдию Ивановну Самочёрнову а мы переписали на Аду Александровну Некрич.» Буквально «подплетела к шкафу, взяла тай бумагку и подала мне, сказав: «Вот вам адрес обложно пишите на нас жалобу – пусть нам «попадёт», но он (Х.) нас заставил, сказав ~~и~~ ^и есть награда – значок «Отличник народного просвещения» – им хватит!»

Самым интересным в этой истории было то, что К.И. Самочёрнова (Абакумова) – лучший историк города, А.А. Некрич – лучший литератор города – вечные руководители методических секций учителей города и района при городском отделе народного образования. Эти педагоги не только хорошо учили своих учеников по своим предметам: истории, русскому языку и литературе, но и всех историков и лигатурозов города учили работать. Они выписывали журналы, в том числе и методические по своим предметам, посещали семинары и курсы областного института усовер-

шествованием учителей при Свердловском облоно, следили за работой учителей тех предметов, которые преподавали сами, не только области, но и страны, а все, вновь узнанное ими, передавали на секциях учителей при гороною всем преподавателям этих предметов города и района.

Они первы ми в городе были награждены значком «Отличник народного просвещения», а я, по-моему, первая получила такой значок из учителей начальных классов в ёщё в 1962 году. Так теперь, через 15 лет после получения этой награды, когда мы отточили своё мастерство, и, думаю, можно сказать достигли если не совершенства в своей профессии, то профессионализма в своем деле мы были настоящими. Господин Х. решил, что этой награды нам достаточно за весь наш многолетний труд, лично мне почти за 36 лет педагогического труда в то время.

Правда же была совсем в другом. Причина не награждать нас заключалась в том что господину Х. страстно хотелось нам «насолить». Мне, думают, за то, что ушла работать в школу, а он меня отпустил, но методиста найти не мог, что послужило тому, что методическую работу гороно не только не сумел поднять на более высокий уровень, чем при завороно Г. М. Некриче и методисте О.М. Мартыновой (при мне), а методической-то работы при гороно совсем не стало. Больше моей вины я никакой за собой не знаю. А это разве вина? Я попросила отпустить меня работать в школу – меня беспрекословно отпустили – я никому ничего плохого не сделала.

Ну, что тут скажешь? «У сильного – всегда бессильный виноват. тому в истории мы тылу примеров слышим» (И.А. Крылов).

Жалобу писать я, конечно, даже не подумала. Во-первых, для меня унизительно вынуждать отношения, просто противно этим заниматься. Обидел наплевал вдушу – получил удовольствие – радуйся. Ведь дело сделано – что изменить? А, во-вторых, прежних характеристик на нас уже нет – они уже уничтожены, и как докажешь, что они были лучше этих, вторых?

И показала я к своему Саше в Свердловск, рассказала, как со мной поступили. Он сказал: «Будь выше их, не связывайся с ними, не унижай себя. Тебе осталось до пенсии работать год. Наберись терпения, проработай год и уходи из школы – проживём.»

Я рассудила «Соли мой труд не ценят и могут со мной поступать, как захотят, я с такими непорядочными людьми работать не только не хочу, но и не могу, ибо соглашаться работать – значит, позволить и в будущем поступать со мной как вздумается администрации, завороно, значит, потерять

чувство собственного достоинства, перестать уважать себя. И я решила: до пенсии осталось работать год, я его должна проработать в школе, ведь неизвестно, найду ли я какую-то работу, если уйду из школы сейчас, а мне надо растить и учить дочь. а вот через год, когда у меня будет пусть ми-зерная, но пенсия, я обязательно оставлю свою любимую работу, найду. скорей всего, нелюбимую, но не буду ежедневно видеть людей, которые в моих глазах потеряли элементарное уважение к себе, приобрели презре-ние; людей, от которых «нож в спину» можно ожидать всегда.»

Одна из библейских заповедей гласит: «Не сотвори себя кумиром». Кто-то, может быть, меня не поймёт, подумает: «с сотворила себя кумиром и носится с ним, как с писаной торбой.» Я же смею утверждать, что хорошо себя знаю, знаю все свои качества и положительные, и отрицатель-ные, знаю все свои достоинства и грехи ». Наоборот, часто, особенно в молодости слышала, чаще от мужчин: «Вы ценны себе не знаете». И здесь я утверждаю: цену себе знаю очень хорошо; могут успокоиться все она. моя цена себе, не самая высокая. ибо некоторые минусы, вернее, ошибки существенные и не очень были и есть. и я о них знаю и помню, думаю, ещё придётся за них ответить перед Всевышним.» А в данном случае. меня обидело то, что без причины со мной поступили не как с личностью с человеком, а как с вещью. Написали бы сразу характеристику не очень хорошую, указали бы на какой-то хоть один недостаток в работе – всё было бы понятно, что моя работа не устраивает администрацию в каком-то плане – я обязана перестроить свою работу. А то взяли и без всякой на то причины в угоду человеку, который хорошо знает мою работу и плохого обо мне как о работнике сказать ничего не сможет, я в этом уверена. Ему просто страстно хочется наплевать мне в душу, создать обо мне мнение, что я посредственный учитель, т.е.так: «ни то, ни сё», «ни рыба, ни мясо.» С этим я согласиться никогда, конечно, не смогу: работе я всегда отдава-лась полностью. работу свою любила, она была смыслом моей жизни. и в работе всегда добивалась хороших результатов.

Да если бы это была одна, причём первая гадость со стороны Х. мне! Когда я уже работала в школе № 1, однажды летом, отпуск, я сижу на лавочке около своего дома, завуч нашей школы, проходя мимо, присела ко мне, справилась, как я отдыхаю. Разговорились. За всё время моей работы в этой школе поговорили с ней, так сказать, в неформальной об-становке. Между прочим, она сказала: «несколько раз представляли Вас к

награждению, но Х. отказывается Вас награждать. Почему?» Я ответила: «Ему виднее, почему. У него и спросите.»

А ещё раньше был такой случай: «Я зашла в учительскую. Там были завуч и ещё кто-то один из учителей, теперь уж не помню, кто. Они разговаривали, видимо, о взаимоотношениях Х. с Г.М. Некричем. И завуч сказала конечно специально при мне «Х. отомстил не только Некричу, но и всем его друзьям.» Я подумала: не зря это сказано при мне, ведь я не только друг Некрича, а даже «любимица» его в ваших глазах, и сказано это было с тем, чтобы я, если не понимала раньше, то, наконец, бы дошло до меня, за что я получаю «шишки в лоб» от господина Х. И сейчас, когда завуч задала мне вопрос, почему Х. не хочет меня награждать, я отвечать не стала сказала: спросите, мол у него; а сама подумала: «Ты ответ на этот вопрос знаешь лучше меня».

Весной 1977 г. я своей второй выпуск учеников в этой школе передала в средние классы, а осенью набрала себе первый класс. Как я полюбила этих ребятишек! Как легко было с ними работать! Впервые в жизни я набрала класс, в котором не было очень трудных детей. Всю свою энергию я тратила не только на повышение качества знаний этих моих учеников, но и на общее их развитие; работала в полном смысле этого слова с упоением. Большинство этих учеников учились на «4» и «5» – удовлетворение в работе было полным.

Но.. тем не менее, я весь учебный год жила мыслью, что это последний год моей педагогической работы: в июле 1978 года мне исполнится 55 лет, я стану пенсионеркой и уйду из школы.

Куда? Этот вопрос очень беспокоил меня, ведь я, кроме того, что учить ребятишек больше ничего не умею делать. Но я должна уйти, не было ни сомнений, ни неуверенности. Уже лето наступило, а я не знала даже, куда пойти в поисках работы – такой была я неуверенной в жизни, да и знакомств никаких не было. В.П. Свалова, директор ШРМ № 1, ушла из школы и определилась ночным сторожем в детский сад № 2 где, кроме охраны детсада, ночью должна была начистить картофеля на следующий весь день садику. А я и в сторону не гожусь: во-первых, ночью боюсь, а, во-вторых, заскучаю на такой работе – хочется работы умственной всё же.

Лето закончилось. Начался новый учебный год, и я пришла в школу учить своих ребятишек – все равно оставлять их мне было жаль. В первую смену работало нас учителей начальных классов, трое: Н.Н. Якимо-

ва, Н.М.Мельчугова и я. Раньше никогда ничего подобного не было, чтобы мы собирались в одной классной комнате, а тут в перерыв оказались все втроём в классе Нины Матвеевны, стояли и разговаривали, были очень взволнованы и недовольны в чём-то администрацией. Я сказала: «Я вообще хотела сейчас бы ушла из школы, но куда идти?»

Буквально на следующий день ко мне подошла Нина Николаевна и сказала: «К Новому году в городе открывается музей. Может быть, Вы пойдёте в музей работать?» Я даже руками замахала: «Что Вы? Какой я работник музея?! Я совершенно историю города не знаю. Нет. Нет.»

Прошло два дня. Нина Николаевна опять подошла ко мне с тем же вопросом и добавила: «Заведующий отделом культуры ждёт Вас.»

На третий раз она меня уже убеждала: «Если Вы действительно хотите уйти из школы, эта работа – Ваш шанс. Другой работы в городе действительно будет найти трудно. А здесь работа интересная. В музее идёт ремонт, музей будет больше и лучше, напрасно Вы боитесь. Подумайте. Вас ждут.»

Почему Нина Николаевна мне работу эту упорно предлагала? Её мать, Зинаида Константиновна, работала в то время директором городского парка культуры. Музей, хоть и городской, планировалось открыть на балансе парка культуры, а директору парка предлагалось найти в музей работника. Когда вечером мать и дочь разговорились, и Зинаида Константиновна узнала, что я решила уйти из школы, она уцепилась за эти слова дочери, согласовав мою кандидатуру с заведующим отделом культуры, стала просить дочь, Нину Николаевну, разговаривать со мной от имени заведующего отделом культуры.

Когда в очередной раз Нина Николаевна стала со мной разговаривать, повторяя, что меня там ждут, я только вечером этого дня вдруг задумалась: в городе есть музей, мы с ребятишками были в нём. Экспонатов много, но в музее как-то неуютно. Я, конечно, сделала бы лучше, но я не знаю истории города. Как идти в отдел культуры, ведь засмеются: мол. не зная истории, куда прёшься. И всё-таки я решила сходить и узнать, возьмут ли меня на работу в музей. Рассудила «Музей должен открыться к Новому году. Если скажут, что меня возьмут, впереди ещё больше трёх месяцев до открытия, за это время я и обдумаю хорошо, идти ли на работу в музей или остаться в школе на любимой работе – ведь класс-то какой! Работать – одно удовольствие! Но стоило вспомнить, как со мной поступили – всё в душе закипало вновь, и хотелось тут же всё бросить и уйти.»

Твори! Выдумывай! Пробуй!

*Человек рождается должником
человеческого общества
(Буржуа)*

*Главное предназначение человека
на Земле – найти в себе всё и реализовать
Главное в жизни – чувствовать себя свободно,
не потерять желание работать творить,
понимать, что ты живёшь не зря*
Г. Прыгунов

Думала я думала настраивала себя настраивала и, наконец 19 сентября переступила порог триемной отдела культуры. Переступила и сразу у дверей остановилась, как вкопанная – сердце замерло: «Что я делаю? Зачем сюда пришла?»

Но пришла. В приёмной две женщины. Та, что за столом, вскинула на меня глаза и с удивлением произнесла:

– Ольга Марковна? Что Вы к нам пришли? Я еле выговорила
– На работу
– На работу? Куда? Я стояла, глупо улыбаясь и совершенно не могла вспомнить, куда. Тавыждала момент и вновь спросила
– Так куда на работу? – Я еле вспомнила и ледяным голосом произнесла
– В музей.
– В музей? Так нам Вас и надо. Тут же сорвалась с места, будто бо-

ялась, что я передумаю, повернусь и убегу из комнаты, и помчалась в кабинет заведующего отделом культуры. Буквально через минуты две выбежала из кабинета и произнесла:

— Пройдите к заведующему отделом культуры. Я прошла. О чём мы с ним говорили, говорили ли вообще о чём-то, я не помню. Только помню, что он сказал:

- Выходите завтра на работу. Я ответила:
- Так музей же откроется только к Новому году...

— Так потом Вы к нам не придёте .. Идите сейчас, будете вникать в работу, готовить музей к открытию.

— Но мне надо передать кому-то класс, ведь учителя нет. Двенадцать дней я отработаю, пока найдут учителя.

— Отработайте. Но приходите. Ждём Вас 1-го октября. С тем я и вышла из кабинета. Вернее, «вышла» — сказано не вполне точно — еле ноги унесла из отдела культуры. В мыслях было одно: уйти сюда — предать своих любимых ребятишек, они меня возненавидят, потерять свою любимую работу, дело, которым я занималась всю сознательную жизнь. Будет ли интересной новая работа. об этом я даже не думала. Все мои мысли были о моём классе, о моих ребятишках.

Вечером ещё раз обдумала своё положение: вынуждена бросить любимое дело, любимых ребятишек, где я — специалист, профессионал, и идти куда-то в неизвестность; но как представила: «Останься я, что меня ожидает? — Быть безликим существом. никому не интересным, «копошиться в своём углу». За последние полгода, что прошли с момента аттестации, обо мне вспомнили только однажды. при чём вскоре после аттестации. когда приехала даже не знаю кто. может, инспектор облоно по начальным классам. а, может. сотрудник института усовершенствования учителей — мне не представили даже, кто. В тот день, перед началом второй смены, ко мне в класс вошла завуч и сказала: «Сегодня приехал человек из облоно — Вам придётся дать ей урок математики, так как Нина Матвеевна взяла урок русского языка. Зинаида Алексеевна — чтения, а Вам осталась математика.» И я подумала: «Опять мне осталась». не я выбирала, что я хочу — выбирали другие, а мне осталось то, что другим не желательно». Всё ясно: «Им дали показать то, что у них получается лучше, в чём они не подведут администрацию, а у Мартыновой, во-первых, всё получается. а, во-вторых, если и не получится — будет доказательство: не зря понизили

оценку по её характеристике при аттестации. Да и убогим уроком она администрацию не подведёт: «варилась» – то она не в этом коллективе, она «чужая».

А «своими» заранее и сказано было, чтобы хорошенко подготовились к уроку – приедет (заятра – послезавтра или ...) человек из облоно. а мне сказано за пять минут до начала уроков. А что им заранее сказано, понятно уже из того, что Зинаида Алексеевна «оказалась» для этого случая (дать урок для представителя облоно) на нашей второй смене. Если бы она не знала заранее, вела урок бы по расписанию в свою первую смену.

Но запомнилось мне, как во время разбора уроков завуч с директором чувствовали себя несколько «не в своей тарелке», думаю, «тряс» страх, что работнику облоно я возьму да и «ляпну», что нам (мне и Самочёрновой) переписали характеристику по аттестации. А что «тряс» страх именно по этому случаю в какой-то мере было понятно, что женщину эту готовили к встрече со мной: очевидно просили быть со мной поскромнее, мол, учитель – без пяти минут пешинерка уже больна, не довольна выводом по аттестации, а чувствовалось это потому, что она, представитель облоно как бы боялась со мной разговаривать, вела себя со мной, как с душевно больной – не взиралась бы я. А мне было смешно глядеть на завуча и директора. Я думала: «А... трусите! Бойтесь, что выдам Вас. листцов, если не сказать точнее – Что меня вы предали, не удивительно: ведь и в коллектив-то принимали не с радостью. Но предать Клавдию Ивановну Самочёрнову! Эту светлейшую голову! Умнейшего педагога! У которого ни на одном уроке не бывало в руках или на столе никакого конспекта или шпаргалки – всё в голове, а объяснение материала льётся, как из рога изобилия! Стало понятно, что в угоду завгородно, если понадобится предадите хоть кого, пиши потом было вам хорошо, ваше благополучие не только не пострадало бы, а преувеличилось бы даже в несколько раз.»

Вечером того дня я ходила в отдел культуры, я написала заявление об увольнении, а на следующее утро зашла в школу и подала его директору. Как она «взвилась»! Забегала по учительской крича: «Увольняйтесь! Идите, чистите картeszку! Имела ввиду В.П. Свалову, бывшего директора ШРМ № 1, к которой ушла заботить сторожем в детский сад.

Я ещё работала двенадцать дней в надежде, что найдут учителя моим малышам. Директор за эти двенадцать дней ни разу не взглянула в мою сторону, не сделала следование: не спросила, почему и куда ухожу, не поп-

росила не уходить, хотя класс оставался без учителя. А Нине Николаевне сказала: «Прими у ней класс». Та мне сразу же сказала об этом приказе А за день до конца моей работы, когда я сказала Нине Николаевне: «Классный журнал будет в учительской, а проверенные тетради и учебники будут в классной комнате, на столе». она ответила: «Мне запретили класс принимать – будут с Вами разговаривать».

Когда директор хотел со мной разговаривать, я не знаю. Я проработала последний день перед Днём учителя, классный журнал занесла в учительскую, в которой не было ни одного человека, видимо. все ушли готовиться к Дню учителя, и я ушла домой. Как и где его праздновал педагогический коллектив и отмечал ли вообще, мне никто ничего не сказал, я не была извещена, видимо, я уже не считалась членом педагогического коллектива школы

Второго октября утром я зашла к директору за заявлением. Она молча наложила резолюцию: «Не возражаю» и так же молча подала медаль «Ветеран труда». И с заявлением я пошла к заведующему гороно; Х. молча на моём заявлении написал: «Уволить по собственному желанию», и я, получив трудовую книжку, зашла в отдел культуры, и этой же датой второго октября 1978 г оформилась на работу, и, как говорят, приступила к новой работе.

Оформив на работу, Людмила Анатольевна Цвященко подала мне десятка полтора разных фотографий, подписей под некоторыми не было, под другими – разобрать было сложно или вообще невозможно. Она пояснила: «Когда музей закрыли на ремонт, планшеты вынесли в сарайку, что находилась во дворе музея. Бывшие жильцы дома, пока не было центрального отопления, в этой сарайке держали каменный уголь для отопления квартир. Планшеты, видимо, поставили к стенкам сарайки, но ремонт затянулся. Говорят, что первоначально сарайку закрыли на замок, но, когда пришла я на работу в отдел культуры, замка на дверях сарайки уже не было – его заменили проволокой – значит, в сарайку приходили все, кому не лень: всё что имело интерес, забиралось, а планшеты были брошены на уголь. Крыша сарайки протекала. Дождём планшеты прибило к углю – поэтому фотографии стали грязными.»

Я попыталась кое-какие из них восстановить, мне удалось с трудом восстановить несколько фотографий. Но далеко не под всеми из них я сумела разобрать подписи, а нет подписи – фотография теряет всякий смысл. Это уже не документ для музея. А когда я спросила у Людмилы Анатольевны

«Где экспонаты прежнего музея?» Она сказала: «Меня тут не было ещё в то время». Но как я сумела выяснить, есть зеркало, картина и сломанный микроскоп, которые сохранились в методкабинете отдела культуры. Когда музей закрывали на ремонт, места для хранения экспонатов И.И. Антропову, заведующему музеем, не дали. Он вынужден был всё выносить в сараику. Когда об этом узнал П.Т. Коверда, краевед, быстро сообразил: «Экспонаты могут потеряться или погибнуть, так как хранилище ненадёжное, а ремонт может затянуться – у нас ничего быстро не делается. Значит, всё что касается шахтёров, надо взять на хранение». Иван Иванович П.Т. Коверда, хорошему человеку, который в своё время оказывал помощь в организации городского музея, с радостью разрешил взять на хранение экспонаты, и шахтёры приехали на машине и увезли всё, что отобрал П.Т. Коверда, вернее, что касалось шахт. Увезли даже то, что во времена организации городского музея гостили из ремесленного училища, например, макеты. Словом, шахтёры «сняли сливки» с музея, ведь Коверда знал толк в музейном деле так как уже многие, многие годы к этому времени занимался краеведением. Вполне возможно, что брал он экспонаты с добрым наимерением – сохранить их, чтобы не погибли, он понимал их ценность. Но, когда разобрался в том, что забрали, глядя на большое количество ценнейших экспонатов, касающихся шахтёрского дела, он сообразил «Если «ложные новости», т.е. добавить ещё кой-какие экспонаты, то вполне хватит на музей шахтёрский – и дело «закипело». Под его руководством шахтёры начали делать музей шахтоуправления «Егоршинское»!

Всё хорошо. Только бы радоваться шахтёры за строительство своего музея взялись с энтузиазмом – дело кипит, но... на душе Павла Трофимовича как-то неуютно – он, конечно, понимал, что совершил поступок, не достойный порядочного человека; за присвоение экспонатов городского музея, возможно, когда-то и призовут к ответу. И Коверда стал думать, как делу дать «законный вид и толк». И нашёл – надо подвигнуть на это дело краеведов других предприятий т.е. убедить их последовать примеру шахтёров – забрать экспонаты, что касаются их предприятия (мол, экспонаты всё равно погибнут, не сохранятся) и на их основе построить музей своего предприятия – тогда отвечать «если придётся, так не одному, и другие так сделали».

Давно известно «дурной пример заразителен», и железнодорожники следующими последовали примеру шахтёров, а тут и пошло... Забирали все свои экспонаты. (Я говорю «свои», потому что предприятия многое

сами и давали при организации городского музея). Но забирали сейчас не только то, что они давали, но забирали и чужое – всё то, что в какой-то мере может характеризовать их предприятие Краеведы Артемовского машзавода, покровчане тоже «потрудились» в этом плане, и музеи в городе и районе начали «растить», как грибы в лесу. Дело, конечно, спорилось: ведь экспонаты получены в готовом виде, только «водружай на пьедестал» и подписывай, а «развести пожиже», чтобы создать вид, что это не «уголок», а музей – не проблема: люди ещё живы, что воевали не только в Отечественную, но и в гражданскую живы и Герои труда – получились музеи трудовой и боевой славы у каждого предприятия.

Конечно, за экспонатами в музей приезжали люди, которые в своё время оказывали помощь в организации городского музея, люди хорошие, надёжные. а Иван Иванович, боясь, что экспонаты действительно в сарайке могут погибнуть, с радостью раздавал их на хранение хорошим и надёжным людям.

А все экспонаты, что никто не взял, Иван Иванович сложил в сарайку, которую закрыл на замочек. Замочек быстро «испарился» – и хранилище музейных экспонатов стало доступно всем. Экспонаты, не заинтересовавшие никого, через дырявую крышу сарайя исправно попивались дождиком и сгнили – так был «угроблен» первый городской музей, от которого осталось десяток фотографий и три экспоната: зеркало старинное из квартиры управляющего шахтой, картина «Ленин на трибуне» избитого бутылочно-го стекла и сломанный микроскоп, который в своё время предназначался для рассмотрения работ местного «певши», Александра Матвеевича Сысолятина. Микроскоп, хотя сломанный остался, а вот работ Сысолятина не осталось ни одной.

Когда я прослушала эту «исповедь» Людмилы Анатольевны, ахнула: «Что я наделала?!». Ведь я попала как «кур во щи». Зачем я пришла сюда работать, не узнав всего этого заранее? Понимая решение идти работать в музей, я думала: «Экспонатов в музее иного, я разберусь в них расположу их в определённой системе, буду рассказывать людям, какую смысловую нагрузку несёт каждый экспонат А оказывается, что экспонатов-то нет. их ещё надо суметь найти, а это очень непросто.»

Окончательно меня повергла в шок экскурсия в музей, которую провела для меня Людмила Анатольевна, когда я проработала уже в отделе культуры месяца два. Я же представляла, что музей по-прежнему будет

находиться в одной квартире, и про себя удивлялась, почему так долго делают ремонт, что в сарайке всё успело сгинуть. Оказалось же, что музей теперь будет занимать весь второй этаж дома, т.е. четыре прежних квартиры, и ведется в нём не просто ремонт, а перепланировка всех квартир в один музей, и стало в нем восемь больших и маленьких залов, кабинет директора, небольшое хранилище и три коридора, но экспонатов или хоть каких-то документов нет абсолютно.

Как провела она меня по этим залам, совершенно пустым, где не на что даже присесть с голыми стенами, на которых не на чем даже остановить взгляд, я безумела, думаю, в полном смысле этого слова Господи! Что я напделала? А что делать дальше? И в школу возвращаться стыдно, хотя за это время администрация школы уже два раза предлагала вернуться в школу.

Однажды я шла с работы домой. С работы домой шли и директор с завучем школы № 1, около кинотеатра «Горняк» одновременно вышли на общую дорогу. Завуч сказала.

– Ольга Марковна, вернитесь, пожалуйста, в школу. доучите свой класс.

– Что я буду у вас в школе вырабатывать?

– Славу!

– Славу я у вас уже получила.

И, обсыпя их, ушла одна вперёд.

Было плохо с продуктами. Мяса в магазине купить было невозможно. Стали работающих отоваривать мясом к праздникам. Профком школы № 1 включил меня в список на отоварку. Алла Иосифовна позвонила мне: «Ольга Марковна, зайдите сегодня в школу за талоном на отоварку к празднику.»

Я зашла. Ко мне подошла завуч и сказала. «Ольга Марковна, вернитесь пожалуйста, в школу. Доучите класс – я буду их учить по русскому языку и литературе в средних и старших классах.»

Я ответила: «Не надо было переписывать характеристику для аттестации. Я никогда бы не подумала куда-то из школы уходить. А теперь работать у вас не хочу.»

Итак, в школе – не хочу. в музее – не сумею. Что дальше делать?

Кое-как добралась до дома и всю ночь размышляла: «Предыдущие два месяца я не бездельничала, обошла все музеи города: железнодорожный, радиозаводской и Артёмовского машзавода, побывала в шахтерском музее, в с. Покровской, в сельском и школьном. правда, во всех музеях без экскурсоводов кой-какие экспонаты бывшего городского музея увидела,

конечно. Но шла я не за этим, а за тем, чтобы ознакомиться с историей этих предприятий, с их героями труда.»

Съездила в Антоново, в Лебёдкино, в Шогриш и Мостовую, нашла очень пожилых людей, послушала их, побеседовала с ними о том, чем интересны их сёла, получила кой-какие вещи сельского быта от них. Конечно, всё это — мизер, но что-то уже приобрела из экспонатов.

Стала думать, что делать дальше. Наметила план: обращусь к лучшим преподавателям истории школ города, отношения с ними у меня остались хорошиими с тех пор, как я работала методистом горною; они помогут разобраться в истории города, а краеведов попрошу помочь составить экспозицию музея. Проштудировав подшивку газеты «Аргемовский рабочий» и всё у меня получится. Заключила: «Унывать не стоит, вперёд — и с песней!»

Но... Скоро сказка оказывается, да не скоро дело делается. План наметить легче, а претворить в жизнь не всегда и получается. У меня — не получилось. Историки Абакумова (инициалы забыла), директор школы № 72, П. С. Калганов, директор школы № 14 сразу сказали, что историю города не знают.

К.И. Самочёрнова согласилась, встретилась с Капиным, заведующим отделом культуры, договорились, что её работа будет оплачена. Зашла она посмотреть музей, побыла часа два, ушла да больше и не появилась, думаю, музей с пустыми стенами её тоже поверг в шок. Всё ясно: давая согласие помочь мне, Клавдия Ивановна считала, что экспонаты старого музея сохранились, и надо только помочь мне осмыслить назначение каждого экспоната и расположить их. Но посетив музей она поняла, что помочь тут совершенно невозможно, так как в музее экспонатов нет, оформлять его нечем, экспонаты для оформления музея надо еще приобретать, то есть всё надо начинать сначала, на это у неё, конечно, нет времени — у неё есть своя работа.

Тогда заведующий отделом культуры В.И. Капин обратился к А.И. Брылинину, краеведу, с этой же просьбой — помочь мне разобраться в истории города, даже, разговаривая второй раз, сводил в музей, обещал заплатить столько, сколько тот пожелает получить за свой труд. Но согласия помочь мне так и не получил — будто бы болел в то время краевед. Так и остался мой план не осуществлённым.

Я понимала: надо срочно составить экспозицию, тогда работать мне будет проще. Задумка — сделать в городе хороший музей была Николая

Кузьмича Выголова заместителя председателя горисполкома Артёмовского горсовета, и Владимира Ивановича Капина заведующего отделом культуры. У них был составлен план работы по подготовке музея. В нём, кстати, чёрным по белому было написано, что краевед, которого уговоривал Капин, сейчас будет оказывать помощь по истории города тому, кто будет восстанавливать музей после ремонта, значит в данном случае мне. План утверждался в присутствии этого краеведа, там он не отказывался, потому что план этот был утверждён на заседании исполнкома Артёмовского городского Совета и даже не одним годом раньше, а несколькими годами, чём я появилась в отделе культуры.

Тогда Александр Иванович не боялся давать согласие помочь восстановить городской музей после ремонта, так как знал, что музей полон экспонатов. А теперь, зная, что его «коллеги»-краеведы города растащили экспонаты городского музея и использовали их для оформления музеев предприятий, на которых они работают: а для оформления городского музея после ремонта экспонатов нет, их надо еще найти, понял, что в это лучше не ввязываться, вот и отговаривался болезнью. Зная все это, я решила сама лично обратиться к краеведу с просьбой помочь мне составить экспозицию музея, рассудив: ведь знающему человеку это недолго и не трудно. Встреча мне была назначена. Я явилась без опоздания. Мне было сказано следующее: первый зал музея должен быть посвящён Артёму (Ф.А.Сергееву), чьё имя носит наш город.

На вопрос, чем наполнять этот зал, он ответил: «Большой портрет Артёма фотографии из его жизни его сына, кстати, Почётного гражданина нашего города; сделать фотографию улицы имени Артёма в нашем городе. фотографию дома № 1 на этой улице. Хорошо бы получить наличник окна этого дома, бульжник с этой улицы.»

На этой консультации закончилась. Он больше ругал Капина, заведующего отделом культуры, что тот не нашёл хранилище для экспонатов музея, пока музей был на ремонте, и экспонаты пропали. Капина, мол, надо отдать под суд. А я подумала: «Если Капина, по-вашему, надо отдать под суд то по-моему надо отдать под суд и тех, кто экспонаты городского музея взял на хранение, пока идёт ремонт в городском музее; а, вместо того чтобы их сохранить а потом возвратить городскому музею, использовал их в личных целях – поднял свой авторитет на том предприятии, где работал так как под руководством этих «хранителей» на материалах

городского музея быстро «выросли» музеи боевой и трудовой славы этих предприятий. А Капин, между прочим, надеялся, что «хранители» – порядочные люди, коли взялись сохранить эти экспонаты то сохранят. Но . зря надеялся . Экспонаты городского музея оказались в музеях предприятий города и района, а городскому музею никто ничего не возвратил.

Короче: пришла с этой встречи убежденной, что помочь мне тут ждать не приходится. Тупик. Что делать? Приняла решение: ехать в областной музей, хотя ехала без всякой уверенности, что получу помощь. Ведь я уже была в областном музее беседовала с методистом но помочь не получила. Но что-то надо же было делать. Думала попрошу методиста поконкретнее объяснить, как составить экспозицию.

Наверное, опять сам Господь-Бог меня послал именно в этот день и в этот час заявиться в областной музей! Когда я пришла в первый раз в областной музей, меня встретили у входа, пригласили пройти в комнату налево от входа и попросили подождать методиста. Так и сейчас: только переступила порог, из комнаты слева выскочил невысокий немолодой мужичок, простенько одетый и спросил, кто я и зачем пришла. Опять привлек в эту же комнату, в которой он оказался один, да как будто меня и ждал – сразу начал говорить: «В Артемовском надо сделать исторический музей, так как краеведческим его хорошо сделать будет трудно – не суметь показать фауну и флору местности. Природоведческий материал хорошо оформлен в областном музее – вот пусть артемовцы сюда приезжают и смотрят. И сразу начал называть, какие должны быть разделы в историческом музее. А разделы оказались мне знакомыми – Этапы Большого Пути нашего государства. Я это отлично знала из «Истории СССР». Говорил и . часто не просто говорил общие слова, а конкретно называл некоторые факты из истории нашего города. А я только удивлялась про себя: «Как он знает наш город как будто жил в нём!»

Когда он ушёл, я спросила
– Кто этот человек? И получила ответ:
– Директор нашего областного музея, Балыкузов
– А почему он здесь сидел в комнате дежурных?
– Дежурный заболел, и он всех отпустил на обед, а сам остался дежурить. Когда мы пришли, он должен был идти на обед, а Вы его задержали
Опять пришла моя очередь удивляться как вовсемяя пришла! Не приди в эту пору – опять, возможно не с чем бы вернулась. Уж точно мне,

бедолаге. Господь Бог помог!

Вернулась я домой окрылённой – все мне стало ясно, что делать дальше: искать людей, депавших историю города на каждом из этих исторических этапов. А как искать, я быстро сообразила. Я и раньше подумывала сходить в редакцию газеты «Артёмовский рабочий», поработать с подшивкой газеты. Теперь мне стало понятно – это самый верный путь, ведь в газетах отражены все важные события в истории города и видно, кто и на сколько активно принимал участие в этих событиях.»

Так выявила, кто именно что-то хорошее сделал в каждый период истории нашего города, потом стала разыскивать этих людей. Если кто-то уже ушёл из жизни, разыскивала его родственников. Разыскивала родственников тех, кто сменил место жительства – уехал из города, узнавала их адреса, вела переписку, просила прислать фотографии, личные вещи, документы того времени или копии документов – так постепенно музей наполнялся экспонатами.

Кроме экспонатов, для оформления музея нужно было добыть краску, лак для пола, деревоплиту, стекло и оргстекло, гвозди, комутики, стойки, гайки, ткань для обтягивания планшетов, витрин и т.п. Например, ткань дважды приобретала на базе в г. Свердловске. Сначала съездишь выписать, потом в банке оплатишь, тогда ждешьоказания, чтобы съездить получить эту ткань.

Очень помогало то, что люди меня знали. Например, изготовление планшетов, витрин, всевозможных подставок по чертежам художника В.И. Фаттахутдинова заказала в промкомбинат. Директором комбината был В.П. Федореев, мой ученик по школе рабочей молодёжи № 3. Конечно, не скажу, что промкомбинат под его руководством бросил выполнять все свои дела и начал выполнять мой заказ. Конечно, нет, ведь у них свой план на изготовление мебели, которую ждали в других городах, и согласно договору или плану присылали за мебелью машины. Значит, мебель должна быть готова к этому времени.

Мой заказ внеплановый, за него никто не спросит с директора промкомбината, если он в срок не будет выполнен, так что мне приходилось ездить на промкомбинат, напоминать директору о своём заказе, выслушивать его обещания, одновременно наблюдать, как им тяжело выполнять свой план. И ему и мастеру приходилось юлой крутиться, да крутилось всё и все до последнего рабочего крутились. А я ждала, но, как говорят: «как ни болело умерло», т.е. как мне ни трудноказалось ждать, заказ был

выполнен и выполнен хорошо.

А вот заказ на изготовление хомутиков, гаек, стоеч, вообще никто не принимал, так как на Артёмовском машзаводе смена директоров, т.е. одного сняли, другого не назначили – всем не до меня. Иду по коридору здания администрации завода расстроенная. Навстречу Писков, начальник экспериментального цеха: «Чем. Ольга Марковна, опечалены?» Выслушал, сказал: «Пойдёмте к главному инженеру – я приму Ваш заказ» заказ-то он принял, но ... не выполнил – пришёл новый директор, приказал ему выполнять какую-то срочную работу, выполнение которой надо уже рапортовать Министру. Писков извинился передо мной и дал мне совет: с заказом обратиться к В.И.Гвоздеву, начальнику цеха № 7. Владимир Иванович – опять мой ученик по ШРМ № 3, заказ не только принял, но и за пару дней его выполнил, и всё в готовом виде доставил в музей, не взял за выполнение заказа и копейки оплаты.

Так же без оплаты получила банку (высотой, пожалуй, не менее метра) хорошей белой краски от Николая Петровича Васильевского, начальника Егоршинского отделения железной дороги. Сходила к нему на приём. Поротпал он для порядка сначала, но потом дал указание секретарю, кто должен мне дать краску. Секретарь тут же договорилась и объяснила мне, куда ехать за краской. За краской ездила сама.

Для оформления музея было необходимо много деревоплиты. За неё обращалась и в промкомбинат, и в межхозяйственный лесхоз. Царство небесное Анатолию Фёдоровичу Бурашеву, директору лесхоза, выделял деревоплиту неоднократно и всегда бесплатно, всегда доставлял деревоплиту в музей сам лесхоз.

За стеклом обращалась в Артёмовское строй управление № 3. сходила на прием к директору А. Гришанову сдала заказ в бухгалтерию, оплатила свой заказ. Кто кому и что приказывал не знаю, только привозит стекла несколько ящиков (целые листы тонкого стекла, а толстое стекло было нарезано согласно заказу). Михаил Андреевич Ложкин, отец моего бывшего ученика Володи Ложкина, Господи! Как я была благодарна Михаилу Андреевичу (царство ему небесное!), если бы мне самой пришлось получать это стекло, что бы я делала?! Где бы взяла грузчиков? А кто бы мне его довез в целости и сохранности на том «драндулете» грузовой машине парка культуры которая, если на ней едешь, вся дребезжит, кажется, в любой момент может развалиться?! Я и сейчас, когда представляю эту кар-

тину, мураски бегут по коже.

Оргстекло, в том числе красное, лидерин ватман и еще что-то в этом роде выписывала на радиозаводе – все оплачивала К директору завода не обращалась, а сразу в отдел снабжения. Но там было трудной проблемой попасть в отдел, заехать с машиной на территорию завода – пока решишь эти проблемы, нервов истратишь порядочно – такая строгость и секретность

Кажется, что может быть проще, чем сделать копии уже собранных мною фотографий? Отдай фотографу фотографии и получи копии в готовом виде. Тем более, что фотография рядом с музеем – далеко неходить и не ездить. Но... , во-первых тянут и тянут – еле дождёшься, пока сделают работу А во-вторых, фотографии старые – копии получаются нечёткими Художник не доволен, стал настаивать, чтобы копии фотографий делал Э.Л. Соколов мол лучше его никто не сделает. Связалась с Соколовым.

Несу пакет фотографий Э.Л. Соколову домой. Договариваемся, когда прийти за выполненным заказом. Прихожу – дома один сын – первоклассник. Сидим с ним у телевизора час, другой, третий... Эдуард Леонидович задерживается. Он работал на радиозаводе. Думаю: доделывает мою работу – надо уж дождаться. Иногда не дождусь. Иногда дождусь часов в десять, бывало и позднее, но не всегда получу желаемое; бывало, что уходила ни с чем – не успел Эдуард Леонидович выполнить мой заказ. Обидно время убито зря, домой-то бежать страшно – поздно уже, особенно зимой. Бывало, за одной партией фотографий и копий сходишь раза три, пока получишь выполненный заказ.

Но самой большой проблемой было – приобрести паркетный лак для пола. Заказ был сделан на несколько месяцев раньше, чем будет лак необходим, но его нет. Уже и музей оформлен, всё готово к открытию музея, а дело за лаком.

В помощь мне подключился В.И. Капин, заведующий отделом культуры. Поехали в Реж. Взяли заведующего отделом культуры Режевского горисполкома, побывали в Режевском торге, обехали хозяйственные магазины города и многие сельские магазины – нет паркетного лака. В одном сельском магазине видели лак по дереву, но не паркетный. Вернулись ни с чем.

Через несколько дней поехали в Ирбитский район. Побывали в магазинах сёл. Кипачёво, Горки Стриганка, Зайково – нет лака. Владимир Иванович принял решение – ехать в Режевской район и купить лак по дереву.

Сказано – сделано. Съездили Купили.

Новая проблема: нельзя паркет покрывать лаком, так как пока музей ремонтировали и оформляли паркет стал грязным. Что делать? Взяли с Евгенией Ильиничной, уборщицей стеклышки и стали паркет скоблить. День скоблили, два скаблили, три – ползали по полу на коленях, уже устали, и колени, и спина, и руки, которые не однажды уже успели порезать а пола выскоили только половину.

Тогда Н.Н. Выголов переговорил с директором реинсленного училища, попросил дать нам в помощь учащихся, и несколько групп ребят поработали подвачаса сменяя друг друга. Конечно ребята не все сделали качественно, пришлось поправлять замиши. и этоуженасне волновало – в общем то есть одна из проблем была решена осталось последнее – покрыть пол лаком.

Владимир Иванович Капин заведующий отделом культуры, решил покинуть наш город – переводят на должность директора парка имени Маяковского в город Свердловск. Он работает последний день – звонок из торга: поступил паркетный лак. Владимир Иванович звонит мне: «Бегите в торт, выписывайте пак, потом в банк – надо сегодня же перечислить деньги – я работаю последний день.»

Поглядела на часы – доходит двенадцать – обед, но яичусь в торт,думаю, может быть успею до обеда выписать лак, может быть хоть начнут выписывать – невыписной день. Объясняю ситуацию не перечислю деньги сегодня, может случиться – не перечислю никогда, так как это может сделать Капин а он работает последний день. Получаю ответ: «Главный бухгалтер в банке, потом пойдёт на обед. Ждите, что скажет он – больше никто помочь Вам не сможет.»

Жду час. Жду два. В начале третьего часа моего пребывания в торт явился Рубинштейн, главный бухгалтер торга его ответ категоричен: «Невыписной день.» Опять объясняю ситуацию, упрашивая. Наконец Рубинштейн сдался. Лечу в бухгалтерию отдела культуры. Пока суть да дело – в банке работа с клиентами закончена. Опять к главному бухгалтеру опять объясняю ситуацию и почти спёсно поощу. Команда главного бухгалтера – и вскоре мне подают документ. С этим-то дорогим индокументом спать лечу к Капину. Он напутствует: « В Покровском доме культуры идёт ремонт. За паркетный лак сегодня перечислены деньги Покровского дома культуры. Лак получите, возьмите себе, а лак по дереву, который мы с Вами купили в Реже отдайте Покровскому ДК – и ни григодится»

Ну, что тут скажешь?! Таких золотых людей, как Владимир Иванович Капин, я видела в жизни очень немногого. Другой бы на его месте, получив звонок с торга, рассудил: «Куплен лак для музея. Какой был – такой купили – деньги истратили. Мне до конца последнего рабочего дня здесь, в этой конторе, осталось пять часов. Уйду – и, как знаете, разбирайтесь с лаком. Я без копейки денег строил этот музей и сделал его городу. Не один год исся голова пухла, где взять деньги на его строительство – с меня хватит. Больше ничего знать не хочу.»

Так нет: Владимир Иванович опять нашёл выход из, конечно, безвыходного положения, когда денег на этот лак нет ни копейки – дай ему. Господь, здоровья на долгие долгие годы!

Я убеждена если бы не Н.К. Выгопов курировал строительство музея, не В.И. Капин был бы заведующим отделом культуры в то время – однажды я не выдержала бы, бросила всё и ушла – причин для этого было предостаточно. Но таких людей стыдно было предавать

Николай Кузьмич единственный в то время заместитель председателя исполнкома горсовета во время первого приёма сказал мне: «Вас не будут ко мне пускать, а Вы проходите». И я помня пользовалась этим. Бывало горько руки опускаются, не знаю, что дальше делать, иду к нему. Секретарь не пускает «Нельзя. Николай Кузьмич пишет доклад, не велел никого пускать.» Я приоткрываю двери, спрашиваю: «Можно, Николай Кузьмич?» Ответ: «Заходите, заходите, Ольга Марковна!» Отказа не бывало «Рассказываю о своих неудачах. Ответ «Не расстраивайтесь, Ольга Марковна! Вас никто не торопит. Сделаем мы музей всё у нас получится.»

Меня Николай Кузьмич успокаивал, а сам думал как мне помочь. Например, музей почти оформлен, осталось доформить раздел «Современность» материалом об ударниках последних двух пятилеток. Заранее обратилась к секретарям парторганизаций предприятий с просьбой представить такой материал в музей. Позднее всем напоминала об этом не однажды, кому-то по телефону, а многим и лично но представили материал только с трёх предприятий. Разославшая отправилась к Николаю Кузьмичу. Он меня успокоил. А через несколько дней пригласил к себе руководителей предприятий и Г.Д. Перемыкину, секретаря ГК КПСС, вместе с секретарями партийных организаций. Всех пригласил пройти в музей, где показал, что музей готов к открытию – дело за ними, а задерживают открытие музея секретари партийных организаций предприятий – букваль-

но через два дня материал от предприятий был в музее.

Итак, документы и экспонаты для экспозиции сумела собрать одна, спланировала экспозицию в музее, разложила экспонаты по местам, и художник Владимир Ильич Фаттахутдинов, приступил к оформлению музея согласно экспозиции.

I зал. Артёмовский район до Великой Октябрьской социалистической революции.

1. Переселение русских в Западную Сибирь.
2. Карта первых поселений на территории Артёмовского района.
3. Быт крестьян до Октябрьской революции.
4. Открытие и освоение Егоршинского месторождения каменного угля.
5. Строительство железной дороги Екатеринбург – Тавда и Алапаевск – Богданович.

II зал. Становление Советской власти и гражданская война в Егоршино.

1. Подпольная работа до Октябрьской революции.
2. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление Советской власти в Егоршино.

3. Гражданская война в Егоршино.

III. Зал. Социалистическое строительство (1919 – 1940 гг.)

1. Первый Государственный план Егоршинским копям.
2. Агитационно-инструкторский поезд во главе с председателем ВЦИК М.И. Калининым в Егоршино.
3. Поселку присваивается имя Артёма (Ф.А. Сергеева).
4. Первые героя труда на Егоршинских копях.
5. Организация Егоршинского района.
6. Строительство Егоршинской электростанции по Ленинскому плану ГОЭЛРО.

7. Коллективизация в Егоршинском районе

8. Электрификация сел Егоршинского района.

9. Радиофикация Егоршинского района

10. Первая пятилетка.

11. Стахановское движение.

12. Преобразование поселка им. Артёма в город Артёмовский.

13. Строительство шахты Буланаш 1-2.

IV. Зал. Великая Отечественная война.

1. Артёмовцы – фронту.

2. Артемовцы на фронтах Великой Отечественной войны.

3 Герои Советского Союза. Кавалеры орденов Славы трех степеней.

4 Артемовцы – участники парада Победы.

5 Земля городов-Героев, омытая кровью её защитников.

V. Зал. Развитие народного хозяйства и культурная жизнь города после Отечественной войны. (1946 – 1958 гг.).

1 Строительство новых предприятий и цехов в городе.

2 Зауральская геолого-разведочная партия.

3 Памятники природы на территории Артёмовского района.

4 Первые бригады коммунистического труда.

VI. Зал. Современность Мы придём к победе коммунистического труда

1. Передовики Семилетнего плана и Восьмой пятилетки.

2. Лучшие люди Девятой пятилетки

3. Они отличились при выполнении планов Десятой пятилетки

4 Продукция Артёмовского машзавода в макетах и товары народного потребления, выпускаемые Артёмовским машзаводом и Красногвардейским крановым заводом

5 Карта экспорта продукции Артёмовского машиностроительного завода

6. Карта экспорта продукции Красногвардейского кранового завода

7. Панорама Артёмовского сельского строительного комбината.

8. Новые предприятия: Артёмовский сельский строительный комбинат

Буланашский машиностроительный завод

VII Зал. Гордость нашего города.

1. Подарки городу.

2. Александр Натвеевич Сысолятин – уральский левша.

3. Культура города

4. Спорт города.

5. Артёмовцы – победители олимпийских игр.

6. Герои-интернационалисты.

7. Они отличились при выполнении плана Одиннадцатой пятилетки.

8. Артёмовцы – делегаты Всесоюзных съездов Коммунистической партии и делегаты Всесоюзных съездов комсомола.

9. Герои Социалистического труда

10. Артемовцы получившие звание «Заслуженный».

11 Артемовцы – Почётные граждане города Артемовского.

Наконец, музей был готов к открытию. И 30 апреля 1982 года в торжественной обстановке Артёмовский городской исторический музей был открыт. Первая запись в книге отзывов была работниками Артёмовского городского комитета КПСС такого содержания

«С необыкновенным волнением мы познакомились с экспозициями Артёмовского городского исторического музея. Открытие музея – важная веха в жизни города Артёмовского»

Выражаем искреннюю благодарность создателям музея за огромный труд по сбору, систематизации краеведческого материала. Благодарим оргкомитет, руководителей предприятий города, строителей, художников за большую работу по оборудованию и оформлению музея.

Без ясного знания прошлого невозможно создание настоящего и будущего. И мы надеемся, что городской исторический музей будет центром просветительской и воспитательной работы, будет формировать у юных артёмовцев высокие патриотические чувства».

30 апреля 1982 г.

В.Е. Пчелин

В. Е. Бабкин
Г. Д. Перемыкина
С. Н. Покрышкина
В. А. Лемещенко
Е. А. Горбунов
П. В. Корелин
М. А. Ермаков
В. Ф. Сосновских

Домой с открытия музея я не шла, а «летела», душа моя «спела» от радости, и не от того, что я услышала в свои адрес хвалебные слова, а потому, что в главном разобраться в истории города и района, как и в сборе и систематизации исторического материала мне никто не помог – я все сумела сделать сама. Осмотрев экспозицию и пролистав мою экскурсию гости остались довольны музеем а работники горкома КПСС в лице трёх секретарей горкома и заведующих отделами в «Книге отзывов» музея так и записали, что «знакомились с экспозицией музея с чувством необыкновенного душевного волнения, и осталась уверенность что этот «музей сможет стать центром просветительской и воспитательной работы, будет формировать у юных артёмовцев высокие патриотические чувства». – Это ли не

моя победа, если вспомнить, что я начинала делать музей с нуля; от старого музея мне осталось два экспоната: старое зеркало и сломанный микроскоп. Третий экспонат, сохранившийся от старого музея – картина «Ленин на трибуне» из битого бутылочного стекла, хозяин эту картину забрал в первый же день появления меня в музее. Негде было раньше по-настоящему ознакомиться с историей города, так как её нигде написано не было – я сама в ней разобралась и отразила историю города в этом музее документально.

Так как же мне было не радоваться?! Я несколько лет шла к этому дню, и сегодня я убедилась: мой музей, моё детище, в тяжких муках рождённое, есть – его признал город. А так как сделала я этот музей для артёмовцев, особенно для молодого поколения артёмовцев. Многие из них с первого же дня после открытия стали приходить в музей и вместе со мной радоваться, что теперь есть возможность узнать историю города, узнать о людях, делявших и делающих её.

Кстати в отзыве работников ГК КПСС есть фраза: «Благодарим ... художников за большую работу по ... оформлению музея.» Тут я тоже должна уточнить оформлял музей один художник – Владимир Ильич Фаттахутдинов. У него, как и у меня по сбору и систематизации краеведческого материала помощников не было.

Вот первые записи артёмовцев на второй странице «Книги отзывов»:

«Очень понравилась экспозиция музея. Очень рады, что у нас в городе есть такой музей. Приятно узнать многое о своих земляках, историю города, быть людей. Приносим большую благодарность организаторам музея и наши пожелания дальнейших успехов в работе, удачу в поисках новых экспонатов! Большое спасибо!»

09.05.82 г.

Семья Кротовых.

Музей очень понравился. Нет никакого сравнения с тем, который был раньше. Появилось много новых экспонатов, появилась системность материалов музея.

Большое спасибо тем, кто подарил такой музей нашему городу.

09.05.82 г.

Клименко В

Борисков В

Николаев А.

А вот отзыв людей, умудрённых опытом краеведческой работы:

Петр Семёнович Капганов, преподаватель истории, краевед, директор Красногвардейской средней школы № 14, посетив музей записал в «Книге отзывов». «При внимательном прослушивании сообщения экскурсовода О.М. Мартыновой в сознании складывается четкая содержательная история города и района Артёмовского. Содержание экскурсии имеет большую воспитательную ценность для любого человека, особенно для подрастающего поколения – учащихся которых необходимо патриотическое воспитание. Очень благоприятное впечатление оставляет расположение и оформление материалов и экспонатов музея, в чём немалая заслуга Ольги Марковны. Ей и выражаю сердечную благодарность»

1 июля 1982 г.

П. Капганов.

8 сентября 1982 г музей посетил представитель областного отдела культуры Свердловского облисполкома сотрудник Свердловского государственного объединённого историко-революционного музея с целью посмотреть наш новый открывшийся в области музей, создать своё мнение о нем и передать это мнение областному отделу культуры и администрации областного музея, под чьим руководством в дальнейшем я и стала работать. Своё мнение о нашем музее он записал в «Книге отзывов» музея

«Самой лучшей похвалы заслуживает экспозиция музея. четкая историческая последовательность, тщательный подбор экспонатов, хорошее оформление

Музей позволяет составить представление о крае и людях, делавших и делающих его историю, даёт возможность проведения тематических лекций по отдельным историческим периодам для школьников патриотически воспитывает. Экспозиция сделана с любовью. Чувствуется большой труд создателя музея

Очень приятно было познакомиться и послушать Ольгу Марковну – большого энтузиаста музейного дела»

М. Пеккер – сотрудник Свердловского государственного объединённого историко-революционного музея.

В апреле 1984 года в город Артемовский прибыла комиссия отдела народного образования Свердловской области с целью проверить работу школ города Артёмовского и района.

Работала комиссия неделю, проверяла работу тщательно. Учителя школы были предупреждены в начале учебного года, чтобы готовились к такой проверке. И прибыла-то комиссия чуть не в конце учебного года, но все учителя хорошо, видимо, подготовиться не сумели – они при встрече со мной жаловались, что придираются очень. Многое, мол, в нашей работе им не нравится.

А я посмеюсь с учителями, мол, хорошо, что я не дожила в школе до такой комиссии, то бы нервы трепала сейчас.

Сижу в кабинете, читаю свежий номер газеты – звонок по телефону из гороно: «У нас комиссия областная, желает посетить музей.» Я опешила, в голове пронеслось: «Вот тебе и хорошо, что не дожила в школе до такой комиссии.» Договорились: гости придут через 20 минут.

Комиссия, конечно, состоит из инспекторов облоно, методистов института усовершенствования учителей, директоров, завучей, лучших учителей школ города Свердловска – все они, понятно, с высшим образованием, а я – учитель начальной школы провинциального городишко – «ни ступить, ни молвить», где уж мне показать себя в лучшем виде перед такой комиссией. Злюсь на гороно: хотя бы накануне сказали мне, при сделась, причесалась бы получше. Словом, разволновалась, но делать нечего – приницай гостей.

А пришло их 29 человек с заместителем заведующего нашего гороно – С.П. Козловой. Я встретила их в фойе верхнего этажа. Стою, уж полно небольшое фойе гостями, а они все поднимаются и поднимаются – уж на лестнице стоят – не хватило всем места в нашем фойе. Все солидные – прямо жуть.

Движение стихло. Спрашиваю: «Что вы хотите узнать в музее: историю города Артемовского или то, как я работаю со школами?» Ответ: «И то, и другое.»

Начала экскурсию. Уж два зала прошли, прибежал какой-то человек, протолкнулся ко мне. Буквально минут через 5-7 спрашивает: «А как Вы работаете со школами?» Я рассказала, пошли дальше. Больше не последовало вопросов – тишина, все слушают, будто ученики-отличники, которым все это нужно обязательно запомнить.

Водила я их по музею два с половиной часа. Говорить закончила я, начались их вопросы, завязался разговор. Писать отзыв взялся тот мужчина, что опоздал на экскурсию видимо, руководитель комиссии, скорей всего,

заведующий облоно. Отзыв был таким:

«12.04.84 г.»

«Группа работников Отдела народного образования Свердловского облисполкома и областного института усовершенствования учителей с огромным интересом просмотрела экспозицию Артёмовского городского исторического музея.

В этом музее нас взволновала не только история становления и развития города Артёмовского, но и настоящий гражданский подвиг основателя и руководителя музея Ольги Марковны. Когда встречаешься с такими людьми, испытываешь чувство гордости за весь наш народ, его неумирающее подвижничество. Желаем ей крепкого здоровья на долгие годы. Спасибо.» (Росписи).

После открытия музея я продолжала в нём работать одна во всех должностях, кроме уборщицы: директор, научный работник, экскурсовод, смотритель и завхоз, т.е. продолжала сбор материала и экспонатов вела экскурсии консультации уроки мужества. пионерские сборы организовывала выставки декоративно-прикладного искусства. За свой труд получала зарплату семьдесят рублей, вначале за рабочего городского парка, а затем за уборщицу Мироновского ДК. Отопление и освещение музея оплачивал исполнком горсовета. Плата за вход в музей была символическая взрослые платили 20 копеек, ученики и маленькие дети – 5 копеек. Но авторитет музея был очень высок. Это видно опять же из записей в «Книге отзывов». Вот две записи на одной странице 85-86: Урок Мира – 10-й класс школы № 1.

1 сентября 1983 г.

«Свой первый урок в 1983-1984 учебном году десятый класс Артёмовской средней школы № 1 провёл в городском историческом музее.

Большая часть учащихся класса родились и выросли в этом городе Артёмовском. Мы знаем очень много о наших замечательных земляках, участниках Великой Отечественной войны, о передовиках производства, но сегодня перед нами открылась новая страница жизни нашего города – мы еще раз вспомнили, какие жертвы принёс наш небольшой город, какие трудности пережили наши люди, как героически приближали победу наши земляки на фронтах Отечественной войны и героическим трудом в тылу. Мы узнали, как наши земляки сегодня своим трудом крепят могущество нашей Родины. Спасибо Ольге Марковне за инте-

реческий, содержательный рассказ о наших земляках, о нашем городе.

Учащиеся 10 класса Артёмовской средней школы № 1.

30 человек»

А вот что записал студент Владимирского политехнического института С.В. Данилов, проходивший практику на Егоршинском радиозаводе, посетив музей, человек, можно сказать, случайный в городе: «Никогда неожиданно о том времени, которое я провёл в краеведческом музее. Поражает широта и глубина знаний экскурсовода музея Ольги Марковны. Чувствуется, что этот человек не только любит, но и живёт жизнью своего края и его народа. Очень впечатляет острота и насыщенность исторических событий произошедших в самом Артёмовском и его окрестностях»

Из всего услышанного и увиденного следует, что на здешней земле живут сильные и благородные люди, способные отдать жизнь за правое дело

Очень благодарен сотрудникам музея, проведшим колоссальную работу по сбору исторического материала.

409.83 г.

Студент Владимирского политехнического института Данилов С.В.»

«Делегация воинской части 49926 сердечно и искренне благодарит работников музея за преданную любовь к истории родного края, за их работу по воспитанию у посетителей чувства патриотизма, которое мы получили при посещении вашего музея. Пусть ваш музей растёт и пополняется новыми экспонатами и будет вечной памятью истории вашего города.

16.01.83 г. (Фамилия командира).»

За все время моей работы в музее главной моей задачей было – привлечь внимание артёмовцев к музею, заинтересовать их, вызвать желание вновь и вновь посетить музей. Для этого использовала все средства массовой информации – радио, телевидение, местные газеты. Например, первой моей газетной статьёй была в июле 1982 года такая:

«В городском музее

Уже два месяца работает в городе исторический музей, где представлена история нашего города и района

Музей – большой помощник школ в осуществлении учебно-воспитательного процесса. В нём можно проводить уроки истории и внеклас-

сные мероприятия на самые разные темы. Например: «Дореволюционный период нашего города», «Какие изменения произошли у нас в связи с развитием промышленности на Урале в начале XX-ого века», «Политическая работа на территории нашего района в дореволюционный период», «Становление Советской власти у нас», «Гражданская война в Егоршино»...

Хорошо представлены и такие темы: «Социалистическое строительство после гражданской войны», «Первые Герои труда», «Агитационно-инструкторский поезд «Октябрьская революция в Егоршино», «Егоршинская электростанция – первенец Ленинского плана ГОЭЛРО», «Промышленность в Первую пятилетку и колхозизация», «Первые стахановцы нашего города», «Отечественная война» и др.

В музее представлен материал о многих интересных людях, наших земляках, например, дважды Герое Труда Прохоренко Семёне Андреевиче, о генералах: А.Н. Королёве, А.Т. Рябове, о враче Т.Е. Займак, о профессорах А.М. Аминёве и Н.Д. Беспамятных

Музей предлагает школам проводить пионерские сборы на любую из названных тем, а также приём в пионеры, комсомол, всевозможные встречи, внеклассные мероприятия и классные часы. Музей можно и нужно использовать для работы с подростками и вести военно-патриотическую работу с призывниками» ... Позднее я рассказывала о том, какие новые экспонаты поступили в музей, кто их подарил, а также через СМИ сообщала об открытии каждой новой выставки декоративно-прикладного творчества.

Так, 9 августа 1986 года в газете «Артёмовский рабочий», например рассказала об одном, вновь поступившем в музей экспонате:

«Музейный экспонат

Постоянно пополняется новыми экспонатами наш городской музей. Документы, материалы уводят нас в далёкое прошлое – это история нашего района, судьбы его людей. С каждым новым экспонатом с интересом знакомятся жители города, его гости, учащиеся школ. Многие из них сами сдают в музей дорогие им реликвии, редкие находки.

Пионеры Шогринской восьмилетней школы собирали макулатуру. Среди бумаг обнаружили личное дело (назовем его так) унтер-офицера Михаила Савича, сына Сметанина. Они поняли ценность этой бумаги, поспешили показать преподавателям школы и все вместе приняли решение

передать этот документ в городской исторический музей.

Михаил Саввич Сметанин, государственный крестьянин села Шогриш Ирбитского уезда Пермской губернии, 9 января 1847 года был призван в армию, записан в рядовые в Карабаторный полк генерала-фельдмаршала Барклая-де-Толли

За свою пятнадцатилетнюю службу Сметанин участвовал во многих войнах и походах, в частности, в Крымской войне 1853 – 1856 годов. За геройизм в этой войне он был награждён светло-бронзовой медалью. (В музее есть такая медаль)

В 1858 году Сметанин был «произведён» в батальонные писари, так как «умел читать и писать» – так зафиксирована в его личном деле степень его образования. Конечно она, степень его образования, была невелика. но и это вызывает интерес: где и как научился читать и писать Михаил Савич, государственный крестьянин, чтобы мог выполнять работу батальонного писаря, ведь на территории нашего района до 1843 года школ вообще не было.

В январе 1863 года унтер-офицер Сметанин «как выслуживший определенный законом пятнадцатилетний срок от военной службы отставлен и отпущен по его желанию на собственное пропитание, где жить в России пожелает, во всяком городе, уезде или на прежнем месте, у своих родственников. А в Петербурге и Москве только в том случае, если будет иметь возможность к содержанию себя какими-либо постоянными занятиями и вообще положительными способами »

Из вышесказанного видно, что тридцатишестилетний унтер-офицер ушёл в отставку. «За пятнадцатилетнюю беспрочную службу без штрафов отпусков и увольнений за геройизм и мужество во время службы он получил ещё одну награду – «Высочайше установленную нашивку на левом рукаве из жёлтой тесьмы в два ряда.»

А дальше в личном деле унтер-офицера наказы, как ему жить, чтобы не позорить честь офицерского мундира: «Обязан вести себя честно и добродорядочно, одеваться благопристойно. бороду брить. по миру не ходить и от всяких законом противных поступков воздерживаться, и, как гражданскои, так и местному начальству, повиноваться, никому никаких оскорблений не делать. жениться на православной и венчаться в православной церкви.»

Все ли эти правила точно выполнил М.С. Сметанин. трудно узнать, но по документу следует: 12 июня 1865 года он вступил в законный брак с

двадцатилетней Марией Варламовной Шастовой. Видимо был и второй брак, так как Мария Варламовна тридцати девяти лет от роду умерла от горячки. Сам М.С. Сметанин умер в 1896 году от старости.

Вот такой любопытный документ в городском музее освещает жизнь государственного крестьянина села Шогриш, гренадера, унтер-офицера, героя Крымской войны 1853 – 1856 гг.»

Уже в 1984 году, то есть музей функционировал еще всего два года, решением Министерства культуры РСФСР «За активную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся и молодёжи и значительный вклад в развитие музейного дела» Артёмовскому городскому историческому музею было присвоено звание «Народный музей.»

Да, приступая к созданию экспозиции «История города Артёмовского», я была уверена, что хорошо знаю историю родной страны. Когда я носила имя Союз Советских Социалистических Республик, но в процессе работы пришлось убедиться, что я знаю только «этапы большого пути» СССР, т.е. только то, что «лежало на поверхности» нашей истории, о чём ежедневно трезвонили средства массовой информации, и совершенно ничего не знала из того, что было спрятано у страны Советов под прифами «Секретно» или «Совершенно секретно», а там...

Однажды, где-то во второй половине восьидесятых годов когда мой музей успешно работал а я продолжала собирать материал по истории города и района, прочитала в газете «Артёмовский рабочий» об Александре Красильникове, первом стахановце ЕГРЭС, о котором в 1935 – 1937 годах газета «Егоршинский рабочий» писала восемь раз, как об умелом организаторе производственных процессов, активном комсомольце и общественнике. Я, прочитав статью, очень удивилась, что, собирая материал для музея, ни от одного работника Егоршинской электростанции ничего не слышала об этом человеке. Решила: «Этот человек достоин остаться в памяти артёмовцев. Узнав, что в живых его уже нет, за материалом о нём обратилась к сестре его, Татьяне Ивановне Красильниковой. А она сказала, как обухом по голове ударила: «Саша был арестован в 1938 году осуждён по статье 58 УК РСФСР как враг народа и погиб». Я растерялась как так? Первый стахановец и враг народа? Татьяна Ивановна, поняв моё замешательство, быстро предложила «Саша погиб бесвинно реабилитирован полностью посмертно.» И стала показывать мне документы о его реабилитации ещё за 1956 год.

Разговор завязался, и Татьяна Ивановна назвала имена многих других артёмовцев, чьи отцы или братья были арестованы ни за что и погибли, реабилитированы посмертно. Я захотела узнать больше о репрессиях в Артемовском, обратилась в прокуратуру Свердловской области, а позднее в Областное Управление КГБ, но получила ответ, что они сообщают сведения только родственникам. Стала искать родственников и работать с ними, записывала то, что они знали и помнили, просила перепроверить достоверность документов, присланных им прокуратурой Свердловской области ещё в 1956–1957 годах. Многие ответы стали приходить другими. Если раньше в графе «Причина смерти – болезнь», то теперь часто «Причина смерти – расстрел.»

Хороша, без больших забот жили мы со своим музеем до конца 1988 года. А тут пришло в горсовет новое начальство и платить за отопление и освещение не захотело – не нашлось у города денег на это. «Заболела голова» об этом у Первого секретаря ГК КПСС В.Е. Пчелина. С проблемой Артёмовского городского музея он обратился в Свердловский Обком КПСС.

Однажды из Обкома КПСС прибыл в наш РК КПСС представительный человек с заданием не только осмотреть наш музей, но и оценить значимость Артемовского городского исторического музея в идеально-политическом и патриотическом воспитании артёмовцев. И нежданно-негаданно заявились они с В. Е. Пчелиным в мой музей. Валентин Егорович представил мне гостя и сказал: «Ольга Марковна, надо доказать, что наш музей играет огромную роль в патриотическом воспитании артёмовцев. И отправились мы с этим дородным гостем в экскурсию по моему музею, да три часа я ему рассказывала историю города. Валентин Егорович все три часа ходил вместе с нами по музею, но ни одним словом не вмешался в мой рассказ. Я, видимо, сумела доказать значимость музея в идеально-политическом и патриотическом воспитании артёмовцев, и в январе 1989 года музей был присвоен статус Государственного музея и выделены деньги на его содержание и ставки директора музея, научного сотрудника, хранителя, смотрителя и уборщицы – всего пять ставок, и стал наш музей филиалом Свердловского областного государственного музея.

Кажется, мне бы только радоваться, но радости не появилось. Во-первых, мне чрезвычайно стало получать зарплату директора музея, так как я – пенсионер и получаю пенсию. Получить ставку директора я могла бы только тогда, когда отказалась получать пенсию. По этой же причине я

не могла и получать ставку научного сотрудника. Я решила от пенсии не отказываться, а отказаться от директорства, так как эта работа мне была не интересна.

В это время в городе появилась Н.Ю. Воробьёва, по специальности архивариус с высшим образованием. Ко мне обратилась её мать с просьбой принять её на работу в музей – вот я её и порекомендовала на работу директора музея.

А так как от пенсии я не отказалась, то по законам того времени я имела право получать только ставку рабочего, и мне стали платить ставку смотрителя – семьдесят рублей, а я по-прежнему собирала материал по истории города, вела все экскурсии в музее, кроме выставочного зала читала лекции в школах, в Артёмовском техникуме, в техническом училище.

За это время я собрала историю комсомола города и района, материал об участниках войны в Афганистане, о первых кооперативах, много материала об артёмовцах, репрессированных в 1935 – 1948 годах. При выяснении правды о Егоршинских шахтерах репрессированных безвинно и погибших в застенках Свердловской тюрьмы в 1936 – 1938 гг., мне оказал помощь Владимир Фёдорович Хлистунов начальник отдела управления ФСБ РФ по Свердловской области в г. Артёмовском. Благодаря его помощи мне удалось часть «Дел» шахтёров Егоршинского шахгоуправления прочитать в подлинниках.

О судьбах многих репрессированных артёмовцев я писала статьи и очерки в местных газетах «Артёмовский рабочий», «Егоршинские вести», а позднее и в «Губернии». А когда материала собралось много, в конце 1991 года я в музее оформила и открыла новый раздел «Репрессии в городе Артёмовском в тридцатые годы XX-ого века».

Комната, в которой расположена экспозиция на эту тему, напоминает зэковский барак с фонарём под потолком; чёрные, как бы проштукатуренные стены деревянные стойки и доски олицетворяют трёхъярусные нары; на них фотографии тех, для кого такие бараки были местом обитания, а деревянные нары – местом передышки от невыносимых пыток и адского труда. На стене расположена карта исправительных трудовых лагерей на территории Свердловской области.

Под самым потолком на стенах плакаты показывающие жизнь в стране за стенами ГУЛАГ (а) такой, какую она считалась в то время: «Наш Паровоз вперёд петит» под руководством Коммунистической партии и

вождя великого Сталина; труд, энтузиазм молодёжи под лозунгами: «Нам солнца не надо – нам партия светит. Нам хлеба не надо – работы давай!» Квартира рабочего – на стенах портреты вождей пролетариата: Ленина и Сталина «Выборы в Верховный Совет СССР под солнцем Сталинской Конституции» и «Письма-доносы».

Здесь же большой двухтумбовый стол под зелёным сукном, почти мягкое кресло. За таким столом следователи сочиняли «Дела» на невинно пострадавших. Удобно устроившись в кресле, могли часами, а то и сутками дожидаться когда очередную жертву удастся «сломать», и та подпишет материал, компрометирующий себя.

А на стене за спиной следователя, огромный портрет Сталина, гения, вождя кормчего, под чьим руководством «красное колесо» истории нашего государства катилось по родной Отчизне, давило, крушило всё, чуждое Ему и иже с Ним не щадя ни старого, ни малого и даже ни тех многих, кто возводил социализм в подвластное Ему государство.

«Экспозицию завершает Книга памяти «жертвы политических репрессий в 30-е годы XX столетия города Артемовский». Над входом в зал лозунг «Железной рукой загоним человечество к счастью!»

Книга жертв политических репрессий

В 1936 – 1938 гг XX века города Артёмовского

была оформлена по таким графикам:

Найти всех артемовцев, репрессированных в тридцатые годы XX века, мне было просто невозможно, так как прокуратура и КГБ Свердловской области отвечали только родственникам, а родственников всех найти было сложно, так как времени с тех пор прошло более полвека – одни ушли в иной мир, другие погибли на фронтах Отечественной войны, третьи постарались уехать из города, где столько пришлось пережить.

Я сумела найти и записать в Книгу памяти 307 артёмовцев, репрессированных во второй половине тридцатых годов. Полностью все данные о них, согласно этим графикам, я сумела найти только на 188 человек. Из них, т.е. из этих 188 человек, 97 человек были расстреляны в Свердловской тюрьме, даже чуть побольше полусотни – это наглядный пример того, как «трудился» наш родной НКВД в те времена и какова была политика наших родных Коммунистической партии и Советского правительства.

Итак, я работала в музее ещё пять лет, когда он стал государственным. От пенсии я не отказалась, а положение в нашем государстве в тот период

было таким: если от пенсии не отказываешься, то за свой труд имеешь право получать только ставку рабочего. И оформили меня смогритеlem музея на ставку 70 рублей. а работу я выполняла научного сотрудника и экскурсовода музея

Эта мизерная зарплата меня ничуть не волновала. Я о ней даже не вспоминала для меня было главным – есть у меня интересная работа, нужная городу и артёмовцам – этим я была счастлива: я делаю дело важное прививаю артёмовцам, особенно молодому поколению любовь к родному городу, к людям, делавшим и делающим его историю.

Но тут в городе появился специалист, которая к этому времени заочно закончила искусствоведческое отделение Свердловского госуниверситета Ей захотелось получить работу по этой специальности. А где в нашей городе можно получить работу искусствоведа? Понятно: только в музее, если там есть выставочный зал. Она быстро «набилась» в подруги к директору музея, стала часто звонить, приглашать на пироги, заходить в музей. К счастью, её планы совпали с планами директора музея, которая очень хотела избавиться от меня, так как директором она уже пять лет, но её работы как директора пока незаметно. По-прежнему все видят только мою работу: придут в музей – я веду экскурсию; вне музея читаю лекции, пишу в газетах статьи и очерки, продолжаю работу по сбору экспонатов среди населения. Думаю, тут директор сообразила: принять нового сотрудника – это поможет побыстрее избавиться от О.М., ведь надо же как-то добиться, чтобы люди поняли, кто «в доме хозяин»: что в музее она – главное лицо, а вовсе не Ольга Марковна. Ставку научного сотрудника отдать искусствоведу а Ольга Марковна пусть отдыхает – ей уже 70 лет.

Но, чтобы принять на работу подругу надо доказать что искусствовед музею нужен. Н.Ю. вспомнила, что я не однажды говорила, что, когда я ещё одна работала в музее в один из восьмидесятых годов мы с отделом культуры перед председателем горисполкома П.В. Корелиным ставили проблему: из здания в котором расположен музей убрать магазин № 33, а на освободившейся площади сделать выставочный зал музея, так как существующий выставочный зал музея по площади не удовлетворяет.

На одном заседании горисполкома этот вопрос был поставлен, обсужден, но от положительного решения этой проблемы горисполком воздержался. мол, население этого микрорайона будет недовольно, так как на территории микрорайона продукты магазинов, кроме магазина № 33,

нет. Народ вознаградил. А теперь, мол продуктовые магазины в этом микрорайоне появились, можно вновь начать муссировать этот вопрос.

И вот теперь когда надо стало срочно получить рабочее место для подруги, директор музея очень серьезно взялась за решение этой проблемы. Конечно, обратилась к заведующей отделом культуры, к зампредседателю горисполкома П. И. Анчугову. Сообща донесли эту идею до председателя горисполкома В. В. Плишкин задумался, как решить проблему: как закрыть магазин № 33, но чтобы население этого микрорайона города не возмущалось. Всё просто: надо доказать людям, что выставочный зал городу необходим, т. е. делу надо придать «законный вид и толк». Было решено написать в газету статью и посмотреть, какова будет на эту статью реакция населения. Заведующая отделом культуры пригласила к себе в кабинет меня и попросила такую статью в газету написать.

На почему опять я должна поднимать новую проблему? У нас есть директор музея. Но.. хотя он, директор «работал» в этой должности в музее к тому времени уже пять лет но голос его ещё был слаб, сказать точнее, народ его ещё «не слыхал». Директор пока годился только для закулисных дел...

Я статью написала, и дело закрутилось: председатель горисполкома В. В. Плишкин, как говорится, взял статью на «вооружение», и магазин № 33 стали закрывать. Но.. Ольга Марковна до этого момента в музее не «доожила», меня «выселили» из музея раньше. Уже, видимо в апреле приняли на работу в музей искусствоведа, а первого июля 1994 года меня пригласила к себе заведующая отделом культуры Н. Н. Костылева и поставила в известность: «Первого августа, т. е. через месяц, Вы будете сокращены.»

Меня совершенно не удивило, что имена решили сократить. Я сама решила уйти, но меня задерживали кой- какие незаконченные дела. А так вот встать и уйти, не доведя дело до конца – я просто не могла, мне не позволила бы совесть. А дело в тот момент, по-моему, я делала очень важное – начала собирать материал о первых кооперативах, упустить момент – никогда потом не соберешь этот материал.

Первого августа 1994 года я пришла в отдел культуры, чтобы уволиться с работы, и увидела такую картину: я месте заведующей отделом культуры сидит директор городской библиотеки а перед ней лежит «Книга приказов». рядом моя трудовая книжка. Оказалось, что с того дня, т. е. с первого августа ушла в отпуск Н. Н. Костылева, а Борцова осталась ее замещать. Тогда она судила и с негергенией ходила меня, чтобы выполнить первое

поручение заведующей отделом культуры – сунуть мне трудовую книжку и уйти на своё рабочее место, заняться своим делом.

Только я переступила порог кабинета, Борцова спросила: «Что, Ольга Марковна, увольняться пришли?» Я ответила: «Да!» Она тут же открыла «Книгу приказов» и начала писать в мою трудовую книжку приказ: «Уволена по сокращению штатов», а потом подала мне ее со словами: «Ничего уж другого не могли придумать, чтобы записать в трудовую книжку.» Я ответила: «Вещи и дела надо называть своими именами» и вышла из кабинета.

Я же в этот час и день была взъярлена необычайно, ведь я ставила точку не только в своей шестнадцатилетней деятельности в культуре, но и всей 53-х – летней трудовой деятельности (01.08.41 г. – 01.08.94 г.). Но это волнение разделить со мной никто не захотел: случайный человек подал мне трудовую книжку так же равнодушно, как подают её алкоголику, уволенному за прогулы или другие подобные дела. Слов благодарности за свой более, чем полувековой труд, я не услышала.

Может быть, я действительно из себя сотворила Кумира и решила, что в день увольнения с работы достойна услышать за свой труд добрые слова ... Нет, конечно, нет! Никаким Кумиром я себя не считала – я просто добровестнейшим образом трудилась 53 года и знала, что за такой труд людей благодарят.

Что тут сказать? Суди нас Бог!

Однажды, в 2006 году, т.е. через 12 лет после того, как меня сократили с работы, разбирая свои бумаги, я обнаружила, что Почётных грамот городской администрации у меня не две, как я считала, а три – мне показалось лишковато. К слову сказать, всевозможных Благодарностей, Почётных и Похвальных грамот мной за свой труд получено не один десяток, и даже не два, и не три, но Почётных грамот на бланках городской администрации было только две. Их бланки отличались от бланков всех грамот и благодарностей в советские времена тем, что оформлены были в виде книжечек с красными корочками, на обложке которых красовалась Кремлёвская Спасская башня с часами и Красной звездой на неярком фоне всего Кремля а ниже на красной ленте Герб Советского Союза. Внутри корочек на развернутом листе слева большой портрет Ленина, а справа – текст благодарности. Вручались такие Почётные грамоты в советское время на солидных мероприятиях в торжественной обстановке от лица городского Совета.

Итак, обнаружив, что таких Почётных грамот у меня как бы лишковато,

я решила прочитать содержание их всех и обнаружила Почётную грамоту, которую мне никто никогда не вручал; с содержанием её раньше я не была знакома. На этой грамоте стояла дата: 01.08.94 г. – дата увольнения меня с работы. А содержание ее было таким:

Уважаемая Ольга Марковна!

Имея большой педагогический опыт и проработав многие годы с детьми Вы пришли работать в сферу культуры. Вам пришлось заниматься возрождением Артёмовского городского музея. Новизна и необычность дела не испугали ... Энергичность, упорство и трудолюбие позволили за несколько лет собрать тысячи экспонатов, систематизировать их, оформить экспозицию и открыть музей.

Активная работа с посетителями получила высокую оценку: музей стал называться Народным, а затем и Государственным. Возможность заниматься неизвестными страницами истории нашей Родины позволили изучать новые материалы – итогом этого стала экспозиция,lossenящая жертвам политических репрессий 30-х годов. Несколько лаконичных артёмовцев выросли вместе с музеем. Часть из них с интересом следила за Вашиими газетными публикациями, многие гости музея оставили слова благодарности в Книге отзывов, они сохранят свои впечатления на долгие годы.

Администрация города, Отдел культуры и городской исторический музей выражают Вам признательность за огромный труд в деле патриотического воспитания и бережное отношение к нашему прошлому. Желаем Вам доброго здоровья большого человеческого счастья, бодрости духа и неиссякаемой энергии!

С уважением, Администрация города;

Отдел культуры;

Городской музей.

01.08.94 год.

Покрутила я эту Почётную грамоту и так, и этак ...

Откуда она у меня? Как попала в мои бумаги? Когда она написана?

И поняла, написана эта Почётная грамота несколько позднее даты, указанной на ней, и написана она кем-то для очистки совести – кому-то, видимо совесть не позволяла усомниться за свои действия. Ну, а тихонько запихнуть её в мои бумаги возможности было много.

Так вот через 12 лет после увольнения я узнала, что я, оказывается, не сделала Артёмовский городской исторический музей от «А» до «Я», а возрождала бывший. Только не удосужились мне сообщить ни администрация города, ни отдел культуры, ни городской музей, когда, в каком веке он, этот исторический музей, который я будто бы возрождала, существовал раньше в природе города Артёмовского. А жаль: узнать мне было бы небезинтересно.

Да, был раньше в городе музей, но только не исторический, а Бог знает какой – это во-первых, а во-вторых, его успели разворовать полностью, так что возрождать там было нечего.

Мне пришлось делать музей вновь от «А» до «Я», так что я исторический музей не возрождала, а «рождала». Историю города восстановила сама и в музее её чётко представила документально.

А ещё из этого горе-документа я узнала, что Администрация города, Отдел культуры и Городской исторический музей выражают мне слова признательности за огромный труд в деле патриотического воспитания. Слава Богу! Получила «слова признательности за огромный труд в деле воспитания», только из этого горе-документа опять же не поняла, во-первых, за воспитание кого эти слова признательности, уж не стены ли музея я 16 лет воспитывала? А, во-вторых, кто или что выразил эти слова признательности? Здания или люди, занимающие определённые должности в этих зданиях? Похоже – здания. Ведь если бы люди, так они, думают, расписались в документе, оставили бы в нём своё имя да и печать какую-нибудь поставили бы. А здесь ни расписи чьей-то, ни печати нет

Ну а если серьёзно, так бланк Почётной грамоты с гербом Советского Союза использовать для документа, датированного 01.08.94 г., т.е. 1994 годом, когда Советский Союз уже давно развалился, не больше не иеняще – насмешка надо мной, мол, где ей, учительнице начальных классов, разобраться – не поймёт, что над ней посмеялись даже рада будет – вот поэтому и подпись свою никто не поставил да и печать тоже. Горе-руководители, и бланка для Почетной грамоты нормального у вас не нашлось.

Я же, обнаружив у себя в 2006 году этот «документ», не только не расстроилась, а даже от души посмеялась, припомнив, что все те лица, которые тогда меня сокращали почетную грамоту должны были подписать, за время, пока я в музее не работала, успели кое-что пережить. А переживания всех их были очень серьёзными...

А я – что? Я тогда тихонько ушла – и никто ничего не понял, почему меня нет в музее. Я при тех условиях все равно бы работать не стала – где мне не нравилось, я никогда не работала. А вот другие … уходили… Да ещё и не вечер

Но самым интересным было для меня тогда, когда меня уволили с работы из музея, в музее почти сразу же был принят музыкальный работник детского сада – подруга искусствоведа. Видимо, заведующая отделом культуры сочла, что музыкальные работники историческому музею нужнее. Почему я так сказала: «историческому музею нужнее музыкальные работники, по мнению заведующей отделом культуры», да потому, что и искусствовед до работы в музее работал тоже музыкальным работником детского сада, так что заменили меня в музее двумя научными сотрудниками, имеющими опыт работы только музыкальных работников детских садов.

Пришла я домой и тут же забыла о своём увольнении. Почувствовала себя так, как, бывало, чувствовала себя, когда уходила в отпуск, никаких тебе забот, и продолжаться это будет бесконечно! Отдыхай себе!..

Нет. Надо не просто отдыхать. Надо подлечиться. Конечно, надо сначала подлечиться! В Екатеринбурге есть диагностический центр – там очень хорошие врачи – они сразу все болезни определят и назначат лечение. Вот этот диагностический центр я и решила посетить.

Осень была дождливая. Я с поездкой в диагностический центр не спешила. Да ничего и не болело. На что жаловаться? Вот уж ноябрь на исходе. Снегок приличный выпал уже. Тут и декабрь подкатит. Холода начнутся. Чего я думаю? Почему не еду?! Вот завтра же и поеду! Так. Ехать нужно рано. К первому поезду надо будет выйти на автобусную остановку в 4 часа. Страшно. Не решусь выйти. Поеду первым автобусом в шесть часов. Из дома придётся выйти в 5 часов 30 минут – это всё же ближе к рассвету. Кто-то уже и проснётся.

Но… опять «но»: у меня ведь билета на автобус нет. Днём ещё не собиралась ехать – билет не купила. Ничего: пойду к автобусу. Может быть, место будет. Не будет места – вернусь домой.

А вот как решиться – полёгкого выйти из дома? Жутко становится, как только представлю безлюдную улицу. Но ехать надо. Откладывать некуда. Завтра гседу.

Утром проснулась в 4 часа. Стою у окна, гляжу – света ни в одном окне – город спит. И загадала «Вот если сейчас (это в 4 часа утра) кто-нибудь

пройдёт по дороге мимо нашего дома, значит, я съезжу благополучно, всё будет хорошо.»

Буквально минуты через 2-3 в сторону вокзала идёт мужчина – сразу на сердце стало спокойно съезжу хорошо, и начала собираться в путь, а в 5 часов 35 минут вышла из подъезда. Иду по улице. Света ни в одном окне, а страха никакого. Раздумываю: чего боялась – нисколько не страшно.

Но самым удивительным было то, что за ночь немножко перемело дорогу, и на свежем снегу был только один след того мужчины, которого я видела в окно. Иду и размышляю: «Надо же?! По свежему снегу никто не прошёл», а я только загадала – и будто Всевышний его послал пройти по дороге, чтобы успокоить меня, подбодрить на «подвиг.»

На остановку пришла первой, но скоро стали появляться люди. Пока ожидала автобус, ещё переживала, будет ли место в автобусе, но все волнения были напрасны – в конце автобуса два свободных места.

В автобусе тепло. Сняла пуховик. Даже подремала неиножко. На автовокзале в Екатеринбурге перешла в трамвай и поехала на Уралмаш. Из дома взяла тапочки – ни в одной очереди в поликлинике не стояла. Записалась к трём врачам. У всех прошла обследование, даже снимки какие-то сделала. Правда с Уралмаша выехала поздновато, долго не было трамвая нужного – пришлось поволноваться. Вышла на железнодорожном вокзале. До поезда оставалось ровно час. Но на поезде ехать не хотелось – на станции Егоршино на первый автобус можно не сесть, а следующий придёт часа через два, пока сходит на Буланаш.

Лучше бы уехать из Екатеринбурга на автобусе. Во-первых, домой приедешь на час раньше, а во-вторых, если шофер добрый попадёт, попросишь – остановит автобус вблизи моего дома. На железнодорожной вокзале постояла в толпе, спросила, как долго автобус идёт до автовокзала, получила ответ: «минут двадцать.» Рассудила: «В моём распоряжении час. На автовокзале буду через двадцать минут. Не будет билета до Артёмовского на автобус – успею вернуться к поезду.»

Билет купила первая вошла в автобус и довольная, что всё хорошо поехала домой. Выехали за город – стемнело. В автобусе жарко, душно, темно, света нет. Через проход от меня тихо разговаривают две дамы, как две назойливые мухи жужжат под ухом. Надоели. Я одна на двух сиденьях сняла пуховик, накинула на плечи, сумку поставила на сидение к окну, на неё положила пуховую шаль. Отвернулась от дам к окну и стала наблю-

дать, как мелькают за окном то строения, то деревья.

Расслабилась. Вдруг слышу душераздирающий крик: «Берегись!» Больше не помню ничего. Открыла глаза. Лежу на спине, надо мной, накинувшись стоят дамы, что «жужжали» в автобусе под ухом, и тянут из-под меня пуховик. Я застонала. Одна из них сказала: «Баушка, не сто- ни. Жива и ладно». Они, видимо из кармана моего пуховика взяли билет, чтобы я никогда никому не смогла доказать, что ехала на этом автобусе, и удалились. Я проследила, что вышли они из автобуса через отверстие в лобовом окне автобуса. Я осталась лежать. видимо, на окне автобуса, но на снегу. Очевидно, когда выносили пострадавших, на ногах в автобус натаскали столько снега, что стекла не было видно из-за него. Да и ко мне, наверное, подошли не однажды не зная, что со мной делать.

Я поняла, что мне на ноги не встать – ужасная боль в спине. Нет ни сунки, ни шали около меня. Огляделась и увидела, что сумка валяется под сидением – сползла за сумкой. Думая: надо одеваться и выползать из автобуса – шали нет, а у пуховика даже нет мехового воротника, заплакала. Кто-то зашёл и у входа повесил шаль на сиденье. Я сползла за шалью. Надела шаль, пуховик и поползла к побочному стеклу. Когда стала уже доползать, в автобус зашёл мужчина подхватил меня под руку, поставил на ноги и погнал из автобуса быстро-быстро, протащил мимо кучки людей, стоявших около створки в лобовом окне и, дотащив до своей легковой машины, поставил кней. Сам вернулся к той кучке людей, что стояли около автобуса, видимо, ушёл на совещание, что делать со мной. Я огляделась: непострадавшие пассажиры стояли врассыпную поодаль от автобуса.

Скоро мужчина вернулся с ним две дамы, что вытащили билет из кармана моего пуховика, все сели в машину, посадили меня и поехали. Этот мужчина мне сразу сказал: «Мы тебя, баушка, завезём в больницу на Монетную». Я заплакала: «Не оставляйте меня, я никому не сказала, что поехала, меня потеряют.»

Заехали в больницу на Лосинку. Этот же мужчина сказал: «На дороге авария автобуса съездите, посмотрите, может, есть пострадавшие.» Но сам отлично знал, что пострадавших уже не осталось – всех отправили. Одних попутными машинами а менее пострадавших автобусом до Режа, мол, уедут домой с поездом. Мне он предложил остаться в больнице в Лосинке, я отказалась.

Что произошло с автобусом? Снега ещё было маловато, дорога сколь-

зкая. Автобус зашёл на встречную полосу, а потом, когда надо было встречную дорогу освобождать, круто повернул направо – автобус на ходу лёг на левый бок. Я уже сказала, что пострадавших всех отправили, а когда приехали работники ГАИ и медики, зафиксировали: пострадавших нет. И шофер вернувшись в родное автотранспортное предприятие, доложил «Пострадавших нет.»

У меня были ушибы спины в области грудной клетки и перелом позвонка. Мне, чтобы получить страховку в автотранспортном предприятии, деньги на лечение и за моральный ущерб, пришлось доказывать через суд города Берёзовского, что я ехала в этом автобусе; так как автотранспортное предприятие требовало с меня в доказательство, что я ехала в этом автобусе, билет – это при том, что билет был в АТП, очевидно, у того начальника, который с меня его требовал.

А те две дамы, которых шофер посадил за пределами автовокзала в городе Екатеринбурге, конечно, были безбилетницами, ехали в автобусе со мной почти рядом, только в другом ряду сидений и, разговаривая, жужжали мне под ухо, как назойливые мухи, а когда я лежала после аварии в автобусе без сознания, они вытащили из кармана моего пуховика мой билет, а потом ехали со мной рядом в автомобиле от места аварии до Артёмовского, были вызваны в суд г. Березовского, где мне пришлось доказывать, что я ехала в автобусе и пострадала во время аварии. Но в суд приехала только одна из них, работник сбербанка и защищала шофера, сказав что меня она вообще не видела – продалась за стоимость билета до Екатеринбурга и обратно.

Кроме меня, никому из пострадавших АТП страховку не выплатило, заявив, что страховку никогда никому не платили.

Вот так я «хорошо», согласно гаданию, и съездила. Вместо того чтобы подлечиться, вынуждена была без движения лежать на спине почти полтора месяца, а потом опять училась ходить. И когда уже ходить стала, ещё полгода нельзя было сидеть – ела стоя. А так как в мае 1995 года исполнялось 50 лет Победы в Великой Отечественной войне, я стала писать, лёжа на животе, статьи и очерки о подвигах артёмовцев, участников войны и тружеников тыла. Во-первых, без дела было скучно. а во-вторых, думала: писать надо, а кто будет писать, если не я, кто столько о них знает, ведь в музее же я собирала о них материал.

Лето 1995 года прошло. Хотя ходила ещё плохо, были боли в спине,

но ежедневно выходила на улицу, гуляла. Наступила осень – скучища. В музее не было никого, никто там меня не ждал из музеиных работников и никто из них не навестил меня во время болезни. Но вот закончился ремонт первого этажа музея, оборудовали его под выставочный зал, организовали первую выставку. Открытие выставочного зала, и работники музея пригласили меня на открытие. Думаю, сделали они это уж не из уважения ко мне, а потому, чтобы удивить меня, похвалиться как хорошо всё сумели сделать и показать, что без меня дело идёт в музее не хуже, а скорее считали, что лучше.

Конечно, порадовалась, что город получил такой выставочный зал, но одновременно с радостью очень огорчилась, узнав, что только начался ремонт первого этажа, музей больше не работал; было объявлено негласно, конечно, что музей закрыт на ремонт.

Итак, первого августа 1994 года я ушла с работы, музей остался в полном порядке с пятью тысячами экспонатов. Вскоре начался ремонт первого этажа здания музея для выставочного зала, и городской музей был негласно закрыт на ремонт, и экскурсии в нём прекратились.

Ремонт шел своим чередом, рабочие трудились, а сотрудники музея, предполагая, мечтали, обсуждали, каким они сделают выставочный зал да и музей – не оставлять же его таким, каким он был у Ольги Марковны с художником В.И. Фаттахутдиновым который в жизни – то оформил всего-то... четыре музея. Смею добавить от себя: «Да каких!!!»

Владимир Ильич Фаттахутдинов был (царство ему небесное!) умным, грамотным думающим художником-оформителем. Так почему же тогда музей закрыли на ремонт? Всё просто: начали оформлять новый выставочный зал для открытия, но... большое «но» на пути к успеху: оформлять-то нечем. На оформление выставочного зала немножко денег «наскреби»: приобрели необходимое для оформления зала, а гостей-то посадить не на что. А уж коридор и комнаты, прилегающие к выставочному залу «запереть» совсем нечем. Вопрос непёгкий, прямо скажем – даже тяжёлый, если нет денег.

Ну, да это только для кого-то трудный, только не для хозяйки музея того времени. Она не будет мудрствовать – ломать голову, беспокоиться, волноваться, искать, изготавливать – этим пусть другие занимаются. Она всё решит просто: подняться этажом выше и воспользоваться тем, что осталось от Ольги Марковны.

Сказано – сделано: новые хозяева в музее сняли люстры, разобрали стеклянные витрины, и стекло, планшеты подставки, столы, стулья и даже старый шкаф музея использовали для оформления коридоров и комнат, прилегающих к выставочному залу, т.е. музей в одночасье раскуричили. А коли сняли люстры, пришлось снять тёмные шторы с окон – выцветайте фотографии и другие экспонаты музея, лишь бы нам открыть выставочный зал и получить хвалебные слова, благодарности, т.е. пустить артёмовцам «пыль в глаза», показать, что мы очень потрудились. А что музей раскуричили – никто и не узнает – на ремонт закрыт, входа нет.

И вот уже пятнадцатый год он стоит полураскуроенным.

Директору действительно пришлось больше заниматься музеем, когда главой муниципального образования «Артемовский район» стал Ю.Н. Манякин ещё первый раз. Он, видимо, заинтересовался работой музея. Думаю, под его «давлением» были приведены в божеский вид три зала музея из восьми: «Дореволюционный», «Отечественной войны» и зал «Репрессий тридцатых годов XX-ого века», но без люстр, значит, затемнение с окон пришлось снять, и эти три зала стали работать.

А зал, в котором расположен материал на темы: «Политическая работа до революции», «Становление Советской власти в Егоршино», «Гражданская война в Егоршино», «Социалистическое строительство (1919 – 1941 гг.)», в том числе: «Первый план шахтёрам», «Первые герои труда», «Строительство Егоршинской электростанции по Ленинскому плану ГОЭЛРО», «Электрификация и радиофикация шахтёрских посёлков и сельской местности Егоршинского района», «Образование города Артёмовского» – этот зал с августа 1994 года, т.е. с момента моего ухода с работы до сегодняшнего дня в течение 15 лет ни разу не был открыт, так что никто в нём не бывал, и все благополучно о нём, этом зале, забыли.

Если где-то когда-то, может быть, и заходил разговор о музее в этом плане, так ответ один – нужен ремонт, а денег нет. А какой ремонт? Почему ремонт? – никто не вникал. Нужен? Значит, нужен.

Денег, конечно нет. Но мне лично такой разговор кажется смешным – отговоркой тех, у кого о музее должно болеть сердце, но не болит. В городе денег в течение этих 15 лет до кризиса «крутились» миллионы, только стоит захотеть. Захотели бы сделать ремонт в музее – и деньги нашлись бы. Я уверена в этом. Делали же в своё время мы: я, Н.Н. Выголов, заместитель председателя горсовета, В.И. Капин, заведующий от-

делом культуры. Этот музей – без копейки денег – и сделали таким, что он был примером музея для других городов. Скажете: было время другое. А я скажу: во все времена надо только хотеть и уметь работать, а не чай распивать втихомолку. Просто сердце о музее ни у кого, кроме Ольги Марковны да В.И. Фаттахудинова, не болело. Он два раза поднимал эту проблему в местной печати, но «расшевелить» никого не смог – «Премудрые Пескари» отвечали молчанием и продолжали жить спокойно.

Вот один пример. Лег восемь тому назад я услышала, что одна женщина продаёт свою большую квартиру и покупает маленькую. В её бывшей большой квартире стоит старинная мебель её родителей – теперь в её маленькой квартире эта мебель не нужна. Я предложила директору музея эту мебель приобрести для музея. Здесь она сумела «развернуться», помог первым же, кому она обратилась, В.Ф. Кузнецова, директор ОАО «СКБ – банк», и мебель для музея была куплена. Значит? Значит ... надо только расправить крылья и начать летать ... но надо желать и уметь

Освобождая место под мебель, пришлось убрать в запасник материалы этого зала, т.е. второго большого зала – таким образом, в архив теперь «поселились» экспонаты на следующие темы: «Артёмовцы – победители соцсоревнований времен Семилетнего плана, Восьмой, Девятой, Десятой, Одиннадцатой и Двенадцатой пятилеток», документы победителей. «Макеты продукции Артёмовского машиностроительного завода», «Товары народного потребления АМЗ, Красногвардейского кранового завода», «Карты экспортного производства этих заводов», «Новые предприятия: Булашский машиностроительный завод, Артёмовский комбинат строительных конструкций», «Строительство второго микрорайона посёлка имени С.М. Кирова», «Подарки городу наших земляков: Н.Д. Беспамятных – учёного, Э.М. Злобиной – артистки балета», «Культура», «Спорт» – Артёмовцы – чемпионы Международных спортивных Олимпиад», «Документы героев, погибших в войне в Афганистане», Герои Социалистического труда», Артёмовцы получившие звание «Заслуженный», «Депутаты Верховного Совета СССР», «Делегаты всесоюзных съездов КПСС и ВЛКСМ», «Делегаты Всеобщих профсоюзных съездов», «Почётные граждане города.» Всё то, чем или кем артёмовцы могли бы гордиться, на кого равняться, лежит теперь в архиве отять многие, многие годы т.е.

Я без конца спрашивала себя: «Для кого я делала городской исторический музей?! Зачем я делала Артёмовский городской исторический му-

зей?» И отвечаю себе: «Я делала музей для артёмовцев, чтобы они знали историю своего города, в лицо знали тех, кто делал её, эту историю. строил город, преображал его, увеличивал его богатство. богатство и мощь страны. А главное – любили бы этот город, где родились они, где жили их родители, бабушки и дедушки, которые тоже причастны к истории города, к его строительству.

Пришёл бы Ваня, ученик, скажем, третьего класса в музей со своими соучениками и указал на портрет своего деда, да сказал: «Это мой дед. Он – шахтёр, Герой Социалистического труда». Во-первых, Ваня бы «вырос» в глазах своих соучеников, а во-вторых, Ваня сам бы понял что нельзя ему, внуку такого Героя плохо учиться, расти бездельником. Ваня почувствовал бы, что он просто обязан тоже что-то делать только хорошее для города.

Я помню: приведут учителя первоклассников в музей. я им очень доступно расскажу какой-то период из истории города, так на следующий день особенно умненькие ребята тащат в музей дедов, родителей и уже сами рассказывают им то, что услышали от меня – так их «захваты вала» история города, так интересно это было им

Потом сами дети вновь и вновь приходят в музей – для этих ребят город не станет «грязной ямой», как теперь его считают выпускники наших школ, не знающие историю его.

И я подумала: «А за 15 лет, что музей стоит в полуразрушенном состоянии он, музей, не знакомил в целом с историей не помог детям города почувствовать такую ответственность ни перед кем ни перед родственниками, ни перед героями труда, ни перед городом в целом. Если в какое-то время и работали залы «Дореволюционный», «Отечественной войны», «Репрессий», позднее «История культуры», «Старинная мебель», то такие разделы истории города, как «Старинная мебель», «Крестьянский быт», «Репрессии» – материал этих разделов в музее только для знакомства, а не для подражания.» Проспушав этот материал, не возникнет у ребёнка желания сделать что-то хорошее, значительное. и уж, конечно не возникнет любви к своему городу. не почувствует желания стать лучше, не возникнет чувства ответственности перед кем-то. В музее полно такого материала, который помог бы ребёнку захотеть стать чище. значительнее почувствовать ответственность перед людьми, так этот материал 15 лет лежит мёртвым капиталом. Да и лежит ли? .

А мы говорим: «У нас народ плохой, некультурный, не любит свой город, загрязняет его». – В этом виноваты мы сами, так как не используем все средства, чтобы прививать любовь к городу, к людям, сделавших очень много хорошего для своего города, да, в общем-то, построивших его; значит, не прививаем людям чувства ответственности перед кем-то, в конечном счёте ... перед родным городом.

А учителя старших классов наших городских школ меня приглашают: «Расскажите, пожалуйста, нашим ученикам что-то хорошее из истории нашего города, а то для наших учеников родной город – яма со многими эпитетами, прямо скажем, не лестными для города».

Наши ученики мечтают поскорее закончить школу и уехать учиться возвращаться в родной город, работать на благо родного города не хотят. А город умирает».

А вот моё сердце болит и болит, что уже 15 лет городской исторический музей своей роли не выполняет: не прививает детям любовь к родному городу с ранних лет, а это первая из функций городского исторического музея.

А между прочим, на открытии выставочного зала произошёл довольно интересный для меня инцидент. Когда закончилась процедура открытия выставочного зала, все быстро поспешили в раздевалку. Я после травмы ещё не очень уверенная в своих силах, шла медленно, чтобы никто меня не задел. Елена Владимировна, искусствовед, стала обходить меня. Думая, уверенная, что увиденным здесь я «сражена наповал», страдаю от обиды, что не я, а она сегодня здесь хозяйка; я же, сидя дома, вынуждена мучаться от безделья, решила посмеяться надо мной и так небрежненько, обходя меня, спросила: «Чем занимаетесь, Ольга Марковна?» Я тон ее, конечно, поняла но ответила очень серьёзно, мол, меня, Ваш тон не смутил, я не волнуюсь: «В настоящее время записываю то, что знаю о репрессированных». Она, услышав мой спокойный голос, как бы очнулась, силен в тон, хоть была шага на три впереди меня, на ходу бросила: «Вам надо книгу о репрессированных-то писать» И ушла.

А когда я пришла домой, села за работу, слова Елены Владимировны вспомнила: «Вам надо книгу о репрессированных-то писать.» Медленно обозрила уже написанное вновь и то, что написано было ранее мною в газетах об этом подумала: «А почему бы и нет? У меня действительно много материала. А если работу по этой теме продолжить, пожалуй, можно будет и с книге подумать.»

Думаю, самой мне едва ли бы пришла мысль писать книгу. Я благодарна Елене Владимировне, что натолкнула меня на эту мысль.

Итак, написала, что знала о тех, кто был репрессирован в тридцатые годы XX-ого века, и задумалась а ведь раскупаченные тоже репрессированные, о них можно узнать в нашем городском архиве. В архив сходила всего четыре раза, поработала и, что называется, «начерпала» материала, а кое-что у меня уже было.

Тогда подумала: у нас много крымских, т.е. переселенцев из Крыма в сороковые годы: балкар, крымских татар и греков – ведь это тоже репрессированные. Уж если писать книгу о репрессированных – надо и о них писать. А их, знакомых мне, много, ведь в 1947 г., когда я приехала на Буланаш, год жила вместе с ними в бараке. Съездila я к одной женщине, сказала: «Соберитесь вместе, принесите с собой документы, и я приеду, поговорим о вашем переселении, да хорошо вспомните, как оно проходило». Женщины выполнили мою просьбу, и я в один день почти достаточно материала собрала.

Репрессированы и те, что были подростками угнаны в Германию на работу, а их я тоже знаю, в бараке буквально моя комната была рядом с их комнатами. В паспортном отделе МВД узнала их адреса и навестила их, узнала много о их судьбах – материал весьма интересный. Их после освобождения отправили восстанавливать промышленность на Урале. А те кто был у немцев в плену, прошли после освобождения фильтрационные лагеря, им было объявлено: «Вы – граждане СССР. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР приказа Министра обороны демобилизуетесь. Но по домам вас отпустить не можем так как в стране очень тяжёлое положение – нужно после войны восстанавливать хозяйство страны. Домой отпускаем солдат, которые воевали, а вы поступаете в распоряжение распределений и направляйтесь в Свердловскую область восстанавливать хозяйство Урала.» – и «восстанавливали» до 1956 года как и все репрессированные.

Словом, материала собралось много, хватает для книги. Чтобы получилась книга, нужно вступление. А я «заболев» темой репрессий, подбирала материал по репрессиям из центральных газет но такого материала было ещё немного. Буквально проштудировала книги «Книга памяти», посвящённая тагильчанам – жертвам репрессий 1917 – 1980 гг., «Архипелаг ГУЛАГ» – А. Солженицына, «Сталин» – Д. Волкогонова и часть брошюр:

«Откуда и куда идём» – А. Бутенко, «Насилие лжи», или «Как заблудился призрак» – А. Ципко, «Колыма – круги ада» – М. Ротфогта и другие.

Из них «почерпнула» материал по становлению репрессивной системы в стране – этот материал и стал вступительной статьёй к моей книге. Книгу свою я назвала «Против собственного народа». Написала я её, можно сказать, легко, так как много материала уже было заранее готово. Моя дочь, Ольга Мартынова, мне набрала мою книгу на пишущей машинке. Желая мне помочь, она некоторые предложения перестроила так, чтобы в них мысль была выражена более логично, более чётко, чтобы каждая фраза «не говорила а стреляла». Ей это нетрудно, отлично удалось, потому что лексика её значительно богаче моей, речь красивее, образнее.

Набранный текст книги я стала читать сама, с целью проверить, безошибочно ли она набрала, не пропустила ли что-то. И, не сказав ей ни слова, все ее красивые предложения тут же убрала из текста книги, заменила их прежними простыми предложениями. потому что в тексте моей книги они были «чужими», мне казалось, что это будет понятно всем. И я этого допустить не могла книга моя – пусть язык книги будет таков, каким говорю я. Он, конечно значительно проще, думаю, действительно прост, но не примитивен же и, кто захочет поймёт, что я хотела сказать каждым предложением, каждой фразой.

Дочь конечно, это заметила; что подумала, не знаю, мне ничего не сказала, но больше не пыталась вмешиваться в мои дела.

И я продолжала писать в газетах о людях интересной судьбы, делавших трудную историю нашего города, да и не только нашего города, внёсших вклад в историю всей нашей Родины. Но скоро поняла, чтобы сохранить память о прошлом для будущих поколений артёмовцев, газетных публикаций мало. надо писать и издавать книги, чтобы, прочитав мои книги, будущие поколения артёмовцев восхищались. какой красивой души были люди в прошлые времена как самоотверженно трудились, какие героические поступки совершали во имя Родины, да и насколько непростыми были сами времена.

Тогда подумала, о чём ещё я могу рассказать людям и о чём из этого надо рассказать в первую очередь. И пришла к выводу: мало я писала об артёмовцах, которые во время Великой Отечественной войны трудились не на фронтах войны, не совершали боевых подвигов. но здесь, дома, в глубоком тылу, совершали подвиги трудовые, от их самоотверженного труда польза фронтовикам была огромной. Да, надо писать об этих людях сейчас

именно: в преддверии 55 -летнего Юбилея нашей Победы в Отечественной войне, это одна из актуальнейших тем

Да, материала об этих людях в наличии у меня очень мало. Чтобы успеть издать не книгу, а только брошюру, надо будет крепко поработать по сбору материала. И я приступила к работе, хотя понимала, что время упущено: многие из этих героев уже из жизни ушли другие уехали сразу после войны на свою малую родину. Надо спешить и я, как говорят, с головой ушла в эту работу: спать, как молодая «носилась» по городу, работала с газетой «Артемовский рабочий», если находила что-то существенное, сразу готовила очерк для книги.

И в момент, когда я ни о чём, кроме этого, думать не могла «как снес не голову», т.е. совершенно неожиданно приложила ко мне Тамара Ивановна Кудряшова, президент клуба деловых женщин города и поведала мне: «В стране идёт конкурс «Женщины России»; Э.Россель, губернатор Свердловской области, в связи с этим конкурсом в своей области объявил конкурс «Женщины года» в трёх номинациях: «Жизнь – успех», «Жизнь – судьба» и «Любимая женщина». Администрация города считает, что женщины нашего города могут и даже должны принять участие в этом конкурсе Вам предлагается принять участие в этом конкурсе в номинации «Жизнь – судьба».

Я даже руками замахала: «Нет, нет и нет: моя голова забита другим – мне просто не переключиться на это.» Тамара Ивановна поубеждала меня, видимо поняла, что бесполезно со мной говорить ушла на прощание бросив: «А Вы всё же подумайте!» А я и думать не стала – не до этого было: надо срочно успеть ко Дню Победы издать брошюру «Артемовцы – труженики тыла.»

Через несколько дней Тамара Ивановна зашла ко мне зновь, повторила всё, что сказала в первый раз и добавила «Администрация города ка-деется, что Вы примите участие в конкурсе.» И стала рассказывать что в целом к конкурсу всё готово, но кто-то там в последний момент отказался и администрация просит Вас выручить. Конечно, эта женщина умеет «капать на мозги», но я вновь отказалась и тут же села за свою работу. Но толком сосредоточиться не могла – сверлил голову мысль: подвожу город, администрацию. Копи другие отказываются надо мне выручать город. Видимо, действительно больше некому участвовать в конкурсе если приходят и просят меня вновь.

На следующее утро решила сходить в музей на разведку, точнее узнать, что это за конкурс и как обстоят дела с этой проблемой в городе. Почему в музей? Во-первых, с работниками музея к тому времени у меня уже наладились отношения, а, во-вторых, я была убеждена, что они в курсе всех подобных дел города, и не ошиблась.

Только я переступила порог музея, как Елена Владимировна выпалила: «Ольга Марковна, мне поручено помочь Вам подготовиться к конкурсу.» Я, что называется, опешила: я *ещё не* дала согласие участвовать, а уже помощники есть. Спрашиваю:

— А что нужно готовить?

— Документацию.

— Какую документацию?

— Характеристику на Вас, отзывы о Вас. Публикации в газете Ваши и о Вас, уважаемом человеке в городе, копии Похвальных грамот и т.п.

— И когда конкурс?

— Послезавтра. Завтра репетиция. Приходите вечером завтра на репетицию.

— Какая репетиция? Я *ещё не* думала участвовать.

— Как не думали? На Вас надеются — подводить нельзя.

— Да, подводить нельзя. Но с чего же начинать?

— Надо организовать группу поддержки и мне принести документы, я их отскроекопирую. Я приглядела папочку. Сейчас мы сходим, её купим, в которую сложим копии документов и Вашу фотографию.

Все стало ясно: на тебя надеются. Подводить нельзя. В твоем распоряжении полтора дня, не хочешь подводить — круться.

И закрутилась. Сходили в магазин, купили папку, и я пошла домой выбирать материал, что можно использовать как документы. Позвонила бывшим моим ученицам: Ольге Анатольевне Пушкарёвой, в то время директору Артемовской средней школы № 12, и Маргарите Николаевне Ипатовой, преподавателю истории Артемовского центра образования, мол, дело такое: сегодня вечером встречаемся в школе № 12. Встретились. Я дала им поэму, написанную Г.П. Чусовой, местной поэтессой, мол, в позме вся моя биография так как поэма посвящена мне; и статьи из местных газет обо мне. Мол читайте, думайте, что скажете обо мне на конкурсе. Подключила директора музея, мол, расскажете о моей работе в музее. Ведущей назначила дочь свою Ольгу Мартынову. Всех озадачила, только не знала, что

сказать самой на конкурсе.

Раньше меня в этой номинации выступала Фаина Васильевна Орлова, рассказывала о своей личной жизни, как ее обидела судьба как она бьётся, воспитывая двух детей. один из них – сын-инвалид детства. Я тут только поняла: говорить только о работе – мало, надо немножко коснуться и своей личной жизни, ведь номинация-то «Женщина – судьба.»

Журналист Анатолий Корелин в газете «Губерния» в обозрении о том как шёл и чем закончился наш конкурс на I этапе, сказал так: «Первый приз в номинации «Женщина – судьба» получила известная большинству артёмовцев Ольга Марковна Мартынова – Почетный гражданин горсоя Я не согласен с теми, кто посчитал, что здесь сыграла роль общественная деятельность номинанта. А судьба? Да эта далеко не богатырского вида женщина всю свою жизнь борется с обстоятельствами. И побеждает их в силу своего упорства, целенаправленности, силы духа!»

(Газета «Губерния», 25.02.01 г.)

По этим словам А.Корелина я поняла, что, собравшись с мыслями в последние минуты перед своим выступлением, я сказала то, что и следовало сказать.

В заключение, видимо, надо сказать, что из нас всех семи номинантов, участвующих в первом этапе этого конкурса в нашем городе, для участия во втором этапе в городе Ирбите, центре нашего Восточного округа Свердловской области, была отобрана оргкомитетом только я одна. И на втором этапе в городе Ирбите в номинации «Женщина-судьба» я тоже победила.

Мне сказали, что я буду приглашена для участия в третьем этапе этого конкурса. Третий этап конкурса проходил в городе Екатеринбурге но на него я была приглашена не в качестве участницы, а только в качестве зрителя. В номинации «Женщина – судьба» в третьем этапе в Екатеринбурге участвовали две женщины, а перед началом конкурса, когда объявили конкурсанток, сказали: «Третьей должна была участвовать Ольга Марковна Мартынова но на неё документы в отборочную комиссию не были представлены вовремя».

Было немножко обидно, что из-за чьей-то халатности я в третий тур не попала. Тогда зачем было «огород городить» вообще! А потом подумала: «Может быть, никто и не виноват, просто кто-то, от кого это зависело, заранее указал, кто «должен был победить». Вот меня с моими документами комиссии вообще и не представили, чтобы без всяких дискуссий победил

«нужный человек» ..

Заведующая птицефермы и победила ...

Я сказала «Было немножко обидно.» Да, действительно, немножко, так как я и моя поддержка не затратили много времени и усилий на подготовку – все произошло спонтанно. Просто немного было неприятно выставлять свою судьбу на суд общественности. Да я и не собиралась. Просто в последнюю минуту, видимо, проиграть не захотелось – азарт что ли взял верх над рассудком. а вместо выигрыша – неприятный осадок на душе.

В своём городе от оргкомитета этого конкурса я получила подарок, а от администрации города – «Диплом» за участие в конкурсе «Женщина года» в номинации «Женщина – судьба» за интересное содержательное повествование о жизненном пути. А от окружного оргкомитета – скромненькую денежную премию.

А большая обида всё же была на кого? На себя, что ввязалась в этот конкурс. Я очень переволновалась перестраиваясь буквально молниеносно со сбора материала о войне – на подготовку к конкурсу: затем, не победив в конкурсе, возможно, по чьей-то халатности. надо стало вновь возвращаться к работе над материалом о войне – и всё это буквально в течение нескольких дней. Мой организм, видимо, устал, расхолодился что ли, и я долго не могла себя заставить работать по сбору материала о тружениках тыла в том же темпе, как раньше – значит, ко Дню Победы брошюру издать не сумела. Конечно, это меня волновало действительно очень. Я даже себя поругивала, что ввязалась в этот конкурс.

Но, как говорят, что ни есть, все к лучшему. Я, конечно, вошла в прошлую колею, и дело пошло вновь не медленней прежнего. Собрала материал о тружениках тыла насколько это стало возможно, и задумалась: «Хорошо: собрала материал о тружениках тыла, а разве не интересно, на каких предприятиях эти люди работали. и как работали эти предприятия. и что для фронта производили? Безусловно, интересно. А почему мне об этом не написать? Тем более, что этот материал у меня есть – собирала, когда работала в музее.

Взялась пересматривать, обрабатывать материал, конечно, дополнять. Выяснилось, что маловато материала, а о маленьких предприятиях вообще нет. нет совершенно ничего о сельском хозяйстве района, а если писать о предприятиях, о сельском хозяйстве умолчать нельзя. Обращалась в Свердловской областной архив – он оказался мне плохим помощ-

ником – мало помог, опять обратилась к районной газете «Егоршинский рабочий» и набрала материала «сельское хозяйство Егоршинского района во время Великой Отечественной войны», и получилась новая глава: «В цехе, в забое работай, как воин»

Итак, есть материал о работе предприятий во время Отечественной войны, есть материал о тех, кто самоотверженно трудился, помогая фронтовикам ковать победу; так, наверное, просто необходимо написать и о тех артёмовцах, которые геройски сражались с немецкими фашистами на полях войны? Конечно надо, тем более, что материал у меня есть. Опять обработка материала, опять встречи с теми из фронтовиков, кто еще жив. И получилась новая глава книги «Подвигу жить века!»

А вместе получилась не брошюра, а книга, которую я назвала «И в труде, и в бою.»

В ней три главы, т.е. три раздела:

I Подвигу жить века!

II В цехе, в забое работай, как воин!

III Гвардия тыла.

Так оправдалась пословица «Не было бы счастья, да несчастье помогло.» Не прими я участие в бесславном для меня конкурсе, издала бы кодню Победы брошюру а приняла участие в конкурсе – потеряла время, хорошее настроение, и ко Дню Победы брошюру не издала. Но – прошло время – всё встало на свои места, и я издала книгу Да, что ни есть – все к лучшему.

Ну, а третья моя книга об артёмовцах – людях интересной судьбы Ее издать тоже была причина.

В газете «Артемовский рабочий» появилась статья об Афанасии Семёновне Скутиной из Хайдука – корреспондентке Льва Толстого. Она мне показалась убогой – так мало об Афанасии Семёновне было рассказано. Мне захотелось перечитать свой очерк о ней в этой же газете за 19 апреля 1984 года, где мной более подробно была освещена её жизнь. Тут же перечитала свои публикации о некоторых других людях интересной судьбы, а, прочитав, подумала: «Я написала в газете статьи очерки, артёмовцы прочитали, а потом газеты пустили в расход. и, конечно, о героях моих статей и очерков давно забыли. А ведь это несправедливо: эти люди достойны остаться в памяти народной.» Мне захотелось написать о многих – и блеснула мысль: собрать некоторые мои публикации в сдну книгу.

А почему бы и нет? Собирают же поэты свои стихи в один сборник

стихов, писатели – тоже. Например, читаешь: «Сборник избранных статей и очерков писателя...» А почему мне нельзя? И эта мысль стала зреть в моей голове.

Я отобрала на мой взгляд, лучшие свои газетные публикации и из них издала книгу «Пусть ветер ваш след не закроет.» Конечно, кое-что добавила в том числе очерки о почётных гражданах города.

Написать книгу – дело непростое. А вот как её издать? Да если впервые – опыта никакого. Да если писала и издавала свою книгу в тяжелейшее время для страны, понятно, и для Артемовского, в девяностые годы XX-ого столетия – в период переходной экономики, когда зарплату-то людям нормально не выдавали, задерживали на многие месяцы!

1997 год – моя книга «Против собственного народа» готова к печати, а у меня денег – нуль. Приходится идти с «протянутой рукой» к людям, у кого есть деньги. А как обращаться? Просить стыдно – скажут: «Мы такого писателя знать – не знаем, слышать о нём – не слышали.» И будут правы.

Люди подсказали, к кому обратиться. Завтра пойду. Проходят и «завтра», и «послезавтра» – не могу насмешиться. Пойду в понедельник – начalo недели, за выходные дни люди отдохнут, станут добрее. И так день – за днем, неделя – за неделей...

Наконец, обратилась к Александру Михайловичу С., у него дед репрессирован и расстрелян, ему это ближе – он поймёт меня. «Да, да, обязательно, не только сам помогу, есть повод, скоро соберутся богатые люди, и я к ним обращусь – деньги будут.» Пока ждала ответ, исчез и сам Александр Михайлович из города.

Первое разочарование Ненинжко успокоилась. Книгу издавать надо. Решила сходить в сбербанк, управляющая банка женщина, может быть, поймёт меня. Уже в кабинет Светланы Кирилловны зашла, уже слушать она меня настроилась, а меня озноб трясёт всю, не могу сказать, зачем пришла. В голове крутится: «Только скажу, что нужны деньги на издание книги, она скажет: «Не знаю такого писателя. А первому встречному банк денег не дает.» Наконец, выдавила из себя: «Нужны деньги на издание книги и положу ей на стол набранную книгу.» Светлана Кирилловна будто меня ждала тут же пообещала мне дать миллион (тогда такие деньги были) и начала тут же звонить директорам других банков города, мол, надо помочь, убеждала их даже подсказывала, как найти деньги. Пообещал ей дать мне денег тоже миллион только Владимир Иванович Темников, ди-

ником – мало помог, опять обратилась к районной газете «Егоршинский рабочий» и набрала материала «сельское хозяйство Егоршинского района во время Великой Отечественной войны», и получилась новая глава: «В цехе, в забое работай, как воин.»

Итак, есть материал о работе предприятий во время Отечественной войны. есть материал о тех, кто самоотверженно трудился, помогая фронтовикам ковать победу; так, наверное, просто необходимо написать и о тех артёмовцах, которые геройски сражались с немецкими фашистами на полях войны? Конечно надо, тем более, что материал у меня есть. Опять обработка материала, опять встречи с теми из фронтовиков, кто ещё жив. И получилась новая глава книги «Подвигу жить века!»

А вместе получилась не брошюра, а книга, которую я назвала «И в труде, и в бою.»

В ней три главы, т.е. три раздела:

I Подвигу жить века!

II В цехе, в забое работай, как воин!

III Гвардия тыла.

Так оправдалась пословица «Не было бы счастья, да несчастье помогло.» Не прими я участие в бесславном для меня конкурсе, издала бы ко Дню Победы брошюру, а приняла участие в конкурсе – потеряла время, хорошее настроение, и ко Дню Победы брошюру не издала. Но ... прошло время – всё встало на свои места, и я издала книгу Да, что ни есть – всё к лучшему.

Ну, а третья моя книга об артёмовцах – людях интересной судьбы. Её издать тоже была причина.

В газете «Артемовский рабочий» появилась статья об Афанасии Семёновне Скутиной из Хайдука – корреспондентке Льва Толстого. Она мне показалась убогой – так мало об Афанасии Семёновне было рассказало. Мне захотелось перечитать свой очерк о ней в этой же газете за 19 апреля 1984 года, где мной более подробно была освещена её жизнь. Тут же перечитала свои публикации о некоторых других людях интересной судьбы, а, прочитав, подумала: «Я написала в газете статьи, очерки; артёмовцы прочитали, а потом газеты пустили в расход, и, конечно, о героях моих статей и очерков давно забыли. А ведь это несправедливо: эти люди достойны остаться в памяти народной.» Мне захотелось написать о многих – и блеснула мысль: собрать некоторые мои публикации в одну книгу.

А почему бы и нет? Собирают же поэты свои стихи в один сборник

стихов, писатели – тоже. Например, читаешь: «Сборник избранных статей и очерков писателя...» А почему мне нельзя? И эта мысль стала зреть в моей голове.

Я отобрала, на мой взгляд, лучшие свои газетные публикации и из них издала книгу «Пусть ветер ваш след не закроет.» Конечно, кое-что добавила, в том числе очерки о почётных гражданах города.

Написать книгу – дело непростое. А вот как её издать? Да если впервые – опыта никакого! Да если писала и издавала свою книгу в тяжелейшее время для страны, понятно, и для Артёмовского, в девяностые годы XX-ого столетия – в период переходной экономики, когда зарплату-то людям нормально не выдавали, задерживали на многие месяцы!

1997 год – моя книга «Против собственного народа» готова к печати, а у меня денег – нуль. Приходится идти с «протянутой рукой» к людям, у кого есть деньги. А как обращаться? Просить стыдно – скажут: «Мы такого писателя знать – не знаем, слышать о нём – не слышали.» И будут правы.

Люди подсказали, к кому обратиться. Завтра пойду. Проходят и «заявтра», и «послезавтра» – не могу насмешиться. Пойду в понедельник – начало недели, за выходные дни люди отдохнут, станут добре. И так день – за днём, неделя – за неделей...

Наконец, обратилась к Александру Михайловичу С., у него дед репрессирован и расстрелян, ему это ближе – он поймёт меня. «Да, да, обязательно, не только сам помогу, есть повод, скоро соберутся богатые люди, и я к ним обращусь – деньги будут.» Пока ждала ответ, исчез и сам Александр Михайлович из города.

Первое разочарование Немножко успокоилась. Книгу издавать надо. Решила сходить в сбербанк, управляющая банка женщина, может быть, поймёт меня. Уже в кабинет Светланы Кирилловны зашла, уже слушать она меня настроилась а имена озnob трясет всю, не могу сказать, зачем пришла. В голове крутится: «Только скажу, что нужны деньги на издание книги, она скажет: «Не знаю такого писателя. А первому встречному банк денег не даёт.» Наконец выдавила из себя: «Нужны деньги на издание книги и толкаю ей на стол набранную книгу.» Светлана Кирилловна будто меня ждага: тут же пообещала мне дать миллион (тогда такие деньги были) и начала тут же звонить директорам других банков города, мол, надо помочь, убеждала их, даже подсказывала как найти деньги. Пообещал ей дать мне денег тоже миллион только Владимир Иванович Темников, ди-

ректор банка «Изумрудный.»

Я Светлане Кирилловне, этой светлой женщине, буду по край жизни благодарна. Я вышла от неё буквально окрылённой, уверовавшей, что есть ещё чуткие, добрые люди, надо только идти к ним. и книга будет издана.

Итак, у меня есть уже, правда, в уме ещё пока, два миллиона денег – можно начать набирать книгу на компьютере. Новая проблема – к кому обратиться с набором. Решила обратиться к А.М Шарафиеву он прямо сказал: «Нашим не сделать эту работу. Вам надо обратиться в газету «Артёмовский рабочий» к Оле и Эле. профессионально работу сделают только они.»

Значит, надо идти к Сергею Курбановичу Ибрагимову, директору, главному редактору газеты «Артёмовский рабочий.» Опять обуял страх: Сергей Курбанович – коммунист, а я – с репрессиями – откажет. ясно. Опять несколько дней настраивала себя, но делать нечего, решила сходить. Произошёл разговор, которого я, конечно, не ожидала:

- Сергей Курбанович. мне надо набрать книгу.
- Надо, значит. будем набирать
- А у меня ведь книга о рапрессиях.
- Что ж? Это наша история.

Господи! С меня будто груз какой-то свалился. Тут же начался деловой разговор о том, как буду оплачивать. И в тот же день отдала книгу в набор. Ольга Аркадьевна Обухова набрала книгу, передала Эльвине Михайловне верстать. Эльвина Михайловна наберёт страниц десять – я их забираю, тащу домой и проверяю орфографические ошибки, пунктуационные, а также, верно ли построены предложения, чётко ли выражена мысль – всё, что не нравится, исправляю и несу Эльвине Михайловне, чтобы она исправила всё это в тексте. Тогда Эльвина Михайловна вновь «выводит» текст, только что мною проверенный, я несу домой и проверяю, всё ли она исправила, верно ли исправила, не пропущено ли ещё моей ошибок при первой проверке; всё проверив, а если нужно, исправив, несу опять Эле для исправления в компьютере – и так проверила всё до трёх раз

Наконец, книгу сверстали, всю проверили, книга готова к печати. Пошла в нашу городскую типографию и получила отказ: «Мы книги не печатаем». Так ещё работала в то время наша типография.

И отправилась я в город Реж, в типографию, где в то время печатали газеты «Егоршинские вести» и «Губернию.» Книгу взяли в печать уверили

что скоро начнут печатать. Прошло больше месяца, пока я нашла лидерин на обложку к книге: уверенная, что книгу уже напечатали, радостная призвала лидерин и получила ответ: «Книгу ещё не печатали, начнём только в следующем месяце, значит, в сентябре. Лидерин приняли, но сказали, что переплести книгу не смогут, и попросили меня договориться с другой режевской типографией, которая может переплетать книги, мол, мы напечатаем а другая типография пусть переплётёт. Поехала в другую типографию, где получила такой ответ «Если хотите, всю книгу сделаем, а чужую работу доделывать не будем». И я всю работу передала второй типографии – другого выхода не было. И начала ездить в Реж чуть ли не через день, так как вся работа выполнялась одной женщиной почти «дедовским» методами: дело продвигалось медленно, так как была и ручная работа – надо было следить, так что сама, можно сказать, была и контролёром.

Но, есть пословица: «Как ни болелс но умерло» – так книга была сделана и очень добросовестно, и 17 ноября 1997 года «увидела свет». Я 17 ноября 1997 года съездила в Реж, получила книги и в городском музее в этот же день, 17 ноября 1997 года, вечером прошла презентация моей первой книги «Против собственного народа». На презентации среди многочисленных гостей присутствовал Павел Васильевич Корелин, председатель Артёмовской городской думы. Он в своём выступлении сказал: «Мы не умеем ценить людей, которые делают хорошие дела для города, для горожан. Вон алапаевцы своего Самойлова произвели аж в Заслуженные. У нас Ольга Марковна тоже много сделала для артёмовцев: в своё время городской исторический музей, часто пишет в газеты статьи на исторические темы, а теперь вот собрала материал и написала книгу об артёмовцах, пострадавших бессвинно. Я считаю: она достойна быть Почётным гражданином города.»

Павел Васильевич не забыл своё выступление на презентации моей книги и, видимо, через год напомнил стделу культуры муниципального образования «Артёмовский район» к Дню города представить материал обще администрацию города.

Так через год, 26 ноября 1998 года, Решением Артёмовской городской Думы за № 271 от 26 ноября 1998 года мне было присвоено высокое звание «Почётный гражданин муниципального образования «Артемовский район». В решении сказано: «Звание Почётный гражданин МО «Ар-

тёмовский район» присвоить Мартыновой Ольге Марковне пенсионерке, автору книги «Против собственного народа», за творческую работу по созданию и развитию городского исторического музея, за большую работу по изучению и сохранению истории города Артёмовского, за огромный вклад в патриотическое воспитание подрастающего поколения.»

Самым удивительным было для меня то, что оценили мой труд тогда, когда я уже пенсионер, и этим всё сказано: «Уди с дороги, не мешай другим жить и трудиться, воплощать идеи в жизнь.»

Даже не знаю почему, может быть, давно всё перегарело в душе, но почему-то радости не почувствовала. Конечно, приятно было, что высоко (а я считаю, что Почётный гражданин города – очень высокая оценка труда) оценили мой труд, но что почувствовала в полной мере – ответственность перед артёмовцами, обязанность «не почивать на лаврах», а трудиться и трудиться для артёмовцев, пока есть силы.

Итак, сегодня я закончила писать четвертую свою книгу которую Вы, дорогой читатель, держите в руках, в необходимости написать которую убедила меня Н Ю. Воробьёва, директор городского исторического музея. Когда я работала в музее, к слову иногда рассказывала что-нибудь из своей жизни, жизни моих родителей или родственников. Наталья Юрьевна, бывало, скажет: «Это интересно. Вы это запишите» А когда я написала и издала первую книгу и она убедилась, что книга получилась стала мне чаще напоминать: «Пишите летопись своей жизни, так как многие эпизоды Вашей жизни – штрихи к истории нашего государства»

Однажды я кое-что из своих заметок прочитала краеведам, директор Режевского городского музея сказала: «Вам надо книгу писать, так как прочитать об этом негде. Я первая куплю Вашу книгу»

Я стала чаще записывать свои воспоминания, мог, для своих родных – пусть знают, как жили их предки. Так и развернула я в своей памяти воспоминания, что они стали буквально роиться в моей голове.

А однажды, прочитав свои воспоминания, я подумала «Я всегда себя считала счастливым человеком, так я ведь действительно счастливый человек. Я прожила длинную жизнь – 86 лет. Жизнь моя была не пыль на ветру – я много работала да работаю и по сей день.

А поэтесса Л. Татьяничева об этом сказала так:

Достаётся недёшево

Счастье трудных дорог.

Что ты сделал хорошего?
Чем ты людям помог?
Этой мерой измеряются
Все земные труды ...
И заканчивает стихотворение так:
Делать людям хорошее -
Хорошеть самому.»

Вывод все земные труды измеряются тем, что ты сделал для людей, для общества. И мне в конце «летописи» своей жизни захотелось как бы подвести итог.

Задумалась с чего начать? И вспомнилась житейская мудрость: мужчина за свою жизнь должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына. Я, конечно, не мужчина, но мне легче ответить, что я в жизни своей сделала в этом плане.

Дом конечно, не построила, но создала же я городской исторический музей. Сама разобралась в истории города и района. Собрала для музея более пяти тысяч экспонатов. Составила экспозицию музея, и, согласно этой экспозиции художник В.И. Фаттахутдинов оформил музей. Открыт музей был 30 апреля 1982 года. Работала в нем одна десять лет одновременно директором, научным сотрудником, экскурсоводом, смотрителем и завхозом. А уже через два года после открытия музея, т.е. в 1984 году, Министерство культуры РСФСР присвоило музею звание «Народный музей». «За активную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся и молодежи и значительный вклад в развитие музейного дела.» А в 1989 году этот Артёмовский исторический музей удостоился статуса «Государственный музей.»

Я написала и издала три книги на темы истории нашего города, которые артёмовцы читают и по книгам, и по материалам музея знакомятся с историей города. Пользуются моими книгами учителя, ученики, студенты.

А сколько экскурсий я провела за шестнадцать лет работы в музее, сколько докладов, лекций прочитала в артёмовских школах, колледже, технической училище на заседаниях актива в горкомах и КПСС, и ВЛКСМ – никто не считал.

А кроме музея я 37 лет работала в школе, где, кроме основной работы, вела много общественной, особенно тогда, когда работала в сельских школах например, Белослудской и Мостовской.

Ну, а деревья сажала вместе со своими учениками. В паписаднике Белосудской школы посадили сразу большие кусты сирени; уверена, что и после моего отъезда из села сирень благоухала ещё многие весны. Участовала в озеленении территории школ Буланашской № 29 в 1948 году, когда она была открыта как средняя школа № 8; в Артёмовской школе № 6 в 1959 году, в которую я пришла работать сразу после её открытия. Только въехала в квартиру, в которой живу, с мальчиками моего класса мы посадили перед окнами моей квартиры тополь и боярку.

А вот вместо сына я растила двух братьев и племянницу, которые рано осиротели. И очень рада, что Господь меня ими наградил. И, думаю, сумела им заменить мать. Любила их не меньше, чем свою дочь, да и сделала для них не меньше, чем смогла бы сделать в то время для своих родных детей. Племянницу удочерила.

Старший из братьев участвовал в корейско-американской войне два года: с марта 1951 года по март 1953 года. Каждый день начеку, каждую ночь несколько бомбёжек: только расправятся с одной партией американских «стервятников», на подходе следующая партия Мучали и чужой тяжёлый сырой климат, и москиты, и другая подобная тварь – здоровье подорвал, а родное правительство сразу же, как только вывело войска из Кореи, с воинов тут же взяло подпись, что нигде и «гта не раскроют», что воевали в Корее да в китайской форме – значит, не участник войны. Болеешь – болей, инвалид – ты больше не нужен Родине, так что родное правительство ничем не помогло, кроме убогой пенсии. Помогала ему только я, «доставала» дорогие импортные лекарства которых в то время в свободной продаже не было – и всё это на свою мизерную зарплату учителя начальных классов.

Младший брат двадцать третий год работает директором одного завода, Заслуженный строитель России. Дочь – педагог, журналист. в настоящее время редактор Артёмовского телевидения. Вот такие у меня деньги

Я много раз слышала, что Господь каждого при рождении награждает судьбой. Он Всевидящий и понимает, что нужно дать человеку, чего он достоин и что из него получится. Так вот мне, думаю, Богом дано призвание – служить людям, и Он мне дал силы пронести этот «Крест» через всю жизнь. Заметьте, мой дорогой читатель, служить людям, но, избавь Господь, не прислуживать им. И я служу людям и сейчас, например, пишу.

По образованию и по специальности я – учитель начальных классов

и очень любила эту работу: наберёшь, бывало, в наше время класс этих беспомощных человечков, не знающих ни одной буквы, и начинаешь «лепить» из них людей. А когда они начинают читать, писать, считать – радости нет предела!

В жизни мне приходилось заниматься и другими делами. Я тринадцать лет преподавала русский язык и литературное чтение в средних классах, работала директором школы, методистом горено, неосвобождённым председателем райкома профсоюза работников просвещения, директором, научным сотрудником экскурсоводом Артемовского городского исторического музея. За все эти дела я вынуждена была взяться против желания. Но как только приступала к работе, каждое из этих дел становилось мне интересным – и всё получалось. Всего достигала упорством, умением и желанием работать. Нигде, никогда, ни перед кем не пресмыкалась, не ютила, не лгала и не подличала. Я уверенно заявляю: была всю жизнь абсолютно свободным человеком, что и считаю главным составляющим моего счастья. Это даёт мне право смело глядеть людям в глаза.

Между прочим, быть совершенно свободным человеком в наше прошлое несвободное время, в которое прошли мои юность и трудовые годы, было очень непросто. Ведь быть свободным человеком, значит, отвечать за свои поступки только перед собой. Много людей сломалось за это время, но я выстояла и горжусь, конечно, перед собой, что хватило сил.

Например в своё время я ушла работать из школы № 1 в городской музей только потому, что администрация школы № 1 в моих глазах потеряла уважение и авторитет. Остановиться я работать под руководством этих людей. значило бы для меня – потерять уважение к себе, а этого позволить себе я не могла

А я ушла на зарплату в два раза ниже той, которую бы получала в школе, но ни разу не пожалела об этом. Здесь мне было дано широкое поле деятельности, никто не вмешивался в мои дела, и я творила, насколько хватило у меня ума. А работать я всегда умела и любила. За все пятьдесят три года жизни, которые я отдала труду, шла на работу, как на праздник. На работе забывала о всех своих невзладах. Теперь думаю: хорошо, что ушла в музей работать – сколько же я здоровья и нервов сохранила, что сумела уже в пенсионном возрасте в музее проработать ещё шестнадцать лет, да и сейчас ещё работоспособна. Смогла бы даже теперь, в свои 86 лет провести урок не только в начальных классах, а по русскому языку и

литературе в средних классах – читаю же я лекции в школах и колледжах. А останься я в то время работать в школе – от всех тех условий работы, досады на себя, я извела бы себя, устала и давно была бы неработоспособной. Это яркий пример того, что быть свободным человеком – быть счастливым человеком.

Меня могут спросить, почему, если меня обижали, я уходила не добивалась, чтобы справедливость восторжествовала. Отвечу. Во-первых, я – человек неконфликтный. Я могу сказать о своей обиде, если меня спросят, но отнюдь не выяснять отношения. Разбираться, почему так поступили по отношению ко мне, для меня унизительно, тем более, что мне и так всё понятно: меня хотели обидеть, хотя причины меня обидеть не было – я это знаю точно. А, во-вторых, дело уже сделано, и изменить ничего нельзя. Что даст выяснение отношений? Мне – добавит боли, придётся вновь это переживать, а обидчики будут торжествовать – достигли цели А, сменив место работы, не встречаясь со своими обидчиками я этим их своих обидчиков, просто вычёркивала из своей жизни. А вот недавно в газете «Аргументы и факты» прочитала интервью с Никитой Нихалковым. Он сказал: «Никогда не обижайтесь, если вас хотели обидеть, не разбрайтесь, не доставляйте этим людям удовольствие»

А вот Армен Джигарханян в интервью этой же газете сказал об этом так. «Я не понимаю такого – подставь другую щеку.» Я не могу выносить несправедливость. Есть люди, которым я не сделал зла но которых я просто исключил из своей жизни.» Я рада что мой взгляд на это совпадает со взглядом умных людей.

Я счастлива и тем, что у меня хорошая семья дети, внуки которых я люблю, они меня уважают, любят, заботятся обо мне, о моем здоровье, спокойствии, материальном благополучии.

Я уверена, что ни один из моих учеников не держат на меня никакой обиды. Мамы многих нелёгких моих учеников при встрече со мной сейчас начинают разговор словами: «Твой любимый ученик» и рассказывают о его жизни. При чём эти слова произносят не с иронией, а чистосердечно. И мне от таких слов становится радостно; значит, твоему ребёнку со мной было хорошо, и он меня вспоминает с радостью, может быть, даже с любовью. Если бы это было не так, ребёнок высказывал бы дома обиды на меня – матери слышать это было бы больно – не сказала бы мне теперь она эти слова: «Твой любимый ученик» – это вывод её из слов её ребён-

ка обо мне. Ведь чем трудней ученик, тем больше с ним работаешь, тем больше он к тебе привязывается.

А ведь я со своими учениками не сюсюкала, а, давая им знания, предъявляла к ним высокие требования. Великий Шекспир сказал: «Иногда надо быть жестким, чтобы быть добрым.» Думаю, таким учителем была я. Очень любила своих учеников: если ребенок попал в мой класс – значит, это мой ребёнок; я чувствовала ответственность за него; я должна была ему дать не только знания но и научить его трудиться, относиться к своему делу ответственно. Я всегда много работала с родителями. На собрания они приходили с тетрадью и ручкой и записывали все требования и к ученикам, и к родителям. А иногда записывали и объяснение какого-то трудного материала чтобы дома ребёнку могли помочь или проверить его работу. В результате родители моих учеников становились близкими мне людьми, никаких на меня обид. И при встрече теперь нам есть о чём поговорить с удовольствием

У меня есть герои моих книг и газетных публикаций. Конечно, многие из них из жизни ушли но остались их дети, родственники – они тоже ко мне относятся с уважением

Есть и благодарные читатели моих книг. Приобретут, например, мою книгу и разыскивают имена, чтобы подписала им книгу, т.е. оставила автограф.

А сколько слушателей моих экскурсий по музею! А сколько слушателей моих лекций – школьников, студентов! Часто теперь попадаются мне на встречу школьники здороваются. Прошли меня, слышу, как один другому говорит: «Это старая учительница», или «Ты помнишь, она приходила. про героев войны рассказывала?»

Есть у меня хорошие друзья, хотя со временем их становится всё меньше. Многие из них уже ушли из жизни, к сожалению, очень рано; другие – уехали из города.

Почему-то всегда у меня друзей больше мужчин, чем женщин. Это умные мужчины я с ними могу говорить откровенно. Если у меня беда, почувствую, нужен совет – получу умный совет. О своих делах со мной они говорят также чистосердечно. Несколько фамилий моих друзей.

А.П. Поликарпов я знала его ещё по педучилищу. А потом одновременно работали директорами школ: он – семилетней детской школы, а я – школы рабочей молодежи в одноиз зданий. Я привыкла с ним советоваться, как с подружкой.

Г.М. Некрич. С ним долго работали вместе. Переписывались с ним до последних дней его жизни. Из каждого его письма я узнавала что-то новое, интересное.

Н.П. Беспамятных. Собирая материал для музея, разыскала нашего земляка, умного человека, преподавателя Гродненского педагогического университета, известного ученого. Завязалась переписка и он стал мне добрым советчиком в момент, когда я делала музей. Он мне первый сказал: «Вам надо писать. У Вас получится.» Я спросила: «Очём писать? Мне не о чём писать.» Он ответил: «Наработаете материал – будете писать. Я уверен. Я вижу это по Вашим письмам.» Позднее это же сказал мне Г.М. Некрич. А когда я послала ему свою статью из газеты по поводу того, за кого голосовать: за Ельцина или Зюганова, когда Ельцын баллотировался на второй срок, так он мне ответил: «Я так рад Вашим успехам. Я Вашу статью показывал всем родным, друзьям и соседям – Вы так поглощенно и убедительно написали. Вы будете писать – у Вас получится.»

Жаль: не дожили эти мои три друга до того момента, когда я издала свою первую книгу – вот кто бы за меня порадовался.

В.Д. Перминов. Свою первую книгу «Против собственного народа», только набранную, ещё не напечатанную, первому на суд отдала В.Д. Перминову, умному, интеллигентному, очень эрудированному человеку, поэту и писателю. Он мне и название книги подсказал.

Мои подруги подстать моим друзьям, особенно те, с которыми я в 1941 году закончила Ирбитское педучилище.

Таисья Игнатьевна Пиджакова, Александра Николаевна Горовая – красивые, мудрые, добрые – обаятельные женщины, с которыми можно говорить, советоваться – получишь моральную поддержку.

Книга и газета – тоже мои спутники жизни. Хорошая книга – она ведь умный друг и советчик, что скажет – то и на душу пяжет.

И спасибо Господу-Богу, что наделил меня такой чертой характера – я никогда, никому, ни в чём не позавидовала – напрочь лишена чувства зависти.

Вот и исповедалась я перед людьми. Прежде, чем поставить последнюю точку в «летописи» своей жизни, скажу: «С высоты своих лет, перевернув всю свою жизнь, я осталась убеждённой: я – счастливый человек.»

Знаю, многие женщины меня могут не понять, скажут «Какое уж тут счастье, если большую часть жизни прожила одна. Тут я могу сказать вот

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Мартыновой
Ольге Марковне

за большую краеведческую работу.
личный вклад в военно-
патриотическое воспитание
молодежи и в связи с Юбилеем

Глава Артемовского
городского округа

Ю.Н.Ланка

поставлено 10.02.2004 г.

Уважаемая Ольга Марковна!

С особым удовольствием имею честь поздравить Вас автора замечательной книги с выходом её в свет.

Говоря о Нас как о почтном, уважаемом человеке в нашем городе, можно применять самые высокие эпитеты – и каждый будет уверен и точен.

Какие огромные интеллектуальные, творческие, духовных сил и энциклопедических познаний потребовали каждая кисть вашего труда в написании этой книги. Создавая книгу памяти, Вы таложили в сокровищницах пылу к познанию истории своих земляков, насыщая ее духовным потенциалом.

Позвольте поблагодарить Вас за гражданский подвиг, который выражался в горячей любви к своему народу, пожелать Вам долгой, плодотворной и счастливой жизни.

Липецк – муниципальный город областного подчинения
Губернаторство

А. С. Панов

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

МАРТЫНОВА ОЛЬГА МАРКОВНА

краевед Муниципального образования
Артемовский район

ЗА МНОГОЛЕТНИЙ ПЛОДОТВОРНЫЙ ТРУД, БОЛЬШОИ ЛИЧНЫЙ
ВКЛЮЧАНИЕ В СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ РАЙОНА

№ 991/4

30

август

2002

Г. А. Шибаев

ЕКАТЕРИНБУРГ

что Во-первых, замужем я была. Большого счастья в замужней жизни не испытала, хотя мой муж «не пил», меня не обижал, не оскорбил ни разу. Во-вторых, счастье каждый понимает по-своему.

Например, польский писатель В. Вайда о счастье сказал так: «Я чувствую себя счастливым человеком, наверное, потому, что я многое пережил.» «Хочешь стать счастливым, выучись сперва страдать», — мнение И.С. Тургенева. А Ф. Дзержинский считал: «Счастье — это не жизнь без забот и печалей. Счастье — это состояние души.»

Великий педагог К.Д. Ушинский в своё время сказал: «Если Вы удачно выбираете труд и вкладываете в него всю душу, то счастье само отыщет Вас.» Труд я выбрала действительно сразу удачно, никогда не усомнилась в этом. А, вложив в него всю душу, чувствуя, что жизнь прожила не зря: в своём деле была профессионалом; вырастила себе хороших детей, которые тоже стали профессионалами в своём деле; будущим поколениям оставил музей тысячами экспонатов, свои книги и своих учеников, получивших от меня не только знания, но и «крепкий стержень» для своей жизни.

Недавно по телевизору слушала Аллу Баянову. Своё выступление она закончила словами: «Счастье — оно очень дорогое. Его надо «купить», и ты будешь чувствовать себя человеком.» С высоты своих лет я поняла, что я за своё счастье пластила всю свою жизнь и заплатила дорогую цену, так что даю себе отчёт в том, что заслуженно чувствую себя человеком.

Наш род «вчера» и «сегодня»

Именно в труде и только в труде велик человек.

*И чем горячей его любовь к труду,
тем более величественен сам он,
тем продуктивнее его работа.*

М. Горький

Только закончила первую часть своей книги и поставила в неё последнюю точку, пришла почта и принесла письмо с Украины, от семьи двоюродного брата Артемия Пантелеимоновича.

Прочитала я письмо и задумалась: живут далеко. Раньше, когда были молодыми, брат и его жена часто приезжали на родину, привозили с собой детей, внуков. Сейчас, когда молодость безвозвратно ушла, скучают, наверное, по родине. Конечно, за много лет жизни на Украине привыкли, обрели новых друзей, родственников, но родина – есть родина, она ведь зовёт иногда.

А родина у Артемия Пантелеимоновича и Параксовьи Семёновны со мной одна, и почти возраст один, и все мы закончили Ирбитское педагогическое училище. Да и работать начинали тут, дома, в Белослудской начальной школе. И никто никогда не помышлял уезжать из этого земного рая – села Белослудского, расположенного на правом берегу реки Ирбитки, которая в годы нашей молодости была полноводной рекой, беззаботно катила свои воды в Северный Ледовитый океан. Весной в половодье, разливалась она на многие квадратные километры заливала луга, раскинувшись на её левом берегу, и наполнялась огромным количеством рыбы. К этому времени каждая семья готовила сак, и рыбу, называлось, не удили, не ловили, а сакали. В хорошие годы всю весну в каждом доме стряпали рыбные пироги, а в плохие – только уха.

Выйдешь, бывало, на высокий берег Ирбитки, оглянешься кругом – благодать-то какая! А если поднимешься на гору, где раньше стояла красавица-церковь, взору откроется картина, раскинувшаяся на многие квадратные километры, на которой лентой извивается полноводная река, на правом высоком берегу которой большое красивое село, целая улица домов которого убегает за мост, на другую сторону реки. А дальше поля спелых хлебов; луга, усеянные цветами; за ними леса, вблизи ольховник, вдали, справа, сосновый бор. Такой восторг охватит душу! Такая радость от общения с этой красотой! Сердце наполняется трепетом, счастьем!

А почвы-то были какими плодородными! Особенно пригодны наши поля были для пшеницы, какие обильные урожаи собирали наши крестьяне, конечно, до колхозов!

А какие дома построили трудолюбивые крестьянские семьи во времена НЭП(а)! Среди этой красоты и обилия люди собирались жить, рожать детей, растить и воспитывать их и радоваться жизни.

Но кроме двух двоюродных сестер, все мои родственники покинули эту красоту, каждый при своих обстоятельствах: одних родная власть выселила в необжитые районы Урала или Сибири; другие, как преступники, под покровом ночи сбежали из родного села в неизвестность; третьи уехали по необходимости от безвыходности положения – и расселились все по разным краям России, и некоторые родственники, даже близкие, никогда больше не встретились; а будущие поколения их даже не познакомились между собой никогда.

А если бы?!

И я представила картину: а если бы ... никто из моих родственников никогда бы никуда из села Белослудского со времени поселения нашего родоначальника, Василия Егоровича Мартынова, моего деда, родившегося еще во времена отмены крепостного права, и неизвестно мне, когда, почему и как поселившегося одним из рода Мартыновых в этом селе Белослудском, и создавшего здесь семью, так ведь в селе Белослудском был бы огромный род Мартыновых!

И я размечталась: все жили бы дружно, помогали бы друг другу, встречались бы в праздники, на свадьбах, на похоронах. И только я это представила, сердце защемило от того, что ничего этого не сбылось, разлетелись все по разным чужим местам нашей многострадальной Родины, а теперь вот оказались еще и в разных государствах: одни – в России, другие – на Украине.

Почему?

Почему уже некоторые из второго поколения Мартыновых покинули свою малую родину, родное жильё, где всё было на жито упорным трудом. Думаю, об этом стоит поговорить. Но прежде поговорим ещё о том, что я знаю о родоначальниках нашего рода.

Итак, родоначальником нашего рода был Василий Егорович Мартынов, ещё в 19 веке один из семьи Мартыновых поселился в селе Белоспудском и создал здесь семью. Со своей женой Степанидой Степановной вырастили они двух сыновей и двух дочерей.

Семья, как в 19-ом столетии, так и в начале 20-ого занималась сельским хозяйством, выращивала хлеб, держала много скота. Особенno много внимания уделяли уходу за лошадьми, чтобы они были здоровыми, крепкими, выносливыми – на них молодые мужчины семьи не только работали в своём хозяйстве: пахали, боронили землю, возили сено, дрова, но и зарабатывали деньги вне своего хозяйства.

Я говорила выше, что большинство крестьян нашей местности весной, летом, осенью, занимались сельским хозяйством, а вот зимой, когда хлеб нового урожая прибран в амбары, скот обеспечен на всю зиму кормом, молодые мужчины уходили или уезжали из дома на заработки денег, необходимых для уплаты налогов государству, содержание в порядке хозяйства и воспитание детей.

Говорила и о том, что родной отец моей мамы, Денис, зимой шил людям верхнюю одежду, а неродной её отец, Николай, катал зимой варавину, из которой изготавливались верёвки, необходимые в каждом хозяйстве – этим зимой зарабатывали деньги.

А молодые мужчины семьи моего отца на своих лошадях зарабатывали деньги на Ирбитской ярмарке, занимались купцам перевозить их товары.

Транспорта ведь другого в ту пору не было в окрестностях Ирбита. Даже построили железную дорогу в Сибирь, так она прошла мимо Ирбита, через Екатеринбург и Камышлов. Иногородние купцы довезут свои товары до Екатеринбурга или Камышлова на поезде, а дальше до Ирбита их товары на ярмарку приходилось везти на лошадях; купцам приходилось нанимать местных крестьян, чтобы они на своих лошадях доставили товар купца из Екатеринбурга или Камышлова в Ирбит.

Купцы товар, привезённый на ярмарку продавали и закупали товар, который в их местности являлся дефицитным, пользовался спросом. Этот

товар необходимо было из Ирбита доставить на железнодорожную станцию городов Камышлова или Екатеринбурга – опять приходилось нанимать крестьян с лошадьми.

Иногда приходилось везти купеческий товар не только до этих городов, а туда, где железной дороги нет, например в северные районы Урала или в Казахстан. Чем дальше везёшь товар, тем дороже купец оплачивает твою работу. Таким образом, местные крестьяне, имеющие хороших лошадей, перевозили купеческие товары, зарабатывали деньги у купцов. Так зарабатывали деньги мой дед Василий Егорович и дядя Михаил Васильевич Хлебнуга этого лиха успел и мой отец

Однажды мама сказала: «Отец ещё очень молоденьким с братом начали писать купцам перевозить их товары. Рассказывал: Больше идёшь за возом чем едешь. Мороз – сидеть на возу холодно, да и пошади лишний груз. А забота из головы не выходит: только бы не случилось что-нибудь плохое не подвела бы лошадь, не заболела бы в пути выдюжила бы, не испортилась бы сбруя, с розвальнями бы что-нибудь не случилось. Иначе – беда, ведь едем в дальний путь обозом, бывало, подвод по 10 – 20; подведёт твоя пошадь – ждать не будут: время – деньги, ведь ради них и принимает каждый такую муку душевную и физическую».

На ночь останавливались где-нибудь на постой, ведь надо лошадей покормить, дать и отдохнуть. Отдых и тебе нужен. Редко удавалось остановиться на постоянном дворе – там есть охрана, и ты сам немного отдохнёшь. А чаще приходилось останавливаться в частных домах – не отдохнёшь. Забота не потерять бы товар, а то и лошадь конокрады могут умыкнуть. Они, конокрады, везде были. Особенно ловкими ворами были цыгане, они бывало, крали и лошадь, и товар. Так что, пока груз довезёшь и сдашь – весь вымотаешься до предела не досыпая, не доедая.

Обратно горожням тоже ехать не хочется – опять ищешь заработок кому-то чго-то куда-то свезти Словом, на обратном пути те же заботы. Но рад: не зря лошадь гонишь – заработка будет. В общем, за полтора – два месяца, пока идёт подготовка к ярмарке, а потом и сама ярмарка, очень устанешь, успокаиваешь себя мол, потом дома отдохнешь.

А дома? Работа накопилась, пока тебя дома не было, да и к посевной надо уже готовиться: коли устали – им нужен отдых. В общем, отдохнуть некогда – так и крутишься весь год.

Конечно в дальний извоз старались наниматься группой родствен-

ников: братья, сыновья, зятья, двоюродные братья, наконец, надёжные друзья. Но не всегда и не у всех это получалось. И беды в пути у людей встречались всякие. Бывали случаи, что мужик домой не только деньги, голову не привезёт. Но рисковали вновь и вновь — нужда заставляла: надо налоги государству платить, а они были немалыми, надо хозяйство в порядке содержать, надо детей расти — везде нужны деньги.»

Когда моя мама вышла замуж в эту семью в начале двадцатых годов, хозяйство было крепким, хотя перед этим оба сына деда в гражданскую войну были на фронте. Думаю, крепким хозяйство деда было и в 19 веке. Я так думаю потому, что дом деда был хорошим, большим, на четыре комнаты, в котором было две горницы: большая горница и маленькая горенка. А построен он был, видимо, тогда, когда большинство крестьян нашего села жили ещё в избах, то есть в 19 веке, так как новым, как многие другие дома в селе, особенно построенные во времена НЭП(а), дом деда не казался: и брёвна, из которых он был сложен, и межи между ними неказались свежими — словом, дом был построен тогда, когда ещё многие крестьяне построить такой дом не могли, а построить такой дом в тот период могли только люди состоятельные.

Да и построен дом деда был с сознанием дела: во-первых, в центре села, а, во-вторых, семь окон из десяти в доме, хотя и выходили во двор, но на южную сторону — дом всегда был полон солнца и света.

По словам мамы, дед в селе был уважаемым человеком, так как, когда он шёл по селу, встречные люди ему низко кланялись, а мужчины при этом снимали шапки. На мой вопрос, почему, мама ничего не ответила, видимо, ответа она не знала. Мне стало смешно, и я сказала: «Так ты, мама, сама сказала: «Был уважаемым человеком», значит, шапки снимали из уважения к нему. А вот за что уважали?» Мама не просто промолчала, а как бы призадумалась, и я решила, что она, может, и не знала, а, скорей всего, решала, сказать ли мне, ещё невзрослому человеку; как я во-первых, это пойму, а, во-вторых, не сболтнула бы где-то. Я же считаю, дед мой дружил с церковными служителями, а это в годы моего детства и юности презиралось и даже наказывалось — вот мама и побоялась сказать «не дай Господь, не аукнулось бы, да на нас не отразилось бы, не пришлось бы нам отвечать за дела деда».

Я думаю, что Василий Егорович был грамотным человеком. На эту мысль меня натолкнуло следующее. Однажды, когда я читала книгу «Ис-

тория Урала» или «Из истории Урала», где было написано сообщение – копия из местной газеты: «В городе Ирбите открыт (а, может быть, воздвигнут) памятник А.С. Пушкину. На памятник пожертвовали деньги...» и перечислены фамилии, имена, отчества жертвователей, конечно, почтенных господ города. И последним в этом небольшом списке был записан «Мартынов из Белослудски» – без имени и отчества только «Мартынов из Белослудски». Конечно, я не знаю, в какой год воздвигался памятник А.С. Пушкину в Ирбите, но, видимо, последним в этом списке был записан или мой дед, Василий Егорович или мой отец, Марк Васильевич. Почему так думаю? Во-первых, Мартыновых в Белослудске была одна семья, а во-вторых, это явно не господин, так как имени и отчества его узнать не удосужились. А скорей всего, в одном списке с такими господами крестьянина записать было просто неприлично, но, видимо, сумма-то была более или менее значительная, совсем не упомянуть не посмели и так небрежненько подписали: «Мартынов из Белослудски»

Я повторяю: не помню времени возведения памятника, но пожертвовать деньги мог тот, кто в это время был главой семьи. Если уже мой отец, который без книги не садился есть, не ложился спать, конечно, не мог не знать о великом поэте: понятно, не мог не дать деньги на памятник Пушкина. А если не отец, то ясно: дед Василий Егорович – отсюда вывод: был знаком с творчеством Пушкина, значит мой дед Василий Егорович был грамотным человеком.

Ну, а второй факт, который меня наводит на мысль, что Василий Егорович был грамотным человеком тот что он учил всех своих детей. Трое из четырёх его детей: Ульяна Васильевна, Михаил Васильевич, Лидия Васильевна – родились и учились в школе ещё в 19 веке, в то время, когда грамотных в России еще было немногого, учиться могли далеко не все. По сведениям о грамотности населения Пермской губернии, которой относилось и село Белослудское в то время, по данным Первой Всеобщей переписи населения страны 1897 года, грамотных мужчин в сельской местности Пермской губернии было 26 %, а женщин – только 9 % – учитывалось всё население с семилетнего возраста. (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 Изд. ЦСН МВД, 1904, т. XXXI, стр. 19.)

А вот дети моего деда не просто поучились «чему-нибудь да как-нибудь», они все окончили Белослудскую сельскую школу, все учились хорошо, и каждый из них всю свою жизнь дружил с книгой и газетой. Я уже писа-

ла о старшей дочери Ульяне Васильевне 1881 года рождения, крестьянке, имевшей большое хозяйство и четверых детей, за день она не могла не прочитать хоть сколько-нибудь страниц книги. Ульяна Васильевна дружила с попадьей, пользовалась библиотекой батюшки до последних дней жизни в Белослудске. А её сестра Лидия Васильевна, 1891 года рождения, колхозница колхоза «Красная Полоса». всё время работала в колхозе кладовщиком, была членом правления, уважаемым человеком в деревне.

Мой отец Марк Васильевич в двадцатые годы работал бухгалтером Белослудского сельпо. Когда я приезжала в гости к своему дяде Михаилу Васильевичу 1886 года рождения, часто видела его за чтением газеты. Не знаю, читал ли он художественную литературу, скорее всего, читал церковные книги.

Раньше мальчики с ранних лет работали в хозяйстве родителей, а иных и отдавали работать в богатые семьи, например, боронить, возить копны или волокуши, а девочек с пяти лет садили за прядку – надо было много напрясть ниток – пряжи, чтобы выткать холст, из которого шили одежду всей семье, да хотелось и на ярмарке продать нитки или холст, чтобы выручить денежки. А вот Василий Егорович своих детей учил. Дети работали, конечно, в хозяйстве родителей, когда есть время, но главная задача перед каждым – закончи школу – и все закончили. Мой отец – с Поквальным листом, про сестёр и брата его – не знаю, получали ли они тогда какие-то благодарности за хорошую учебу. А начальная школа в то время давала хорошие, прочные знания – программа была очень насыщенной.

Думаю, труд детей в его хозяйстве был бы не лишним, но Василий Егорович знал толк в учёбе и учил детей, а вывод: видимо, сам был грамотным человеком.

От мамы я слышала, что Василий Егорович был очень серьёзным человеком, говорил мало, а если что-то и скажет, то кратко выразит мысль. Над близкими людьми мог пошутить, а то и тонко посмеяться.

Однажды мама рассказала такой случай. Пришли они, мои отец и мать к деду с бабушкой, то ли навестить их, а может быть, по делу какому-то. Бабушка, Степанида Степановна, начала накрывать стол и сговорилась, что хлеб у неё сегодня не очень удачным получился. А сказала это она так: «Квашня у меня сегодня – неудача.» А ведь фактически неудачным-то получилось тесто, из которого получился неудачным хлеб. А квашня – это только ёмкость, в которой замесили тесто для выпечки хлеба.

Дед, услышав эти слова бабушки сказал: «Коли квашня виновата, что хлеб получился неудачным, надо выбросить эту квашню в прогар (заулок), квашню купим новую, тогда хлеб будет всегда удачным.»

Человек, который никогда хлеб не стряпал сам, услышав эти слова деда, подумал бы, что дед дал хороший совет бабушке, как избавить семью от неудачного хлеба. А в действительности дед не совет дал, а тонко посмеялся над бабушкой. мол, не квашня виновата, а сама ты, что хлеб получился неудачным.

Да, дед сказал слов немнога, а вложил в них такую мысль: удачным или неудачным получится хлеб, зависит не от квашни (ёмкости), в которой замесили тесто, а от того, кто и как замесил его; как следил, чтобы тесто в меру выкисло, то есть не оказалось бы недокисшим или перекисшим. А когда хлеб выпекают, то есть состряпают булки или капачи, надо дать хлебу в меру вытронуться, но не перегронуться, хлеб вытронулся – сажай в печь. Здесь надо угадать посадить его в печь вовремя: посадишь в жар – хлеб будет перепеченым, суховатым или даже подгорелым; призамешкаешься – в печи мало жара – хлеб не допекётся, окажется сыриватым, так что состряпать хлеб в русской печи – целая наука, которую многие русские женщины знали совершенно.

В старое время люди жили большими семьями, хлеба на большую семью стряпали много, так что ошибиться в какой-то тонкости было несложно. В нашей местности судили о хозяйке по тому, как она стряпает, поэтому девушки, готовясь замуж, рано учились стряпать.

Ну, что сказать в заключение о деде, родоначальнике несостоявшейся династии Мартыновых в селе Белослудском, которого я никогда не видела, узнала кое-что о нем со слов моей мамы.

У меня сложилось впечатление: это был умный, трудолюбивый, очевидно, грамотный и, возможно за это уважаемый в селе человек, воспитавший своих детей, по меркам того времени, достойными гражданами села: грамотными, умеющими вести хозяйство, растить и воспитывать своих детей.

Автобабушке Степанид Степановне мама почему-то ничего не рассказывала. Только однажды, когда я спросила, какой была бабушка Степанида Степановна, мами сказала «Она была простой, очень доброй старушкой.»

Анна Митрофановна о бабушке говорила: «Она была очень хорошей бабушкой, любила нас, заботилась о нас. Помню: на улице морозище та-

кой, что хороший хозяин в такой день на улицу собаку не выпустит. а наша бабушка бежит с края на край деревни нас проводать, да ёщё нам по конфетке принесёт, так мы были рады, ждали бабушку каждое воскресенье.»

А вторая моя двоюродная сестра Татьяна Михайловна, когда я однажды в письме спросила у неё о деде и бабушке, написала мне так: «Деда я не помню совершенно, а бабушку Степаниду помню очень хорошо. У меня был младший братик Лено, так мы с ним и росли, ведь родители были с утра до ночи на работе вне дома. Мы с Леном бабушку очень любили. Она зимой все дела сделяет, ложилась отдохнуть на печку, а мы садились на ленивочку (доску на краю печи) и она нам рассказывала сказки: «Снегурочка», «Репка», «Городишко». Сказки были разными, а начало у них одно: «Жили – были Иван с Иваною, Степан со Степаникою» а дальше сказка начиналась.

А ёщё помню, что ко мне приходила подружка Нина и мы: Нина, Лено и я – часто играли в коняшек, носились по всему дому, и бабушка нам разрешала. Иногда бабушка давала нам с Ниной работу. Например помню как мы сбивали сливочное масло не однажды. Бабушка даст нам по крынке сметаны и по мутовке, скажет «Мешайте, сбивайте масло.» А потом нам намажет свежим маслом по помятому хлебу. мы съедим и бежим на улицу играть. Бабушка умерла осенью, когда я пошла учиться в первый класс.»

А я написала о Нине и вспомнила такой факт. Мне моя мама сшила кремовое платье с рюшами. Я пришла к дяде в гости, и мы играли с Таней и Ниной в садике – хорошо помню этот случай. Мамы и Тани, и Нины захотели, чтобы у их дочек были такие же платья, и попросили мою маму сшить такие платья их дочкам. И мама моя сшила Тане – зелёное а Нине – коричневое. Эти девочки в этих платьях, как сейчас в моих глазах хотя больше ничего из их жизни в селе Белоспудском не помню.

Старшей из детей в семье Василия Егоровича и Степаниды Степановны Мартыновых была дочь, Ульяна Васильевна, 1881 года рождения. Она вышла замуж в семью, где было три сына и дочь. Дочь выдали замуж, а сыновья, Митрофан, Иван и кажется Григорий создав свои семьи продолжали жить в избе родителей. Представьте, сколько семей – и в одной избе! А в каждой семье понятно, были дети. Например, только в семье Митрофана Алексеевича и Ульяны Васильевны было четверо детей, по-

моему, в других двух – не менее чем по трое. В семье только Иван Алексеевича помню, Антонину, Феофанию, Наталью – трех дочерей.

К началу двадцатых годов многие из их детей уже подросли, а в середине двадцатых стали уже настоящими работниками. В общем, когда от Советской власти получили земли «по едокам», то есть на всех членов семьи, работать на этой земле было кому – образовался сплоченный, работоспособный коллектив, который дружно приступил к работе. Вскоре взяли ссуду на покупку, кажется, молотилки. позднее купили и жатку. С машинами быстро справлялись со своей работой и соседям помогали. короче, всем, кто попросит помочь, а за помощь, конечно, была расплата хлебом, бывало, и денежкой – всё в дом. В семье стали производить много хлеба, хватало с государством расплатиться, то есть налоги заплатить; семью и скотину прокормить, а излишки на ярмарке продать – денежку выручить.

К началу второй половины двадцатых годов XX века каждой семье построили по большому дому – каждый по четыре комнаты – всем надоело ютиться в одной, пусть большой но избе. Разделилась большая семья – все три сына со своими семьями ушли жить в свои дома.

Жить бы да радоваться! Но... Советское правительство начало превращать в жизнь планы Первой пятилетки – планы ускоренной индустриализации страны, а для этого были нужны хлеб и деньги. Уже с 1927 года крестьян стали облагать всё новыми и новыми сельхозналогами, а вскоре ввели и финансовую кару за неуплату сельхозналога. («Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг» М 1953 г. С.296).

Материальное положение семьи Митрофана Алексеевича и Ульяны Васильевны да и не только их семьи, но и крестьян всего села да и всей страны стало быстро ухудшаться. Скоро крестьяне поняли: сколько хлеба ни производят, государство в виде налога заберёт хлеб весь.

Наконец, настал день, когда из амбара Митрофана Алексеевича в виде налога выгребли последний хлеб. Но налог был таким большим, что это-то последнего хлеба не хватило, чтобы заплатить весь налог полностью. Осталась недоимка – долг перед государством. Местная власть предложила недоимку «погасить» деньгами. И предупредила: если долг в скором времени не будет уплачен хлебом или деньгами, то старшего сына Ивана Митрофановича как самого молодого в семье, самого трудоспособного арестуют и отправят в тюрьму или на общественные работы, а имущество

семьи конфискуют.

Но, чтобы расплатиться с долгом, не было уже ни хлеба, ни денег. Тогда на семейном совете стали решать, что делать. Рассудили так: дочери, Федора Митрофановна и Анна Митрофановна, уже замужем, живут в семьях мужей – их не арестуют. Кроме Ивана Митрофановича с женой арестовывать в семье больше некого, так как глава семьи Митрофан Алексеевич и его жена Ульяна Васильевна – люди немолодые, а с ними младший сынок Саша, 1924 года рождения, ещё не трудоспособен, так что Ивану Митрофановичу с женой надо из деревни уехать на производство, то есть скрыться, а за долг пусть берут дом.

Но семья ошиблась: за неуплату сельхозналога после отъезда старшего сына с женой к Митрофану Алексеевичу был применён совместный «Циркуляр» Уральского областного суда и областной прокуратуры, который подчёркивал взыскание налога с неплательщиков обязательно, вплоть до применения статей 60 и 62 УК РСФСР, которыми предусматривалось длительное лишение свободы с конфискацией имущества. Таким образом, новый дом, и всё другое имущество, и скот крестьян Митрофана Алексеевича и Ульяны Васильевны Коноваловых было описано, а глава семьи, Митрофан Алексеевич Коновалов арестован и отправлен в исправительно-трудовой лагерь в Пермскую область на строительство Соликамского целлюлозно-бумажного комбината. Там он и сгинул, от него семье не пришло ни одной весточки.

Дом и всё имущество описали ещё перед арестом главы семьи, а конфисковали только тогда, когда стали из села выселять раскулаченных. Выспали будто бы на север Свердловской области, а в действительности в сибирскую тайгу и Ульяну Васильевну с младшеньkim шестилетним сыночком Сашей. Моя мама рассказывала, что за день до отъезда в ссылку Ульяна Васильевна Сашу поспала к брату Михаилу Васильевичу, чтобы он Саше подшил валенки; так в подшивных старых валенках пошёл маленький кулачонок по этапу в Сибирь. Его новые валенки были конфискованы вместе со всем имуществом.

До Тавды довезли кулаков на поезде а дальше, в глубь тайги в феврале, в самой середине зимы, гнали этапом пешком на строительство лесозаготовительного посёлка. Маленький Саша мерз на привалах его мать согревала теплом собственного тела.

Новым местом жительства их стала многовековая тайга. Здесь в сере-

дине зимы, где снег детям по горло, в первую очередь надо было строить себе жильё – бараки. Как и все ссыльные, здесь они пережили все трудности ссылки: страшный холод и страшный голод.

Продукты завозили несвоевременно, норма на продукты была мизерной для работающих – на день хлеба 320 граммов, капусты – 100 граммов, сахара – 6 граммов, чая – 3 грамма, растительного масла – 9 граммов. Особенно тяжело стало тогда, когда власти отказались кормить нетрудоспособную часть кулацкой ссылки: больных, инвалидов, детей и стариков. Часто даже старики уходили в лес за корешками, ягодами, грибами и т.п., обратно не возвращались – гибли там. Но Ульяна Васильевна с Сашей выжили. Когда Ульяна Васильевна совершенно потеряла здоровье, ей разрешили выехать домой. Но как? Поехали за ними дочь Анна Митрофановна и её муж, Захар Петрович, которые жили уже в Егоршино. Почему они уехали из родного села Белослудского? Точнее не уехали, а ушли... Когда отца Анны Митрофановны отправили на ГУЛАГ, мать с ребёнком – в сибирскую тайгу, семью Евгения Петровича, деверя Анны Митрофановны, брата её мужа, раскулачили и выслали одновременно с её матерью в сибирскую тайгу; Анна Митрофановна с Захаром Петровичем, мужем, призадумались: что их ждёт? И решили: их черёд, если не на ГУЛАГ, то в тайгу обязательно. А пока не поздно, надо спасаться, то есть из родного «гнезда», которое ещё не закончили «вить», надо «улетать». И однажды ночью заколотили двери своего нового, ещё полностью не достроенного дома (пока жили только в избе, в горнице ещё окон не было). Во дворе оставили скот и ночью полевыми дорогами ушли пешком в Егоршино, где, по слухам, будто бы без документов принимали работать в шахту. Трактными дорогами пробираться было нельзя – на них стояли заградительные отряды. Но люди из сёл все равно бежали. Одни боялись ссылки, а другие от голода, начавшегося в колхозе.

Итак, Анна Митрофановна с Захаром Петровичем поехали за больной матерью, Ульяной Васильевной, и Сашей; до Тавды на поезде, а дальше транспорта никакого нет. В Тавде купили лошадь и поехали дальше. Дорога по застывшей реке Конде – не заблудишься. Ехали, ехали – остановка: лошадь не пошла. Оставили её в одном селе, дали денег на корм, сами пошли пешком. И дошли. Разыскали мать и братика. Но, чтобы оформить разрешение на выезд, надо еще дальше идти. Ночевали – и опять в путь.

Документы оформили. Отправились домой. Путь неблизкий. Больная

мать идти не может. Успокаивали: «У нас есть лошадь. Надо только дойти, где оставили её, а дальше поедем.» Но надежда на то, что хоть мать с Сашей клячка повезёт, не сбылась – лошадь «пала».

Положение тяжёлое: больная женщина идти не могла. Но догнал их обоз, и за деньги мать и Сашу довезли до Тавды. Добрались и до Егоршино и стали жить у младшей дочери, Анны Митрофановны, стали иждивенцами зятя Захара Петровича Дёмина. Саша поступил учиться в железнодорожную школу № 56.

Старший сын Ульяны Васильевны, Иван Митрофанович, с женой скрылись из деревни, уехали в Сибирь без документов.

Первое время их никуда без документов на работу не принимали, но на одной стройке нужен был срочно счётный работник, и Иван Митрофанович сказал, что знаком со счётом работой (он немного учился счётному делу у моего отца) – его приняли. Прижились они здесь настолько, что во время Отечественной войны Иван Митрофанович работал уже главным бухгалтером военного завода. Но в деревню долго боялись сообщать своё место нахождения, может быть, НКВД разыскивает их, так что о судьбе родителей долго ничего не знали.

Старшая дочь Ульяны Васильевны, Федора Митрофановна, задолго до раскулачивания вышла замуж в соседнюю деревню Притыку, жили не-богато – их не раскулачили. Во время коллективизации вступили в колхоз, муж Павел Петрович работал трактористом, бригадиром тракторного отряда, а Федора Митрофановна работала на разных работах. Она до конца жизни жила на малой родине, никуда не уезжала. У Ивана Митрофановича и Анны Митрофановны детей не было, а Федора Митрофановна с мужем вырастили четверых детей. Годы, в которые дети росли, были трудными, особенно тридцатые, а в сороковые Павел Петрович воевал, так что дети Федоры Митрофановны закончили все, кроме Галины, только неполную среднюю школу, то есть по семь классов, да и то учиться приходилось ходить в село Килачёво.

Дети Федоры Митрофановны: Василий, Валентин, Любовь – «вырвались» из колхоза. (Я написала «вырвались», так как дети колхозников, если не получили ещё в юношеском возрасте какую-то специальность и по распределению не уехали из деревни, автоматически становились колхозниками, и из колхоза уже не уедешь по своему желанию, ты – колхозник, хотя в колхоз не вступал). Дети Федоры Митрофановны в силу своего

возраста учиться уже не захотели, сразу поступили на работу. Василий и Люба «выбились» в мастера, Галина, последняя дочь, сумела закончить среднюю школу. Всю свою трудовую жизнь Галина Павловна работала секретарём при начальниках разных уровней и предприятий, а Валентин остался рабочим, работал в Зауральской геолого-разведочной партии.

Старший сын Федоры Митрофановны, Василий Павлович, своих детей учили. Его сыновья, Александр и Сергей, поступили учиться в Артёмовскую среднюю школу № 12 в то время, когда я работала в ней, один – в седьмой класс, другой – в восьмой или девятый. Учились они очень хорошо, особенно по математике, физике – быть бы им инженерами, но по русскому языку при письме делали ошибки, так как семья долгое время жила, кажется, в Узбекистане, а, может быть, и в другой среднеазиатской республике, где преподавание русского языка было не на надлежащем уровне. Я не знаю, пытался ли Саша поступать в институт, но учился и закончил техникум, стал специалистом по контрольно-измерительным приборам; женился и уехал работать по распределению, так что о дальнейшей его судьбе я ничего не знаю. Сергей пытался сразу после школы поступить в Свердловский политехнический институт, сдал первые предметы на отлично, но сочинение писать не пошёл, просто не решился, не хватило смелости. Год работал, а потом поступил в Тюменское Высшее военное училище, которое закончил с Красным дипломом. Мать их умерла, когда Сергей закончил только первый курс. А когда заболел отец, Сергей увёз к себе отца, там и похоронил его.

Единственная дочь Галины Павловны, Лариса Викторовна, закончила Свердловский лесотехнический институт – инженер. Единственный сын Любови Павловны закончил Свердловское железнодорожное техническое училище – работает крановщиком. У Валентина Павловича единственный сын рано погиб трагически.

Самая трудная жизнь выпала на долю младшего сына Ульяны Васильевны, Саши, Александра Митрофановича. Шести лет он пошёл с любимой мамочкой этапом на север сибирской тайги во время середины лютой зимы, в феврале 1930 года, в старых, подшитых валенках, очевидно, такими же были и пальтишко, и шапочонка, так как, если что-то и было в семье уже сшито для этого ребёнка получше, так оно всё было конфисковано, как например, новые валенки.

Отбыв ссылку, вернувшись они с мамочкой не в родной дом, а в старый

барак, в убогую квартиру зятя, который, думаю, не очень был им рад, так как годы были трудными конечно, вынужден был приютить их. Саша стал учиться в Егоршинской железнодорожной школе № 56. В Артёмовском городском историческом музее есть Похвальная грамота, которой был награждён ученик 6-ого класса школы № 56 станции Егоршино Коновалов Александр. Похвальную грамоту Саши сохранила Анна Митрофановна, а ещё она сохранила тетрадочку по русскому языку ученика 6 класса. во всей тетради было сделано учителем одно исправление – неверный перенос слова. Сохранились карты, изготовленные Сашей для уроков географии, портрет А.С.Пушкина в его исполнении.

Как и все дети, в подростковом возрасте вёл Саша тетрадь «Стихи и песни», в которую записывал известные стихи, содержание которых было созвучно его мыслям. Сохранилось всего четыре листочка этой тетради, но и по ним можно понять, о чём Александр думал, что его волновало. Начинается тетрадь песней из кинофильма «Весёлые ребята», которая исполняется легко, и вложено в песню много патриотических чувств и мыслей:

Мы всё добудем, поймём и откроем
Холодный полюс и свод голубой.
Когда страна быть прикажет героям,
Из нас героем становится любой.
И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споём боевую
И станем грудью за Родину свою!
А вот ещё песни: «Славное море», «Колодники».
Скрывается солнце за степью,
Вдали колосится ковыль.
Колодников звонкие цепи
Вздымают дорожную пыль.

Нет, не забыл Александр, как шестилетним шёл по этапу на север тайги и как мёрз и голодал в пути и на поселении, но не обозлён он, он всем сердцем любит свою многострадальную Родину и готов отдать за неё жизнь, ведь дальше-то в тетрадочке опять стихи и песни на патриотическую тему: «Бородино», «Встречный».

Александр успел закончить только девять классов средней школы – его призвали в армию, так как уже бушевала Отечественная война, и направили учиться в Тюменское военное училище – пригодился защищать Родину.

В военном училище учиться пришлось мало – «жарко» стало под Сталинградом – всех «бросили» туда. Ранение. Госпиталь. И вновь фронт. Военную науку изучал на практике, будучи командиром то взвода, то роты. С боями дошёл до Киева, здесь в жестоком бою погиб за Родину. Посмертно награждён орденом Боевого Красного Знамени. Тем, кто погиб в этом бою, на братской могиле поставлен мраморный памятник. Фотография этого памятника есть в нашем городском историческом музее, на памятнике фамилия Александра Митрофановича Коновалова высечена первой.

Кличка «кулак» и людское презрение отравляли жизнь Саше до последних дней жизни. Он больно переживал. Домой писал: «Какой я кулак, если всю свою жизнь досыта не часто ел?!» А дело в том, что в его роту попал служить Пономарев Константин Гаврилович, житель родного села Александра, села Белослудского. По фамилии он быстро сообразил, что командир роты, пожалуй его земляк. А когда узнал, чей Александр сын, стало ясно – купацкий. Этот человек по возрасту годился Саше в отцы, да у него был сын Васька тоже 1924 года рождения как и Саша. Была дочь Ольга. 1926 года рождения, а в селе они жили от нашего дома через три дома, и я, когда росла, играла с ними. Константин быстро вспомнил, что родители Александра раскулачили и выслали из села, и здесь, на фронте без конца терроризировал Александра. Иногда прямо говорил «Я купацкого сына слушать не хочу.» Или бойцов подговаривал: «Нами командаёт кулак. Что вы его слушаете? Надо его просто прихлопнуть и всё».

Кто «прихлопнул» Александра в бою под Киевом в 1944 году, немец или земляк, для нас, родственников, осталось тайной. Уж лучше бы немец, чем этот паскуда-землячок.

Вот пишу сейчас и думаю, а ведь могло так случиться, что мы, родственники Саши, могли никогда и не узнать, когда и где погиб Саша и что он был посмертно награждён орденом Боевого Красного Знамени, так как жили с мамой они в последние годы перед армией то у сестры Анны Митрофановны в Егоршино, то у брата Ивана Митрофановича в Сибири. А похоронку прислали в его родное село Белослудское, где он не жил с шестью лет, и его там никто не помнит, не знает.

Но произошло два интересных случая, о которых я тоже решила написать.

Война. Я работала учительницей в Белоспудской начальной школе, вела два класса. Из школы уходила всегда поздно, последняя из учителей. А сейчас кажется, будто я почувствовала, что мне надо выйти на улицу. Я пошла домой рано, в середине дня, чего никогда не бывало раньше. Только вышла со двора школы на улицу, увидела, что дорогой прошла почтальонка Наталия Калинична. Она остановилась и кричит мне издали: «Ольга Марковна, пришла похоронка на Коновалова Александра Митрофановича, а я не знаю, кому вручить — никто такого не знает. Вы не знаете кому вручить?» Меня, как кипятком обдало: «Так это же наш Саша.» Взяла покоронку, поплакала над ней: «Всего двадцать лет прожил Александр. прожил без радости, без счастья, сиротой на чужой стороне. Шестилетним Советская власть лишила его отца, дома, родины, наградила кличкой «кулак». Не успел он ни любви испытать, ни семью создать — было не до этого не до этого было. Надо было выживать. Ну, а коли выжил, те, кто жизнь его сделали адом, призвали защищать Отечество. Пригодился. Поди еще, как некоторым, подобным ему, сказали «Искупи свою вину перед Советской властью.»

Похоронку я послала его маме, моей тёте Ульяне Васильевне.

Мирное время. Страна отмечает уже 45-летие Победы. Я стою на кухне, чищу картофель для супа, одновременно слушаю по радио областную передачу на военную тему. Передача закончилась, и радиожурналист Инна Гладкова объявляет: «Отзовитесь. Кто знает Коновалова Александра Митрофановича, уроженца Ирбитского района, перед Отечественной войной жил в Егоршино. Его ищет орден Боевого Красного Знамени.» Но родственников, кроме племянников и их детей, уже не было в этом мире. Я сообщила племяннику Василию Павловичу Максимову, и он сходил в военкомат.

Вот каких два случая произошло, из которых мы узнали важные сведения о моём двоюродном брате Саше, Александре Митрофановиче Коновалове.

Братскую могилу, где похоронен Саша, однажды посетил его племянник Василий Павлович Максимов, а сын его Александр (названный в честь Саши) Васильевич Максимов побывал на этой братской могиле несколько раз, встречался с учениками местной школы, ведущей шефство над этой могилой. Могила ухожена.

В «Книге Памяти» нашего города на 86 странице записано: «Коновалов Александр Митрофанович, лейтенант, 1924 года рождения. Призван в армию в 1941 году. Погиб в 1944 году.» Его мама, Ульяна Васильевна, в конце жизни жила у дочки Анны Митрофановны в городе Артемовском. Долго болела. Несколько последних лет лежала, почти не вставала сама. Дочь ухаживала за ней, как за малым ребёнком. Я их навещала, была на её похоронах. Помню, что несли её на кладбище на руках. Был ясный тёплый день. Когда большую половину дороги прошли, вдруг ни с того, ни с сего хлынул дождь – никакой тучки на небе не было. Подошли к кладбищу – дождь перестал.

В народе есть примета: если усопшего провожают в последний путь, идёт дождь, значит, плачут небеса, этот человек достойно жил, достойно перенёс все жизненные испытания – этот человек угоден Господу-богу, и в потустороннем мире ему будет хорошо.

Вторым ребёнком в семье моего деда Василия Егоровича был сын Михаил – Михаил Васильевич. 1886 года рождения. На правах старшего сына, создав семью, Михаил Васильевич остался жить в семье отца, в родительском доме, ему дом строить не надо было.

Дом был хотя и не новым, но добротным, большим; хозяйство, по словам моей мамы, было справным, значит, амбар с сусеками, полными хлеба двор полон скота – только таким хозяйство считалось справным.

В 1930 году в селе началась коллективизация, действительно богатых семей в колхоз не принимали, их сразу раскулачивали и высыпали из села. Раскулачивали и тех, кто не был ещё богат, но успел уже построить в двадцатые годы новый дом или приобрёл сельскохозяйственные машины, или держали наёмную силу, то есть батраков.

Хотя хозяйство Михаила Васильевича было действительно крепким, но в первую волну раскулачивания он не попал, во-первых, батраков не держали, спрашивались своими силами в начале двадцатых годов были живы ёщё родители Михаила Васильевича. По воспоминаниям дочери, Татьяны Михайловны, домашнее хозяйство вела бабушка, а родители и дед Василий Егорович начинали работать далеко до рассвета и возвращались всегда темно. А во второй половине двадцатых годов уже был женат сын Игнатий Михайлович – в хозяйстве появилась ёщё работница. Сель-

скохозяйственных машин семья видимо, тоже не приобретала, во всяком случае, я об этом ничего не слышала. и дочь тоже не помнила.

А, возможно, ещё сыграло большую роль и то, что Михаил Васильевич, хотя и начинал гражданскую войну в белой армии так как по селу Белослудскому раньше прошла белая армия и мобилизовала мужиков да они и сами как истинные граждане страны не отказывались воевать за царя и Отечество. Но во время войны в силу многих обстоятельств, как и многие другие воины, из белой армии перешёл в Красную Армию, где и закончил войну. А тех, кто воевал в Красной Армии хотя и хозяйства их были довольно крепкими, в 1930 году раскулачивать было запрещено.

Думаю, в силу этих причин семья Михаила Васильевича не была раскулачена в первую волну раскулачивания, но уже в 1931 году «катилась» вторая волна

Чтобы выполнить грандиозный план Первой пятилетки, нужна была рабочая сила. Поэтому-то 11 марта 1931 года была образована специальная комиссия во главе с заместителем председателя Совета Народных Комиссаров А.А.Андреевым по существу эта комиссия занималась распределением раскулаченных переселенцев по районам страны. Это был своеобразный Госснаб, который удовлетворял заявки хозяйственных организаций на трудовые ресурсы, то есть эта комиссия Андреева обеспечивала стройки социализма вчерашними крестьянами, причём самыми трудолюбивыми, работающими, такими, как семья Михаила Васильевича.

Например, протокол только одного заседания этой комиссии от 30 июля 1931 года:

«Слушали вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их.

Постановили:

Удовлетворить заявку Востокстали на 14 тысяч кулацких семей.

Заявки Цветметзолото – на 4600 кулацких семей и Автостроя ВАТО – на 5 тысяч кулацких семей – удовлетворить.

По углю удовлетворить заявки на спецпереселенцев Востокуглю – на 72 тысячи кулацких семей, по Кизеловскому и Челябинскому углю – на 2 тысячи кулацких семей. заявку по Подмосковному углю – на 4500 кулацких семей принять условно.

По торфу принять заявку на 31 тысячу кулацких семей . « («Родина» Журнал 1989 № 8, С.33).

Стройки социализма всё больше и больше нуждались в рабочей силе. Партийные руководители, выезжая на места, изо всех сил нажимали на низовых работников, низовые же работники вынуждены были искать вновь и вновь кулаков часто из тех, кто уже вступал в колхоз, сдал хлеб, скот, сельскохозяйственный инвентарь в общее хозяйство колхоза. Проводили чистки в колхозах, людей упрекали, что они кулаки, а пробрались в колхоз, их исключали из колхоза и отправляли на стройки социализма.

Народ волновался, искал выход из положения.

Почти каждую ночь не по одной семье стало исчезать из села. Утром узнаёшь: дом заколочен, скот оставлен во дворе, а хозяев нет. Куда исчезли? Жить становилось страшно.

Куда исчезали люди семьями? Может быть, их власти забирают потихоньку и отправляют куда-то, возможно, на работы? А, может быть, люди сами бросают дом и все, что нажили за жизнь, в том числе скот, и убегают из дома, скрываясь отластей, так как чувствуют, что скоро до них доберутся, раскулачат, значит, всё заберут и дом в том числе, из села выселят, сошлют «к чёрту на кулички.»

Да и голод начал о себе напоминать: сусеки амбаров у всех стояли пустыми. Одни вступили в колхоз – хлеб весь сдали в общее хозяйство. Другие в колхоз не вступили – под видом разных налогов хлеб сдали государству.

Не знаю, вступал ли в колхоз Михаил Васильевич со своей семьёй, но теперь, когда подошла новая волна раскулачивания, понял, подошла очередь на раскулачивание его семьи. «Пусть бы всё отобрали, но не высыпали так ведь вышлют обязательно вышлют да вышлют туда, где «Макар телят не пас..» а самое страшное, если, как у сестрицы Ульяны Васильевны, семью разделят, разбросают по разным стройкам страны – вот что страшнее всего.» – размышлял Михаил Васильевич, по словам моей мамы.

Собрав он всю семью на совет, поразмышляли, что делать, и решили надо бежать из села, пока не поздно. Сколько людей уехали из деревни, по слухам, устраиваясь без документов. Неужели мы, все молодые (Михаилу Васильевичу было 46-47 лет), здоровые, не найдем себе пристанище и работу?!

Мне видимо, было лет восемь, когда дядя Миша (Михаил Васильевич) с семьёй решили покинуть село, родной дом навсегда. В последний день

перед отъездом он пришёл к нам, понятно, попрощаться. Как это происходило, я эту картину помню на столько чётко, как будто это происходило вчера.

У нас в избе висели качели. верёвки были переброшены через брус полатей. На верёвки была положена дощечка. Я на руках держала Петю и тихонько качалась, когда зашел к нам дядя Миша. Он на кухне поговорил с мамой и вышел к нам. Встал перед нами и стал внимательно смотреть на нас. Сказано ли мне было, что он и его семья уезжают навсегда покидают село и родной дом не помню. Только мои глаза встретились с его глазами, и я прочитала в его лице и глазах волнение, а, может быть, боль или муку, и своим детским сердцем почувствовала ответственный момент в нашей общей жизни (ведь мы оставались в деревне без единого родного человека): я, как заворожённая, смотрела на него и запечатлела в памяти дядю всего, а главное, его глаза и выражение лица навсегда – все это произошло, если не в миг, то за несколько минут. А потом дядя погладил нас по головкам и быстро вышел из нашего дома, мне показалось, что он едва сдерживал слёзы.

Итак, ехать – такое решение приняла семья Михаила Васильевича.

Помолились. Попросили благословения у Господа-бога. Запрягли лошадь в розвальни. Заколотили окна и двери в родном доме. Попрощались со всей живностью: с кошками, со скотом во дворе. Заливаясь слезами вышли со двора за ворота поклонились родному дому сели в розвальни и тронулись в путь.

Ехали до станции Худяково окольными дорогами – трактовой дорогой ехать нельзя – поймают, на ней стоят дённо и нощно заградительные отряды, всех, уезжающих из сёл и деревень, ловят и отправляют в НКВД, а там без суда и следствия – на стройку или на лесоповал, на север уральской тайги, но это ещё не самое страшное, а чаще – в тюрьму.

Трактовой дорогой до станции Худяково на хорошей лошади можно было бы добраться часа за полтора, а окольными дорогами да по бездорожью тащились часа четыре, а может, и больше, а душа дрожала как осиновый лист – не натакаться бы на заградотряд, не опоздать бы на поезд.

На поезд не опоздали, но ждала их новая беда. Из дома поехало шесть человек: Михаил Васильевич, его жена, Агния кажется, Артемьевна, их дочка Таня, лет десяти, сын Игнатий Михайлович, его жена Татьяна Гавриловна, их дочка Ниночка, несколых месяцев от роду. А живых на вокзал

приехали только пять человек – Ниночку привезли мёртвенькой. Малютку молодая мама везла в полах своей одежды – на улице зима, лютый мороз; решили, что мать девочку в пути будет согревать теплом своего тела, а, если ребёнок заплачет, грудь ей в ротик подаст.

Но Ниночка была слишком мала для таких путешествий: по дороге на станцию, не издав ни звука, скончалась, видимо, задохнулась.

Но оплакивать своего первенца мамочке с папочкой некогда. Лошадь отпустили на божью волю, сами поспешили в вагон, с собой повезли тельце малюточки и поехали в неизвестность. Билеты купили до Кировской области – туда уезжали тогда многие из нашей местности.

В те годы в Кировской области и вообще в центре России был небывало хороший урожай, а убирать хлеб рабочих рук не хватало, власти были рады каждому работнику, так что документы от приезжих требовать было некогда.

По словам Татьяны Михайловны, работу нашли, а жить негде Зима. В сельской местности все домишкы были буквально забиты такими же приезжими бедолагами. А семья-то?! Не один, не два человека, а пять – и почти все взрослые

Словом, год все-таки как-то перебились, а дальше жить совсем стало невозможно: без документов на работу не берут – власти запрещают, а жильё хоть мапомальское приобрести – вообще проблема.

Делать нечего – поехали обратно в родные края. Ещё перед отъездом из дома спышали, что без документов принимают работать в Егоршинские шахты

Но в Егоршино сразу из дома ехать побоялись: очень уж близко от родного села, всего кипометрах в восемидесяти. А хотелось уехать подальше, от НКВД укрыться понадёжнее – вот и уехали в Кировскую область. Но ... надёжности нигде нет, государство одно – везде одни законы.

В Егоршино действительно рабочие руки были нужны – страна очень нуждалась в каменном угле, а его добывалось мало, и мужчины (отец и сын) без проблем поступили на работу в шахту «Бурсунка». Но проблема та же – где жить?

Сначала ютились по чужим углам, потом дали комнату в старом бараке. А когда начали в посёлке строить пять двухэтажных домов, то уже в третьем из них дали большую светлую комнату, но одну на всех. На общей кухне с ними в маленькой комнате жила ещё одна шахтёрская семья из

четырёх человек, двое – дети.

А семья стала прибывать: в 1938 году появилась в семье опять Ниночка, а в 1940 году и Сашенька. Решили строить дом начали экономить на всём, а денежки откладывать на постройку дома хотя и откладывать-то становилось не из чего: сын с женой работали уже в пожарной охране, а дед начал болеть, в шахте работать тоже не мог.

А тут и Отечественная война началась. Первого января 1942 года призвали в армию сына, Игнатия Михайловича, а в сентябре 1942 года он уже погиб. И осталась семья: Михаил Васильевич с женой да невестка с двумя малышами, дочеке три годика а сыночку – один годок. Дочь Татьяна Михайловна уже два года дома не жила, а потом и вообще потерялась, так что горя – море

Таня в 1939 году закончила Артёмовскую среднюю школу № 1 с отличными успехами. Кстати, это был первый выпуск из этой школы, первой средней школы в городе. Таня была лучшей ученицей школы. стартальная способная, ответственная, могла поступить в любой вуз. Но у отдела народного образования проблема – не хватает в сельских школах учителей начальных классов. И начальство города решило эту проблему очень даже легко – всех выпускниц школы отправили на село работать учителями начальных классов. А мы теперь знаем, как «умели убеждать» в то время: «Партия сказала: «Надо!» – комсомол ответил «Есть!» Кроме убеждения действовал «Закон» 1940 года «О сохранении кадров»: куда направили работать – трубань. За опоздание только на 20 минут – судили, а за прогул – тюрьма. Тут же организовали в школе курсы по подготовке учителей начальных классов, а первого августа эти «учителя» приступили к работе в самых дальних сельских школах. Первый год или два Таня работала на выселке Фропы. Мы с Артемием Пантелеимоновичем, сыном Лидии Васильевны, в июле 1940 года решили её навестить. Увидели такую картину: среди леса вдоль реки тянется односторонняя улица, может быть, десятка полтора домов. От реки дома отделяла только дорога и прибрежные кусты. За рекой уже лес, за огородами стена леса. Кругом деревья, трава, лесные цветы. Два – три дня созерцать такую картину можно – даже удовольствие получишь, но уж больше да ежедневно – не только всё осточертеет – волком завоешь. Вся жизнь тут похожа на ссылку за какое-то очень большое преступление

Шли мы домой с Артемием Пантелеимоновичем от Тани и рассуж-

дали: «Вот куда загнали нашу отличницу-то, «грызла гранит наук», рас-считывала в институт поступить, стать специалистом высокого класса – никто не пожалел её трудов; исключения??? ни для кого. Надо – вопрос исчерпан. и наравне со всеми, даже с убогими ученицами, загнали в лесную глуши и сиди.вой волком среди осточертевшей картины леса, вдали от элементарной цивилизации, районного центра, например, где хотя бы, может быть, библиотека какая-нибудь была в то время.

А здесь, на высотке Фролы, среди дня не с кем словом перемолвиться – кто на покосе, кто на огороде, кто в конюшне – все работают, за день так устанут, что вечером только до места бы добраться. И ни кино, ни радио, ни избы-читальни хотя бы – негде взять книгу и почитать – не только оту-пееешь, одуреешь совсем в таких условиях.

– А что нас ждёт?!

К тому времени я закончила два курса педучилища, а Артемий педу-чилище закончил и осенью собирался уйти в армию, поэтому работать никуда не распределялся.

Шли мы домой с тяжёлым чувством ...

Год или два работала Таня во Фролах, перевели её, не знаю, в село или деревню Лаптево – это ещё дальше от районного центра. Да и районным – то центром во время Отечественной войны для сёл, где Таня пришлось работать, стало село Зайково, а не Артёмовский, где она раньше жила с родителями. Зайковский район был образован в войну только сельскохозяйственным, значит, Таня навсегда оказалась сельской жительницей. Думаю, если в каком-то плане Лаптево получше Фролов, во всяком случае, не на много.

Во время Отечественной войны в нашей местности работала топогра-фическая партия, командирована она была из центра страны. Один из топографов, Михаил Дмитриевич Сапожников, познакомился с молодой учительницей. понравилась она ему настолько, что расстаться он с ней не захотел, решил увезти с собой. Не захотелось и Татьяне Михайловне от-стать от этого парня – любовь, значит, была настоящая. Но отдел народно-го образования не захотел Татьяну Михайловну отпускать, мол, заменить некем, а выходить замуж можно подождать до конца войны.

Тогда наша примерная комсомолка рискнула уехать, не уволившись с работы, не забрав трудовую книжку, т.е. без документов, понятно, не из-вестив даже родителей. Бросить работу и уехать, куда желаешь, по зако-

нам военного времени – это было преступлением и очень тяжким, когда за опоздание на работу на 20 минут уже судили а за прогул полагалось четыре месяца тюрьмы.

Наша Таня рассудила так: «Заменить меня есть кем на сегодняшний день, так как одна из эвакуированных учительниц живёт в Лаптево, «сидит» без работы. Я района поставила в известность об этом. но понять меня просто не захотели. Я считаю, что наоборот даже делаю хорошее дело – освобождаю человеку рабочее место.»

По-своему Таня рассудила правильно, но. думаю, районный отдел народного образования, рассуждал иначе. а именно: «Война закончится, эвакуированные учителя уедут к себе на родину, а где тогда возьмёт района учителя для Лаптево?»

Таня, конечно, понимала, что, не уволившись с работы, бросить работу нельзя, не имеет права – это считалось преступлением. и, если захотят её разыскать и наказать, то накажут «примерно»; значит, надо прятать «концы – в воду», т.е. никому не говорить, куда едет. Побоялась она известить даже родителей. А как известишь? Письмом? Телеграммой? А это уже – след.

Вот тут-то родители пережили новую трагедию: не оправились ещё после гибели сына – потеряли дочь – последнюю опору и надежду в страсти.

Объявились дочь только летом 1945 года с годовалым сыночком на руках. Мы с Артемием Пантелеимоновичем опять поехали её навещать, теперь на Бурсунку, к дяде, Михаилу Васильевичу. Узнали, что страшного с ней ничего не произошло – просто вышла замуж и уехала жить на родину мужа, во Владимирскую область.

Эти две трагедии: гибель сына и неизвестность судьбы дочери – крепко подточили здоровье родителей. Даже узнав, что у дочери всё, кажется, в порядке, они успокоиться не могли. так как поняли, что потеряли её навсегда, к ним она не вернётся уже – отрезанный помочь, и пестовать их старость уж. конечно, будет некому, да и как будут расти их внуки, дети Татьяны Михайловны, они не увидят никогда. Дядя Миша еще крепился, а Агния Артемьевна сдала крепко и стала прихварывать основательно, а вскоре и «ушла в мир иной.»

Михаил Васильевич рассудил: «Сын погиб. Его дети остались сиротами, без отца. Некому будет им в жизни помочь. некому защитить. Будут, как мы, жить в гнилых бараках. Пока у меня есть хоть какие-то силы, надо

достроить дом для внуков.» И они с невесткой, Татьяной Гавриловной, взялись за дело. Легко сказать «взялись», а на какие средства было его строить? Заработка буквально грошевые — помочи ни откуда ни материальной, ни физической — всё своими руками! Дом получился хороший, да и не только дом и придворные постройки — всё, как полагается в нашей местности: тёплые конюшени и для Бурёнки, и для поросёночка и курочек. Всё удалось — жить бы да радоваться, но радоваться Михаилу Васильевичу удалось недолго: грошевые заработки, а за большую зарплату он работать уже не мог на седьмой десятке жизни; жёсткая экономия во всём, в том числе и в питании; тяжёлый труд на строительстве дома, где приходилось ежедневно каплю за каплей своё здоровье вкладывать в каждую деревянную балку, в каждый кирпич — всё привело к тому, что начали одолевать его болезни.

Когда я пришла к нему в последний раз, он лежал на печи. Двери дома не закрыты, в доме, кроме него, никого нет. Он сказал, что внуки в школе, невестка на работе. Ему очень плохо, но пекарство не помогает. Чем могла утешить его я? Чем помочь? Его мучал диабет, а эта коварная болезнь никого не щадит. Я шла от него домой, на свой Буланаш, и всю дорогу плакала: мне его было жаль, что ему плохо, а рядом ни одной родной души, кроме малолетних внуков, а они ещё посочувствовать-то вряд ли могут. Ругала в душе власть, которая разрушила весь наш род в Белослудске. Зачем было бы дяде Мише на старости лет срить дом — хватило бы его дома на всю жизнь и на жизнь его детей. А тут ещё война «унесла» сына; внуки на его глазах растут сиротами. А где-то в далёком-далеке растут внуки, которых и никогда не увидит даже; конечно, тяжко ему уходить из жизни в такой обстановке. Так я думаю, а дядя Миша — похлеще картины из своей жизни вспоминал в эти предсмертные дни. Михаилу Васильевичу вспомнить было что, хотя радостных картин, наверное, немного было.

Михаила Васильевича я тоже хоронила, даже на кресте подписывала фамилию, имя, отчество и даты жизни.

Осталась хозяйничать в доме сноха, Татьяна Гавриловна, умная, порядочная женщина. Растила детей, конечно, в трудных материальных условиях, но вырастила хороших людей. Нина Игнатьевна закончила Артёмовскую среднюю школу № 2 с золотой медалью, затем Уральский политехнический институт — инженер. Создав семью, осталась жить в Свердловске. Своим двум дочерям дала тоже высшее образование, они

достойны своей мамы: Елена Николаевна – архитектор, а Любовь Николаевна – преподаватель музыкальной школы, закончила Свердловскую консерваторию им. П.И. Чайковского.

А Саша, Александр Игнатьевич, закончил Артёмовское ПТУ № 1 – шахтёр, подземный спесарь, член КПСС, уважаемый на шахте и в посёлке Буланаш человек. В его семье выросло четверо детей. Рано умерла первая жена – осталась дочь Вера. Создал вторую семью – родились две дочки одновременно: Анна и Татьяна. Четвёртым был сын второй жены от первого брака. Хотя сын был неродным Саше но уважает и почтит Александра Игнатьевича не только он – вся его семья. Он – предприниматель. Вера Александровна, дочь, – воспитатель детского сада закончила Ирбитское педагогическое училище. Анна Александровна закончила Свердловское профессиональное техническое училище – закройщик Татьяна Александровна закончила Артёмовский техникум точного приборостроения и Заокскую духовную академию, так что получила две специальности – бухгалтер и теолог.

Итак, Татьяна Михайловна, дочь Михаила Васильевича, строить личную жизнь уехала на чужую для неё сторону. А время-то какое было в ту пору! В войну и в первые годы после войны большинству населения нашей страны жилось очень трудно, ведь карточная система на хлеб существовала до 1948 года – и жили многие несладко. А Татьяна Михайловна с Михаилом Дмитриевичем как раз в это время начали совместную жизнь, так что понятно, что и им было нелегко: у них в эту пору как раз пополнили семью дети: Юра – в 1944 году, Нина – в 1946 году. Была проблема и с жильём, понятно, квартир никто не строил в это время, и Миша с Таней решили для своей семьи строить дом. В такое время строить дом, думаю, могли решиться только отважные люди. Но у них были хорошие помощники – родители Михаила Дмитриевича и его младший брат, которые оказывали помощь и моральную, и материальную, и физическую – без их помощи дома могло и не быть.

Главная трудность, конечно, и по строительству дома, и по материальному содержанию семьи легла на плечи Михаила Дмитриевича при чём многие, многие годы да один другого и не легче. Он, понятно, переутомился, устал и рано заболел. Болел долго. А в 1968 году и ушёл из жизни.

А нашей отличнице учиться больше не пришлось; хорошей специальности, которая даёт уверенность в жизни, не получила. Так что детям их,

пока они росли, учились, пришлось, видимо, «хлебнуть лиха» тоже. Но дети выросли хорошими людьми, сумели получить образование и хорошие специальности. Сын, Юрий Михайлович, закончил техникум и получил специальность конструктора радиоаппаратуры, а дочь, Нина Михайловна, закончила Московский институт инженеров железнодорожного транспорта – инженер-экономист.

Дети Татьяны Михайловны и Михаила Дмитриевича сумели создать хорошие семьи вырастить хороших детей.

Жена Юрия Михайловича закончила Владимирский политехнический институт. Тамара Николаевна – инженер. Вырастили они двух сыновей. Старший, Михаил Юрьевич, закончил ПТУ, в настоящее время работает водителем, а младший Николай Юрьевич, закончил Владимирский политехнический университет по специальности системотехник ЭВМ, работает заместителем директора по маркетингу ОАО «Муроммашзавод».

Муж Нины Михайловны, Александр Алексеевич, закончил Ивановский энергетический институт – инженер-промтеплознергетик, но большую часть своей трудовой деятельности в советское время работал то председателем горисполкома, то секретарём горкома КПСС. Думаю, чтобы занимать такие должности, надо обладать многими высокими морально-нравственными и организаторскими качествами. В настоящее время Александр Алексеевич работает генеральным директором МУП «ТеплоСервис» города Владимира.

А дети Нины Михайловны и Александра Алексеевича выросли достойными своих родителей. Сын, Сергей Александрович, окончил Владимирский государственный университет с Красным дипломом и с отличием аспирантуру при нём, работает генеральным директором ООО «Владимиртеплогазстрой».

Дочь Ирина Александровна, окончила Московский психолого-социальный институт по специальности практическая психология; работает социологом центра связи ФСБ России по Владимирской области.

В 1992 году Татьяна Михайловна скончала дорогое сыночка Юрия Михайловича. Здоровье стало быстро ухудшаться, и дочь Нина Михайловна привезла её жить в свою семью. Так что последние годы жизни Татьяна Михайловна была окружена вниманием и заботой дочери. Скончалась она 86-и лет, в 2007 году, в последний день перед Пасхой Святой: думаю – это тоже хороший знак.

Третьим ребёнком в семье моего деда Василия Егоровича была дочь Лидия Васильевна, 1891 года рождения. Как и все дети в этой семье, хорошо училась в школе. Ростом была невелика, но росла энергичной уверенной в себе – всякое дело в её руках спорилось.

Замуж вышла Лидия Васильевна в соседнюю деревню Фочу. Муж высокий, красивый, работящий – всякое дело в сельской жизни ему по плечу.

В 1914 году Лидия Васильевна родила первую дочь, но счастье в семье тут и закончилось: началась Первая мировая война – Лидия Васильевна мужа проводила на фронт. Вернулся он раненым в голову – кожу на ране затянуло, а отверстие в черепе осталось на всю оставшуюся жизнь – итог: стал муж глухнуть, да чем дальше – тем пуще – так с глухим мужем и жила всю жизнь. Жила рядом, но по переписке: не пошепчешься в постели, не расскажешь, что волнует, беспокоит; не пожалуешься, как и отчего душа болит – так все и носила в себе. А как решила поступить в том или ином случае – сначала мужу доложи да докажи, почему так, а не иначе поступаешь

Муж, не слыша всего, что происходит ежедневно в окружающей жизни: в семье или в селе, на работе, в общественной жизни страны, жил по понятиям, какие ему вложили в голову ещё в детские и юношеские годы. В годы ранней молодости – многого из этой новой жизни не мог понять ему было порой трудно осмыслить то, что он видит в окружающей жизни, трудно понять все изменения жизни – вот жена и попробуй побеседуй с ним, где на пальцах, где на бумаге докажи, почему считаешь что в данном случае поступать приходится так, а не иначе – вот в таких муках и жила с ним до того времени, пока он не ушёл в иной мир

Как и когда они строили себе дом, я не знаю, но дом был у них очень хорошим: большой, добротный. Я бы сказала в их деревне он был одним из лучших домов; чувствовалось, что хозяева тут трудолюбивые работящие. Двор полон скота.

Началась коллективизация – вступили в колхоз. Лидия Васильевна с первого дня колхозной жизни член правления, а работала, насколько я помню, кладовщиком в колхозе. По пословице: «у хлеба – не без хлеба», эта семья, как другие колхозники, лепёшки из травы или картошки не ела. Жили скромно, но не голодно.

Первая дочь, Зоя Пантелеимоновна, не знаю, закончила ли начальную

школу, так как в деревне школы не было, а, когда Зоя достигла школьного возраста, в нашей местности Бог знает, что творилось: тут и конец гражданской войны в наших местах непосредственно, тут и у тёти Лидии Васильевны появились другие дети – была нужна нянька, работница в доме, так как жили индивидуальным хозяйством. Кому, кроме Лидии Васильевны и её мужа, работать в хлеву, на пашне, на покосе и тому подобное? Сами, все сами. А Зоя? Думаю, в доме все дела были на Зое, так как в доме ни тёщи, ни свекрови, так что об образовании ей думать было некогда.

Подросла Зоя – в колхозе стала работать. А когда вышла замуж и родила дочь – Отечественная война, муж ушёл защищать Родину в самом начале войны и пропал без вести. Зоя осталась с двухлетней дочкой. Позднее ещё пыталась устроить личную жизнь, но, кроме сынка, ничего от этой личной жизни не осталось, так как с войны мужиков в деревню вернулось мало, очень мало. Так и «прочергомелила» Зоя всю жизнь в колхозе ни за гроши, ни за копейку, одна растила детей, понятно, образование дать детям не смогла; чтобы учиться – надо куда-то ехать. А в чём ехать и с чем ехать, коли матери в колхозе на трудодни давали-то чаще всего палочки в колхозную книжку, а периодически только муки и той мизер, что не всегда хватало прокормиться семье. Дочь закончила пять классов, а сын – восемь и Камышловское профессионально-техническое училище. Специальность – тракторист-машинист широкого профиля.

Дочь, Мария Степановна, сумела уехать в Артёмовский, закончила ФЗО, получила профессию маляр, всю жизнь маляром на стройке и работала; создала семью, родила сына но вскоре папа их оставил, так что растила сына одна. Её сын, Сергей Альбертович, закончил Артёмовское ПТУ, шахтёр подземный слесарь. Когда заболела мать, Зоя Пантелеимоновна, которая всю жизнь жила в деревне, Мария Степановна привезла её к себе, ухаживала за ней до конца её жизни. Сын Зои Пантелеимоновны, Василий Борисович, позднее тоже приехал в Артёмовский, работал в шахгостроительном управлении. Когда шахгостроительное управление закрылось, работал на Артёмовской ТЭЦ. Трудовая книжка его вся в благодарностях – был ответственным работником. В настоящее время работает на севере. Но в семье счастья мало испытал – рано ушла из жизни жена. Осталось трое детей: две дочери и сын. Со старшей его дочерью, Ларисой Васильевной, 1971 г.р., мне встретиться не удалось – далеко живёт. Она закончила Арамильское ПТУ – ткачиха. Работает на Арамильской ткацкой

фабрике. В Арамиле и семью создала, но муж погиб. Осталось трое детей одна из них и растит – понятно, материально живут трудно

Младшая дочь, Ольга Васильевна, 1978 г.р., живёт на Буланаше. Образование среднее. Продавец. В настоящее время работает в детском саду – помощницей воспитателя. Муж рано ушёл из жизни. Растит сына одна.

Выходной день. Я решила их навестить но их с сыном дома не оказалось, ушли помогать родителям её погибшего мужа. убирать урожай в саду и огороде. У подъезда дома сидели женщины и старушки, соседки Ольги Васильевны. Разговорились. Об Ольге Васильевне они сказали только хорошее: работает, зарплата, конечно, по нашим временам мизерная, живут с сыном скромно. Сын – семиклассник, ухожен, всегда аккуратно одет. Растёт, мол, мальчик на наших глазах, хорошо учится. поведение хорошее.

С Ольгой Васильевной встретились только через неделю. Молодая, красивая женщина, но судьбой обделена. Она рассказала, что с сестрой Ларисой и братом Игорем Васильевичем, 1979 г.р. живут дружно. Он окончил Артёмовское ПТУ, стропальщик. Работал на Буланашском машиностроительном заводе. Но заработка мал. Уехал жить в Екатеринбург. переквалифицировался. Теперь высотник, хорошо зарабатывает, помогает материально, мол. нам, сёстрам. Конечно. Ларисе помогает больше, чем мне, ей труднее живётся, у неё ведь трое детей.

Я, конечно, развелновалась, что так этих женщин обделил Господь сами росли в сиротстве, теперь и дети их остались сиротами. А время трудное, детей растить трудно в материальном плане. Но очень порадовало, что обе сестры и брат живут дружно, как подобает жить родным людям. Помогают обеим сёстрам родители их мужей, но помочь пенсионеров больше только тем, что получают со своих огородов и садов, хотя этому тоже можно быть благодарным.

Думаю, благоразумие этих женщин не покинет, и они сумеют нормально вырастить своих детей.

Единственный сын Лидии Васильевны, Артемий Пантелеимонович, 1922 года рождения, закончив в 1937 году Зайковскую семилетнюю школу, поступил учиться в Ирбитское педагогическое училище. А куда же ещё? Ничего подходящего в то время для приобретения профессии ближе не было, а в Свердловск-то с чем сын колхозников поедет ведь за обучение в среднем учебном заведении нужно было платить деньги, да средних специальных учебных заведений и в Свердловске-то было негусто, а мы, кол-

хозные дети о них и понятия-то не имели, так что было решено: пока поступить в педучилище, а дальше видно будет, ведь впереди всё равно армия.

Через два года учебы в педучилище Артемий решил поступить в Омское военное училище. Очень успешно сдал вступительные экзамены, зачислен и поехал домой ждать вызов. Наконец наступил август, и конец августа стал приближаться, а вызова нет. Связался с военным училищем, получил ответ: «Занятия начались сразу после экзаменов. Вы отчислены.»

Надо бы удивляться, но удивляться не приходится: ждать сентября, чтобы начать учебный год одновременно со всеми учебными заведениями, не приходилось – времени не было. На дворе 1939 год – немецкие танки уже стоят у нашей западной границы, значит, будет война, а наша страна только что пережила пик политических репрессий, «красное колесо истории» прокатилось и по нашей доблестной Красной армии, нож гильотины беззакония особенно «успешно» прошёлся по высшему командному составу. В ноябре 1938 года на Военном Совете при Наркоме обороны Ворошилов сказал: «В 1937 – 1938 годах мы «вычистили» из Красной армии более четырёх десятков тысяч человек». А в воздухе уже «пахло грозой», так что новый командный состав нужно было готовить в срочном порядке – сентября ждать некогда было.

Артемий вернулся в Ирбит и продолжил учёбу в педучилище. В 1940 году закончил педучилище, а военкомат будто ждал его: здоров – служить в военно-морском флоте. Год службы – и Отечественная. Вернулся в 1945-ом на костилях.

Поработал неминого бухгалтером колхоза, но вернулся фронтовик, который работал на этой должности до войны – «место» пришлось освободить для него. И отправился Артемий Пантелеимонович в народное образование – по своей специальности, стал работать преподавателем труда, военного дела и т.п.

Женился на своей сокурснице, и получилась крепкая семья, в которой выросли три дочери. Только сказать «выросли». А каково было растить детей на мизерную учительскую зарплату, когда в нашей местности элементарного, самого необходимого купить было нельзя: за приличными сапогами или курточками, а уж тем более ковром или холодильником нужно было ехать в Москву или в какую-нибудь Советскую Социалистическую республику. У нас в России в магазинах не было самого необходимого, а там в соседних Социалистических республиках, было всё, причём наше,

российское, чаще всего; например, холодильники или обувь. Кстати сказать, урал-обувь из хорошего сырья вся шла на экспорт и пользовалась огромным спросом даже в других странах, а не только в Союзных республиках. Нам же, уральцам, – только урал-обувь из плохого сырья, т.е. из плохой кожи; у ней, этой обуви, ни вида, ни качества

В общем, решили Артемий Пантелеимонович и Парасковья Семёновна со своей семьёй перебраться жить на Украину, где несколько раз побывали в гостях у брата Парасковы Семёновны, генерала, видели, что и климат на Украине помягче, чем на Урале, да и снабжение получше. Действительно, на эту же учительскую зарплату можно было на Украине прожить полегче в те советские времена, так что где-то во второй половине шестидесятых и перебрались. Дали всем дочерям хорошее образование хорошие специальности, помогли дочерям растиль детей, своих внуков.

Старшая дочь, Людмила Артемьевна, закончила Днепропетровский химико-механический техникум по специальности химик-технолог.

Валентина Артемьевна закончила Уральский лесотехнический институт, инженер – технолог.

Татьяна Артемьевна закончила школу с золотой медалью, загеи Днепропетровский горный институт имени Артёма с Красным дипломом, инженер-экономист.

У старшей дочери детей нет. У Валентины Артемьевны один сын Сергей Владимирович закончил Днепропетровский государственный технический университет, инженер-системотехник ЭВМ.

У Татьяны Артемьевны двое детей: сын, Александр Владимирович, пошёл «по стопам отца», получил ту же специальность, закончил тот же вуз, Днепропетровскую национальную горную академию – горный инженер, маркшейдер. Дочь, Юлия Владимировна, закончила среднюю школу, как и её мама, с золотой медалью; поступила учиться в Днепропетровский национальный университет на экологический факультет. Закончила университет с Красным дипломом по специальности инженер-эколог и сразу после окончания университета поступила учиться очно в аспирантуру этого же университета по этой же специальности, в 2008 году аспирантуру заканчивает.

Из моих воспоминаний видно, что в семьях нашего рода есть самые разные специалисты, но нет учёного – доктора наук например... Надеемся, что Юленька наша, очень способная, трудолюбивая девушка, после

окончания аспирантуры займётся научной деятельностью и не обманет наших надежд – станет учёной, как минимум доктором экологических наук...

В 2005 году Артемий Пантелеимонович заболел сильно и скончался, теперь Параксения Семеновна живёт со старшей дочерью Людмилой Артемьевной Валентина Артемьевна и Татьяна Артемьевна, хотя живут в других городах, родителей никогда не забывали, всегда навещали и помогали материально, а в день рождения того или другого из родителей всегда собирались у них все дочери зятья и внуки.

Сейчас, когда ушёл из жизни Артемий Пантелеимонович, дети и внуки навещают Параксению Семёновну, а два раза в году обязательно, как прежде собираются все у неё: в день рождения Параксении Семёновны, чтобы чествовать мать и бабушку, а второй раз – в Роденицу, ходят на кладбище, поминают отца и деда чтут его память.

Младшая дочь Лидии Васильевны, Ульяна Пантелеимоновна, закончила Ирбитское педагогическое училище по специальности воспитатель детского сада, уехала работать по распределению в Ульяновскую область, там создала семью и осталась на всю оставшуюся жизнь. Единственному её сыну, Владимиру Владимировичу, когда закончил школу, думаю, захотелось романтики решил уехать подальше от родных мест, чтобы увидеть своими глазами просторы своей Родины. И судьба занесла его ... на Сахалин Да там и «гнездо свил». Шахтёр. Живёт нормально. Свою мамочку Владимир Владимирович навещает раз в три года. Конечно, скучают друг по другу но ... так распорядилась судьба. Привозит Володя с собой сыночка и здесь под крыльышком мамы и бабушки они хорошо отдыхают. В оставшее время нечастые письма, но частые разговоры по телефону и денежные переводы маме

Лидия Васильевна всегда жила с семьёй сына, Артемия Пантелеимоновича, помогала растить их дочек. Когда семья сына решила уехать жить на Украину, дочери сына были уже почти взрослыми, и в помощи Лидии Васильевны семья не нуждалась. Теперь чаще Лидия Васильевна нуждалась в помощи, потому что начала частенько прихварывать: её возраст приближался к концу восьмого десятка, так что на Украину с семьёй сына она не поехала, а уехала к младшей дочке, Ульяне Пантелеимоновне, в Ульяновскую область, где и прожила остаток своей жизни, окружённая вниманием и заботой своей любимой дочери.

Четвёртым ребёнком в семье Василия Егоровича и Степаниды Степановны был Марк Васильевич Мартынов – мой отец. О нём я всё, что знаю, написала в первой части этой своей книги. Можно повторить кратко.

Марк Васильевич родился в 1902 году в селе Белослудском. Окончил Белослудскую начальную школу, награждён Похвальным листом. С детских лет испытывал страсть к чтению, работал в хозяйстве отца. По словам его сестры Лидии Васильевны, в 1918 году шестнадцати лет вступил в комсомол и вскоре ушёл добровольцем на гражданскую войну. Под Нижним Тагилом их часть была окружена белыми и оказалась в плену у белых. Пленных содержали в нечеловеческих условиях. Он потерял здоровье, простудив почки.

Вернулся из Красной Армии только в 1921 году. Создал семью. Занимался сельским хозяйством. Когда в селе построили водяную мельницу, его пригласили работать счетоводом на мельнице. Окончил курсы счётных работников. В последние годы жизни работал бухгалтером Белослудского сельпо.

Болезнь, полученная во время Гражданской войны, мучала его всю последующую жизнь. В конце 1929 года решился лечь в Ирбитскую районную больницу. Полечился медикаментами – боли сняло. Врачи сказали «Облегчение временное, если сделать операцию – вылечится по-настоящему.» Он поверил врачам: коли сняли сильнейшие боли, значит, дело знают, и решился на операцию. После операции прожил одни сутки и умер.

Осталось сиротами двое детей: я, Ольга Марковна, шести лет и мой брат, Пётр Маркович, который родился после смерти отца.

В январе 1930 года в селе началась коллективизация. Мама вступила в колхоз и сдала в колхоз хлеб скот. Мама стала работать в колхозе но за свой труд ничего не получала, кроме палочек в колхозной книжке

Петя рос в детских яслях – там детей всё-таки кормили. Дома я его видела очень редко, поэтому из его детских лет ничего не помню. А с 1935 года я уже училась в Зайковской школе, а затем в Ирбитском педучилище, так что дома в учебное время мне приходилось бывать только днём в воскресенье несколько часов, да в летние каникулы. Летом днём он был в детском саду, а когда стал учиться в школе, в каникулы хотя и был дома, так я всё чаще на колхозной работе с утра до вечера или в лесу – за грибками, дидильками или за грибами и ягодами, а то в огороде на прополке, поливе, уборке овощей – эта работа, как правило, была моей – мама всё лето на

кожозной работе с утра до позднего вечера без единого выходного дня.

Начальную школу Петр закончил с Похвальной грамотой – это помню хорошо и помню, если он был дома. всегда с книгой. Читал и оплакивал судьбу тех герояев книг, которым приходилось переживать трудности. Помню, что слёзы из его детских глаз текли светлыми, крупными, как горох. Рано увлекся стихами, а потом и сам их начал писать.

В Петропавловске, в последние годы жизни, стихи его были записаны в «камбарных книгах», я приезжала и читала. Стихи были и очень хорошие. А когда он умер, на похороны мы приехали с Сашей и Олей тело его было в катафалке, а книг со стихами в его квартире не было ни одной: или, когда ему стало плохо, он отдал их кому-то на хранение, например, в библиотеку, с которой он очень дружил, или кому-то дал почитать. А, возможно, и кто-то успел, пока мы приехали «прибрать их к своим рукам», то есть потихоньку похитил их в суматохе. А, может быть, соседка, у которой были ключи от квартиры, не понимая значимость их, дала кому-то почитать.

Я сразу квасилась, что нет стихов, но в тот момент подумала: в последнее время жизни болел и, возможно, сам раздал друзьям на память. Он много в жизни прочитал, был хорошим рассказчиком, с ним было интересно разговаривать и слушать его – так что в друзьях нужды не было. Они нам и помогли в его похоронах конечно, не материально, а в организации похорон в чужом для нас городе. В общем, стихи его пропали – конечно, очень жаль, среди них были и очень хорошие. Например, был такой случай.

Однажды Пётр еще в пятидесятых годах приспал мне стихотворение, воспевающее его родину – Урал. Я послала это стихотворение в журнал «Урал», но стихотворение в журнале не появилось. Я написала редактору журнала с просьбой ответить, почему стихотворение не напечатали. Получила ответ, примерно, такой: «Очевидно, были стихи лучше.» Почему пишу «примерно», конечно, я точно его ответ не помню, но хорошо запомнила, что было слово «очевидно». Прошло несколько лет, на просмотре художественной самодеятельности педагогических коллективов, слышу: на слова этого стихотворения поют песню хором учителя Артёмовской средней школы № 12 – меня будто крапивой ожалили. Я спросила у Тамары Васильевны Ежовой, чьи слова этой песни. Она ответила: «Автор стихотворения не сказан». Так что песня есть, но без автора.

Хорошо помню и знаю жизнь Петра с того момента только, как ушла из жизни наша мама, так как многие заботы о нём «легли» на меня, особенно

в последние годы его жизни, когда он болел.

На 38-й параллели, между Северной и Южной Кореями произошёл вооружённый конфликт. Он перерос в гражданскую войну, которая продолжалась три года. Война шла между силами одной страны но США обвинили КНДР в агрессии против Юга и вмешались в конфликт. По приказу президента Трумена на полуостров были доставлены сухопутные войска. Американские BBC начали бомбардировку Северной Кореи

В 1949 году Советский Союз и Китайская Народная Демократическая Республика заключили договор о дружбе и взаимопомощи. Аналогичное Соглашение было в то время между Китаем и Северной Кореей. У корейцев не было договора с СССР, но когда сложилось тяжёлое положение, они попросили помочь у нас через Китайскую Народную Республику. И наша страна стала помогать Корейской народной армии и китайским добровольцам горючим, продовольствием, медикаментами оружием. Послали и солдат.

Мой брат Пётр в 1951 году был призван в ряды Советской армии и направлен для прохождения воинской службы в Забайкальский военный округ, город Читу. Вместе с ним служили наши артёмовцы Анатолий Евдокимов и Александр Скутин. В декабре их неожиданно перевели в одну из частей Иркутска. В течение трёх месяцев проводили профилактическую медицинскую подготовку: поставили прививки от энцефалита, малярии и других болезней.

В один из мартовских дней солдат их части с орудиями погрузили в вагоны и объявили: «Москва посыпает вас для выполнения особо важного задания. «Какого? – никто не знал. На границе всех переодели в форму китайских солдат, перевели в китайский поезд – так стали они «китайским добровольцами.» Все лишились знаков различия и званий, кроме «солдат» и «командир» На вопрос, почему надо скрывать, что они советские солдаты, был один ответ: «Так надо!»

Высадились в городе Аньдун. Была поставлена боевая задача: не допустить до объекта американские самолеты, т.е. не дать разбомбить единственный мост через реку, соединяющий китайский Аньдун и корейский Синги-Сю. Мост был одновременно железнодорожным и автомобильным, только по нему поступала помощь в Северную Корею.

Не менее важным объектом была электростанция. Американские штурмовики и бомбардировщики стремились забросать бомбами а позже

сжечь напалмом эти два объекта. А советские войска должны были помешать этому

Первую неделю американские самолёты не появлялись, наши наладили хозяйство установили орудия. И вот однажды появились самолёты. Они, видимо, только отвлекали внимание наших солдат. А в это время вдоль реки между гор летели к объектам другие самолёты, которые рассчитывали зайти с тыла и разбомбить мост. Но ... ошиблись. Именно по этим самолётам наши открыли огонь. Несколько самолётов сбили

В другой раз вражеская авиация налетела ночью, засекла наши огневые точки, но снова получила отпор и понесла потери. Сразу после боя Пётр написал в своём дневнике такое стихотворение:

У лафета орудия дремлют бойцы.
Кто на бруствере, кто под палаткою.
Три атаки сегодня отбили они,
И во сне они трезят атакою.

Потом воинскую часть перевели на охрану аэродрома, где базировались самолёты «Миг-15». Оборона аэродрома состояла из двух колец орудий. В сутки американские самолёты на бомбёжку прилетали несколько раз. Чаще – ночью, одни самолёты бомбят, по ним стреляют из орудий наши солдаты. В это время американцы засекают наши огневые точки, и другие самолёты бомбят уже наши орудия.

И так два года подряд, с марта 1951 года по март 1953 года – ночь и день начеку, каждый день под обстрелом.

О своей службе Пётр рассказывал во многих стихотворениях, которые писал в минуты затишья, спеша зафиксировать пережитое:

Бой все жарче и жарче.
Грохот. Огонь. И смерть
Знаем мы, что правде
Надо в глаза смотреть
Вон уже сбило четыре,
Пятый пошёл в пике.
Коль прилетели «в гости»
Обратно не улететь

Рай нам небесный не нужен –
Нужен нам рай земной.
Мы знаем, что только с победой
Можем вернуться домой

Между частыми бомбёжками хватало времени на идеологическую работу среди солдат. Зашоренные, они были убеждены, что выполняют интернациональный долг: мол, Советский Союз возглавляющий лагерь мира, обязан защищать все социалистические страны, помогать им.

Есть стихи у Петра и на эту тему:

Мы братья по классу с тобою.
Твой враг, он, конечно, и мой.
Мы вместе очистим Корею,
И я возвращусь домой.

Конечно, эти два года службы с ежедневными бомбёжками, чужим сырьем климатом, москитами и другими насекомыми оставили свой «след» на здоровье Петра и его друзей. Александр Скутин очень рано ушел из жизни. Прежде, чем это случилось, долго болел Петр первое время держался. Окончил вечернее отделение сельскохозяйственного техникума Работал преподавателем в ремесленном училище города Петропавловска Северного Казахстана. обучал ребят электро и газосварке но кашлял и чем дальше, всё сильнее Наконец, работать стало невозможно – дали инвалидность и убогую пенсию. Было очень обидно, что никакими благами пользоваться было невозможно, никакой заботы Родина о них с Александром Скутиным не проявила. Почему?

Да всё очень просто: говорить о том, что участник войны в Корее, было нельзя. При демобилизации из армии с них взяли подписку, что никогда и nowhere не обмолвятся и словом, что они – участники войны в Корее. Я не подозревала, что он каждый день рисковал жизнью, думала, служит в армии, как все служат. коли войны нет Солдатские письма были редкими, но об опасности ни слова. Узнала только тогда, когда вернулся домой, и то под большим секретом рассказал, что участвовал два года в военных действиях в качестве китайского добровольца. Показал и «Медаль советско-китайской дружбы», похожую на маломальский значок, которой был удостоен за

два года военного труда. Да и «Удостоверение» к медали, на котором одно русское слово «Мартынов», остальное написано китайскими иероглифами. В общем Китай «наградил по заслугам», а Корея и СССР его заслуг, как и заслуг Анатолия Евдокимова и Александра Скутина, не заметили.

Что ж?.. Удивляться не приходится – в истории нашей Родины таких примеров много.

Жена Петра, Ада Александровна, в своё время работник ГК комсомола, одна из первых поехала на освоение целинных и залежных земель. А как же иначе? Работник ГК ВЛКСМ обязан показать пример.

Привезли их в Северный Казахстан в феврале – условий никаких. Жили в палатках. Она, как многие из её подруг простудилась. Ушла из жизни раньше Петра. Он остался от нее уже больным. Я вынуждена была забрать их дочку Олю – не оставлять же её с больным отцом. Таким образом, Олю пришлось растить мне, а потом и удочерила её.

Мне же пришлось и ему помогать. Как-то хоть немножко скрашивать его жизнь. Ездила к нему один или два раза в год, жила по неделе в зимние каникулы, а летом – дней по десять: приведу в порядок квартиру, его вещи, поготовлю вкусно пищу поговорим по душам. И уеду, а душа болит. А среди каждого месяца, то денег немного пошлю, то посылку небольшую соберу, ведь пенсия его была маленькой, так как он – не участник войны (дал подписку молчать), а стаж работы небольшой – не успел заработать хорошую пенсию до болезни. Я «доставала» ему лекарства. Именно «доставала», так как купить хорошие лекарства в то время – было проблемой. Петра хоронили мы с Сашей и Олей.

Второй мой брат Аникин Александр Иванович. О его детстве я написала в первой части этой книги.

В 1953 году Саша окончил семилетнюю школу с Похвальной грамотой. Встал вопрос где продолжать учёбу в средней школе или поступать учиться в техникум. Ходили слухи, что в институт принимают юношей, окончивших среднюю школу только с медалью, остальных всех будто бы забирают в армию.

Я стала думать: школу с медалью не закончит – уйдёт в армию. Служили в армии в то время три года. Вернётся взрослым человеком, захочет создать семью, а специальности никакой. Нет, уж пусть лучше до армии закончит техникум. Если после армии захочет создать семью, среднетехническое образование будет, всё-таки сможет семью содержать.

Саша в техникум поступать не хотел, обещал, что школу закончит с медалью, но я сомневалась: жили в селе Мостовском, а там средней школы нет, учиться пришлось бы бегать в город, так что условий для учёбы, можно сказать, никаких – на медаль надеяться не приходилось.

В какой техникум поступать, мы даже не разговаривали. Он сам заявил, что будет поступать в Богдановичский горнокерамический, видимо, потому, что в него поступал ещё один мальчик из их класса, Петя Свалов, хороший мальчик. Я согласилась сразу, мол, ближе, чем Свердловск, да и жизнь там спокойней, чем в Свердловске. Он сам свёз туда документы, с Похвальной грамотой поступил без экзаменов.

Душа у меня болела: молодой, всего 14 лет, ростиком невелик ещё был. Нигде никогда позднее девяти часов не задерживался – жизни совершенно не знает. Жить стал в общежитии, в комнате 12 человек, были парни и после армии, выпивали, водили девочек – насмотрелся всего. Уже позднее как-то сказал мне: «Как ты могла меня отдать в такой ад?!»

Условий к учёбе никаких – съезжу, нагляжусь. Он просит меня: «Забери Буду учиться в школе отлично.» Еду домой – всю дорогу плачу, но забрать не решаюсь – всё-таки техникум, хоть какая-то специальность – всё путёвка в жизнь. И Саша так без желания и проучился, хорошо хоть увлёкся спортом, а то бы мог сломаться.

Закончив техникум, распределился в город Первоуральск. Проработав год, ушёл в армию. В армии служил три года в ракетных войсках, вблизи города Ногинска, под Москвой. Воинская часть располагалась в лесу. Со всех четырёх сторон высокие заборы, окружённые лесом, здесь изготавливались ракеты. Он работал в химлаборатории. Все три года одно и то же. Позднее рассказывал: «Часть секретная. Многие ребята за стеклом части за три года ни разу не бывали. Были случаи психических расстройств – парни сходили с ума.» Саше помог спорт и здесь. Успехи в футболе и волейболе были замечены, и он был включён в команду офицеров, с ними ездил на тренировки и соревнования в Ногинск, Москву и многие другие города. Например, однажды, когда я приехала к нему, сказали: «Его в части нет – он на соревнованиях в Ленинграде.» Из армии привёз много Похвальных грамот – все они за I место в футболе.

Вернулся из армии к Новому году – 30 декабря 1961 года. Сначала устроился работать на Егоршинский радиозавод. Но вскоре познакомился с ребятами – инженерно-техническими работниками Артёмовского маш-

завода, а те, узнав о его успехах в спорте. главное, в футболе, быстро переманили его работать на Артёмовский машзавод, где стал работать мастером электродного цеха.

А летом по направлению Артемовского машзавода поступил учиться в Свердловский горный институт. и он пять лет учился очно. В институте играл в футбольной команде, на соревнованиях приходилось играть и за Уральский политехнический институт, и за Уральский государственный университет – за эти соревнования есть Похвальные грамоты и хранятся мной.

В 1967 году закончил институт и вернулся работать на Артёмовский машиностроительный завод, был назначен мастером электродного цеха, получил комнату в общежитии а семья уже состояла из трёх человек – нужна квартира

На заводе дела шли неважно, директор завода Нецветаев был предупреждён если не наладит работу завода, будет снят с работы. Не выполнял план заготовительный цех, что влияло на работу всего завода отрицательно. Тогда Нецветаев, зная, что Саша нуждается в квартире, сказал: «Возьми заготовительный цех наладишь работу – дам квартиру в строящейся пятиэтажке.» К слову, первой ещё пятиэтажке в городе.

План заготовительный цех под руководством Саши выполнил в первый же месяц но к тому времени Нецветаев уже был снят с работы. На завод прибыл новый директор Нечепуренко. Когда пятиэтажный дом был достроен, Саша сказал новому директору о договоре с Нецветаевым по поводу квартиры в этом доме Нечепуренко ответил: «Я ничего не знаю», Саша остался без квартиры.

При Нечепуренко в целом дела на заводе оживились, но не мог войти в режим по плану Нечепуренко первый цех – Нечепуренко приглашает к себе Сашу и предлагает «Возьми Первый цех – сразу дам квартиру.» Только Саша дал согласие, тут же получил квартиру, и завод заработал в нужном ритме. Прошел год – стал тормозить работу завода Второй цех – сборочный т.е главный цех. Нечепуренко опять обратился за помощью к Саше. мол выручай. День держал в кабинете. пока не «уломал» Сашу, не выпустил из кабинета.

Когда Саша сообщил мне, что сменил место работы, я завозмущалась, мол, зачем тебе это надо – «убиваться» на работе, тратить своё здоровье?! Саша ответил «Так захотел директор, а мне с ним работать и дальше.»

Наступил 1973 год. Директор завода посыпал Сашу в Министерство

на трёхмесячные курсы, мол, надо «растить», пора уже стать начальником производства. А когда Саша вернулся с курсов, на такие же курсы поехал сам директор. Вернулся директор с курсов и заявил Саше: « Я перевожусь на Украину, на родину, директором Новочеркасского машиностроительного завода, а здесь директором оставляю тебя. »

Но... Саша в то время не был членом КПСС. Кто бы в то время поставил его, беспартийного, директором завода?! И Свердловский обком понятно, препятствовал такой кандидатуре. И директором завода поставили бывшего секретаря горкома КПСС, человека совершенно некомпетентного. Тогда Нечепуренко, видя, что Сашу не ставят директором завода стал его звать ехать с собой, чтобы работать на его новом Новочеркасском машиностроительном заводе главным инженером – тут воспрепятствовала я: « Я тебя вырастила, а ты уедешь – я останусь одна. » Саша сказал: « Ты доработаешь до пенсии, и мы тебя заберём. » Я ответила: « Я никуда не поеду, и ты никуда не поедешь. » И Саша остался работать начальником Второго цеха на машзаводе, но после Нечепуренко с новым директором работать стало трудно – ни одной проблемы не решить, так как он производство не знает. Саша всегда говорил: « Я у Нечепуренко учился работая – он на три метра в землю видит. Бывало, ты ещё идёшь на работу, а он уже у тебя в цехе побывал, все проблемы увидел и подготовил совет, как исправить положение. »

В общем, Саше работать стало трудно с некомпетентным директором, и он решил уволиться с работы и перейти работать на Егоршинский радиозавод. Здесь я его поняла: я сама не любила работать с убогим директором школы или завороной. И, проработав год после ухода Нечепуренко, Саша подал заявление на увольнение.

Отработав двенадцать дней, как положено было тогда после подачи заявления, Саша счёл себя свободным, но документы не мог получить долго, администрация завода решила его на заводе удержать и документы задерживала, а у Саши появилось время, и он решил съездить в Свердловск, посмотреть, нет ли подходящей работы там. Мест рабочих там было много, только везде квартиру ждать несколько лет. Только в одном месте сказали: « Ждать год, пока достроят дом, а пока жить в гостинице, завод гостиницу будет оплачивать. » Здесь и решил Саша остаться.

Дали ему работу – начальник самого отстающего в работе цеха. Работать Саша умел и любил, так что дела в цехе быстро поправились Ди-

ректор завода прежде, чем принять Сашу на работу, решил справиться в отделе кадров Артемовского машзавода, что за работник Саша. там ответили одной фразой: «Мы потеряли, а вы нашли», и, наблюдая за работой этого цеха под руководством Саши, директор понял, что отдел кадров Артемовского машзавода дал Саше точную характеристику. и подумал: «Коли мы нашли, надо беречь.»

Но Саше такая жизнь быстро надоела, когда неделю «вкалываешь», а в единственный тогда для всех выходной день не отдохнёшь: в субботу надо уехать в Артёмовский к семье а в воскресенье уехать из Артёмовского в Свердловск да на поезде (другого транспорта не было), который тянется еле-еле. И Саша, проработав месяца два. подал заявление на увольнение, решив «Вернуться домой и устроюсь работать на Егоршинский радиозавод.»

Когда Саша отработав положенные двенадцать дней после подачи заявления пришёл к директору за визой на расчёт. тот спросил причину увольнения, Саша ответил: «Долго ждать квартиру.» Директор сказал: «Подожди ещё день,» – а сам поехал в облисполком и выпросил квартиру в долг, мол. летом завод достроит дом и квартиру возвратит в новом доме. Нам, мол. надо обязательно удержать человека. Ордер на эту квартиру должны были вручить врачу, но врача в облисполкоме уговорили подождать квартиру до лета – так Саша получил квартиру и остался работать на этом заводе в Свердловске.

Директор завода был умным человеком и понял, что из Саши можно подготовить хорошего себе помощника, и начал постепенно переводить его работать начальником других цехов. А когда Саша поработал во всех цехах, т.е. понял весь процесс производства, директор назначил его сначала заведующим производством, а потом и главным инженером.

Работалось директору с таким главным инженером очень спокойно, но.. начали создаваться в стране производственные объединения. Объединили и их завод с Каменск-Уральским. Директор этого завода остался директором производственного объединения, а Сашу главным инженером производственного объединения не утверждают – не член КПСС, значит доверить такую работу ему нельзя. Тогда директор стал его убеждать вступить в члены КПСС, да Саше и самому «спускаться вниз» не захотелось – и он вступил в члены КПСС и был утверждён главным инженером производственного объединения «Уралмегаллоконструкция.»

Но вот тогда-то и началась для Саши беспокойная жизнь: то вызывают

в Главк и предлагают директорство какого-то завода и везут на этот завод; то приглашают в райком КПСС и предлагают директорство какого-нибудь завода здесь, в городе Свердловске. Но директор завода, авторитетный человек, «отобьёт» его как-нибудь. Насколько мне известно, начальник Главка возил Сашу смотреть заводы в Костамукшу, в Баку, в Челябинск даже два раза – а он как-нибудь да «отвертится».

Наконец, в Челябинск на третий раз Саша решил согласиться, во-первых, близко от Свердловска, а, во-вторых, коллектив рабочих и инженерно-технических работников этого челябинского завода двух предыдущих директоров этого завода добился увольнения, и это тогда, когда никто нигде в стране об увольнении директоров заводов и не помышлял еще; вот Саша и решил: «Попробую. А, может быть, коллектив завода меня и уволит, тогда никто больше ко мне приставать с такими предложениями не будет.»

Итак, в 1986 году Александр Иванович Аникин был назначен директором Челябинского завода монтажных заготовок. Этот завод был первоначально создан как специализированное предприятие – поставщик металлоконструкций и оборудования для коксохимического производства металлургической отрасли.

Саша, как всегда, взялся за работу серьезно, работал с полной отдачей сил. 11 января 1987 года Саша написал мне письмо, к этому времени на заводе он проработал только несколько месяцев. В письме написано: «Год закончили нормально. Правда, не удалось сдать дом, осталось доделать кое-что из мелочи. Были из Москвы, из Главка, сказали: «Не спеши, сдадите дом в первом квартале – ты и так много сделал.» Я, когда дал согласие работать директором, волновался, получится ли, а теперь твердо уверен, что лучше меня это дело никто не сделает – это видят на заводе, видят в горкоме партии, а теперь увидели и работники Главка.»

А когда началось, скажем, движение, что коллектив предприятия выбирает себе директора сам, Саша поставил в известность горком КПСС, Главк, мол, мы будем избирать директора. Волновались те и другие: «Не надо этого делать. Не изберут Вас – мы где найдём директора. Не надо избирать». Саша сказал: «Надо», и такие выборы прошли на его заводе первыми в городе. Кое-кому было удивительно, но был избран директором завода коллективом работников завода именно он – Александр Иванович Аникин. Тогда Саша на собрании по итогам выборов сказал: «Избрали – будьте добры слушать и выполнять мои распоряжения.»

И вот уже двадцать третий год Саша работает директором этого завода. Много изменений произошло на заводе за эти годы, а самое главное изменение – завод пережил вполне успешно период переходной экономики, т.е. переход от социализма к капитализму. Вся страна переживала этот период очень тяжело. На предприятиях и в организациях задерживалась зарплата не только на несколько месяцев, на некоторых из них – и пять. Конечно, этот завод тоже пережил определённые трудности, но зарплата работникам завода была задержана только один раз на двадцать дней. В остальное время регулярно все получали и аванс, и расчёт.

В 1991 году завод акционировался, стал ЗАО «Завод «Анкер», а Саша стал Генеральным директором этого завода. Войдя в рынок, завод начал активно осваивать современные технологии, приобретать высокопроизводительное оборудование

В 1995 году была смонтирована установка по дробеструйной очистке, использование которой позволяет получить высокое качество поверхности изготовленной продукции.

В 1996 году был сдан в эксплуатацию цех рулонирования и освоена полистовая технология, что позволило приступить к изготовлению металлоконструкций резервуаров больших объёмов – до 100 000 кубических метров. Самый большой резервуар, изготовленный заводом для Новороссийского нефтяного терминала, имеет объём 100 000 куб. метров.

В 2001 году завод закупает Минский продольнострогальный станок с длиной стола 12 метров для обработки кромок листового металлокордата.

В 2002 году была введена в действие установка лазерной резки швейцарского производства. Лазерная резка позволяет изготавливать детали из листовой стали толщиной до 16 мм практически любой конфигурации, при высокой производительности, гарантирует высокую точность реза и экономию сырья.

В тяжёлой экономической ситуации 90-х годов «Завод «Анкер» сделал ставку на расширение номенклатуры продукции не только для промышленного, но и для гражданского строительства. Рынок сбыта значительно расширился за счёт укрепления проверенных годами партнёрских связей и активного поиска новых перспективных заказчиков.

Основная номенклатура продукции ЗАО «Завод «Анкер» – металлоконструкции производственных и гражданских зданий и сооружений, резервуары объёмом до 100 000 кубических метров, нестандартное оборудо-

дование. Конструкции изготавляются из углеродистых низколегированных, теплоустойчивых, коррозионностойких сталей. Коксовые батареи и конструкции цехов, изготовленных предприятием, можно встретить практически на всех металлургических гигантах нашей страны. Среди постоянных заказчиков предприятия ЗАО «Трест коксохиммонтаж» (Москва), «Стальмонтаж «ОПТИМ» (Москва). Металлоконструкции коксовых батарей Новолипецкого, Нижнетагильского, Западносибирского металлургических комбинатов. Металлоконструкции резервуаров объёмом 100 000 кубических метров для Санкт-Петербургского, Новороссийского и Приморского нефтяных терминалов, нефтеналивного терминала в Казахстане. Резервуары объёмом 100 – 5 000 кубических метров в Томске, Ханты-Мансийске, Тюмени, Екатеринбурге, Челябинске, Казахстане.

Завод экспортirовал свою продукцию в Алжир, Великобританию, Венгрию, Данию, Египет, на Кипр, в Индию, Ирак, Монголию, Нигерию, Норвегию, Суринам, Финляндию, Францию, Югославию, в страны ближнего зарубежья: Латвию, Казахстан, Туркмению, Украину, Эстонию.

Продемонстрировав свои инженерные возможности и высокое качество выполнения работ. «Завод «Анкер» получает ответственные заказы на поставку уникальных металлоконструкций. Так в 1995 – 1998 годах завод принял участие в строительстве храма Христа Спасителя в Москве. На «Заводе «Анкер» изготавливались балки перекрытий, подвесные потолки комплекса собора, конструкции главного иконостаса, лестницы звонниц – всего более 1700 тонн металлоконструкций. Проект этих уникальных конструкций был выполнен давним партнёром завода – Челябинским НИИ «Проектстальконструкция.»

В самые тяжёлые годы кризиса завод сохранил свой коллектив. Одно из главных направлений политики руководства ЗАО «Завод «Анкер» – обеспечение качества. Ещё в 1992 году была разработана и внедрена заводская система управления качеством, цели и задачи которой определяет Генеральный директор завода А. И. Аникин.

За успешное развитие и высокие достижения в работе предприятия ЗАО «Завод «Анкер» в период переходной экономики Александру Ивановичу Аникину, Генеральному директору завода в 1996 году было присвоено почётное звание «Заслуженный строитель Российской Федерации.»

Деятельность ЗАО «Завод «Анкер» во время перестройки экономики нашего государства получила признание международной инженерной об-

щественности. «Завод «Анкер» был в 1996 году удостоен Международной награды «Факел Бирмингема.» А.А.И. Аникин как руководитель этого предприятия удостоен персональной награды «Факел Бирмингема», которая выражена золотым нагрудным знаком «Факел Бирмингема»; и настольным знаком, который Александр Иванович подарил Артёмовскому городскому историческому музею.

А в 1997 году предприятие ЗАО «Завод «Анкер» по результатам исследования, проведенного независимыми экспертами, на основании рекомендаций, полученных из диверсифицированных источников было удостоено международной награды «Эртсмейкер» в номинации «За сохранение и развитие интеллектуально – кадрового потенциала предприятия в период переходной экономики», а А.И. Аникин как руководитель этого предприятия удостоен персональной награды «Эртсмейкер» в номинации «За мудрость и гибкость политики управления.» В переводе на русский язык название награды звучит как «Человек, определяющий лицо планеты» и выражена награда хрустальным рыцарем «Эртсмейкер» и золотым нагрудным знаком в форме рыцаря.

В настоящее время Саша – пенсионер, но продолжает работать в должности Генерального директора этого же завода.

Дочь Ольга Петровна Мартынова, в раннем детстве часто болела, мучали ангины. Я каждое лето ездила лечиться, чаще на минеральные воды, но иногда получала путёвку в санаторий на Черноморское побережье Кавказа или Крыма. Дочь с пяти лет брага с собой, там ей покупала лечение, и ангины прошли.

Училась Оля хорошо, легко, много читала. Всегда ей были выписаны, согласно возрасту, газета журнал. В школе с большим интересом училась по предметам гуманистического цикла. Получала Похвальные грамоты. Школу закончила с двумя четвёрками – по физике и математике.

Когда дочь закончила школу и встал вопрос, в какое учебное заведение поступать учиться, она заявила, что хочет учиться там где готовят артистов. Удивляться её заявлению мне не пришлось: играл на сцене офицеров Красной армии ее дед, Марк Васильевич еще в двадцатые годы; отец, Пётр Маркович, бесподобно играл чеховских героев в сороковые годы, и у Ольги проявился интерес к театральному искусству.

Но против театрального института была я. Считала, что реализовать себя в сценическом искусстве можно в художественной самодеятельности.

ти, а профессию получить нужно другую, надёжную.

И.Е. Кисеева её преподаватель по истории, советовала поступить учиться в госуниверситет на философский факультет, так как, мол, Ольга логично мыслит, рассуждает; у неё есть интерес к политическим и общественным событиям, происходящим в мире; у ней на всё есть своё мнение, и она умеет его отстоять.

Узнали: на философском факультете надо при поступлении сдавать математику, а потом изучать её. Так как математика преподаётся на этом факультете, Ольга поступать отказалась.

Поинтересовались искусствоведческим факультетом, в приёмной комиссии сказали: «Поступите. Закончите. А где работать? Мы искусствоведов каждый год выпускаем, но они найти работу не могут. Все места заняты. Думайте.»

Остались юридический и педагогический институты. Но юридический даже не обсуждали – порой свою судьбу трудно верно решить. А решать чужую? Нет. Боже, избавь!

Оказалось, что даже при широком круге интересов и способностей, выбрать будущую профессию трудно. В общем, вузов нам «не хватило» – да их и действительно мало было в Свердловске в то время: это сейчас их полно всяких; абитуриенты одновременно поступают не в один вуз. И решила Ольга никуда не поступать, а идти работать Куда? – такой вопрос не стоял: её тут же пригласили работать художником-оформителем в районную библиотеку. Поработала – зарплата мала, и Ольга перешла работать на Егоршинский радиозавод, тоже художником-оформителем.

Год прошёл, надо поступать в вуз, чтобы приобрести профессию. И, думаю, со слезами поехала моя дочь поступать в педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Сразу поступила. Закончила. Работала. Получалось. Но... в городе открылось телевидение, и её пригласили работать диктором, как говорят, без отрыва от производства, работать только вечерами. Да так и «прикипела» к телевидению: сначала работала диктором, потом журналистом, впоследствии – главным редактором. Даже поступила учиться заочно на факультет журналистики госуниверситета. Начать решила с первого курса, так как узнала, что специальные предметы проходятся на заочном отделении на этих двух первых курсах.

Проучилась два года – не интересно: то, чему пытались научить, оказалось давно известным, успела уже изучить на практике, так что смысла

учиться дальше не было.

А вот философия . — предмет, по которому и в пединституте, и в госуниверситете Ольга была первой студенткой В пединституте зачёт по философии преподаватель ей ставил не по ответам, а по её вопросам, которые она задавала ему ещё во время объяснения нового материала. Видимо ему было ясно что она понимает материал, а философия — тот предмет, зубрежка по которому не приемлема — надо понимать, уметь рассуждать и делать выводы. А в госуниверситете по философии контрольные работы прямо сразу на занятии Оля выполняла в стихотворной форме — это тогда когда многие студенты свои «троечки» зарабатывали, прямо скажем, в муках.

А между прочим от отца Оля унаследовала не только желание стать артисткой, но и умение выражать свои мысли в стихотворной форме.

Стихов много. Но чтобы напечатать, я все ещё не могу настоять. Получаю ответ: «Стихов малоещё», такчто, видимо, копим. Одно «философское рассуждение» все-таки в своей книге получила разрешение использовать:

Ещё не вечер ...

Ещё не вечер утешаюсь я.

Ещё не все зажглись на небе звёзды,

Ещё не все покинули друзья.

Лишь бы успеть, пока не станет поздно

Построить дом, поднять на ноги дочь,

И яблоко сорвать с высокой ветки,

И прежде, чем уйти в «тухую ночь»

Услышать внука голос. И монетку

Успеть закинуть в этот бурный мир

Затем, чтобы, вернувшись в одиночестве

В любом обличье, вдруг понять, что счастье

Мечта не покидало ни на миг

И убедиться, что стишков моих книжонка

Затрапана, зачитана до дыр

Хотя ё однажды девочонкой

Собравшейся на бал или на пир...

Ещё не вечер, утешаюсь я

Ещё Луна сияется в фазе восста.

Всёвышнему мнси не придумана статья

Для покаянья. Скоро станет поздно
Грешить, молиться, веровать и ждать
На берегу безоблачной погоды...
Пора. Пора мне паруса латать
И вёсла опускать в лихие воды...

О себе я написала в первой части этой книги. Здесь кратко: в 1941 году закончила Ирбитское педагогическое училище и 37 лет работала в сфере народного образования. Достигнув пенсионного возраста, ушла работать в культуру. Создала городу городской исторический музей и проработала в нём 16 лет. С 1994 года официально нигде не работаю. Первое время писала в местные газеты статьи и очерки на темы истории города. В 1997 году издала первую свою книгу «Против собственного народа». В 2001 году написала и издала книгу «И в труде, и в бою», а в 2003 году – книгу «Пусть ветер ваш след не закроет». В 2007 году подготовила и издала брошюру «Уральский добровольческий танковый корпус». В настоящее время готовлю к изданию четвёртую книгу.

В этой книге написала о своих братьях: Петре Марковиче и Александре Ивановиче – это члены моей семьи. Считаю их не только братьями, а как бы своими детьми; как и они меня считают не только старшей сестрой, а как бы матерью. Александр Иванович, например, меня всем так и представляет: «Моя мать».

Петр назвал моим именем, Ольгой, свою дочь, а свою дочь Александр назвал Людмилой – именем моей дочери, которую я склонила двух лет. А когда в семье Петра Марковича создались трудности (заболела жена), я взяла к себе их дочь, а когда они ушли из жизни, Олю удочерила. Вот такая моя семья. А все члены моей семьи в настоящее время являются потомками как бы моего отца, Марка Васильевича Мартынова. Я в своей семье старшая. Обо мне Саша и Оля очень заботятся и в моральном, и в материальном плане.

Из моей книги видно, в нашем роду ни один старый человек, как принято говорить, «на произвол судьбы» не был брошен. Каждому старому человеку в семье оказывалась забота и помощь до конца его жизни. И во всех семьях память об ушедших в иной мир хранят и чтут.

Вот так с возрастом и поймём, в чём было наше предназначение на земле, но порой исправлять-то свои ошибки бывает поздновато...

Праздник Новый год. Семья Татьяны Михайловны Мартыновой:
Татьяна Михайловна, внук ее и невестка Тамара Николаевна, дочь Нина
Михайловна и зять Александр Алексеевич

Сережа (Сергей Александрович) сын Нины Михайловны.

Александр Митрофанович Коновалов, двоюродный брат Татьяны Михайловны. Участник ВОв 1941-1945 гг. Погиб под Киевом

Ольга Марковна

Аникин Александр Иванович (брата О.М.)

Мартынов Петр Маркович, брат Ольги Марковны, на фронте в Корее (справа)

Дудина Дарина Павловна
(Даша - внучка О.М.)

Мартынова Ольга Петровна (дочь О. М.)

Гости Ольги Марковны:

Справа: Александр Иванович Аникин (брат О.М.) Людмила Александровна (дочь А.И.) Ольга Петровна (дочь О.М.) Слева: Павел Анатольевич с дочкой Дариной, Клавдия Ефимовна (жена А.И.), Яков Яковлевич (друг А.И.)

Семья Артемия Пантелеимоновича Замараева.

Слева направо: Парасковья Семеновна (жена А.П.) с правнуком. Людмила Артемьевна, Валентина Артемьевна, Татьяна Артемьевна (дочери А.П.). Юлия Владимировна, Александр Владимирович с сыном (дети Т.А.). Владимир Григорьевич (муж Т.А.). Артемий Пантелеимонович (сидит в белой рубашке). Сергей Владимирович (сын Валентины Артемьевны).

Послесловие

Хотя я – главный герой этого произведения, но моей целью было показать не себя, а то, как на протяжении пяти поколений, при нескольких политических формациях в нашем государстве, сменявших одна другую, прямо противоположных одна другой, то есть с середины XIX века по наши дни жили люди нашего рода.

Я свою жизнь как одного из представителей нашего рода вынуждена была показать более подробно (где родилась, как росла, училась, становилась взрослой, трудилась, ошибалась, исправляла свои ошибки), чтобы читатель мог ярче представить и понять то, что я хотела сказать своим произведением.

Все члены нашего рода были людьми грамотными. Я точно не знаю, но считаю, что грамотным был мой дед Василий Егорович, родоначальник нашей «династии». А уже люди второго поколения (это годы второй половины XIX века и начала XX века) все очень успешно закончили начальную школу – это тогда, когда в нашей в то время Пермской губернии женщин грамотных среди сельского населения было всего 9%. (Были учтены все с семилетнего возраста). (Из истории Урала. Средне-Уральское книжное издательство. Св., 1971 г. С. 349)

А кто родился в двадцатые годы двадцатого века, в тридцатые, в самые трудные, прямо скажу, страшные годы (раскулачивание, коллективизация, голodomор и политические репрессии) из сельских детей мало кто мог учиться после начальной школы. А в нашем роду из одиннадцати человек третьего поколения семь человек получили специальное среднее образование (бухгалтер, трое учителей, воспитатель детского сада, офицер и мастер ПТУ).

В четвёртом поколении из шестнадцати человек среднее и уже высшее образование получили одиннадцать человек. Среднее – пять, трое из них – среднее-специальное. А вот высшее образование получили уже шесть человек, из них пять инженеров и одна – педагог, позднее, журналист.

А в пятом поколении из двадцати одного человека среднее и высшее образование получили восемнадцать человек. Из них высшее образование получили одиннадцать, можно сказать, большая половина из всех. А из большей-то половины опять же большая половина (шесть человек) стали инженерами. Не менее интересные специальности остальных: офицер, преподаватель музыкальной школы, архитектор, теолог, социолог, юрист.

Небезинтересно и то, что самой значительной, самой уважаемой профессией в нашем роду является инженер – наш небольшой род для различных отраслей народного хозяйства дал одиннадцать инженеров.

В общем, учиться стремились все. Только у двух моих двоюродных сестёр Федоры Митрофановны Максимовой и Зои Пантелеимоновны Степановой, которые в тридцатые годы не сумели выбраться из деревни, остались в колхозе и всю свою жизнь «мантуили» в нём за палочки в колхозной книжке, так что детей учить не было возможности, их дети даже среднее специальное образование получить не сумели. Они, их дети, с малых лет работали в колхозе. А когда смогли выбраться из колхоза, получать образование стало поздновато, так что остались с образованием 7-8 классов.

Итак, повторяю: все люди нашего рода были людьми грамотными (и добавляю), довольно умными, некоторые даже мудрыми и, главное, все трудолюбивыми. Все обладали, а здравствующие и сейчас обладают чувством собственного достоинства - никто, если обидят, другую щёку не подставит, т.е. не унизится ни перед кем, ни при каких обстоятельствах, не станет ни льстить, ни лицемерить, ни лгать, ни изворачиваться. И уж точно: этими и подобными качествами не воспользуется, чтобы добиться для себя чего-то лучшего в жизни.

При труднейших обстоятельствах жизни каждая ветвь рода вынуждена была «пустить корни» в разных регионах нашей многострадальной Родины, а одна «веточка» даже оказалась теперь в другом государстве (на Украине).

С трудностями жизни все справлялись тяжело, но справились все – никто не сломался, не опустился на «дно жизни», никто не стал ни бродягой, ни подлецом, ни преступником – все «удержались на плаву» да удерживаются в трудные моменты жизни и сейчас. А, благодаря уму и трудолюбию, многие даже «поднялись» на приличную высоту.

Слово «поднялись» я использую не в том смысле, как многие в наше время его понимают, то есть не стали людьми богатыми материально, но являются людьми порядочными, уважаемыми в обществе – что я считаю главным критерием цены человека.

А ведь уважают людей в первую очередь за трудолюбие и серьёзное отношение к делу, которым занимаются, а эти качества присущи всем людям нашего рода, чем я очень довольна, радуюсь за всех.

Но... в народе говорят: «От работы кони дохнут». А чтобы не погибнуть от тяжелого труда или каких-то душевных переживаний, человек обладает и другими хорошими качествами. Например, людям нашего рода, которых я знаю близко, присущи два (на мой взгляд) очень хороших качества: чувство юмора и умение радоваться даже маленьким крупицам счастья.

Однажды я услышала с телезкрана: «Если человек лишен чувства юмора, его нужно направлять на инвалидность». Считаю, что из нашего рода никто не обречен на такую инвалидность – мы даже над своими бедами и ошибками можем посмеяться, бывало, и сквозь слезы.

Конечно, легкой жизни в нашем роду не было ни у кого, но радости были у всех, вот они, радости, и скрашивали, и скрашивают нашу жизнь. Какие радости? Да самые обыденные. Житейские. Во-первых, труд. За какое бы дело ни взялись, у всех всегда все получается. Это ли не радость?!

А семейные радости... например, свадьбы, дни рождения... пусть не пышно спрашивались. Но были! Это были наши праздники! А потом... дети. Они радовали нас. Вот ждут малыша мама, папа, бабушка, дед, тети – все готовятся к встрече с ним. Вот наше сокровище появилось на свет! Это ли не радость?!

Вот первые шаги! Первые слова! А начинает малыш учиться... Да учится хорошо! А если отлично?! Всех радует своими успехами! А в нашем роду плохо никто не учился, все хорошо, а многие даже отлично. Ведь из нашего небольшого рода трое закончили среднюю школу с золотой медалью! Это ли не радость в семье! Например, Нина Мартынова (теперь Артемова) осталась трех лет, когда отец погиб во время Великой Отечественной войны. Мать – простая работница пожарной охраны. А Нина? Артемовскую среднюю школу №2 окончила с золотой медалью! Кто помог? Ум и трудолюбие! А после школы закончила Уральский Политехнический институт.

А если институт с красным дипломом?! А если аспирантуру?! Аспирантуру закончили и с отличием в нашем роду ... пока двое. Пиголкин Сергей Александрович и Пицык Юлия Владимировна! По-моему, это не только радость, а настоящее счастье быть родителями, даже родственниками таких детей. Например, Сергей Александрович в свои неполные тридцать стал генеральным директором ООО «Владимиргазстрой». У Юли – все впереди.

А разве не радость, когда твой воспитанник получает звание «Заслу-

женный строитель России?!

да впридачу золотые награды от США – «Фа-
кел Бирмингема», а от Англии – «Эртсмейкер» – в вольном переводе на
русский язык «Человек, определяющий лицо планеты». А, между прочим,
он получил и звание, и награды эти в период переходной экономики 90-х
годов двадцатого века. Да и получил-то «За мудрость и гибкость политики
управления»! Кто-то помог круглому сироте с самых первых лет жизни?
Только ум и умение и желание трудиться.

Так что в нашем роду есть чему радоваться, даже есть кем гордиться!

В заключение своей книги хочу сказать: время, когда я издаю свою кни-
гу, очень тяжелое – кризис «взял в клещи» весь мир. Каждому из моих
родных и читателей моей книги (конечно, каждому в каком-то своем плане)
трудно – горизонт жизни почти не радует. Самое обидное в том, что каж-
дому простому человеку (не чиновнику или олигарху) придется в одиночку
выбиваться из кризиса.

Но никому нельзя терять чувство оптимизма, надо все-таки с надеждой
смотреть в будущее и быть уверенным что ум и трудолюбие помогут каж-
дому опять как в былые тяжелые времена, пережить все невзгоды, и на
горизонте жизни выглядят солнце.

Желаю всем успехов, свершений. и в малых и в больших делах побед!

Будьте здоровы!

С глубоким уважением,
О. Мартынова.

Материалы, использованные для подготовки книги:

С. Осипов. газета «Аргументы и факты» М. № 47. 2006. с. 30.

Т. Голубева, Л. Голлерман «Рассказы по истории СССР» Учебная книга. Просвещение. М. 1965 с. 124, 126.

Ж. «Урал», 1989 г. №12. с 123.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М. 1953. с. 296.

А. Базаров «Кулак и агрокулак» Челябинск. 1991 г. с. 21.

Содержание

Предисловие	5
Родовое древо «династии» Мартыновых	6
Что сохранила память	9
Под солнцем Сталинской Конституции	55
Беды и радости бытия	169
Твори! Выдумывай! Пробуй!	261
Наш род «вчера» и «сегодня»	322
Послесловие	378
Материалы, использованные для подготовки книги:	382
	383

История семьи на фоне истории страны

Ольга Марковна Мартынова

В производстве книги принимали участие
Римма Иосифовна Бугорина - наборщик
Светлана Павловна Мустафина - верстальщик.
Книга сверстана в редакции газеты «Артемовская ярмарка».
Ул. Свободы, 37

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
г. Реж, ул. Красноармейская, 22.
Тираж 200 экз. Заказ 2199.

**Ошибки, допущенные при верстке книги
"История семьи на фоне истории страны"**

19	1	Г.А.Конев. Члены. (Сборник "Тюльпаны по-Стаински" Аргумент и Фоли). Том 1. № 2, стр. 271.	Члены Семьи Г.А.Конева.						
210	1	Г.А.Конев. Члены Семьи Г.А.Конева.	Члены Семьи Г.А.Конева.						
100-109		Фотографии из листа работы художника Николая Некрасова "Портреты членов семьи Г.А.Конева".	Фотографии из листа работы художника Николая Некрасова "Портреты членов семьи Г.А.Конева".						
200	16	ФИО родственника	Год рождения	Место работы и должность	Лета арresta	Статья УК РСФСР	Судебный дело номер	Решение суда по делу	Решение суда по делу
		Капустина Наталья Николаевна	1901 г.	Шахтоградский "Берёзовское" главный инженер	5 мая 1974	58 (8.9.11) УК РСФСР	Решение суда по делу	10 мая 1980 г 1981 г	
		Неструев Владимир Неструев	1975	Бригадир шахты "Берёзка"	6 1975	10 УК 10 пункт 1967	Решение суда по делу	10 марта 1986 г	

200-00

